

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ
РАНХиГС САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ЕЭК

ЕВРАЗИЙСКАЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
КОМИССИЯ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ISSN 2073-2929

INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND ANALYTICAL JOURNAL

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА

EURASIAN INTEGRATION:
ECONOMICS, LAW, POLITICS

欧亚一体化：经济、法律、政治

Том 18 / Vol. 18

№3 (49)

2024

16+

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:

ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА
Международный научно-аналитический журнал

Том 18, № 3 • 2024

Тема номера:
АНАЛИТИКА ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Партнеры журнала: Евразийская экономическая комиссия
Координационный совет Евразийского информационно-аналитического консорциума

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям:

5.2.1. Экономическая теория (экономические науки), 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки), 5.2.5. Мировая экономика (экономические науки); 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки); 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки), 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки), 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки).

Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде. Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 199004, Санкт-Петербург,
В. О., 8-я линия, д. 61
Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Факс: (812) 335-42-16
<https://www.eijournal.ru>

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2024
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2024
- © Редколлегия журнала «Евразийская интеграция: экономика, право, политика» (составитель), 2024
- © Все права защищены

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY
AND PUBLIC ADMINISTRATION
NORTH-WEST INSTITUTE OF MANAGEMENT

ISSN 2073-2929
DOI 10.22394/2073-2929

EURASIAN INTEGRATION:

ECONOMICS, LAW, POLITICS

International Scientific and Analytical Journal

Vol. 18 No 3 • 2024

Topic of the Issue:
ANALYTICS OF EURASIAN INTEGRATION

Partner of the journal: Eurasian Economic Commission
Coordinating Council of the Eurasian Information and Analytical Consortium

ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE: 199004, St. Petersburg,
V.O., 8th line, 61
Ph.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Fax: (812) 335-42-16
Website: <https://www.eijournal.ru>

- © Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2024
- © North-West Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2024
- © Editorial Board of the Journal „Eurasian Integration: economics, law, politics“ (compilation), 2024
- © All rights reserved

It is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГЛАЗЬЕВ Сергей Юрьевич, академик Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КЕФЕЛИ Игорь Федорович, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории стратегического планирования и евразийской интеграции СЗИУ РАНХиГС, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, эксперт РАН

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СОВЕТ

МЯСНИКОВИЧ Михаил Владимирович, член-корреспондент НАН Беларуси, доктор экономических наук, профессор

ШАМАХОВ Владимир Александрович, научный руководитель международного научного совета, научный руководитель СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса

СЛУЧЕВСКИЙ Вячеслав Владимирович, заместитель научного руководителя международного научного совета, советник научного руководителя Северо-Западного института управления РАНХиГС, кандидат исторических наук

АЛИМБЕКОВ Мусабек Тургынбекович, почетный профессор Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, доктор юридических наук (Казахстан)

БЕБЕНИН Сергей Михайлович, Председатель Законодательного собрания Ленинградской области

БОНДУРОВСКИЙ Владимир Владимирович, заместитель Ответственного секретаря ПА ОДКБ, кандидат юридических наук

БОРДЮЖА Николай Николаевич, председатель Координационного совета Евразийского информационно-аналитического консорциума (ЕИАК)

КОГУТ Виктор Григорьевич, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Национального собрания Республики Беларусь в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат политических наук

КУЧЕРЯВЫЙ Михаил Михайлович, доктор политических наук, доцент

ЛОКЯН Арсен Багдасарович, ректор Академии государственного управления Республики Армения, доктор психологических наук

МАКСИМЦЕВ Игорь Анатольевич, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук, профессор

РАХИМИ Фарход Кодирович, действительный член, президент Национальной академии наук Таджикистана, доктор физико-математических наук, профессор

САТВАЛДИЕВ Нурбек Абдрашитович, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Жогорку Кенеша Кыргызской Республики в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат политических наук

САФАРЗОДА Бахтовар Амирали, Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Таджикистан в Республике Беларусь, полномочный представитель Маджлиси Оли — парламента Республики Таджикистан в ПА ОДКБ, доктор юридических наук

ХАНЬ Лихуа, старший научный сотрудник Университета международного бизнеса и экономики (Китай), PhD, профессор

ЧИЛИНГАРЯН Айк Марселович, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Национального Собрания Республики Армения в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат экономических наук

ШУХНО Сергей Степанович, заместитель начальника отдела Департамента развития интеграции Евразийской экономической комиссии

ЭРКЕБАЕВ Абдыганы Эркебаевич, академик Национальной Академии наук Кыргызской Республики, председатель совета Ассамблеи народа Кыргызстана, доктор филологических наук

ЯКУНИН Владимир Иванович, заведующий кафедрой государственной политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор политических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АБАЙДЕЛЬДИНОВ Ербол Мусинович, профессор кафедры международного права Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, доктор юридических наук, профессор (Казахстан, Астана)

АКАЕВ Аскар Акаевич, доктор технических наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, иностранный член Российской академии наук (Кыргызстан)

АСАУЛ Максим Анатольевич, доктор экономических наук (Россия, Москва)

ВЕТРЕНКО Инна Александровна, заведующая кафедрой социальных технологий СЗИУ РАНХиГС, директор Исследовательского аналитического центра «Русская мечта», доктор политических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

ДЕНИСОВ Андрей Иванович, первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по международным делам, кандидат экономических наук (Россия, Москва)

ЕНГОЯН Ашот Пайлакович, заведующий кафедрой теории и истории политической науки Ереванского госуниверситета, доктор политических наук, профессор (Армения, Ереван)

ЕРЕМЕЕВ Станислав Германович, депутат Законодательного собрания Ленинградской области, доктор экономических наук, кандидат политических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

КАЗАНЦЕВ Андрей Анатольевич, директор аналитического центра Института международных исследований Московского государственного института международных отношений, доктор политических наук (Россия, Москва)

КАШКИН Сергей Юрьевич, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

КАЮМОВ Нуриддин Каюмович, академик Национальной академии наук Таджикистана, доктор экономических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

КОЖОШЕВ Арзыбек Орозбекович, Член Коллегии (министр) по энергетике и инфраструктуре Евразийской экономической комиссии, доктор экономических наук, профессор (Кыргызстан, Бишкек)

КРОТОВ Михаил Иосифович, Полномочный представитель Федерального Собрания Российской Федерации — заместитель Ответственного секретаря ПА ОДКБ, доктор экономических наук, профессор (Россия, Москва, Санкт-Петербург)

КУЗНЕЦОВ Алексей Владимирович, директор Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, доктор экономических наук, член-корреспондент РАН (Россия, Москва)

КУКЛИНА Евгения Анатольевна, профессор кафедры бизнес-информатики СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических наук, профессор, редактор раздела «Экономика» (Россия, Санкт-Петербург)

ЛЕБЕДЕВА Марина Михайловна, заведующая кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений, доктор политических наук, профессор (Россия, Москва)

ЛИВЕРОВСКИЙ Алексей Алексеевич, научный руководитель юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, заведующий кафедрой конституционного права, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович, профессор кафедры международного и гуманитарного права СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических и юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

НОВИКОВА Ирина Николаевна, декан факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

РЕМЫГА Владимир Николаевич, генеральный директор Координационного центра «Экономический пояс Шелкового пути», доктор экономических наук (Россия, Москва)

СЕРГЕВНИН Сергей Львович, декан юридического факультета СЗИУ РАНХиГС, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, редактор раздела «Право» (Россия, Санкт-Петербург)

СКВОРЦОВ Олег Юрьевич, профессор кафедры коммерческого права СПбГУ, доктор юридических наук (Россия, Санкт-Петербург)

СТАРОВОЙТОВ Александр Александрович, эксперт юридического факультета СЗИУ РАНХиГС, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

ТОРОПЫГИН Андрей Владимирович, профессор кафедры международных отношений СЗИУ РАНХиГС, доктор политических наук, редактор раздела «Политика» (Россия, Санкт-Петербург)

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права РАН, главный редактор Евразийского юридического журнала, доктор юридических наук (Россия, Москва)

ХАШ-ЭРДЭНЭ Самбалхундэв, председатель общества «Знание» Монголии, доктор социологических наук, профессор (Монголия, Улан-Батор)

ЧЭНЬ ЧЖИГАН, вице-президент Китайского делового центра в Санкт-Петербурге, доктор экономических наук (Китай, Пекин)

CHIEF EDITOR

GLAZYEV Sergey, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics

DEPUTY CHIEF EDITOR

KEFELI Igor, Leading Researcher of the Research Laboratory Institute for Strategic Planning and Eurasian Integration, North West Institute of Management, RANEPa, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Expert of RAS

INTERNATIONAL SCIENTIFIC COUNCIL

MYASNIKOVICH Mikhail, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Doctor of Economics, Professor

SHAMAKHOV Vladimir, Scientific Supervisor of the Council, Research Supervisor of the North-West Institute of Management — branch of the RANEPa, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class

SLUCHEVSKY Vyacheslav, Deputy Scientific Supervisor of the Council, Advisor to the Research Supervisor of North-West Institute of Management of RANEPa, PhD in Historical Sciences

ALIMBEKOV Musabek, honorary professor of the L. N. Gumilyov Eurasian National University, Doctor of Laws

BEBENIN Sergey, Chair of the Legislative Assembly of the Leningrad Region

BONDUROVSKY Vladimir, Deputy Executive Secretary of the CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Law

BORDYUZHA Nikolai, Chairman of the Coordinating Council of the Eurasian Information and Analytical Consortium

KOGUT Viktor, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic of Belarus in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Political Sciences

KUCHERYAVY Mikhail, Doctor of Political Sciences, Associate Professor

LOKYAN Arsen, Rector of the Academy of Public Administration of the Republic of Armenia, Doctor of Psychology

MAKSIMTSEV Igor, Rector of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Economics, Professor

RAHIMI Farhod, President of the National Academy of Sciences of Tajikistan, Doctor of Physics and Mathematics, Professor

SATVALDIEV Nurbek, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the Jogorku Kenesh of the Kyrgyz Republic in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Political Sciences

SAFARZODA Bakhtovar, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Republic of Tajikistan to the Republic of Belarus, Plenipotentiary Representative of Majlisi Oli — Parliament of the Republic of Tajikistan in the CSTO PA, Doctor of Laws

HAN Lihua, Senior Researcher of University of International Business and Economics (China), PhD, Professor

CHILINGARYAN Ayk, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic of Armenia in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Economics

SHUKHNO Sergey, Deputy Head of the subdivision of the Department for the Development of Integration of the Eurasian Economic Commission

ERKEBAYEV Abdygany, Academician of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Doctor of Philology

YAKUNIN Vladimir, Head of the State Policy Department of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Political Sciences, Professor

EDITORIAL BOARD

ABAYDELDINOV Erbol, Doctor of Laws, Professor, Department of Integrational Law, Faculty of Law, L. N. Gumilyov Eurasian National University (Kazakhstan, Astana)

AKAEV Askar, Doctor of Technical Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences (Kyrgyzstan)

ASAIL Maksim, Doctor of Economics (Russia, Moscow)

VETRENKO Inna, Head of the Department of Social Technologies of the North-West Institute of Management of the RANEPA, Director of the Research Analytical Center "Russian Dream" (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Political Sciences, Professor

DENISOV Andrey, First Deputy Chair of the Federation Council Committee on Foreign Affairs (Russia, Moscow), PhD in Economics

ENGOYAN Ashot, Head of the Department of Theory and History of Political Science of Yerevan State University (Armenia, Yerevan), Doctor of Political Sciences, Professor

YEREMEEV Stanislav, Deputy of the Legislative Assembly of the Leningrad Region (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Economics, PhD in Political Sciences, Professor

KASHKIN Sergey, Head of the Department of Integration and European Law of Moscow State Law University named after O. E. Kutafin, Professor, Department of "Zhan Monnet" (European Union) (Russia, Moscow), Doctor of Laws, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

KAZANTSEV Andrey, Director of Analytical Center, Institute of International Studies of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (Russia, Moscow), Doctor of Political Sciences

KAYUMOV Nuriddin, Academician of the National Academy of Sciences of Tajikistan (Tajikistan, Dushanbe), Doctor of Economics, Professor

KOZHOSHEV Arzybek, Member of the Board — Minister for Energy and Infrastructure of the Eurasian Economic Commission (Kyrgyzstan, Bishkek), Doctor of Economics, Professor

KROTOV Mikhail, Plenipotentiary Representative of the Federal Assembly of the Russian Federation — Deputy Executive Secretary of the CSTO PA (Russia, Moscow, Saint Petersburg), Doctor of Economics, Professor

KUZNETSOV Alexey, Director of Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), Doctor of Economics

KUKLINA Evgenia, Chair of Business Informatics of North-West Institute of Management of RANEPA (Russia, Saint Petersburg), Editor of the "Economics" section, Doctor of Economics, Professor

LEBEDEVA Marina, Head of the Department of World Political Processes of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (Russia, Moscow), Doctor of Political Sciences, Professor

LIVEROVSKY Alexey, Scientific Director of the Faculty of Law of St. Petersburg State University of Economics, Head of the Department of Constitutional Law (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Laws, Professor

MISHALCHENKO Yuri, Professor of the Department of International and Humanitarian Law of the North-West Institute of Management of RANEPA (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Economics, Doctor of Laws, Professor

NOVIKOVA Irina, Dean of the Faculty of International Relations of St. Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg), Doctor of History, Professor

REMYGA Vladimir, Director-General of the Coordination Center "Economic Belt of the Silk Road" (Russia, Moscow), Doctor of Economics

SERGEVNIN Sergey, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of History and Theory of State and Law, North-West Institute of Management of RANEPA (Russia, Saint Petersburg), editor of the "Law" section, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Laws, Professor

SKVORTSOV Oleg, Professor of the Department of Commercial Law, St. Petersburg State University, Doctor of Laws (Russia, Saint Petersburg)

STAROVOITOV Alexander, Expert of the Law Faculty, North-West Institute of Management of RANEPA (Russia, Saint Petersburg), Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Laws, Professor

TOROPYGIN Andrey, Professor North-West Institute of Management of RANEPA (Russia, Saint Petersburg), editor of the "Politics" section, Doctor of Political Sciences

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Doctor of Laws, Leading Researcher, Sector of International Legal Studies, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), Editor-in-Chief of the Eurasian Law Journal

KHASH-ERDENE Sambalhundev, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chairman of the society "Knowledge" of Mongolia (Mongolia, Ulan-Bator)

CHEN ZHIGAN, Doctor of Economics, Vice-President of the Chinese Business Center in Saint Petersburg (China, Beijing)

**ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА**
Международный научно-аналитический журнал
Том 18, № 3 2024
Содержание

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Глазьев С. Ю.

О повестке опережающего развития в новом мирохозяйственном укладе9

ГЛАВНОЕ

Бордюжа Н. Н.

Задачи аналитической деятельности по проблемам Большой Евразии в будущем мироустройстве11

Кузнецов А. В.

Место исследований мировой экономики в гетеродоксальной аналитике евразийской интеграции15

ЭКОНОМИКА

Агеев А. И., Золотарева О. А.

Эффективность единой агропромышленной политики ЕАЭС — залог успеха26

Иванус А. И.

Квалификационные активы как стратегический интеллектуальный потенциал инновационного развития ЕАЭС...40

Куклина Е. А., Ван Хэфэй

Анализ современного состояния и перспективы развития рынка туристических услуг КНР47

Синьтао В., Жиряева Е. В., Лэтин Ч.

Выгоды и уязвимости потенциального соглашения о свободной торговле для отдельных стран ЕАЭС и Китая.....62

ПРАВО

Дроздова М. А.

Современные тренды международно-правового регулирования железнодорожного транспорта
в рамках ЕАЭС75

Клюканова Т. М., Виниченко А. Т., Христищенко К. Ю.

Анализ перспектив совершенствования законодательства стран ЕАЭС в области борьбы с киберпреступностью83

Подкорытова О. В.

Феномен модельных законодательных актов Межпарламентской Ассамблеи государств — участников

Содружества Независимых Государств в постановлениях судов Российской Федерации.....91

Лаптева А. М.

Российский опыт регулирования инвестиционных платформ БРИКС103

ПОЛИТИКА

Савельчев Л. А.

Концептуализация парламентской дипломатии112

Колобова Е. Ю.

Политический PR в международных цифровых коммуникациях: опыт евразийского медиапространства122

Самаркина И. В., Башмаков И. С., Кузьменко Н. П.

Формирование гражданской идентичности в системе образовательной политики в условиях трансформации

политического пространства133

Кугай А. И., Пахомова М. А.

Взаимоотношения государства и бизнеса в условиях «государства развития»144

Торопыгин А. В., Ирошкина Т. В.

Роль ЕАЭС в становлении многополярного устройства в мировой политике.....154

Чмырева В. А.

Внешняя политика Союзного государства: латино-карибский вектор российско-белорусской интеграции165

Ван Лулу, Калашникова Н. П.

Этнополитические тренды партийного строительства Казахстана и Китая175

Серегина А. А.

Совершенствование механизмов справедливого перехода к низкоуглеродному развитию в рамках БРИКС.....183

ЕВРАЗИЙСКАЯ ХРОНИКА

Волчков В. Ю., Трегубова Д. Д.

Основные этапы деятельности Ассоциации «Аналитика» и Евразийского информационно-аналитического

консорциума (2014–2024).....193

Грузина Ю. М.

Конкурс «Молодой аналитик Евразии» объединяет новое поколение исследователей.....197

EURASIAN INTEGRATION: ECONOMICS, LAW, POLITICS

International scientific and analytical journal

Vol. 18, No. 3 2024

CONTENTS

FROM THE EDITOR-IN-CHIEF

Sergei Yu. Glazyev

On the Agenda of Advanced Development in the New World Economic Order9

MAIN

Nikolai N. Bordyuzha

Greater Eurasia in the Future World Order: Research Prospects of the Eurasian Information and Analytical Consortium11

Alexey V. Kuznetsov

The Place of World Economy Research in the Heterodox Analytics of Eurasian Integration15

ECONOMICS

Aleksandr I. Ageev, Olga A. Zolotareva

The Effectiveness of the Unified Agro-industrial Policy of the EAEU Is the Key to Success26

Alexander I. Ivanus

Qualifying Assets as Strategic Intellectual Potential for Innovation Development of the EAEU40

Evgenia A. Kuklina, Wang Hefei

Analysis of the Current State and Prospects for the Development of the Tourism Services Market in China47

Xintao W., Elena V. Zhiryayeva, Leting Zh.

Benefits and Vulnerabilities of the Free Trade Agreement for the EAEU Countries and China62

LAW

Maria A. Drozdova

Modern Trends in International Legal Regulation of Railway Transportation within the EAEU75

Tatyana M. Klyukanova, Karina T. Vinichenko, Kirill Yu. Khristinchenko

Analysis of the Legislation of the EEU Countries in the Field of Combating Cybercrime83

Olga V. Podkorytova

The Phenomenon of Model Legislative Acts of the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States in Decisions of Courts of the Russian Federation91

Anna M. Lapteva

Russian Experience in Legal Regulation of BRICS Investment Platforms103

POLITICS

Leonid A. Savelchev

Conceptualizing Parliamentary Diplomacy112

Evgenia Yu. Kolobova

Political PR in International Digital Communications: The Experience of the Eurasian Media Space122

Irina V. Samarkina, Igor S. Bashmakov, Nelly P. Kuzmenko

Formation of Civil Identity in the Educational Policy System in the Context of Transformation of the Political Space133

Alexander I. Kugai, Maria A. Pakhomova

Relations between the State and Business in the Conditions of the “Developmental State”144

Andrey V. Toropygin, Tatyana V. Iroshkina

EAEU Role in the Evolution of Multipolar Structure in World Politics154

Vera A. Chmyreva

Foreign Policy of the Union State: Latin-Caribbean Direction of the Russia-Belarus Integration165

Wang Lulu, Natalia P. Kalashnikova

Ethnopolitical Trends of Party Building in Kazakhstan and China175

Antonina A. Seregina

Improving Mechanisms for an Equitable Transition to Low-Carbon Development within the BRICS Framework183

EURASIAN CHRONICLE

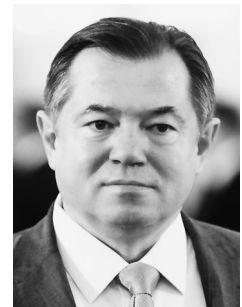
Vitaly Yu. Volchkov, Dinara D. Tregubova

The Main Stages of the Activities of the Association “Analytics” and the Eurasian Information and Analytical Consortium (2014–2024)193

Yulia M. Gruzina

The Young Analyst of Eurasia Competition Brings Together a New Generation of Researchers197

О повестке опережающего развития в новом мирохозяйственном укладе

Реализация Стратегии опережающего развития экономики ЕАЭС с темпами ежегодного прироста ВВП в 6–8% создает предпосылки для вхождения России в ядро нового мирохозяйственного уклада, формирующегося в Восточной и Южной Азии. Для этого необходимо, по примеру Китая и Индии, обеспечить эффективное сочетание стратегического планирования и рыночной конкуренции, государственного контроля за денежным обращением и частного предпринимательства, поддерживая благоприятную для наращивания инвестиций макроэкономическую среду и регулируя предпринимательскую деятельность в целях повышения общественного благосостояния. Соответственно, должны измениться и цели макроэкономической политики. В отличие от Вашингтонского консенсуса, навязываемого МВФ в интересах американско-европейского капитала, макроэкономическая политика стран ядра нового мирохозяйственного уклада нацелена на рост общественного благосостояния, наращивание инвестиций, повышение конкурентоспособности национальных экономик.

Во внешнеэкономическом преломлении Стратегия опережающего развития предусматривает выполнение президентского проекта создания Большого Евразийского партнерства на основе сопряжения ЕАЭС и китайской инициативы «Один пояс — один путь». В его основу должны быть положены принципы взаимовыгодности, добровольности, справедливости, прозрачности, соблюдения национального суверенитета.

В новом мирохозяйственном укладе основой международного сотрудничества являются совместные инвестиции. Для вхождения в его ядро нужно располагать внутренними механизмами наращивания кредитования международных программ и проектов, реализуя свои конкурентные преимущества. В сложившихся условиях это кредитование должно вестись в национальных валютах, в связи с чем Россия могла бы выступить инициатором создания соответствующей международной валютно-финансовой системы. Ее элементом могло бы стать введение налога на трансграничные спекулятивные операции, совершаемые в долларах, евро и фунтах в целях извлечения сверхприбылей на дестабилизации национальных валютно-финансовых систем.

Наряду с переходом к новой международной валютно-финансовой системе Россия могла бы инициировать подписание международной конвенции по кибербезопасности, предусматривающей введение эмбарго на импорт информационно-коммуникационных технологий из стран, использующих их для терроризма и шпионажа. Еще одним элементом системы безопасности нового мирохозяйственного уклада должен стать всеобъемлющий контроль за соблюдением Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов биологического оружия с введением жестких мер пограничного контроля в отношении стран, отказывающихся подписать соглашение о мерах по ее исполнению.

Составной частью международной архитектуры нового мирохозяйственного уклада является формирование глобальной системы экологического регулирования. В отличие от расходящейся с интересами развивающихся стран климатической повестки (которая не имела и не имеет научного обоснования) Россия могла бы предложить создание глобальной системы платежей за загрязнение окружающей среды, исходя из затрат на восстановление ее ассимиляционного потенциала с целевым использованием собираемых средств на проведение экологических мероприятий через многоуровневую систему экологических фондов.

Начинается новый вековой системный цикл накопления капитала, центр мировой экономики переместился в Азию. Спровоцированная в целях удержания глобальной гегемонии властно-финансовой

элитой США мировая гибридная война лишь ускоряет этот процесс, усиливая Китай и Индию, которые формируют биполярное ядро нового мирохозяйственного уклада. Россия и ЕАЭС могут стать частью этого ядра, реализуя охарактеризованную выше Стратегию опережающего развития и опираясь на традиционные ценности народов Евразии. По своей сути они комплементарны.

Государства ЕАЭС могли бы согласованно выступить с инициативой формирования системы евразийских ценностей, сочетающей традиционные ценности народов государств — членов ЕАЭС, ШОС, АСЕАН, стран Персидского залива. Тем самым был бы заложен идеологический фундамент создания Большого Евразийского партнерства, согласующегося с инициативой КНР по формированию сообщества единой судьбы человечества. В практическом плане определение системы евразийских ценностей будет способствовать взаимопониманию между правительствами, хозяйствующими субъектами и гражданами государств ЕАЭС и стран-партнеров.

Это способствовало бы и скорейшему становлению нового мирохозяйственного уклада, и формированию механизмов глобального сотрудничества в противовес нарастающей агрессивности США и их сателлитов, и прекращению мировой гибридной войны.

К середине XXI столетия становление интегрального мирохозяйственного уклада, если верить прогнозным оценкам, завершится. Этому должно способствовать стремление большинства стран освоить инструменты рыночного социализма, а в ядре нового мирохозяйственного уклада сформируется система интегрального социализма со следующими ценностными характеристиками:

- 1) гуманистически ориентированная система управления научно-техническим прогрессом, ориентированная на обеспечение условий созидательной реализации творческого потенциала каждой личности, всестороннего развития граждан;
- 2) экологические нормы обеспечения чистоты окружающей среды, гармоничной коэволюции общества и природы, рационального использования природных ресурсов;
- 3) обеспечение социальных гарантий и утверждение принципов социальной справедливости в распределении национального дохода;
- 4) регулирование экономики в целях наращивания производства для поступательного повышения общественного благосостояния, поддержание необходимых для этого ценовых пропорций, пресечение недобросовестной конкуренции и блокирование механизмов спекулятивного обогащения;
- 5) социальное партнерство, сотрудничество различных социальных групп в совместной созидательной деятельности в целях повышения общественного благосостояния.

Евразийская интеграция может и должна стать объединением стран и народов, заинтересованных в сохранении своих национальных традиций, духовных ценностей и культурных особенностей при стремлении к освоению передовых технологий ради экономического благополучия. В силу своего исторического опыта, духовных традиций, геополитического значения ЕАЭС является естественным центром евразийской интеграции, охватившей территорию от мыса Дежнева до Лиссабона и от Новой Земли до Индонезии. Таков потенциал евразийского проекта, реализация которого является важнейшей составляющей формирования нового мирохозяйственного уклада.

Остается надеяться, что реализация политики опережающего развития ЕАЭС будет ориентироваться на полноценное включение государств-членов в ядро нового мирохозяйственного уклада, а участники VIII Научно-практической конференции — Форума аналитиков России (ФАР–2024) воспримут эти соображения в своих решениях.

В конструктивной аналитике — залог успеха!

Главный редактор
Сергей Глазьев

Большая Евразия в будущем мироустройстве: перспективы исследований Евразийского информационно-аналитического консорциума

Обращение к читателям Николая Николаевича Бордюжи, председателя Исполнительного комитета Ассоциации содействия развитию аналитического потенциала личности, общества и государства «Аналитика», председателя Координационного совета Евразийского информационно-аналитического консорциума

В период глобальной трансформации не прекращаются попытки правящих кругов «коллективного Запада» сдерживать развитие центров мирового роста, одним из которых является Большая Евразия. Это ведет к дезорганизации международных отношений, усилению диспропорций мировой экономики, углублению цивилизационного раскола. Такое развитие противоречит фундаментальным интересам большинства государств Евразии по налаживанию широкого честного и равноправного многостороннего сотрудничества. Требуется консолидации для коллективного противодействия угрозам в сфере региональной и военной безопасности, обеспечения территориальной целостности, природно-климатическим, эпидемиологическим, санкционным и иным финансово-экономическим угрозам, включая нехватку сырья и продовольствия, создающим условия хаоса, вызывающим человеческие жертвы и нарушения нормальной жизни населения.

Сегодня складывающееся содружество государств глобального большинства требует уважения национальных культур и традиций. На Евразийском континенте востребованной остается объединительная повестка создания широкого контура взаимодействия и диалога в русле концепции интеграции — интеграций, инициатив формирования Большого евразийского партнерства, построения новой системы двусторонних и многосторонних гарантий коллективной безопасности при постепенном сворачивании военного присутствия внешних держав в Евразийском регионе¹. Важную роль в процессах евразийской кооперации играет Евразийский экономический союз, десятилетие которого отмечается в текущем году.

К настоящему времени ЕАЭС завершил этап становления в качестве эффективной международной региональной организации и перешел в стадию раскрытия своего потенциала как ключевого инструмента обеспечения устойчивого развития в интересах народов своих стран, укрепления гуманитарного сотрудничества и сохранения традиционных ценностей, налаживания кооперационных связей, усиления конкурентоспособности стран-участниц, продвижения их экономических интересов во взаимоотношениях с третьими странами, международными организациями, региональными интеграционными объединениями, прежде всего ШОС, АСЕАН, БРИКС².

В этих условиях Россия поддерживает альтернативные принципы международных отношений, предусматривающие поступательное развитие стран и цивилизаций; подлинное уважение особенностей каждой страны; освоение эффективных технологий преодоления конфликтов, совместный поиск всеобщей и взаимной выгоды на условиях последовательного укрепления мер доверия в интересах обеспечения равной и неделимой безопасности. Так, выступая на заседании Высшего Евразийского экономического совета в 2023 г., Президент Российской Федерации В. В. Путин предложил добавить к четырем извест-

¹ Встреча с руководством МИД России [Электронный ресурс] // Президент России (сайт). 14.06.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74285> (дата обращения: 23.08.2024).

² Аналитика устойчивого развития и безопасности Большой Евразии. Образ будущего: угрозы, вызовы и риски: II Евразийский аналитический форум : сборник докладов пленарного заседания и аналитической сессии «Информационно-аналитическое обеспечение социально-экономического развития стран Евразийского экономического союза на современном этапе», Минск, 11.11.2021. Минск : Международный университет «МИТСО», 2022. 388 с. ISBN: 978-985-497-389-0. EDN: LPGLAZ.

ным свободам — передвижению товаров и услуг, финансов и человеческого капитала в рамках ЕАЭС, пятую — свободу знаний, которая способствовала бы формированию общей евразийской идеологии¹.

Важное место в освещении этих и других вопросов принадлежит аналитике и является предметом многих экспертно-аналитических разработок, находящихся в фокусе внимания Евразийских аналитических форумов, регулярно созываемых Евразийским информационно-аналитическим консорциумом (далее — «Консорциум») и его партнерами из числа аналитических и исследовательских центров государств — членов ЕАЭС.

Учрежденный в апреле 2018 г. по инициативе Ассоциации содействия развитию аналитического потенциала личности, общества и государства «Аналитика», Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук и Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Консорциум в настоящее время объединяет информационно-аналитические усилия около 60 академических, научных, образовательных, государственных и негосударственных аналитических организаций, треть которых из стран ближнего зарубежья. Кроме этого, в совместной с Консорциумом информационно-аналитической работе участвуют более 600 ведущих специалистов-аналитиков наших стран.

Стремительное развитие мировых процессов формирования нового мироустройства, основанного на принципах равенства и справедливости в вопросах безопасности и сотрудничества, по-новому ставит задачи проработки вопросов экономики, социального благополучия, совместного преодоления бедности и неравенства².

Актуальным, в частности, является аналитика опыта, особенностей и перспектив евразийской интеграции в регулировании межнациональных отношений, особенно в части демографических процессов, включая рождаемость, смертность, миграцию и заболеваемость, в формировании взаимовыгодного диалога и разработке адекватных сегодняшним условиям аналитических решений. А здесь, надо сказать, накопилось немало нерешенных проблем. Это неразвитость аналитических технологий, недооценка аналитических проектов со стороны недальновидных представителей органов управления и крупного бизнеса, отсутствие системы повышения квалификации специалистов-аналитиков³ и другие. Важно больше внимания обращать на способы совершенствования аналитической, экспертной и научно-исследовательской деятельности, полнее учитывать закономерности долгосрочного развития мировой экономики и социальной сферы, полномасштабного использования потенциала, имеющегося в государствах — участниках ЕАЭС.

Наряду с проведением аналитических форумов и тематических сессий, как смотров достижений и стратегического диалога экспертов-аналитиков наших стран, Консорциум развивает группу согласованных между собой международных молодежных аналитических проектов. Это и Международный конкурс «Молодой аналитик Евразии» с его национальными секциями; и Международный аналитический клуб «Иссык-Куль — Большая Евразия», учрежденный совместно с Киргизско-Российским Славянским университетом, и Евразийская молодежная аналитическая сетевая платформа, развиваемая как многоцелевое средство коммуникации экспертов-аналитиков между собой и с заказчиками аналитической продукции.

Решение аналитических задач евразийской тематики в связи с важностью для России и дружественных стран в последние годы становилось предметом рассмотрения нескольких форумов аналитиков России с международным участием.

Так и предстоящий 28–29 ноября текущего года VIII Форум аналитиков России будет посвящен теме «Проблемы современного мироустройства и меры по созданию новой системы безопасности Большой

¹ Выступление Президента России на заседании Высшего Евразийского экономического совета в расширенном составе [Электронный ресурс] // Президент России (сайт). 25.12.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73128> (дата обращения: 23.08.2024).

² Встреча с руководством МИД России [Электронный ресурс] // Президент России (сайт). 14.06.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74285> (дата обращения: 23.08.2024).

³ Осадчая Г. И., Волкова О. А., Максимова С. Г. О сетевом взаимодействии научных и образовательных центров (по материалам Международной научной конференции «Евразийская интеграция в новых условиях: особенности и перспективы») // Society and Security Insights. 2023. Т. 6. № 2. С. 223–231. EDN: JDDDIR. DOI: 10.14258/SSI(2023)2-15

Евразии». В основу Программы положено выполнение поручения Президента Российской Федерации В. В. Путина на расширенном совещании руководящего состава Министерства иностранных дел 14 июня 2024 г. — разработать основы новой системы безопасности Большой Евразии¹.

Исходя из темы, для участия в пленарном заседании с выступлениями о задачах экспертно-аналитического сообщества приглашены представители аппарата Совета Безопасности Российской Федерации, Министерства иностранных дел Российской Федерации, Комитета по международным делам Государственной Думы и Комитета по международным делам Совета Федерации, Исполнительного комитета СНГ, Секретариата ОДКБ.

Актуальность и важность темы, высокий уровень компетентности участников обсуждений, внимание со стороны профильных органов исполнительной и законодательной власти — все это обеспечивает востребованность итоговых документов форума, которые будут направлены в заинтересованные органы российской власти. На форуме планируется поддержать инициативу Факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова о создании Московского международного клуба как глобальной академической площадки для аналитики фундаментальных научных открытий в дополнение к таким глобальным интеллектуальным форумам, как Римский клуб, Давосский форум и другие.

В 2025 г. рассмотрение актуальных проблем Большой Евразии будет продолжено в рамках IV Евразийского аналитического форума (ЕАФ-2025), проведение которого состоится в Бишкеке². Начавшаяся подготовка к этому форуму позволяет надеяться на то, что он, как предыдущие евразийские аналитические форумы и международные молодежные аналитические конгрессы, проходившие в Бишкеке, будет пользоваться неизменной поддержкой Евразийской экономической комиссии, Исполнительного комитета Содружества Независимых Государств, Секретариата Организации Договора о коллективной безопасности, Администрации Президента Кыргызской Республики, Министерства образования и науки Кыргызской Республики, аппарата Совета безопасности Российской Федерации, Министерства иностранных дел Российской Федерации, других заинтересованных органов стран — членов ЕАЭС.

Тема ЕАФ-2025 еще не определена. Она будет согласовываться членами Координационного совета Консорциума — представителями стран — членов ЕАЭС, исходя из актуальных информационных потребностей потенциальных адресатов его будущих итоговых документов и прогнозной оценки того, что будет для них являться наиболее важным и актуальным на конец предстоящего года. Потенциальными адресатами для Организационного комитета ЕАФ-2025 являются Коллегия Евразийской экономической комиссии, Исполнительный комитет СНГ, Секретариат ОДКБ, аппараты Парламентских Ассамблей ЕАЭС ОДКБ, СНГ, а также органы исполнительной власти стран-участниц. При формулировании темы будет также учтена актуальная международная и региональная повестка предстоящих событий в жизни стран ЕАЭС и государств глобального большинства, а также особенности их взаимодействия со странами Запада по состоянию на предстоящий год.

Такой прогноз важной и актуальной тематики предопределил круг организаций — организаторов ЕАФ-2025. В него войдут, прежде всего, члены Консорциума, которые по своему профилю соответствуют спрогнозированной тематике, а также другие организации, участие которых будет важным с точки зрения полноценного анализа вопросов поставленной темы. Самостоятельное значение будет иметь обеспечение состава участников форума, поскольку от их компетентности и квалификационных характеристик будет зависеть уровень доверия к полученным аналитическим результатам. Здесь важно обеспечить пропорциональное представительство экспертов — аналитиков государственной сферы, академических кругов, представителей вузовской исследовательской, общественной и предпринимательской аналитики.

Что касается государственной, академической и вузовской аналитики, то обеспечение участия их представителей потребует индивидуального подхода и опоры на личные связи организаторов форума. Представители общественной и предпринимательской аналитики могут быть привлечены

¹ Встреча с руководством МИД России [Электронный ресурс] // Президент России (сайт). 14.06.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74285> (дата обращения: 23.08.2024).

² Для справки: I Евразийский аналитический форум состоялся в ноябре 2019 г. в Москве, II Евразийский аналитический форум в октябре-ноябре 2021 г. — в Минске, Республика Беларусь, III Евразийский аналитический форум в октябре 2023 г. — в Ереване, Республика Армения.

к подготовке и участию в ЕАФ-2025 на основе использования Атласа евразийских «фабрик мысли», изданного в ИНИОН РАН и содержащего данные контактов и тематики работы около 250 организаций, разных организационно-правовых форм. Внимание должно быть также уделено обеспечению широты национального (странового) представительства в очном и дистанционном участии. И наконец, самому существенному показателю — уровню научной компетентности и квалификации участников будущих аналитических сессий форума.

Как только тема ЕАФ-2025 и круг входящих в ее рассмотрение тематических направлений будут определены, наступит этап их методологической проработки: определения типологических моделей внутреннего устройства ключевых явлений и базовых процессов, как соответствующих теме объектов аналитики, а также применимых интеллектуальных средств, необходимых для получения надежной аналитической продукции. Все они будут заблаговременно рекомендованы участникам форума для использования при подготовке выступлений. Формат предстоящего ЕАФ предполагает использование не только основных тематических мероприятий в форме аналитических сессий и стратегического диалога, но и других форм коллективного производства аналитической продукции: расширенных заседаний экспертных органов и аппаратов исполнительных структур международных организаций ЕЭК, ОДКБ; совещаний руководителей аналитических центров и интеллектуальных клубов стран-участниц. Участие молодежи в мероприятиях форума может быть дополнено проведением аналитической игры или аналитических учений по поставленной теме.

Каждая из названных форм аналитических коммуникаций коллективного производства аналитической продукции профессионального качества была уже апробирована в ходе предыдущих аналитических форумов и получила высокую оценку своей эффективности со стороны как участников, так и адресатов подготовленных в их результате аналитических записок.

Аналитическую информацию (полученные оценки, прогнозы, проектные выводы, которые будут одобрены предстоящим форумом) Организационный комитет ЕАФ-2025 в зависимости от их ценности и тематической направленности может направить в международные инстанции, а члены Консорциума — организаторы форума — в адрес заинтересованных исполнительных органов своих стран.

Участие высококвалифицированных исследователей, экспертов и практиков информационно-аналитической деятельности, представляющих статусные образовательные, академические и общественные организации союзных стран, поддержка со стороны их государственных органов и профильных международных организаций позволяют надеяться на то, что предстоящий VIII Форум аналитиков России и намеченный на следующий год IV Евразийский аналитический форум в Бишкеке внесут весомый вклад в разработку плодотворных идей и полезных рекомендаций по основным проблемам развития и безопасности Большой Евразии.

Место исследований мировой экономики в гетеродоксальной аналитике евразийской интеграции

Кузнецов А. В.

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН),
Москва, Российская Федерация

e-mail: kuznetsov@inion.ru

ORCID: 0000-0001-5172-9924

РЕФЕРАТ

Цель. Статья показывает повышенную продуктивность гетеродоксальных подходов в той части экономической науки, которая изучает проблемы мировой экономики, включая региональную интеграцию.

Методы. Иллюстрации видимой парадоксальности (для представителей экономического мейнстрима) геополитической и мирохозяйственной динамики после 2022 г. используются для объяснения важности анализа экономических процессов в мировой экономике с учетом подходов смежных общественных дисциплин. Показана сопряженность некоторых важных научных результатов российских экономистов с достижениями историков-востоковедов и культурологов, представителей экономической и политической географии и исследований международных отношений.

Результаты. В статье описаны границы математизации рассматриваемого сегмента гетеродоксального анализа, связанные с ненадежностью мирохозяйственной статистики, на примерах успешного применения приближенных (в широком смысле относительно математической терминологии) вычислений для оценки сдвигов во внешней торговле и прямых иностранных инвестициях современной России. Автором демонстрируется, что гетеродоксальный подход выявляет отсутствие противоречия между интенсификацией Россией евразийской экономической интеграции (в том числе в узких пределах ЕАЭС) и усилиями нашей страны по построению более справедливого полицентрического мироустройства, включая укрепление формата БРИКС. Большая междисциплинарная прозрачность для гетеродоксальных экономистов на фоне представителей мейнстрима среди прочего позволяет активизировать плодотворное сотрудничество ученых и аналитиков-практиков, представляющих аналитические центры — «фабрики мысли» постсоветского пространства и близлежащих стран в интересах развития интеграционных проектов.

Выводы. Предлагаемая методологическая основа способна усилить эффективность работы аналитического сообщества России и дружественных ей стран по получению новых прикладных выводов в экономической сфере, особенно в части усиления результативности интеграционных инициатив в Большой Евразии. При этом гетеродоксальные экономисты оказываются более восприимчивы к сотрудничеству с историками, политологами и другими аналитиками, которые сосредоточились на евразийской экономической интеграции.

Ключевые слова: гетеродоксальные экономисты, мирохозяйственная статистика, укрепление аналитического сообщества, ЕАЭС, полицентрическое мироустройство

Для цитирования: Кузнецов А. В. Место исследований мировой экономики в гетеродоксальной аналитике евразийской интеграции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 3. С. 15–25.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-03-15-25>. EDN: VNEVQV

The Place of World Economy Research in the Heterodox Analytics of Eurasian Integration

Alexey V. Kuznetsov

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

e-mail: kuznetsov@inion.ru

ORCID: 0000-0001-5172-9924

ABSTRACT

Aim. The article shows the increased productivity of heterodox approaches in the part of economics that studies the problems of the world economy, including regional integration.

Methods. Illustrations of the apparent paradoxicity (for representatives of the economic mainstream) of geopolitical and world economic dynamics after 2022 are used to explain the importance of analyzing economic processes in the world economy, taking into account approaches of related social disciplines. The connection of some important scientific results of Russian scholars in the field of economics with the achievements of historians, orientalists and cultural scientists, representatives of economic and political geography and studies of international relations is shown.

Results. The article describes the boundaries of the mathematization of the considered segment of heterodox analysis related to the unreliability of world economic statistics, with examples of the successful application of approximate (in a broad sense relative to mathematical terminology) calculations to assess shifts in foreign trade and foreign direct investment in contemporary Russia. The author demonstrates that the heterodox approach reveals the absence of contradiction between Russia's intensification of Eurasian economic integration (including within the narrow limits of the EAEU) and our country's efforts to build a more equitable polycentric world order, including strengthening the BRICS format. Greater interdisciplinary transparency for heterodox economists against the background of representatives of the mainstream, among other things, makes it possible to intensify fruitful cooperation between scientists and practical analysts representing analytical centers — think tanks of the post-Soviet space and neighboring countries in the interests of developing integration projects.

Conclusions. The proposed methodological framework can enhance the effectiveness of the work of the analytical community of Russia and its friendly countries in obtaining new applied conclusions in the economic sphere, especially in terms of enhancing the effectiveness of integration efforts in Greater Eurasia. At the same time, heterodox economists are more receptive to cooperation with historians, political scientists and other analysts who have focused on Eurasian economic integration.

Keywords: heterodox economists, world economic statistics, strengthening of the analytical community, EAEU, polycentric world order

For citation: Kuznetsov A. V. The Place of World Economy Research in the Heterodox Analytics of Eurasian Integration // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 3. P. 15–25. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-03-15-25>. EDN: VNEVQV

Введение

Ноябрь 2024 г. выбран временем проведения в ИНИОН РАН уже VIII Форума аналитиков России. Общая тема этой крупной научно-практической конференции, организуемой самыми активными отечественными организациями — участницами Евразийского информационно-аналитического консорциума: «Проблемы современного мироустройства и меры по созданию новой системы безопасности Большой Евразии». Разумеется, обсуждение вклада аналитического сообщества в адаптацию к современным глобальным вызовам не может игнорировать и экономический блок.

В данной статье мы показываем повышенную продуктивность так называемых гетеродоксальных подходов (т. е. критикующих мейнстрим за ортодоксальность) в той части, которая изучает проблемы мировой экономики, включая региональную интеграцию. Отдельное внимание мы уделяем важности подчеркивать гетеродоксальность в анализе экономических процессов, а также иллюстрируем возможные нестандартные подходы к работе с противоречивой статистикой внешней торговли и прямых иностранных инвестиций (ПИИ), без которых анализ евразийской интеграции просто теряет научность.

Прогнозы по экономике России в ходе специальной военной операции: очередное фиаско «мейнстримных» экономистов

Если оценивать достижения в экономической науке последних десятилетий по считающимся «объективными» показателям — от количества статей в ведущих журналах и их цитирования до Нобелевских премий по экономике (а точнее премий Шведского национального банка по экономическим наукам памяти Альфреда Нобеля), бесспорным лидером являются США. При таких критериях за пределами возглавляемого ими блока НАТО можно найти считанных ученых-экономистов. Однако эти утверждения будут справедливы только для одного, пусть и самого влиятельного кластера экономической науки — мейнстрима, границы которого на деле размыты, но в представлении многих определяются степенью оторванности «экономического анализа» от реальной жизни.

Наблюдаемая в мире геополитическая турбулентность, элементом которой стало противостояние России и «коллективного Запада» в связи с событиями на Украине, лишний раз показала неспособность представителей экономического мейнстрима проводить адекватный анализ и давать более-менее точные прогнозы хотя бы на год-два. Для нашей страны это вылилось в затягивание специальной военной операции (СВО) вследствие накачивания Украины западным оружием и другими шагами стран НАТО по эскалации вооруженного конфликта между бывшими союзными республиками, а до того частями единого Российского государства. Однако нельзя чрезмерно демонизировать «коллективный Запад» — поддержка Украины была связана с убежденностью многих в скором крахе России, который предсказывали сторонники мейнстрима. И заявление в марте 2024 г. президента США Дж. Байдена об изгнании России из «группы двадцати», представляющей ведущие экономические державы¹, и беспрецедентные незаконные конфискации активов (в том числе ПИИ российских компаний, что бесспорно наносит долгосрочный урон доверию международных инвесторов к ЕС и США) обусловлены убеждением большинства западных экономистов, что Россия уже к 2023–2024 гг. попадет в экономическую катастрофу.

В апреле 2022 г. МВФ опубликовал прогноз, согласно которому ВВП России в реальном выражении сократится за 2022 г. на 8,5%, а в 2023 г. — еще на 2,3%, т. е. составит в итоге 89,4% от уровня 2021 г., тогда как экономика зоны евро за два года вырастет на 5,2%, США — на 6,1%, Китая — на 9,7%, Индии — на 15,7% (мира в целом — на 7,3%)². Однако уже летом 2024 г. МВФ сообщил, что ВВП России по факту в 2022 г. упал на 1,2%, а в 2023 г. вырос на 3,6%, т. е. в целом к уровню 2021 г. объем российской экономики вырос на 2,4%. За эти два года экономика евро на самом деле выросла суммарно лишь на 3,9%, США — на 4,4%, Китая — на 8,4%, зато резко интенсифицировавшей торговлю с Россией Индии — на 15,8% (мира в целом — на 6,9%)³.

Что еще примечательнее, Россия по итогам 2023 г. заняла 4-е место в мире по абсолютному размеру ВВП при расчете по паритетах покупательной способности валют (ППС), поднявшись на две позиции. Правда, положение стран зависит от методики определения ППС. Последний ее пересмотр опирался на данные 2022 г., когда вследствие «побочных» последствий санкций «коллективного Запада» против России резко выросли цены на топливо прежде всего в Европе. Таким образом, согласно новой методи-

¹ Biden says he thinks Russia should be removed from G20 [Электронный ресурс] // Reuters. 2022. March 24. URL: <https://www.reuters.com/world/biden-says-he-thinks-russia-should-be-removed-g20-2022-03-24/> (дата обращения: 15.08.2024).

² World Economic Outlook. April 2022 [Электронный ресурс]. IMF. P. 6. URL: <https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/WEO/2022/April/English/text.ashx> (дата обращения: 15.08.2024).

³ World Economic Outlook Update. July 2024 [Электронный ресурс]. IMF. P. 5. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2024/07/16/world-economic-outlook-update-july-2024> (дата обращения: 15.08.2024).

ке Всемирного банка, Россия обогнала по размеру ВВП Японию и Германию не в 2023 г., а уже в 2021 г. Но не стоит думать, что расчет по текущим курсам валют, которыми еще легче манипулировать, меняет общую картину — Россия в 2021 г. занимала 10-е место, после начала СВО поднялась на 8-е место, опередив Италию и Канаду, а в 2023 г. опустилась на 11-ю позицию, как и в 2020 г. (однако пропустив теперь Бразилию, а не Республику Корея)¹.

Вместе с тем проблема не в отдельных статистических показателях, а в примитивности интерпретации даже базовых экономических характеристик ключевых стран, которая присуща большинству аналитиков. «Подъемы» и «падения» России по объему экономики не отменяют ее долгосрочных конкурентных преимуществ, равно как и годами не решаемых проблем, о которых отечественные экономисты давно говорят. Однако в любом случае не размер ВВП как таковой определяет позицию страны в качестве одного из ключевых центров силы, причем не только внешнеполитического, но и как значимого игрока в мировой экономике. Не случайно проведенная нами еще до обнародования новых сведений Всемирного банка типология ведущих держав выделяла два главных, хотя и заметно различающихся типа ключевых государств в современном мироустройстве — США и Россию, а также Китай и Индию [8].

Нами в качестве важного элемента политико-экономического потенциала России среди прочего учитывается способность использовать с выгодой для себя различия между макрорегионами мира, в том числе в силу культурно-языковых барьеров и исторических факторов (включая эксплуатацию советского прошлого). С началом открытой конфронтации с «коллективным Западом» так и произошло — Россия быстро переориентировала географию внешней торговли на Восток, избежав предрекавшейся ей западными экономистами международной изоляции от «глобальной экономики» [10]. Однако просчеты экономистов мейнстрима не только связаны с познавательными недостатками этой парадигмы, но и обусловлены присущим ее представителям снобизмом в силу дефектов организации научной среды в США и мире в целом. Например, предложенная отечественным исследователем Д. И. Ушкаловой концепция «ловушки большой страны» [18] не противоречит логике экономического мейнстрима, но скорее всего не могла родиться внутри этой научной системы, которая воспринимала огромную Россию «малой открытой экономикой». Действительно, в 2022 г. санкции против нефтегазового сектора России обернулись в основном против их инициаторов — стран «коллективного Запада», причем описанное укрепление позиций России в мире по объему ВВП также является следствием этих санкций. Так, если государство — крупный игрок на каком-либо рынке («большая страна»), то ограничение поставок благодаря действию рыночных механизмов приводит к увеличению мировых цен. В итоге формальная эффективность санкций (физические объемы экспорта ограничиваются) противоречит ее стратегической эффективности (доходы «наказываемой» страны растут).

Нужно ли подчеркивать гетеродоксальность подходов в анализе?

Формально некоторые недостатки экономического мейнстрима объясняются человеческим фактором — адекватные выводы делают исследователи, получившие образование в других сферах. В этой связи закономерен вопрос, нужно ли подчеркивать гетеродоксальность подходов в экономическом анализе? На самом деле дискуссия о кризисе общей экономической теории и разных «канонах» научного анализа у экономистов ведется давно. При этом появление оппозиции ортодоксии мейнстрима по-прежнему порождает в международном экспертном сообществе жаркие дискуссии (например, [19]), хотя уже не одно десятилетие выпускаются и переиздаются учебники по гетеродоксальной экономике, включая масштабные работы с приложением к конкретным областям анализа — в частности, изучению мировой экономики [20]. Российский сегмент научной дискуссии особенно интересен, поскольку именно в нашей стране по целому ряду причин доминируют среди экономистов не представители мейнстрима, а сторонники гетеродоксальных подходов [11].

На наш взгляд, гетеродоксальность надо обязательно подчеркивать.

¹ GDP (current US\$) [Электронный ресурс] // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (дата обращения: 15.08.2024).

Во-первых, это «легализует» в экономическом анализе важные предметные области. Например, заимствованный экономистами огромный пласт географических знаний и методов не должен оставаться на периферийной позиции, предусмотренной для него мейнстримом [5]. В качестве иллюстрации приведем проблему срыва на глобальном уровне выполнения целей устойчивого развития (ЦУР), причем динамика по 17 целям и странам очень неравномерна [17]. Вообще-то ООН с помощью ЦУР приняла в качестве магистрального ориентира построение экологически устойчивого и более справедливого к людям с глобального Юга мира. По факту мы часто видим использование ЦУР как инструмента недобросовестной конкуренции (особенно в свете гипертрофированного внимания к одной цели № 13 — климатической) и обогащения узких групп интересов на «коллективном Западе». При этом, например, повсеместный доступ к безопасной питьевой воде или санитарным услугам не вписан в анализ мейнстрима, хотя имеет бесспорное экономическое измерение.

Синтез исследований мировой экономики и общественной географии особенно важен. Еще до присуждения П. Кругману Нобелевской премии по экономике он был подвергнут справедливой критике и западноевропейскими географами, и российскими специалистами за примитивность такой попытки, громко названной им «новой экономической географией» [7]. Но надо быть честными, знаменитый американец сделал почти максимум возможного для обогащения мейнстрима географическим багажом, однако адекватный синтез возможен лишь при гетеродоксальных подходах.

Во-вторых, оригинальные концепции гетеродоксальных экономистов не могут справедливо оцениваться внутри парадигмы мейнстрима — в случае современной мировой экономики очень актуальна формула К. Маркса, пусть и не безупречная для науковедческой философии, — «практика есть критерий истинности». Для краткости приведем одну иллюстрацию — выводы академика С. Ю. Глазьева о глобальной трансформации под воздействием смены технологических и мирохозяйственных укладов [4]. Не вдаваясь здесь в известную критику статистической точности циклов Н. Д. Кондратьева, отметим, что происходящие раз в несколько десятилетий фундаментальные технологические сдвиги в экономике действительно влекут за собой тектонические изменения в мировой экономике и мироустройстве в целом.

При этом события последних лет показывают, что по крайней мере до сих пор человечество не научилось менять «мировую элиту» держав без обострения вооруженного противостояния [Там же, с. 97], и дело не только в СВО на Украине (достаточно напомнить про очередную череду войн на Ближнем Востоке). Однако для американоцентричного мейнстрима экономической науки сама мысль о преходящем характере господства США, которое в немалой степени базируется на эксплуатации особой роли доллара, установленной военно-политическим путем по итогам Второй мировой войны, — ересь. Но за пределами мейнстрима уже более полувека эти факты не оспариваются, будучи в научной литературе подробно описаны советским министром иностранных дел А. А. Громыко, который был среди прочего доктором экономических наук и творил под псевдонимом Г. Андреев. В 1944–1945 гг. США действительно смогли благодаря внешнеполитической слабости большинства стран (можно вспомнить даже отклонение на переговорах британских предложений, которые выдвигал Дж. М. Кейнс) и полной вовлеченности СССР в военную борьбу с нацизмом добиться принятия отнюдь не безальтернативной послевоенной валютной системы с господством доллара, а также организовать на международном уровне подконтрольные США и их союзникам МВФ и Всемирный банк [2, с. 8–58].

В-третьих, аналитическое сообщество должно постоянно пополняться новыми кадрами, а их воспроизводство может обеспечить лишь адекватное образование. При этом не достаточно говорить о задаче ухода от догматизма мейнстрима. Согласимся, что нельзя скатиться в безосновательное шельмование наиболее успешной в XX в. парадигмы экономической мысли [3], равно как и предложить настоящий «винегрет» из плохо связанных друг с другом знаний об экономической теории и реальной экономике путем механического добавления в классические образовательные программы элементов гетеродоксии [14].

Уместно напомнить, что единого мнения не сложилось даже у ведущих участников дискуссии. Так, В. С. Автономов отмечает трансформацию мейнстрима в последние десятилетия, но считает ее путем

к усилению концептуальной разнородности, что делает невозможным возврат в обозримом будущем к «большим теориям» (аналогичным марксизму или маржинализму, до которых не дотягивал в этом аспекте даже «великий неоклассический синтез») [1]. Академик В. М. Полтерович признает развитую В. С. Автономовым концепцию двух «канонов» в экономической науке — далекой от реальной экономической политики строгой теоретической абстракции (иллюстрации — классическая политэкономия и маржинализм) и экономического анализа, нацеленного на практические рекомендации при нечетко сформулированных гипотезах и акценте на качественный, а не количественный анализ (примером служит историческая школа). Тем не менее В. М. Полтерович оптимистично полагает, что из перманентного кризиса экономической теории можно выйти через общий социальный анализ, основанный на синтезе разных общественных дисциплин, поскольку считает мейнстрим весьма восприимчивым к достижениям гетеродоксальных экономистов [16]. В то же время академик А. Д. Некипелов такой рецепт расценивает в качестве приговора экономической науке как самостоятельной дисциплине, что ему представляется сомнительным заключением [13].

При этом безотносительно к спорам о методологии экономисты продолжают выпускать конкретные рецепты сегодняшнего дня. Так, В. М. Полтерович, иллюстрируя перспективы становления современной институционально-исторической школы, в условиях санкционного противостояния с «коллективным Западом» предлагает в России выбирать не между мобилизационной экономикой и дальнейшей либерализацией, а делать ставку на стратегию позитивного (не направленного против третьих лиц) сотрудничества государства и бизнеса, граждан, которая предусматривает на первом этапе формирование институтов догоняющего развития и сокращение неравенства в России [15].

Приближенные вычисления как способ преодолеть недостатки мирохозяйственной статистики

Особой темой для сравнения мейнстрима и гетеродоксии является использование математических методов. Отметим, что в области мировой экономики представители мейнстрима часто позволяют себе кажущуюся строгость количественных оценок на базе статистики, надежность которой не выдерживает критики. Однако это не предопределяет отказ от количественных методов мирохозяйственного анализа, особенно применительно к России и ее партнерам в Большой Евразии, на глобальном Юге. Ведь гетеродоксальный подход позволяет использовать приближенные вычисления (разумеется, не в узком смысле математической науки).

Работа со статистическими материалами большинства развивающихся стран, с которыми Россия теперь стремится интенсифицировать внешнеэкономические связи, а с недавних пор и анализ российской информации, частично скрываемой из-за угрозы противоправного использования для санкций «коллективного Запада», требуют особых подходов. С одной стороны, благодаря усилиям международных организаций с начала XXI в. методология сбора статистики в большинстве стран на глобальном Юге сильно совершенствовалась и в немалой степени унифицировалась — то есть проблему теперь чаще составляют не «фальшивые» данные, а многочисленные лакуны. С другой стороны, по-прежнему по большинству анализируемых тем нельзя определить один наиболее надежный источник, еще и с данными за конкретный год. Интересен, на наш взгляд, пример анализа экспортированных ПИИ из стран Африки — это важная задача для понимания феномена африканских транснациональных компаний (ТНК), с которыми теперь российскому бизнесу придется все чаще выстраивать партнерские отношения при освоении рынков континента, почти потерянных Россией после распада СССР. Нами рекомендуется не полагаться на какую-то одну авторитетную публикацию (типа ежегодного «Доклада о мировых инвестициях» ЮНКТАД), а брать сразу 3–4 более-менее солидных источника (обычно ЮНКТАД и МВФ предлагают несколько вариантов обобщения официальной национальной информации о ПИИ и «зеркальной» статистики стран-партнеров), выбирая для каждого из государств максимальный показатель. Такой нестандартный подход вполне обоснован, поскольку во всех случаях используется сходная методика, а расхождения в цифрах связаны с разнотипными лакунами (несколько важных экспортеров капитала не ведут национальную

статистику экспорта ПИИ, отличается и набор стран-реципиентов с разным качеством статистики об импорте капитала). В итоге, например, нами выявлено, что Кения входит в десятку ведущих экспортеров ПИИ в Африке, причем некоторые кенийские ТНК возникли еще в колониальный период [6], так что эта страна вполне могла бы претендовать на роль хаба для проникновения российского бизнеса, по крайней мере в Восточной Африке.

При оценке масштабов ПИИ, в том числе и на постсоветском пространстве, причем даже в годы лучшей информационной прозрачности российских ТНК, требовались довольно смелые приблизительные оценки, позволявшие сократить нераспределенный по странам и отраслям «остаток» с 30–40% (а иногда и более) до считанных процентов. Так, ведущая российская ТНК «ЛУКОЙЛ» никогда не публиковала точные данные о географии зарубежных активов или накопленных ПИИ, при том что на компанию приходилось почти 1/10 всех заграничных инвестиций российских ТНК. Не сильно лучше была ситуация с двумя другими крупнейшими нефтегазовыми ТНК России — компаниями «Газпром» и «Роснефть». Однако если примерно оценить стоимость их АЗС в разных странах, а также экстраполировать сведения об отдельных крупных сделках в сырьевые проекты, которые отражались периодически в СМИ, то сразу «белое пятно» примерно в 20% российских ПИИ с приемлемой погрешностью могло быть проанализировано по разным структурным показателям. В итоге для 2009–2021 гг. автору с командой сначала из ИМЭМО РАН, а потом ИНИОН РАН удалось среди прочего доказать многократное занижение в официальной статистике масштабов взаимных ПИИ в странах ЕАЭС, что свидетельствовало о замалчивании успехов корпоративной интеграции на постсоветском пространстве. Были нами заранее оценены и масштабы потерь российских активов на Украине [12].

Важность применения грубых оценок ПИИ в анализе корпоративной интеграции можно пояснить также на абстрактном примере. Если по официальным данным точно известно, что на страну А приходится 6% российских ПИИ, на страну В — еще 5%, на страну С — 4%, на два десятка других стран — 25%, а остальные 60% находятся неизвестно где (включая страны А, В и С), то эти сведения не несут почти никакого смысла. Если же мы сможем утверждать, что на страну А приходится от 18 до 24%, на страну В — 7–10%, на страну С — 5–6%, на конкретные другие несколько десятков стран — в сумме 55–60%, то с известной погрешностью получится ясная картина географических приоритетов российских ТНК.

В случае анализа внешней торговли товарами, где в целом статистика лучше по сравнению с данными о ПИИ, приближенные вычисления также полезны. Однако речь будет идти не о конструировании собственных баз данных инвестиционных проектов на основе разрозненных источников (официальных данных, корпоративной отчетности и сообщений в СМИ), а о пренебрежении данными об экспорте или импорте второстепенных товарных позиций (обычно на уровне групп трехзначных классификаций) и учете общих тенденций при сопоставлении национальной и «зеркальной» статистики. Такой подход позволил нам доказать результативность российских «контрсанкций» против стран ЕС при ограничении поставок продовольствия в нашу страну, хотя прозападные либералы бездоказательно заявляли о «выстреле себе в ногу». Неравномерность воздействия ответных мер России на первом этапе «войны санкций» с «коллективным Западом» в наибольшей степени отразилась на Литве, которая в 2015 г. потеряла 1,5% ВВП (результат подтвердился данными Еврокомиссии, которая замедление динамики ВВП в Литве объяснила как раз падением чистого экспорта) [9].

В настоящее время грамотная работа с «зеркальной» статистикой, имеющей очевидные лакуны, стала неизбежной для анализа российской внешней торговли, поскольку с весны 2022 г. Федеральная таможенная служба РФ (ФТС России) сообщает лишь самые общие данные. Одним из интересных источников является постоянно пополняемая статистика Международного торгового центра (МТЦ) в Женеве, которая к моменту написания статьи показывала для 2023 г. совокупный объем товарного экспорта России лишь на 4% меньше, чем ФТС России.

Некоторые выводы эти данные позволяют делать со всей очевидностью — например, разворот торговли России на Восток произошел не только за счет Китая, но и благодаря контактам с Индией, Турцией и рядом других стран Азии. При этом Индия в основном перенаправила на себя поток российского минерального топлива. В целом же страны Востока стали закупать больше российских удобрений и зерна,

других продовольственных товаров. Вместе с тем дополнительной верификации требуют такие выводы, как сокращение с начала СВО в несколько раз российского экспорта многих групп машиностроительной продукции, мебели и др. Дело в том, что важными импортерами часто выступают, например, Белоруссия или ряд арабских стран, по которым у МТЦ нет свежей информации¹. Так, по группе 89 (суда, лодки и плавучие конструкции), согласно данным МТЦ, российский экспорт сократился с 1,3 млрд долл. в 2021 г. до 0,1 млрд долл. в 2023 г., а по группе 86 (железнодорожные локомотивы, подвижной состав и др.) — с 1,2 млрд долл. до 0,7 млрд долл. С учетом «белого пятна» на уровне более 17 млрд долл. между сведениями МТЦ и ФТС России по совокупному товарному экспорту России требуется верификация этой динамики. Так, если по группе 89 ТН ВЭД Россия до начала СВО поставляла прежде всего суда в страны ЕС, то по группе 86 еще надо уточнять изменения в импорте железнодорожных вагонов постсоветских стран.

Таким образом, нередко проводимые гетеродоксальными экономистами арифметические вычисления с ручной проверкой надежности каждой исходной цифры оказываются куда более строгим научным подходом, чем ценимые в мейнстриме усложненные эконометрические расчеты на основе ненадежных данных международной статистики.

Заключение

Завершая наш анализ, подчеркнем, что гетеродоксальные экономисты в силу специфики их методов способны быть связующим звеном между аналитиками разной специализации. Безотносительно к идеологической окраске в последние десятилетия одним из основных институтов реализации аналитической деятельности становятся «фабрики мысли», причем в России и других странах Большой Евразии процесс их возвышения во многом схож с западными моделями [3]. Следует признать, что пока уровень трансграничного взаимодействия «фабрик мысли» даже в пределах ЕАЭС невысокий (тесные контакты скорее налажены с аналитическими центрами «коллективного Запада»). Однако именно гетеродоксальные экономисты способны усилить такой диалог внутри ЕАЭС, поскольку политологи стеснены привязкой к правящим группам с их узкими интересами, историки ограничены тематикой (например, обсуждением Второй мировой войны), а экономисты мейнстрима в принципе обычно далеки от прикладной работы по развитию альтернативных западным проектов региональной интеграции.

Важно подчеркнуть, что для гетеродоксального анализа нет даже противоречия между дальнейшим развитием региональной интеграции и усилением активности России на глобальном уровне. Фактически на уровне БРИКС нужно создать новые инструменты стимулирования трансграничных контактов самого разного рода на принципах, более справедливых для всех стран-участниц (но это не антизападные, а альтернативные западным с их центр-периферийной логикой подходы). Однако некоторые инструменты могут обкатываться уже в ЕАЭС: иллюстрацией служат меры поощрения трансграничных связей в области высшего образования и НИОКР.

Само по себе расширение ЕАЭС в такой парадигме не несет особого смысла. Дело даже не в том, что прибавление к России не только нынешних стран ЕАЭС, но и еще нескольких потенциальных членов в Большой Евразии не изменит радикальным образом количественного соотношения данной группировки с Китаем или ЕС. Мировоззренческий анализ на комплексной основе с отказом от догматики мейнстрима убедительно показывает, что «переговорная сила» России заключается отнюдь не только в размере макроэкономических показателей.

Литература

1. Автономов В. С. Судьба «больших теорий» в экономической науке // Вопросы теоретической экономики. 2024. № 1. С. 96–105. EDN: DYXQPP. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_1_96_105

¹ Например, Bilateral trade between United Arab Emirates and Russian Federation [Электронный ресурс] // ITC. URL: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1%7c784%7c%7c643%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1 (дата обращения: 20.08.2024).

2. Андреев Г. Экспансия доллара. М. : Соцэкгиз, 1961. 480 с. URL: https://inion.ru/site/assets/files/4317/gromyko_ekspansia_dollara.pdf
3. Вилисов М. В. «Как выжить в поле»: альтернативы научно-образовательной карьере в области общественных наук // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 1. С. 209–222. EDN: WEHLBK. DOI: 10.31249/kgt/2024.01.11
4. Глазьев С. Ю. Глобальная трансформация через призму смены технологических и мирохозяйственных укладов // AlterEconomics. 2022. Т. 19. № 1. С. 93–115. EDN: MULEYG. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.6
5. Кирдина С. Г. Роль институтов и географии в экономическом развитии: актуальная полемика в гетеродоксальной экономике // Пространственная экономика. 2016. № 3. С. 133–150. EDN: WMRCQF. DOI: 10.14530/se.2016.3.133-150
6. Кузнецов А. В. Африканский транснациональный бизнес // Вестник Российской академии наук. 2024. Т. 94. № 6. С. 516–526. EDN: FODYVP. DOI: 10.31857/S0869587324060029
7. Кузнецов А. В. Продуктивный синтез мирохозяйственных и региональных исследований // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 12. С. 112–116. EDN: OOXLBV
8. Кузнецов А. В. Разнообразие возможных центров силы нового мироустройства // Политическая наука. 2022. № 4. С. 107–120. EDN: ECPYFD. DOI: 10.31249/poln/2022.04.05
9. Кузнецов А. В. Результативность экономических «контрсанкций» России против ЕС // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2016. № 3. С. 136–153. EDN: XDRXHV
10. Кузнецов А. В. Ускорение экономического разворота России на глобальный Юг в 2022 году // Научные труды Вольного экономического общества России. 2023. Т. 241. № 3. С. 158–164. EDN: GJRSWV. DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-158-164
11. Мальцев А. А. Гетеродоксальная экономическая теория: текущее состояние и пути дальнейшего развития // Экономическая политика. 2018. Т. 13. № 2. С. 148–169. EDN: URSVRG. DOI: 10.18288/1994-5124-2018-2-08
12. Мониторинг взаимных инвестиций ЕАБР — 2022 / под ред. А. Кузнецова, Е. Винокурова. М. : Евразийский банк развития, 2022. 41 с. URL: https://eabr.org/upload/iblock/d2b/EDB_2022_Report-5_Monitoring-of-Mutual-Investments_rus.pdf
13. Некипелов А. Д. Кризис в экономической науке — природа и пути преодоления // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89. № 1. С. 24–37. EDN: YVJHNV. DOI: 10.31857/S0869-587389124-37
14. Некипелов А. Д. Кризис общей теории и некоторые проблемы экономического образования // Научные труды Вольного экономического общества России. 2023. Т. 239. № 1. С. 36–44. EDN: ZCNAZY. DOI: 10.38197/2072-2060-2023-239-1-36-44
15. Полтерович В. М. Догоняющее развитие в условиях санкций: стратегия позитивного сотрудничества // Terra Economicus. 2023. Т. 21. № 3. С. 6–16. EDN: GHRIZO. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-3-6-16
16. Полтерович В. М. На пути к общей теории социально-экономического развития: к синтезу двух канонов // Вопросы теоретической экономики. 2022. № 1. С. 48–57. EDN: ECFQEX. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_1_48_57
17. Порфирьев Б. Н. Приоритеты устойчивого развития и климатическая повестка в начале 2020-х годов в мире и в России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2023. Т. 241. № 3. С. 72–80. EDN: YBNMJK. DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-72-80
18. Ушкалова Д. И. Внешняя торговля России в условиях санкционного давления // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3. С. 218–226. EDN: OGZSKI. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-14
19. Hodgson G. M. Debating the Future of Heterodox Economics // Journal of Economic Issues. 2021. Vol. 55. No. 3. P. 603–614. DOI: 10.1080/00213624.2021.1945874
20. Van den Berg H. International Economics: A Heterodox Approach / 2nd ed. Armonk and London : M. E. Sharpe, 2012. 670 p. ISBN: 978-0765625441

Об авторе:

Кузнецов Алексей Владимирович, директор и главный научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН) (Москва, Российская Федерация), член-корреспондент РАН, доктор экономических наук;
e-mail: kuznetsov@inion.ru; ORCID: 0000-0001-5172-9924

References

1. Avtonomov V. S. The Fate of “Big Theories” in Economics // Questions of Theoretical Economics [Voprosy teoreticheskoi ekonomiki]. 2024. No. 1. P. 96–105. (In Russ.) EDN: DYXQQP. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_1_96_105
2. Andreev G. Expansion of the Dollar. M. : Sotsekgiz, 1961. 48 p. (In Russ.) URL: https://inion.ru/site/assets/files/4317/gromyko_ekspansii_dollara.pdf
3. Vilisov M. V. “How to Survive in the Field”: Alternatives to a Scientific and Educational Career in the Field of Social Sciences // Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law [Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo]. 2024. Vol. 17. No. 1. P. 209–222. (In Russ.) EDN: WEHLBK. DOI: 10.31249/kgt/2024.01.11
4. Glazhev S. Yu. Global Transformation through the Prism of Changing Technological and World Economic Patterns // AlterEconomics. 2022. Vol. 19. No. 1. P. 93–115. (In Russ.) EDN: MULEYG. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.6
5. Kirdina S. G. The Role of Institutions and Geography in Economic Development: Topical Polemic in Heterodox Economics // Spatial Economics [Prostranstvennaya ekonomika]. 2016. No. 3. P. 133–150. (In Russ.) EDN: WMRCQF. DOI: 10.14530/se.2016.3.133-150
6. Kuznetsov A. V. African Transnational Business // Herald of the Russian Academy of Sciences [Vestnik Rossiiskoi akademii nauk]. 2024. Vol. 94. No. 6. P. 516–526. (In Russ.) EDN: FODYVP. DOI: 10.31857/S0869587324060029
7. Kuznetsov A. V. Productive Synthesis of World Economic and Regional Studies // World Economy and International Relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]. 2006. No. 12. P. 112–116. (In Russ.) EDN: OOXLBB
8. Kuznetsov A. V. The Diversity of Possible Centers of Power of the New World Order // Political Science [Politicheskaya nauka]. 2022. No. 4. P. 107–120. (In Russ.) EDN: ECYPFD. DOI: 10.31249/poln/2022.04.05
9. Kuznetsov A. V. The Effectiveness of Russia’s Economic “Counter-Sanctions” against the EU // Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Russia and the World [Vestnik Diplomaticheskoi akademii MID Rossii. Rossiya i mir]. 2016. No. 3. P. 136–153. (In Russ.) EDN: XDRXHV
10. Kuznetsov A. V. Acceleration of Russia’s Economic Turn to the Global South in 2022 // Scientific Works of the Free Economic Society of Russia [Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii]. 2023. Vol. 241. No. 3. P. 158–164. (In Russ.) EDN: GJRSAW. DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-158-164
11. Maltsev A. A. Heterodox Economic Theory: Current State and Ways of Further Development // Economic Policy [Ekonomicheskaya politika]. 2018. Vol. 13. No. 2. P. 148–169. (In Russ.) EDN: URSVRG. DOI: 10.18288/1994-5124-2018-2-08
12. Monitoring of Mutual Investments of the EDB – 2022 / ed. by A. Kuznetsov, E. Vinokurov. Moscow : Eurasian Development Bank, 2022. 41 p. URL: https://eabr.org/upload/iblock/d2b/EDB_2022_Report-5_Monitoring-of-Mutual-Investments_rus.pdf
13. Nekipelov A. D. The Crisis in Economics — the Nature and Ways to Overcome // Herald of the Russian Academy of Sciences [Vestnik Rossiiskoi akademii nauk]. 2019. Vol. 89. No. 1. P. 24–37. (In Russ.) EDN: YYJVHV. DOI: 10.31857/S0869-587389124-37
14. Nekipelov A. D. The Crisis of General Theory and Some Problems of Economic Education // Scientific Works of the Free Economic Society of Russia [Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii]. 2023. Vol. 239. No. 1. P. 36–44. (In Russ.) EDN: ZCNAZY. DOI: 10.38197/2072-2060-2023-239-1-36-44

15. Polterovich V. M. Catching up Development under Sanctions: A Strategy for Positive Cooperation // Terra Economicus. 2023. Vol. 21. No. 3. P. 6–16. (In Russ.) EDN: GHRIZO. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-3-6-16
16. Polterovich V. M. On the Way to the General Theory of Socio-Economic Development: Towards the Synthesis of Two Canons // Questions of Theoretical Economics [Voprosy teoreticheskoi ekonomiki]. 2022. No. 1. P. 48–57. (In Russ.) EDN: ECFQEX. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_1_48_57
17. Porfiriev B. N. Priorities of Sustainable Development and the Climate Agenda in the Early 2020s in the World and in Russia // Scientific Works of the Free Economic Society of Russia [Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii]. 2023. Vol. 241. No. 3. P. 72–80. (In Russ.) EDN: YBHMJK. DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-72-80
18. Ushkalova D. I. Russia's Foreign Trade under Sanctions Pressure // Journal of the New Economic Association [Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii]. 2022. No. 3. P. 218–226. (In Russ.) EDN: OGZSKI. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-14
19. Hodgson G. M. Debating the Future of Heterodox Economics // Journal of Economic Issues. 2021. Vol. 55. No. 3. P. 603–614. DOI: 10.1080/00213624.2021.1945874
20. Van den Berg H. International Economics: A Heterodox Approach / 2nd ed. Armonk and London : M. E. Sharpe, 2012. 670 p. ISBN: 978-0765625441

About the author:

Alexey V. Kuznetsov, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation), Director and chief researcher, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Science (Economics);
e-mail: kuznetsov@inion.ru; ORCID: 0000-0001-5172-9924

Эффективность единой агропромышленной политики ЕАЭС — залог успеха

Агеев А. И.^{1,*}, Золотарева О. А.²

¹ Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация

* e-mail: ageev@inesnet.ru

ORCID: 0000-0002-2826-2702

² МИРЭА — Российский технологический университет, Москва, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Увеличение интенсивности санкционного давления стран Запада на Российскую Федерацию как локомотив, обеспечивающий экономический рост ЕАЭС, а также на Республику Беларусь, перспективы попадания под вторичные санкции других стран — участниц ЕАЭС находят неизбежное отражение на физической и экономической доступности продовольствия как в каждой из стран — членов ЕАЭС, так и в Союзе в целом. Новая ситуация требует объективного анализа потенциала обеспечения продовольственной безопасности.

Цель и задачи. Охарактеризовать состояние и динамику производства продукции сельского хозяйства в контексте достижения продовольственной безопасности государств — членов ЕАЭС за период с 2014 по 2023 гг.

Методология. На базе данных официальной статистики Департамента статистики Евразийской экономической комиссии, Межгосударственного статистического комитета СНГ и национальных статистических комитетов государств — членов ЕАЭС приемами и методами сравнительной аналитики и дескриптивной статистики произведена оценка текущего состояния и осуществлен анализ тенденций агропроизводства в ЕАЭС.

Результаты. Выявлено, что на интеграционном пространстве существенно снижаются риски продовольственной безопасности в каждом из государств — членов ЕАЭС, чему прежде всего способствует взаимное обеспечение той или иной продовольственной продукцией. При этом детерминантой продовольственной безопасности ЕАЭС, бесспорно, является устойчивое развитие сельского хозяйства, обеспечившее рост физической доступности продуктов питания в странах Союза. Самообеспеченность основными продуктами сельского хозяйства на уровне Союза оценена как высокая. Однако в ряде стран — участниц Союза зафиксированы риски для самообеспечения теми или иными продуктами собственного производства, связанные с возможными перебоями с импортом в случае непредвиденных ситуаций.

Выводы. В мире существенно возрастают риски, связанные с глобальной продовольственной безопасностью. Повышается ценность продовольственных ресурсов, которые рядом экспертов признаются «новой нефтью» [2]. Производительное и стабильное растущее сельское хозяйство в ЕАЭС является не только основой обеспечения продовольственной безопасности, но драйвером устойчивого макроэкономического развития как Союза в целом, так и государств — членов ЕАЭС. **Ключевые слова:** Евразийский экономический союз (ЕАЭС), продовольственная безопасность, сельское хозяйство, агропромышленная политика, самообеспеченность продовольствием

Для цитирования: Агеев А. И., Золотарева О. А. Эффективность единой агропромышленной политики ЕАЭС — залог успеха // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 3. С. 26–39.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-03-26-39>. EDN: VOKOXX

The Effectiveness of the Unified Agro-industrial Policy of the EAEU Is the Key to Success

Aleksandr I. Ageev^{a,*}, Olga A. Zolotareva^b

^a Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

* e-mail: ageev@inesnet.ru

ORCID: 0000-0002-2826-2702

^b MIREA — Russian Technological University, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The increasing intensity of the sanctions pressure of Western countries on the Russian Federation as a locomotive ensuring the economic growth of the EAEU, as well as on the Republic of Belarus, the prospects of falling under secondary sanctions of other member countries of the Union, are inevitably reflected in the physical and economic availability of food both in each of the EAEU member countries and in the Union as a whole. The new situation requires an objective analysis of the potential for ensuring food security.

Aim and tasks. To characterize the state and dynamics of agricultural production in the context of achieving food security of the EAEU member states for the period from 2014 to 2023.

Methods. Based on official statistics from the Department of Statistics of the Eurasian Economic Commission, the Interstate Statistical Committee of the CIS and the national statistical committees of the EAEU member states, comparative analytics and descriptive statistics were used to assess the current state and analyze trends in agricultural production in the EAEU.

Results. It has been revealed that the risks of food security in each of the EAEU member states are significantly reduced in the integration space, which is primarily facilitated by mutual provision of certain food products. At the same time, the determinant of food security of the EAEU is undoubtedly the sustainable development of agriculture, which has ensured the growth of physical availability of food products in the Union countries. Self-sufficiency in basic agricultural products at the Union level is assessed as high. However, a number of Union member countries have recorded risks for self-sufficiency in certain products of their own production, associated with possible interruptions in imports in the event of unforeseen situations.

Conclusions. The risks associated with global food security are growing significantly in the world. The value of food resources, which some experts recognize as the “new oil”, is increasing [2]. Productive and stable growing agriculture in the EAEU is not only the basis for ensuring food security, but also the driver of sustainable macroeconomic development of both the Union as a whole and the EAEU member states.

Keywords: Eurasian Economic Union (EAEU), food security, agriculture, agro-industrial policy, food self-sufficiency

For citation: Ageev A. I., Zolotareva O. A. The Effectiveness of the Unified Agro-industrial Policy of the EAEU Is the Key to Success // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 3. P. 26–39. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-03-26-39>. EDN: VOKOXX

Введение

Продовольственная безопасность — экзистенциальная основа жизнедеятельности человечества. Продовольствие и сельское хозяйство находятся в центре внимания Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (ЦУР ООН)¹. По справедливому замечанию В. И. Добросоцкого,

¹ Повестка дня в области устойчивого развития [Электронный ресурс] // ООН. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/> (дата обращения: 29.08.2024).

«глобальная продовольственная безопасность стала уникальным фактором управления «мировыми рисками», включая борьбу с бедностью, как социальной платформы генерации терроризма, так и демографических и миграционных катастроф» [3]. Единство аграрной политики на уровне надгосударственного управления в региональных интеграционных объединениях в направлении помощи бедным странам мира является одним из сдерживающих факторов распространения «голодной» миграции, учитывая, что, по данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации (ФАО) ООН, в период с 2021 по 2022 г. от голода страдало в среднем около 735 млн чел. «Более трети (38%) населения планеты проживает в условиях умеренного или острого отсутствия продовольственной безопасности <...>. На глобальном уровне распространенность состояния острого отсутствия продовольственной безопасности незначительно снизилась — с 11,7% в 2021 году до 11,3% в 2022 году, т. е. на 27 млн человек <...>, но распространенность этой проблемы в мире все еще значительно превышает уровень, существовавший до пандемии» [6]. В то же время в государствах — членах ЕАЭС (далее — Союз) просматривается существенное улучшение ситуации с распространенностью как недоедания, так и умеренного или острого отсутствия продовольственной безопасности (табл. 1).

Таблица 1

Показатели достижения Цели 2 в области устойчивого развития (ЦУР 2)
Table 1. Sustainable Development Goal 2 Indicators (SDG 2)

Мир и страны ЕАЭС	Распространенность недоедания среди населения в целом, %		Распространенность острого отсутствия продовольственной без- опасности среди населения в целом, %		Распространенность умеренного или острого отсутствия продовольственной безопасности среди населения в целом, %	
	2004–2006	2020–2022	2014–2016	2020–2022	2014–2016	2020–2022
Весь мир	12	9,2	7,8	11,3	21,9	29,5
Армения	12,3	<2,5	н.д.	<0,5	н.д.	7,1
Беларусь	<2,5	<2,5	н.п.	н.п.	н.п.	н.п.
Казахстан	7,2	<2,5	н.д.	0,5	н.д.	2,4
Кыргызстан	8	4,8	н.д.	1,1с	н.д.	6,9
Россия	<2,5	<2,5	0,7	<0,5	8,2	5,0

Источник: Доклад ФАО «Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире-2023» [Электронный ресурс].
URL: <https://openknowledge.fao.org/server/api/core/bitstreams/6a2ee6d6-8e71-45fe-9a5b-bc20525fc7de/content> (дата обращения: 29.08.2024)
Примечание: н.д. — нет данных; н.п. — не показано

Проводимая скоординированная агропромышленная политика государств — членов ЕАЭС довольно эффективно использует потенциал стран — членов Союза для выполнения задач в рамках Цели 2 в области устойчивого развития (ЦУР 2). Прогресс в достижении продовольственной безопасности определен сокращением за 2022 г. распространенности умеренного или острого отсутствия продовольственной безопасности в Казахстане, Кыргызстане и России, по Армении и Беларуси данные не представлены (табл. 2).

Подходы к трактовке продовольственной безопасности ЕАЭС

На уровне интеграционного объединения Решением Совета ЕЭК (Евразийской экономической комиссии) утверждены «Общие принципы и подходы к обеспечению продовольственной безопасности государств — членов Евразийского экономического союза»¹, однако в данном нормативном правовом документе не приводится трактовка продовольственной безопасности, которая была бы единой/унифицированной для всех стран — участниц Союза. При этом следует отметить, что в целом в странах ЕАЭС сформировался схожий подход к пониманию сущности продовольственной безопасности (табл. 3,

¹ Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 14.09.2021 № 89 «Об общих принципах и подходах к обеспечению продовольственной безопасности государств — членов Евразийского экономического союза» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_397452/09391a793de5b3c6e691ea33ce5a72ee1fe995ab/ (дата обращения: 29.08.2024).

с. 30), который гармонизирован с определением, представленным «Продовольственной и сельскохозяйственной организацией (FAO) ООН и основанным на экономической и физической доступности качественного продовольствия, способствующего активному и здоровому образу жизни» [2].

Таблица 2

**Уровень умеренного или острого отсутствия продовольственной безопасности населения
(по «Шкале восприятия отсутствия продовольственной безопасности»), %**

Table 2. Level of moderate or severe food insecurity of the population
(according to the “Food Insecurity Experience Scale”), %

Страны ЕАЭС	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Армения	28,7	36,8	34,3	27,6	27,9	13,0	—**	—**
Беларусь	—	—	—	—	—	1,22	0,712	—***
Казахстан	—	—	7,8 ¹	4,2	5,3	5,1	5,2	1,7
Кыргызстан	—	—	—	—	4,5	5,7	7,6	5,7
Россия****	—	—	—	6,2	—	5,7	4,6	4,1

Источник: данные Статкомитета СНГ. Цели устойчивого развития. Показатель 2.1.2 — Доля населения, испытывающего нехватку продовольствия на умеренном или тяжелом уровне в течение отчетного периода. Тяжесть отсутствия продовольственной безопасности измеряется по глобальной контрольной шкале уровня отсутствия продовольственной безопасности, по стандарту измерения, созданному FAO путем применения «Шкалы отсутствия продовольственной безопасности» (далее — FIES)¹ [Электронный ресурс]. URL: <https://new.cisstat.org/sdg> (дата обращения: 29.08.2024)

** Статистический комитет Республики Армения [Электронный ресурс]. URL: <https://sdg.armstat.am/ru/2-1-2/> (данные отсутствуют) (дата обращения: 29.08.2024)

*** Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://sdgplatform.belstat.gov.by/datasets/2.1.2> (данные отсутствуют) (дата обращения: 29.08.2024)

**** 2018 г. — по итогам выборочного наблюдения рациона питания населения; 2020–2022 гг. — по итогам выборочного наблюдения состояния здоровья населения

Рассматривая трактовки понятия продовольственной безопасности, следует отметить, что в четырех из пяти стран — членов Союза в определении присутствует существенный его признак — независимость. Продовольственная независимость не затрагивается в толковании продовольственной безопасности лишь в Казахстане. При этом в научных исследованиях в последнее время уделяется довольно пристальное внимание категории «продовольственная независимость» [8].

Стоит отметить, что в мировой практике исторически менялись подходы к пониманию рассматриваемого термина и росло осознание того, что продовольственная помощь в обеспечении продовольственной безопасности может оказывать двоякое воздействие для принимающей страны: и положительное (с позиции обеспечения наличия и доступности продовольствия), и отрицательное (приводящая в перспективе к подрыву самообеспечения продовольствием) [13]. В связи с чем в современных исследованиях на национальном уровне акцентируется внимание именно на обеспечении продовольственной независимости в направлении увеличения местного производства продуктов питания и снижения зависимости от импорта [9; 11; 12]. В Армении, Беларуси, Кыргызстане и России утверждены и действуют специализированные документы (законы, доктрины, концепции) в области продовольственной безопасности, в то время как в Казахстане подобные отдельные документы по рассматриваемому вопросу на уровне законов, доктрин и концепций отсутствуют. В Республике Казахстан вопросы обеспечения продовольственной безопасности вынесены в Закон Республики Казахстан «О национальной безопасности Республики Казахстан», Концепцию развития агропромышленного комплекса Республики Казахстан на 2021–2030 годы².

¹ Метаданные. Уровень умеренного или острого отсутствия продовольственной безопасности населения (по «Шкале восприятия отсутствия продовольственной безопасности») [Электронный ресурс]. URL: https://eias.cisstat.org/biportal/?solution=International&allsol=1&project=%2FInternational%2FSDG_CIS (дата обращения: 29.08.2024).

² Постановление Правительства Республики Казахстан от 30.12.2021 № 960 «Об утверждении Концепции развития агропромышленного комплекса Республики Казахстан на 2021–2030 годы» [Электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2100000960#z60> (дата обращения: 29.08.2024).

**Трактовки понятия «продовольственная безопасность»
в контексте действующих документов в странах ЕАЭС**
Table 3. Interpretations of the concept of “food security”
in the context of current documents in the EAEU countries

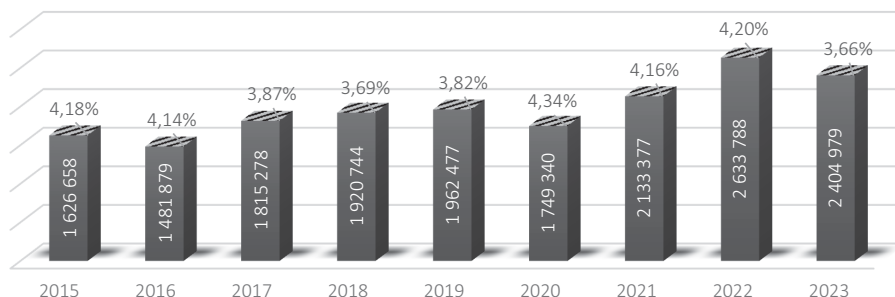
Страны ЕАЭС	Определение «продовольственная безопасность»	Документ
Армения	Обеспечение продовольственной безопасности государства — такое состояние экономики государства, которое обеспечивает продовольственную независимость страны и гарантирует физическую и экономическую доступность для населения пищевых продуктов, соответствующих здравоохранительным нормам	Закон Республики Армения от 05.06.2002 № ЗР-338 «Об обеспечении продовольственной безопасности» [Электронный ресурс]. URL: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1312&lang=rus (дата обращения: 29.08.2024)
	Продовольственная безопасность — это комплекс правовых, организационных, материально-технических и иных мероприятий, направленный на полноценное обеспечение продовольствием необходимого качества и достаточного количества, безопасного для здоровья, приемлемого с точки зрения социально-культурных и исторических особенностей общества, доступным для каждого члена общества, которое может потребляться им в любой момент и в любой ситуации (в том числе во время чрезвычайных ситуаций и военного положения) для ведения здорового и обеспеченного образа жизни	Распоряжение Президента Республики Армения от 18.05.2011 № НК-91-Н «Об утверждении Концепции обеспечения продовольственной безопасности Республики Армения» [Электронный ресурс]. URL: https://www.mineconomy.am/ru/page/1333 (дата обращения: 29.08.2024)
Беларусь	Продовольственная безопасность — состояние экономики, при котором независимо от влияния конъюнктуры мировых рынков и других внешних факторов жителям на всей территории гарантируется доступность к продовольствию в количестве, необходимом для активной, здоровой жизни, а также создаются социально-экономические условия для поддержания потребления основных продуктов питания на рациональном уровне. Продовольственная независимость — максимальная автономность и экономическая состоятельность национальной продовольственной системы, ее адаптивность к конъюнктуре мирового рынка при рациональном использовании производственного потенциала агропромышленного комплекса (далее — АПК) и эффективной внешнеэкономической деятельности	Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 15.12.2017 № 962 «О Доктрине национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года» [Электронный ресурс]. URL: https://mshp.gov.by/special/ru/documents_animal-ru/view/doktrina-natsionalnoj-prodovolstvennoj-bezopasnosti-respubliki-belarus-do-2030-goda-783/ (дата обращения: 29.08.2024)
Казахстан	Продовольственная безопасность предусматривает состояние защищенности экономики, в том числе агропромышленного комплекса, при котором государство способно обеспечить физическую и экономическую доступность населению качественных и безопасных продовольственных товаров, достаточных для удовлетворения физиологических норм потребления и демографического роста	Закон Республики Казахстан от 06.01.2012 № 527-IV «О национальной безопасности Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.08.2024) [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31106860 (дата обращения: 29.08.2024)
Кыргызстан	Продовольственная безопасность Кыргызской Республики (далее — продовольственная безопасность) — состояние экономики Кыргызской Республики, при котором обеспечивается продовольственная независимость республики и гарантируется физическая и экономическая доступность продовольствия для населения в соответствии с установленными минимальными нормами потребления продуктов питания	Закон Кыргызской Республики от 04.08.2008 № 183 «О продовольственной безопасности Кыргызской Республики» (в редакции Законов КР от 30.07.2013 № 175, 20.02.2017 № 28 [Электронный ресурс]. URL: https://agro.gov.kg/ru/законы/ (дата обращения: 29.08.2024)
Россия	Продовольственная безопасность — состояние социально-экономического развития страны, при котором обеспечивается продовольственная независимость Российской Федерации, гарантируется физическая и экономическая доступность для каждого гражданина страны пищевой продукции, соответствующей обязательным требованиям, в объемах не меньше рациональных норм потребления пищевой продукции, необходимой для активного и здорового образа жизни. Продовольственная независимость — самообеспечение страны основными видами отечественной сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия	Указ Президента Российской Федерации от 21.01.2020 № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://mcx.gov.ru/upload/iblock/3e5/3e5941f295a77fdcfed2014f82ecf37f.pdf (дата обращения: 29.08.2024)

Вопросы продовольственной безопасности для каждой из стран — членов ЕАЭС представляются неотъемлемым компонентом национальной безопасности. Например, в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь¹ заложен посыл значимости обеспечения продовольственной безопасности в контексте одного из основных национальных интересов в экономической сфере.

¹ Решение Всебелорусского народного собрания от 25.04.2024 № 5 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь» [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P924v0005> (дата обращения: 29.08.2024).

Сельское хозяйство в ЕАЭС: состояние и динамика производства

Производительное и стабильно растущее сельское хозяйство является основой обеспечения продовольственной безопасности [7]. Несмотря на невысокую долю сельского, лесного и рыбного хозяйства в ВВП Союза (рис. 1), в среднем за период с 2015 по 2023 гг. ежегодно объем валовой добавленной стоимости сельского, лесного и рыбного хозяйства возрастал на 2,23%.

▲ Удельный вес валовой добавленной стоимости сельского, лесного и рыбного хозяйства в ВВП, %

■ Валовой внутренний продукт (в текущих ценах), млн долл. США

Рис. 1. Сельское, лесное и рыбное хозяйство в структуре ВВП ЕАЭС

Fig. 1. Agriculture, forestry and fisheries in the structure of the EAEU GDP

Источник: разработано авторами по данным Департамента статистики ЕЭК [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/departement/dep_stat/union_stat/current_stat/national_accounts/ (дата обращения: 29.08.2024)

Среди ряда других видов экономической деятельности сельское, лесное и рыбное хозяйство (как и информация и связь, финансовая и страховая деятельность) сохраняло относительно высокую устойчивость даже в годы пандемии (рис. 2).

Рис. 2. Индексы физического объема валового внутреннего продукта по ряду видов экономической деятельности по ЕАЭС, %

Fig. 2. Indices of physical volume of gross domestic product for a number of types of economic activity in the EAEU, %

Источник: разработано авторами по данным Департамента статистики ЕЭК [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/departement/dep_stat/union_stat/current_stat/national_accounts/ (дата обращения: 29.08.2024)

Однако за последний год объем производства продукции сельского хозяйства в Союзе сократился с 166,4 млрд долл. США в 2022 г. до 135,6 млрд долл. США в 2023 г. (табл. 4). Общее уменьшение объема производства продукции сельского хозяйства в ЕАЭС в сопоставимых ценах на 1,1% было вызвано сокращением производства продукции растениеводства (на 2,9% в сопоставимых ценах) при росте производства продукции животноводства.

Таблица 4

Динамика объема производства продукции сельского хозяйства в ЕАЭС

Table 4. Dynamics of agricultural production volume in the EAEU

Показатели	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Объем производства продукции сельского хозяйства (в текущих ценах), млн долл. США	142 552	107 581	99 945	114 732	112 985	118 557	119 937	137 972	166 428	135 643
Индекс производства продукции сельского хозяйства (в постоянных ценах), % к предыдущему году	103,6	102,2	104,6	103,0	99,9	103,6	102,1	98,7	110,4	98,9
Производство продукции растениеводства (в текущих ценах), млн долл. США	71467	55837	52815	58742	57851	62069	66176	78176	95004	71187
Индекс производства продукции растениеводства (в постоянных ценах), % к предыдущему году	104,7	102,0	107,3	103,3	98,7	105,1	102,0	97,4	116,3	97,1
Производство продукции животноводства (в текущих ценах), млн долл. США	70861	51552	46967	55815	54872	56217	53500	59488	71009	64030
Индекс производства продукции животноводства (в постоянных ценах), % к предыдущему году	102,4	102,4	101,8	102,7	101,2	102,0	102,2	100,5	101,8	101,5

Источник: разработано авторами по данным Департамента статистики ЕЭК [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/departament/dep_stat/union_stat/current_stat/agriculture/ (дата обращения: 29.08.2024)

Достижения в развитии производства продукции растениеводства

За период с 2014 по 2023 гг. наибольший рост наблюдался по валовому сбору семян и плодов ма-сличных культур — в 2,2 раза, с 15,2 млн т до более 33 млн т. Главную роль в этом приросте сыграло увеличение посевных площадей (на 49,74%).

Максимальные объемы по валовому сбору среди основных сельскохозяйственных и многолет-них культур характерны для зерна, что предопределено лидирующей позицией России в мире (рис. 3). Валовый сбор зерна по ЕАЭС в целом увеличился с 133 900,4 тыс. т в 2014 г. до 171 757,8 тыс. т в 2023 г. (на 28,3%). При этом вклад России в обеспечение зерном возрос: в 2014 г. валовый сбор зерна составлял 105 211,6 тыс. т (79% от Союза) и 144 962,3 тыс. т в 2023 г. (84% от Союза).

За десять анализируемых лет по ЕАЭС фиксируется существенный рост (на 53,6%) валового сбора сахарной свеклы с 38 476,4 тыс. т в 2014 г. до 59 113,0 тыс. т в 2023 г. Важно отметить, что Союз в целом покрывает внутренние потребности в зерне, сахаре, овощах, растительных маслах за счет собственного производства.

Рост животноводства

В обеспечении продовольственной безопасности государств — членов ЕАЭС ключевую роль играет животноводство. Среди различных видов животноводческой продукции наибольшим темпом прироста в целом по ЕАЭС характеризуется производство мяса: в течение 2014–2023 гг. объем производства скота и птицы на убой в убойном весе увеличился на 28,6% и составил в 2023 г. 14, 519 млн т против объема 2014 г. в 11,292 млн т (табл. 5, с. 34). В среднем за год объемы производства по Союзу росли на 2,8% или

358,5 тыс. т. При этом только в 2023 г. наблюдалось незначительное сокращение объема производства скота и птицы на убой в убойном весе (на 0,3%). Наиболее динамично мясная отрасль развивалась в Казахстане (в среднем за год прирост составлял 4,2%), России (средний ежегодный прирост 2,8%) и Кыргызстане (средний ежегодный прирост 2,5%). В Армении сокращение производства мяса фиксировалось в 2019 г. (на 0,8%), в 2022 г. (на 6,7%) и в 2023 г. (на 3,1%); в Беларуси в 2021 г. на 2,5% и в 2022 г. на 2,3%.

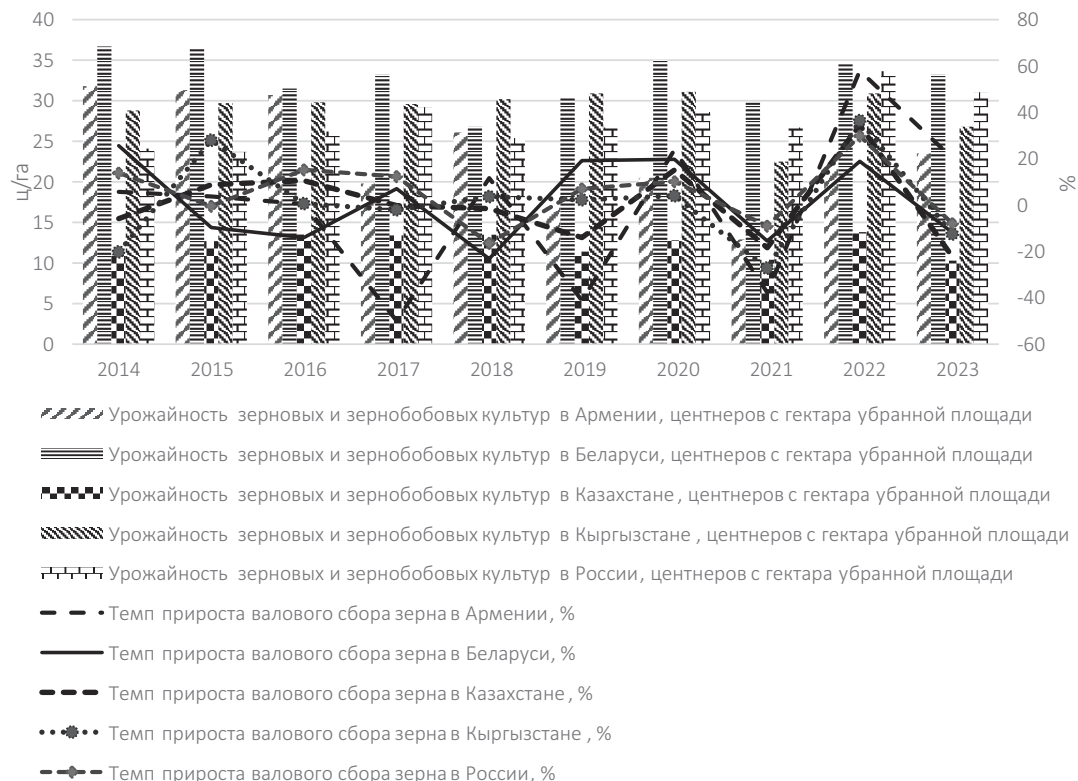

Рис. 3. Динамика урожайности и валового сбора зерна в государствах — членах ЕАЭС

Fig. 3. Dynamics of crop yield and gross grain harvest in the EAEU member states

Источник: разработано авторами по данным Департамента статистики ЕЭК [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/departament/dep_stat/union_stat/current_stat/agriculture/ (дата обращения: 29.08.2024)

Следует отметить, что за десять лет возросло поголовье:

- свиней в России и Армении — на 48,7% и 33,7% соответственно;
- крупного рогатого скота в Казахстане и Кыргызстане — на 47,1% и 28,4% соответственно;
- овец и коз в Казахстане и Кыргызстане — на 24,5% и 10,2% соответственно;
- лошадей в Казахстане — в 2,2 раза, в Кыргызстане, Армении и России — на 33,2%, 20,2% и 2,4% соответственно;
- птицы в Казахстане — на 65,5%, в Кыргызстане — на 29,8%, в России — на 10,3%, в Беларуси — на 9,1%, в Армении — на 7,9%.

Объемы производства молока в сравнении с производством мяса в Союзе увеличивались более медленными темпами: в среднем ежегодно на 1,7%. В целом за десять лет прирост производства молока составил 16,2%. Наибольший рост производства среди всех государств — членов ЕАЭС за время существования Союза наблюдался в Казахстане: на 28,3% с 4,93 млн т в 2014 г. до 6,50 млн т в 2023 г. (в среднем ежегодное увеличение составляло 2,8%). Поголовье коров в Казахстане в сравнении с другими странами Союза за анализируемый период достигло максимального увеличения (74,3%).

Производство продукции животноводства в государствах — членах ЕАЭС
Table 5. Livestock production in the EAEU member states

Страны ЕАЭС	Скот и птица на убой			Молоко			Яйца		
	Производство, тыс. т (в убойном весе)		Темп прироста, %	Производство, тыс. т		Темп прироста, %	Производство, млн шт.		Темп прироста, %
	2014	2023		2014	2023		2014	2023	
ЕАЭС, в том числе:	11292,2	14518,6	28,57	43903,2	51001,5	16,17	50982,5	56365,8	10,56
Армения	92,7	100,0	7,87	700,4	591,6	-15,53	641,8	732,2	14,09
Беларусь	1070,5	1273,3	18,94	6694,1	8331,2	24,46	3856,4	3438,8	-10,83
Казахстан	900,2	1302,6	44,70	5067,9	6503,2	28,32	4291,2	4919,9	14,65
Кыргызстан	202,8	252,5	24,51	1445,5	1777,6	22,97	445,8	685,7	53,81
Россия	9026,02	11590,5	28,41	29995,2	33797,9	12,68	41747	46589	11,60

Источник: разработано авторами по данным Департамента статистики ЕЭК [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/departement/dep_stat/union_stat/current_stat/agriculture/ (дата обращения: 29.08.2024)

Довольно неблагоприятной с позиции обеспечения продовольственной безопасности выглядит динамика фактического уровня самообеспечения России по молоку. На протяжении всего анализируемого периода показатель остается ниже порогового значения [1] Доктрины продовольственной безопасности (не достигает 90%)¹. В этой связи на российском молочном рынке на протяжении рассматриваемого периода была велика доля поставок из Беларуси в общем объеме импорта, которая достигает 70–80%. Импорт молочной продукции оказывает существенное давление на внутренние цены и на показатели окупаемости инвестиционных проектов в скотоводстве. Для уменьшения этого давления Россией неоднократно вводились технические ограничения на ввоз белорусских товаров. Таким образом, в сложившейся практике регулирования основное внимание уделялось вопросам поддержки отечественных производителей молока и импортозамещения, а не прямому решению проблемы недостаточной экономической доступности молочной продукции для малообеспеченных слоев населения [4].

Еще один стратегически важный продукт с позиции обеспечения продовольственной безопасности — яйцо, которое не только используется как продукт питания, но и является важным сырьем для птицеводческого производства. Производство данного вида продукции животноводства оказалось наименее кризисоустойчивым: падение объемов его производства началось или усилилось в ряде стран — членов ЕАЭС в 2020 г. и продолжалось в 2021 г.

В 2022 г. самообеспеченность яйцами собственного производства в Армении достигала 99,5%; в Беларуси — 127,2%; в Казахстане — 99%; в Кыргызстане — 81,3%; в России — 99%. Союз своими силами полностью покрывал потребность населения в яйце.

Оценка роста доступности сельскохозяйственной продукции

Уровень физической доступности продуктов питания, также являющийся одной из важных характеристик продовольственной безопасности [10], за анализируемые десять лет возрос по всем основным категориям продукции за исключением картофеля, производство которого на душу населения сократилось на 17,31% (табл. 6). Наибольший рост производства на душу населения с 2014 по 2023 гг. достигнут по семенам подсолнечника — в два раза. Существенно возросло производство на душу населения сахарной свеклы — на 50,9%.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 21.01.2020 № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/3e5/3e5941f295a77fdcfed2014f82ecf37f.pdf> (дата обращения: 29.08.2024).

Таблица 6

**Производство основных продуктов сельского хозяйства на душу населения в ЕАЭС
(хозяйства всех категорий; кг)**

Table 6. Production of main agricultural products per capita in the EAEU (farms of all categories; kilograms)

Категории продукции	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Темп прироста / убыли за 10 лет, %	Средний ежегодный темп прироста / убыли за 10 лет, %
Зерно (в весе после доработки)	735	735	822	901	767	798	886	792	1027	926	25,97	2,60
Семена подсолнечника (в весе после доработки)	50	54	64	62	74	88	76	90	95	100	101,20	8,08
Сахарная свекла	211	233	308	315	260	326	209	247	291	319	50,88	4,68
Картофель	194	197	179	175	175	173	157	146	153	160	-17,31	-2,09
Овощи	112	115	118	121	120	125	124	120	124	125	11,84	1,25
Бахчевые продовольственные культуры	21	24	24	24	24	24	24	27	25	26	21,92	2,23
Плоды и ягоды, включая орехи	23	22	24	22	28	26	29	30	33	31	37,57	3,61
Виноград	5	5	5	5	5	6	6	6	7	6	25,10	2,52
Скот и птица на убой (в убойном весе)	62	65	67	70	72	73	76	76	78	78	26,27	2,63
Молоко	241	242	242	246	248	253	261	263	267	275	14,09	1,48
Яйца, шт.	280	285	289	296	298	298	295	294	302	304	8,58	0,92

Источник: разработано авторами по данным Департамента статистики ЕЭК [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/departament/dep_stat/union_stat/current_stat/agriculture/ (дата обращения: 29.08.2024)

В 2023 г. в целом по ЕАЭС увеличилось производство на душу населения сахарной свеклы — на 9,7%; бахчевых продовольственных культур — на 6,6%, семян подсолнечника в весе после доработки — на 4,7%; картофеля — на 4,6%; молока — на 2,9%; овощей и яиц — на 0,7% (рис. 4).

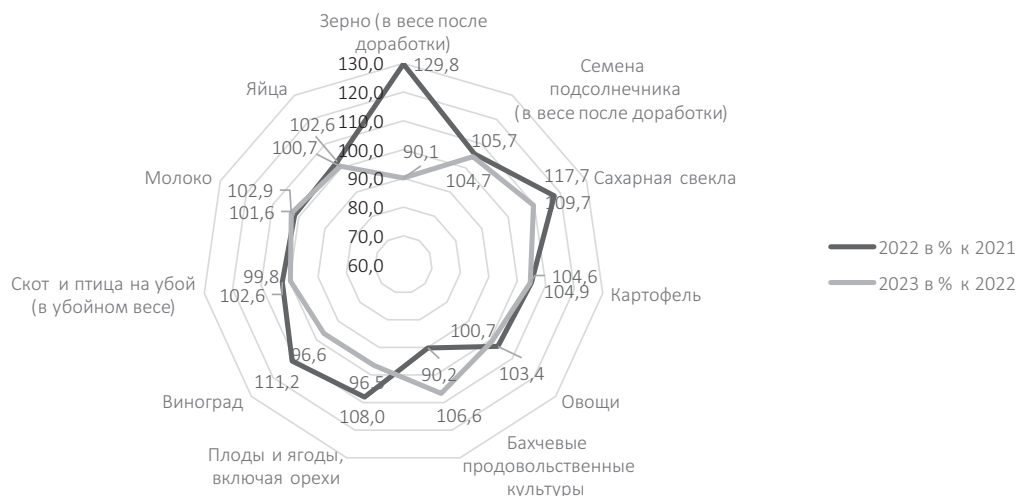

Рис. 4. Динамика урожайности и валового сбора зерна в государствах — членах ЕАЭС

Fig. 4. Dynamics of crop yield and gross grain harvest in the EAEU member states

Источник: разработано авторами по данным Департамента статистики ЕЭК [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/departament/dep_stat/union_stat/current_stat/agriculture/ (дата обращения: 29.08.2024)

При росте в 2022 г. производства зерна на душу населения в четырех из пяти государств — членов ЕАЭС сократилось потребление хлебных продуктов, и только в России его уровень остался неизменным (табл. 7).

Таблица 7

**Среднедушевое потребление ряда основных продуктов питания
в домашних хозяйствах в государствах — членах ЕАЭС**

Table 7. Per capita consumption of a number of basic food products in households
in the EAEU member states

Страны ЕАЭС	Хлебные продукты			Картофель			Овощи и бахчевые культуры		
	В среднем на члена домашнего хозяйства в месяц, кг		Темп прироста, %	В среднем на члена домашнего хозяйства в месяц, кг		Темп прироста, %	В среднем на члена домашнего хозяйства в месяц, кг		Темп при- роста, %
	2021	2022		2021	2022		2021	2022	
Армения	10,45	9,8	-6,60	3,38	3,19	-5,62	6,72	5,97	-11,16
Беларусь	7,09	6,4	-9,59	4,88	4,74	-2,87	7,84	7,34	-6,38
Казахстан	11,15	10,7	-4,39	3,86	3,75	-2,85	7,99	7,57	-5,26
Кыргызстан	10,03	10,0	-0,80	3,5	3,43	-1,72	6,79	6,92	1,91
Россия	7,51	7,5	0,27	4,37	4,37	0,00	8,41	8,67	3,09
Страны ЕАЭС	Мясо и мясопродукты			Молоко и молочные продукты			Яйца		
	В среднем на члена домашнего хозяйства в месяц, кг		Темп прироста, %	В среднем на члена домашнего хозяйства в месяц, кг		Темп прироста, %	В среднем на члена домашнего хозяйства в месяц, шт.		Темп прироста, %
	2021	2022		2021	2022		2021	2022	
Армения	2,61	2,33	-10,73	1,68	1,47	-12,50	12,21	12,97	6,22
Беларусь	7,39	6,83	-7,58	27,33	23,68	-13,36	20,63	19,64	-4,80
Казахстан	6,86	6,52	-4,96	20,26	18,86	-6,91	16,16	16,22	0,37
Кыргызстан	1,78	1,83	2,81	7,1	7,47	5,06	7,09	7,94	11,99
Россия	7,81	7,85	0,51	22,06	21,97	-0,41	19,39	20	3,15

Источник: разработано авторами по данным Департамента статистики ЕЭК [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/departament/dep_stat/union_stat/current_stat/agriculture/ (дата обращения: 29.08.2024)

Закключение

Высокий уровень продовольственной безопасности государств — членов ЕАЭС достигнут с опорой на совокупный потенциал Союза в аграрной сфере и, бесспорно, свидетельствует о грамотно проводимой аграрной наднациональной политике.

Скоординированная агропромышленная политика государств — членов ЕАЭС базируется на совокупности документов как наднационального, так и национального уровня каждого из государств — членов ЕАЭС, которые в целом подчеркивают сложность и комплексность продовольственной повестки. Правовое поле развития агропромышленного комплекса проанализировано в «Обзоре государственной политики в сфере агропромышленного комплекса государств — членов ЕАЭС за 2018–2022 годы»¹. При этом отметим, что взаимодействие государств — членов ЕАЭС в сфере агропромышленного комплекса регулируется разделом XXV «Агропромышленный комплекс» и Приложением № 29 «Протокол о мерах государственной поддержки сельского хозяйства» Договора о ЕАЭС, а также документами в его развитие. В развитие интеграционных процессов Решением Высшего Евразийского экономического совета утверждены Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года

¹ Обзор государственной политики в сфере агропромышленного комплекса государств — членов Евразийского экономического союза за 2018–2022 годы [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/departament/dep_agroprom/soglasovannaya-politika/Обзор%20по%20САПП%202018-2022.pdf (дата обращения: 29.08.2024).

(Решение ВЕЭС от 11.12.2020 № 12), в рамках которых предусмотрены в том числе мероприятия в части агропромышленного комплекса.

В проекте Концепции коллективной продовольственной безопасности государств — членов ЕАЭС (2019 г.) под «коллективной продовольственной безопасностью государств-членов понимается способность обеспечивать достаточный уровень физической и экономической доступности продуктов питания для населения государств-членов в количестве и качестве, соответствующих критериям высокого уровня жизни, преимущественно за счет собственного производства сельскохозяйственной продукции и продовольствия, на основе рационального использования ресурсного потенциала АПК, инновационного развития отраслей, межгосударственной кооперации, а также сбалансированного функционирования продуктовых рынков Союза»¹. Данное определение не противоречит трактовкам продовольственной безопасности, представленным на национальном уровне в документах государств — членов ЕАЭС (рассмотрено выше). Однако Концепция коллективной продовольственной безопасности государств — членов ЕАЭС так и не была принята.

Как ранее упоминалось, в 2021 г. Совет ЕЭК утвердил «Общие принципы и подходы к обеспечению продовольственной безопасности государств — членов ЕАЭС»², в которых сформулированы четыре принципа:

- недопустимость дискриминации;
- сочетание национальных интересов и целей ЕАЭС;
- обеспечение устойчивого развития;
- учет международного опыта при оценке продовольственной безопасности государств-членов.

К общим подходам относятся: повышение уровня национальной безопасности; реализация потенциала взаимной торговли; снижение зависимости государств — членов Союза от импорта материально-технических ресурсов из третьих стран [5].

Однако, на наш взгляд, на уровне интеграционного объединения определенно существует необходимость в принятии Концепции коллективной продовольственной безопасности ЕАЭС, которая, в частности, закрепляла бы термин объекта управления на наднациональном уровне. При этом само определение, представленное в проекте Концепции 2019 г., следует усилить в контексте достижения продовольственной независимости Союза.

В целом совокупность механизмов, методов и инструментов позволили на уровне Союза сформировать благоприятный ландшафт для достижения задач, закрепленных в рамках Цели 2 в области устойчивого развития (ЦУР 2). Выявленные позитивные тенденции в динамике основных показателей, характеризующих результаты развития сельского хозяйства в государствах — членах ЕАЭС, определяют повышение продовольственной безопасности как на наднациональном (в пределах Союза), так и на национальных уровнях.

Литература

1. Баяндин Н. И., Золотарева О. А. Информационное противоборство в продовольственной безопасности государства // Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России. 2022. № 4. С. 38–49. EDN: POKJXG. DOI: 10.52135/2410-4124_2022_4_38
2. Винокуров Е. (ред.), Ахунбаев А., Чуев С. [и др.] Продовольственная безопасность и раскрытие агропромышленного потенциала Евразийского региона. Доклады и рабочие документы 23/1. Алматы : Евразийский банк развития, 2023 [Электронный ресурс]. URL: https://eabr.org/upload/iblock/8b7/EDB_2023_Report-1_Food-Security_rus.pdf (дата обращения: 29.08.2024).
3. Добросоцкий В. И. Обеспечение продовольственной безопасности в странах Евразийского экономического союза: мировой и региональные аспекты : монография. М. : Одинцовский филиал МГИМО, 2019. 128 с. EDN: ZELNNG

¹ Концепция коллективной продовольственной безопасности государств — членов Евразийского экономического союза. Проект [Электронный ресурс]. URL: https://docs.eaeunion.org/pd/ru-ru/0123907/pd_28062019_att.pdf (дата обращения: 29.08.2024).

² Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 14.09.2021 № 89 «Об общих принципах и подходах к обеспечению продовольственной безопасности государств — членов Евразийского экономического союза» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_397452/09391a793de5b3c6e691ea33ce5a72ee1fe995ab/ (дата обращения: 29.08.2024).

4. Ксенофонов М. Ю., Ползиков Д. А., Урус А. В. Сценарии развития агропродовольственного рынка ЕАЭС в долгосрочной перспективе // Проблемы прогнозирования. 2020. № 6. С. 154–171. EDN: MLVJYP. DOI: 10.47711/0868-6351-183-154-171
5. Маслова Е. А. Продовольственная безопасность ЕАЭС: достижения и вызовы. Аналитическая статья [Электронный ресурс]. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/prodovolstvennaya-bezopasnost-eaes-dostizheniya-i-vyzovy/?sphrase_id=151355883 (дата обращения: 29.08.2024). EDN: SSBGOU
6. Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире—2023. Урбанизация, преобразование агропродовольственных систем и здоровый рацион питания в сельско-городском континууме. Рим, ФАО, 2023. 316 с. DOI: 10.4060/cc3017ru
7. Прудюс Е. В. Продовольственная безопасность — фундамент экономической безопасности страны // Проблемы рыночной экономики. 2023. № 2. С. 112–124. EDN: LFGNRL. DOI: 10.33051/2500-2325-2023-2-112-124
8. Adelbayeva A. K., Kasen K. R., Duisenbekuly A. Modern Realities and Trends in Food Security of the Republic of Kazakhstan // Problems of AgriMarket. 2023. No. 1. P. 41–49. DOI: 10.46666/2023-1.2708-9991.04
9. Bouchakour R., Bersali M. N. Food Independence and Efficient Exploitation of Natural Resources // International Journal of Technology Management & Sustainable Development. 2022. Vol. 21. No. 2. P. 161–180. DOI: 10.1386/tmsd_00055_1
10. Davis K. F. [et al.] Meeting Future Food Demand with Current Agricultural Resources // Global Environmental Change. 2016. Vol. 39. P. 125–132. DOI: 10.1016/j.gloenvcha.2016.05.004
11. Febriani A. S. Assessment of Food Security, Food Independence and Community Welfare in Food Insecure Areas // Journal of International Conference Proceedings (JICP). 2023. Vol. 6. No. 6. P. 52–63. DOI: 10.32535/jicp.v6i6.2702
12. Kurnia L. A., Iskandar D. D. Food Independence Determinant (Rice) in Supporting the Availability of National Rice // Ekonomi Pembangunan. 2019. Vol. 17. No. 31. P. 55–72. DOI: 10.22219/jep.v17i1.7904
13. Schubert J. N. The Impact of Food Aid on World Malnutrition // International Organization. 1981. Vol. 35. No. 2. P. 329–354.

Об авторах:

Агеев Александр Иванович, профессор МГИМО, генеральный директор Международного научно-исследовательского института проблем управления (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор;
e-mail: ageev@inesnet.ru; ORCID: 0000-0002-2826-2702

Золотарева Ольга Анатольевна, директор Центра демографии и статистики Института экономических стратегий, доцент кафедры статистики и математических методов в управлении ФГБОУ ВО МИРЭА — Российский технологический университет (Москва, Российская Федерация), кандидат экономических наук, доцент;
e-mail: OAMahova@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-7339-7510

References

1. Bayandin N. I., Zolotareva O. A. Information Confrontation in Food Security of the State // Scientific Bulletin of the military -industrial Complex of Russia [Nauchnyi vestnik oboronno-promyshlennogo kompleksa Rossii]. 2022. No. 4. P. 38–49. (In Russ.) EDN: POKJXG. DOI: 10.52135/2410-4124_2022_4_38
2. Vinokurov E. (ed.), Akhunbaev A., Chuev S. [et al.] Food Security and Unlocking the Agro-industrial Potential of the Eurasian Region. Reports and working papers 23/1. Almaty : Eurasian Development Bank, 2023 [Electronic resource]. URL: https://eabr.org/upload/iblock/8b7/EDB_2023_Report-1_Food-Security_rus.pdf (accessed: 29.08.2024). (In Russ.)

3. Dobrosotsky V. I. Ensuring Food Security in the Countries of the Eurasian Economic Union: Global and Regional Aspects : monograph. Moscow : Odintsovo branch of MGIMO, 2019. 128 p. (In Russ.) EDN: ZELNNG
4. Ksenofontov M. Yu., Polzikov D. A., Urus A. V. Scenarios of the EAEU Agricultural Market Development in the Long Term // Studies on Russian Economic Development. 2020. Vol. 31. No. 6. P. 700–716 (In Russ.) EDN: FZUEOI. DOI: 10.1134/S107570072006009X
5. Maslova E. A. Food Security of the EAEU: Achievements and Challenges. Analytical article [Electronic resource]. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/prodovolstvennaya-bezopasnost-eaes-dostizheniya-i-vyzovy/?sphrase_id=151355883 (accessed: 29.08.2024). (In Russ.) EDN: SSBGOU
6. The State of Food Security and Nutrition in the World–2023. Urbanization, Transformation of Agri-food Systems and Healthy Diets in the Rural-urban Continuum. Rome, FAO, 2023. 316 p. (In Russ.) DOI: 10.4060/cc3017ru
7. Prudius E. V. Food Security is the Basis of the Country's Economic Security // Market Economy Problems [Problemy rynochnoi ekonomiki]. 2023. No. 2. P. 112–124. (In Russ.) EDN: LFGNRL. DOI: 10.33051/2500-2325-2023-2-112-124
8. Adelbayeva A. K., Kasen K. R., Duisenbekuly A. Modern Realities and Trends in Food Security of the Republic of Kazakhstan // Problems of AgriMarket. 2023. No. 1. P. 41–49. DOI: 10.46666/2023-1.2708-9991.04
9. Bouchakour R., Bersali M. N. Food Independence and Efficient Exploitation of Natural Resources // International Journal of Technology Management & Sustainable Development. 2022. Vol. 21. No. 2. P. 161–180. DOI: 10.1386/tmsd_00055_1
10. Davis K. F. [et al.] Meeting Future Food Demand with Current Agricultural Resources // Global Environmental Change. 2016. Vol. 39. P. 125–132. DOI: 10.1016/j.gloenvcha.2016.05.004
11. Febriani A. S. Assessment of Food Security, Food Independence and Community Welfare in Food Insecure Areas // Journal of International Conference Proceedings (JICP). 2023. Vol. 6. No. 6. P. 52–63. DOI: 10.32535/jicp.v6i6.2702
12. Kurnia L. A., Iskandar D. D. Food Independence Determinant (Rice) in Supporting the Availability of National Rice // Ekonomi Pembangunan. 2019. Vol. 17. No. 31. P. 55–72. DOI: 10.22219/jep.v17i1.7904
13. Schubert J. N. The Impact of Food Aid on World Malnutrition // International Organization. 1981. Vol. 35. No. 2. P. 329–354.

About the authors:

Aleksandr I. Ageev, Professor MGIMO, General Director of International Research Institute for Advanced Systems (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor;
e-mail: ageev@inesnet.ru; ORCID: 0000-0002-2826-2702

Olga A. Zolotareva, Associate Professor, Director of the Center for Demography and Statistics, Institute for Economic Strategies; Associate Professor of the Department of Statistics and Mathematical Methods in Management of MIREA — Russian Technological University (Moscow, Russian Federation), PhD in Economics, Associate Professor;
e-mail: OAMahova@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-7339-7510

Квалификационные активы как стратегический интеллектуальный потенциал инновационного развития ЕАЭС

Иванус А. И.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

e-mail: aiivanus@fa.ru

ORCID: 0000-0002-1210-5286

РЕФЕРАТ

Замечено, что в законодательных актах США и Евросоюза появились позиции, указывающие на активизацию процесса оценки квалификационных активов, чего в истории никогда не было. Естественно, что этот неординарный шаг вызывает потребность выявления причин, мотивирующих данное явление. Сделано логическое предположение о наличии связи этого события с попыткой создания мер противодействия со стороны руководства США угрозе падения доллара как международной валюты.

Цель. Подобное масштабное оценочное мероприятие рассмотрено с точки зрения его огромного потенциально возможного экономического эффекта и предложено для использования, но уже в совершенно другом направлении — в разработке предложений не только и не столько по оценке квалификационных активов, сколько по использованию этой оценки в качестве стимула экономического роста и роста благосостояния работников стран — участниц ЕАЭС.

Задачи. Исследование предлагаемого мероприятия оценки квалификационных активов. Проведение анализа проблем, связанных с широкой практикой учета оценки в уставном капитале предприятий стран — участниц ЕАЭС.

Методология. Системный подход к изучению проблемы оценки и учета квалификационных активов. Изучение и анализ многолетнего мирового опыта задач практической оценки человеческого капитала и капитализации интеллектуальной собственности в России и за рубежом.

Результаты. Показан путь использования оценки квалификационных активов и учета в уставном капитале предприятий в интересах ускорения совместного инновационного развития стран — участниц ЕАЭС, а также стимулирования и повышения значимости образования и уровня жизни в целом.

Выводы. Процесс оценки и учета квалификационных активов в уставном капитале предприятия в принципе, как явление прогрессивное, неизбежен, вопрос только времени. Для стран — участниц ЕАЭС внедрение этого процесса в практику ускорит их инновационное развитие и повысит социальную значимость высшего и специального образования. Аналогичные выводы следует распространить и на страны — участницы БРИКС и ШОС.

Ключевые слова: человеческий капитал, оценка, учет, уставный капитал, финансовые пузыри

Для цитирования: Иванус А. И. Квалификационные активы как стратегический интеллектуальный потенциал инновационного развития ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 3. С. 40–45.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-03-40-45>. EDN: VPEJND

Qualifying Assets as Strategic Intellectual Potential for Innovation Development of the EAEU

Alexander I. Ivanus

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

E-mail: aiivanus@fa.ru

ORCID: 0000-0002-1210-5286

ABSTRACT

It has been noted that in the legislative acts of the United States and the European Union, clauses have appeared indicating an intensification of the process of assessing qualifying assets, which has never happened in history. Naturally, this extraordinary step raises the need to identify the reasons motivating this phenomenon. A logical assumption has been made about the existence of a connection between this event and an attempt to create countermeasures on the part of the US leadership to the threat of the fall of the dollar as an international currency.

Aim. Such a large-scale assessment exercise is considered from the point of view of its enormous potential economic effect and is proposed for use, but in the direction of a completely different goal — the development of proposals not only and not so much for the assessment of qualifying assets, but for the use of this assessment as a stimulus for economic growth and growth in the well-being of workers within the EAEU member countries.

Tasks. Investigation of the proposed qualifying asset valuation exercise. Conducting an analysis of problems associated with the widespread practice of taking into account valuations in the authorized capital of enterprises of the EAEU member countries.

Methods. A systematic approach to studying the problem of valuation and accounting of qualifying assets. Study and analysis of many years of world experience in the problems of practical assessment of human capital and capitalization of intellectual property in Russia and abroad.

Results. The way to use the assessment of qualifying assets and accounting in the authorized capital of enterprises is shown in the interests of accelerating their joint innovative development of the EAEU member countries, as well as stimulating and increasing the importance of education and living standards in general.

Conclusions. The process of assessing and accounting for qualifying assets in the authorized capital of an enterprise, in principle, as a progressive phenomenon, is inevitable, it is only a matter of time. For the EAEU member countries, the introduction of this process into practice will accelerate their innovative development and increase the social significance of higher education. Similar conclusions should be extended to the BRICS and SCO member countries.

Keywords: human capital, valuation, accounting, authorized capital, financial bubbles

For citation: Ivanus A. I. Qualifying Assets as Strategic Intellectual Potential for Innovation Development of the EAEU // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 3. P. 40–45. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-03-40-45>. EDN: VPEJND

Введение

В мировой экономике периодически происходят финансовые кризисы, большая часть которых связана с так называемыми финансовыми пузырями. В чем видится опасность финансовых пузырей? Экономическая наука утверждает, что эти пузыри «уводят» балансовое соотношение между произведенной массой товаров и слуг и объемом финансов слишком далеко от положения равновесия (или так называемой справедливой цены). Очевидно, что стабильность равновесия никогда не может быть достигнута. Но его польза в том, что он служит своего рода «точкой отсчета», относительно которой оценивается величина отклонения. Как правило, обычно эти отклонения на практике бывают как в сторону уменьшения, так и увеличения. А вот финансовые пузыри уводят эти отклонения слишком далеко от точки равновесия в сторону увеличения, производя тем самым провоцирующую кризисы разбалансировку экономических процессов.

Большие отклонения влекут за собой и большие риски. Поэтому экономическая наука признала необходимость изучения этого явления с позиций системного подхода.

Множество работ посвящено этому феномену. Среди них следует выделить работы С. Ю. Глазьева, который постоянно предупреждает об опасностях пузырей и рисков, с ними связанных [2; 3; 4].

Что здесь может произойти, какие риски появляются, в чем их опасность?

Основные проблемы и их решение

Среди всех угроз выделяется подрыв доверия к доллару как международной универсальной валюте. Если доллар «рухнет», то последствия будут непредсказуемыми, не исключая и вероятность мировой войны. Заслуживает внимания и утверждение: «Спрогнозировать сдутие пузыря весьма затруднительно, поскольку оно обычно представляет собой слом старой экономической модели (катастрофа), и даже если новая модель известна, то точный момент предсказать невозможно»¹.

Что же могут предпринять США для обеспечения равновесия товарной массы и финансового пузыря? Финансовая масса пузыря превышает товарную, имея в виду под товарной не только количество товаров, но и количество услуг и работ (естественно, что все они должны иметь денежное измерение). Но здесь сознательно не упоминается еще один важный продукт, который производит любая экономика, — это квалификация людей. Оказывается, финансовым пузырям можно противодействовать за счет оценки квалификационных активов. С позиций человеческих ценностей квалификация есть статусная вещь, которую стремятся использовать как 1) производственный актив, участвующий напрямую не только в производстве товаров и услуг, но и в воспроизводстве себя же в следующих поколениях, 2) важнейший элемент социального лифта, 3) объект общественного уважения и признания, коррелирующий с уровнем интеллекта.

Как видим, квалификация, с одной стороны, это вполне полноценный производственный актив, по своей экономической значимости он не меньше, чем любой другой актив, но, с другой стороны, квалификация — это не совсем такой же актив, как другие: он не продается и не покупается, не обменивается и не дарится, его невозможно украсть. Нельзя квалификацию врача, например, купить или продать, как телевизор или автомобиль. Он формируется прежде всего в мозге человека в процессе обучения (или самообучения). Когда человек обучается, то этот процесс обучения со всей очевидностью является затратным. В затратную часть его входят: зарплата учителей, преподавателей, стоимость учебников, пособий, аренда помещения, оплата расходов на электричество, стоимость компьютерной и другой оргтехники, накладные расходы учебной организации и проч. Кроме того, любое обучение — это еще и растянутый по времени процесс. Так устроен мозг человека, что он не может усвоить сложный материал за короткое время. Обдумывание материала, глубокое понимание его сути есть длительный процесс, спешка здесь, как правило, играет в обратную сторону. Такие нагрузки под силу преимущественно молодому уму, поэтому на приобретение квалификации уходят обычно лучшие молодые годы.

В результате калькуляции всех затрат на обучение мы получаем весьма значительную сумму, которая и определяет в итоге себестоимость квалификации как актива. Эту величину можно принять за базу отсчета по оценке квалификации как актива. Данный подход вполне очевиден, но он нам нужен для понимания единственно простой вещи, а именно, что квалификационный актив — это весьма дорогой продукт, производимый экономикой.

Но в феномене квалификации настораживают другие обстоятельства.

Во-первых, это отсутствие в реальной экономике оценки квалификации как актива непосредственно в денежных единицах. В настоящее время накопился в мире значительный опыт подмены понятия квалификации на понятие человеческого капитала (ЧК), оцениваемого в баллах, КТУ (коэффициент трудового участия) и других суррогатах, что уже заранее исключает возможность рассматривать ЧК как актив. При этом часто оценка ЧК сводится к оценке доли прибыли, получаемой за счет привлечения ЧК в производственном процессе [1; 8]. Если доля прибыли велика, то стоимость ЧК также велика, если мала — то и стоимость ЧК также мала. Это не вполне корректно. С таким же успехом можно считать, что если бизнес приносит прибыль, то за аренду помещения можно заплатить, а если не приносит, то и платить не за что. Аналогично, если покупается компьютер, то за него можно заплатить его цену только в том случае, если за счет этого компьютера увеличивается прибыль. Но так никто не делает, тогда почему же таким образом можно поступать с квалификацией?

¹ Экономический пузырь [Электронный ресурс] // Академик (сайт). URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/437533> (дата обращения: 25.05.2024).

Подобные рассуждения не новы. В России и в мире подобными расчетами ЧК занимались и занимаются много лет большое число ученых.

Во-вторых, и это самое главное, что с этой оценкой делать дальше. После такой оценки квалификации следует со всей логичностью этап ее учета на балансе предприятия, что с ЧК совсем не предусмотрено так поступать, так как он не признан активом. Вопрос подлежит обсуждению, но в качестве предварительного можно рассмотреть вариант учета и размещения оценки квалификационного актива в уставном капитале предприятия. Тогда произойдет качественный переход от наемного труда к труду не наемному, который можно определить как сотрудничество или совладение конечной продукцией. Здесь есть определенная тонкость: совладение именно конечной продукцией, а не предприятием, так как у предприятия уже есть собственник и делить эту собственность с другими претендентами чревато серьезными конфликтами. А вот на продукцию, пока она не произведена, собственника еще нет. И каждый владелец квалификации своим участием в производстве имеет право на долю собственности этой продукции, пропорциональной доле его квалификации в общей сумме квалификационных активов всех работников предприятия.

Таким образом, в результате мы получаем новую прогрессивную систему не только производства, но и распределения продукции, базисом которой служит квалификация работников. Ее прогрессивность проявляется в крайне выраженной мотивировке в получении высококачественного образования. Сознание того, что начинающий трудовую деятельность молодой человек становится собственником оцененной в рублях и учтенной квалификации, а потом он переносит эту собственность на выпускаемую продукцию, качественно меняет свое отношение к учебе, что особенно важно сейчас, когда, и это не секрет, качество и престиж высшего образования неуклонно падают. Опросы, проведенные автором в студенческих аудиториях, подтверждают уверенность в востребованности у молодежи именно такой системы.

Возвращаясь к началу статьи, где указано, что в США сделаны уже первые практические шаги в направлении оценки квалификационных активов, можно это подтвердить, приведя выдержку из одного из основных документов по бухгалтерскому учету США, который называется US GAAP (Generally Accepted Accounting Principles)¹, где по данному вопросу сказано: «Невозможность отделения актива от другого имущества американскими стандартами не рассматривается как препятствие для их признания нематериальными. Так, п. B37 SFAS № 142 допускает существование НМА, которые не могут быть отделены от другого имущества. В качестве примера стандарт приводит уникальный производственный процесс, имеющийся на предприятии. К таким же активам п. B37 SFAS № 142 относит и квалификацию (специальные навыки) работников» [10]. (НМА — нематериальные активы.)

Европейская практика признания квалификационных активов также проявила себя в Европейских международных стандартах финансовой отчетности — МФО (IAS), где сказано: «... особый управленческий или технический талант вряд ли будет отвечать определению нематериального актива, за исключением случаев, когда у организации есть юридические права на его использование и получение ожидаемых от него будущих экономических выгод и при этом он также отвечает остальным частям соответствующего определения»². Это, хотя и более робкие, чем в США, шаги, но тем не менее они ориентированы в этом же направлении.

Что же в этой части задекларировано в российских документах? Читаем документ под названием Федеральный стандарт бухгалтерского учета ФСБУ-14/2022 «Нематериальные активы». Здесь вполне конкретно сказано: «Настоящий стандарт не распространяется на: ... интеллектуальные и деловые качества персонала организации, его квалификацию и способность к труду»³. То есть в России практически

¹ Бестужев Н. А. Что такое GAAP и чем они отличаются от МСФО [Электронный ресурс] // Сайт практического журнала по управлению финансами компании «Финансовый директор». 28.02.2019. URL: <https://www.fd.ru/articles/12994-msfo-i-gaap-ssha-printsipialnye-otlichiya> (дата обращения: 30.08.2022).

² Там же.

³ Федеральный стандарт бухгалтерского учета ФСБУ 14/2022 «Нематериальные активы». Приказ Минфина от 30.05.2022 № 86н (Зарегистрировано в Минюсте 28.06.2022 № 69031) [Электронный ресурс] // Гарант.Ру. URL: <https://base.garant.ru/404902297> (дата обращения: 07.06.2024).

запрещено признавать квалификацию в качестве нематериальных активов, что совершенно неправомерно, так как это есть не только несправедливо, но и, по сути, без них в принципе никакая экономика не способна существовать. На создание актива и восполнение, если начать считать с момента рождения человека, уходит не менее 25 лет. Это срок слишком велик, чтобы не принимать во внимание сопутствующие ему затраты и самоустраняться от этой проблемы. Сложилась парадоксальная ситуация: квалификация, которая производит все предметы, богатства, ценности вокруг нас, оказывается, не признана в экономической практике активом. По доминирующему в экономической литературе определению: «Активы — это имущество, дебиторская задолженность и другие объекты, которые участвуют в создании дохода: например, деньги на счетах и в кассе, оборудование, транспорт, недвижимость, дебиторская задолженность, запасы, сырье, лицензии, товарные знаки, вклады в банках, акции и облигации других компаний»¹. Странно, что в эти «другие объекты» не включена квалификация. Конечно, в бухгалтерском учете все определения, положения и правила с позиций непризнания квалификации активом уже настолько «отшлифованы» и «отрепетированы», что тут трудно что-либо поменить. Но все-таки логика должна же в итоге преобладать над искусственными условностями.

Исторический аспект проблемы

Есть предположение, что данное положение вещей сложилось исторически [5]. Так, в учении К. Маркса есть понятие «человеческий труд», но нет признания квалификации этого труда как отдельной выделенной категории, отличающей простой физический труд от труда квалифицированного. Действительно, основные трудовые навыки рабочих XIX в. были весьма примитивными и далекими от того, чтобы их называли квалификацией. Поэтому в трудах К. Маркса присутствуют рассуждения, связанные с квалифицированным трудом, которые крайне тенденциозны [9]: «В той же мере, в какой увеличивается разделение труда, труд упрощается. Особая искусность рабочего утрачивает всякую ценность. Рабочий превращается в простую, однообразную производительную силу, от которой не требуется особых физических или умственных способностей и навыков. Его труд становится трудом, доступным для всех. Поэтому рабочего со всех сторон теснят конкуренты; напомним к тому же, что чем проще какая-нибудь работа, чем легче ей научиться, чем меньше издержек производства требуется для ее усвоения, тем ниже падает заработная плата, потому что заработная плата, подобно цене всякого товара, определяется издержками производства». Данное обстоятельство исчерпывающе объясняет причину отсутствия квалификации в качестве актива, и это отсутствие должно быть вообще-то благосклонно воспринято капиталистами, потому что оно оправдывает и маскирует их заинтересованность в минимизации заработной платы не только неквалифицированных, но заодно и квалифицированных рабочих.

В США логику необходимости оценки квалификации как фактора, способного противостоять финансовым пузырям, уже поняли. Если представить себе, что США проведут массовую оценку квалификационных активов (это миллионы врачей, учителей, преподавателей, ученых, инженеров и т. д.), уравнивая их суммарную стоимость со стоимостью финансовых пузырей, то тем самым спасут доллар.

Пути решения проблемы в рамках ЕАЭС

Сама по себе идея оценки и учета квалификационных активов не выглядит несбыточной. Однако здесь, как и во всяком новом деле, видны очевидные сложности. Если же этот процесс рассматривать сквозь призму применения к странам ЕАЭС, то тут необходимо указать на наличие следующих проблем.

1. Чрезвычайно большой объем работ, связанных с оценкой квалификации для миллионов работников. Здесь трудность в том, что эти оценки необходимо проводить практически одномоментно для всех работников. Если говорить о некотором предприятии, например, с численностью 500 чел., то здесь нельзя допустить, чтобы процесс оценки всех работников длился годами. В этом случае для части работников квалификация будет оценена сегодня, а другая часть только через годы.

¹ Активы [Электронный ресурс] // Сайт «Бизнес-Секреты». URL: <https://secrets.tinkoff.ru/glossarij/aktivy/> (дата обращения: 07.07.2024).

2. Трудности методического характера. Методики оценки квалификации зависят от профессии. Естественно, для врачей они не такие, как для инженеров в области IT.
3. Национальные особенности, присущие каждой стране ЕАЭС. Если говорить о квалификационных требованиях для одной и той же специальности, то в каждой стране они будут различны. Так, квалификация врача в Китае и квалификация врача в России — это качественно две разные квалификации. Каким образом эти требования согласовать между собой, требует отдельного рассмотрения.
4. Необходимо провести изменения в законодательстве и исправить положение в части учета квалификации таким образом, чтобы это стало одной из важнейших государственных задач. Тем более что квалификационные активы хотя де-юре отсутствуют, но тем не менее де-факто работают, создавая в итоге теневой сектор экономики, не имеющий, правда, криминального характера [5].
5. Недостаток кадрового обеспечения для качественного проведения всего комплекса мероприятий по оценке и учету квалификационных активов в масштабе ЕАЭС. Наиболее предпочтительным с организационной стороны здесь должно быть создание сети центров оценки квалификационных активов в каждой из стран ЕАЭС. В [7] в качестве примера показаны основные этапы процесса оценки квалификационных активов в масштабе России.

Заключение

В целом можно констатировать, что задача оценки и учета квалификационных активов имеет оптимистичные перспективы не только для ускорения совместного инновационного развития стран — участниц ЕАЭС, но также и для улучшения качества образования и перехода от малоэффективной системы стимулирования труда в виде зарплаты к более эффективной системе, основанной на зависимости от величины доли вклада своей интеллектуальной собственности в виде квалификации¹. То есть не только экономические, но и социальные последствия от такого перехода вполне очевидны.

В США это мероприятие может быть востребовано для спасения доллара, а в странах ЕАЭС — для увеличения темпов роста инновационного развития за счет максимально эффективного распоряжения интеллектуальным капиталом всех стран ЕАЭС.

Эти же выводы можно расширить и рекомендовать для стран БРИКС и ШОС.

Литература

1. Воронов А. С., Леонтьева Л. С., Орлова Л. Н., Сухарева М. А. Оценка состояния человеческого капитала на этапе шестого технологического уклада: гонка за региональным лидером // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2022. № 1. С. 41–63. EDN: BACTDN
2. Глазьев С. Ю. На пути становления нового мирохозяйственного уклада // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 1. С. 9–10. EDN: AKIQZW. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-01-9-10
3. Глазьев С. Ю. О глубинных причинах нарастающего хаоса и мерах по преодолению экономического кризиса // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. № 2. С. 11–22. EDN: XTVDL. DOI: 10.22394/2073-2929-2020-2-11-22
4. Глазьев С. Ю. Проблемы и перспективы российского финансового рынка в условиях структурных изменений мировой экономики // Финансы: теория и практика. 2020. Т. 24. № 3. С. 6–29. EDN: IWMJPT. DOI: 10.26794/2587-5671-2020-24-3-6-29
5. Иванус А. И. Оценка и учет квалификационных активов — неизбежность инновационного развития России // Теоретическая экономика. 2022. № 9 (93). С. 28–33. EDN: GUKGVR. DOI: 10.52957/22213260_2022_9_28
6. Иванус А. И. Что не успел сделать К. Маркс, или Почему надо оценивать квалификационные активы? // Теоретическая экономика. 2018. № 2 (44). С. 101–105. EDN: YPTVKH
7. Иванус А. И., Айбосынова Д. А. Об оценке профессиональных активов в задаче управления инновационной экономикой в условиях новой нормальности // Хроноэкономика. 2017. № 1 (3). С. 9–12. EDN: YNFXRH

¹ Иванус А. И. О потенциале учета и капитализации нематериальных активов евразийских стран как стимуле инвестиционной экономики. Доклад на расширенном восьмом заседании Президиума Научно-технического совета при Председателе Коллегии Евразийской экономической комиссии (в рамках III Евразийского аналитического форума). Москва: РУДН. 19.10.2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/9SjlfnaQu50> (дата обращения: 06.07.2024).

8. *Капелюшников Р. И.* Сколько стоит человеческий капитал России? М. : Высш. шк. экономики, 2012. 74 с. (Серия WP3. Проблемы рынка труда). EDN: QVLBNH
9. *Маркс К.* Наемный труд и капитал. Изд. 2-е. Т. 6. 456 с.
10. *Трофимова Л. Б.* Международные стандарты финансовой отчетности : учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. 5-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2018. 242 с. ISBN: 978-5-534-10749-4

Об авторе:

Иванус Александр Иванович, профессор кафедры моделирования и системного анализа Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук, кандидат технических наук;
e-mail: aiivanus@fa.ru; ORCID: 0000-0002-1210-5286

References

1. Voronov A. S., Leontieva L. S., Orlova L. N., Sukhareva M. A. Assessment of the State of Human Capital at the Stage of the Sixth Technological Order: The Race for the Regional Leader // Moscow University Bulletin. Series 21. Public Administration [Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21: Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)]. 2022. No. 1. P. 41–63. (In Russ.) EDN: BACTDN
2. Glazyev S. Yu. On the Path to the Formation of a New World Economic Order // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2024. Vol. 18. No. 1. P. 9–10. (In Russ.) EDN: AKIQZW. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-01-9-10
3. Glazyev S. Yu. On the Underlying Causes of Growing Chaos and Measures of the Economic Crisis Overcoming // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2020. No. 2. P. 11–22. (In Russ.) EDN: XTVDEL. DOI: 10.22394/2073-2929-2020-2-11-22
4. Glaz'ev S. Yu. Problems and Prospects of the Russian Financial Market in the Context of Structural Changes in the World Economy // Finance: Theory and Practice [Finansy: teoriya i praktika]. 2020. Vol. 24. No. 3. P. 6–29. (In Russ.) EDN: IWMJPT. DOI: 10.26794/2587-5671-2020-24-3-6-29.
5. Ivanus A. I. Assessment and Accounting of Qualifying Assets — the Inevitability of Russia's Innovative Development // Theoretical Economics [Teoreticheskaya ekonomika]. 2022. No. 9 (93). P. 28–33. (In Russ.) C. 28–33. EDN: GUKGVR. DOI: 10.52957/22213260_2022_9_28
6. Ivanus A. I. That Didn't Make Marx, or why our Qualifications Are Not Worth Anything? // Theoretical Economics [Teoreticheskaya ekonomika]. 2018. No. 2 (44). P. 101–105. (In Russ.) EDN: YPTVKH
7. Ivanus A. I., Aibosynova D. A. On the Assessment of Professional Assets in the Problem of Managing an Innovative Economy in the Conditions of the New Normality // ChronoEconomics [Khronoekonomika]. 2017. No. 1 (3). P. 9–12. (In Russ.) EDN: YNFXRH
8. Kapelyushnikov R. I. How Much Is Russia's Human Capital Worth? Moscow : Higher school of economics, 2012. 74 p. (Series WP3. Problems of the Labor Market). (In Russ.) EDN: QVLBNH
9. Marx K. Wage Labor and Capital. Ed. 2-e, Vol. 6. p. 456.
10. Trofimova L. B. International Financial Reporting Standards: textbook and workshop for undergraduate and graduate students. 5th ed., rev. and additional. Moscow : Yurayt, 2018. 242 p. ISBN: 978-5-534-10749-4

About the author:

Alexander I. Ivanus, Professor of the Department of Modeling and System Analysis, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation), Doctor of Economic Sciences, Candidate of Technical Sciences;
e-mail: aiivanus@fa.ru; ORCID: 0000-0002-1210-5286

Анализ современного состояния и перспективы развития рынка туристических услуг КНР

Куклина Е. А.^{*}, Ван Хэфэй

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

^{*} e-mail: jeakuklina@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0457-2658

РЕФЕРАТ

Цель. Анализ современного состояния рынка туристических услуг Китая и перспектив его развития в контексте государственной политики КНР.

Задачи. Выполнить кластерный анализ предпринимательской активности в сфере туризма, построить диаграмму распределения турагентств по кластерам; выполнить анализ современного состояния рынка туристических услуг в разрезе ключевых метрик; изучить меры государственной поддержки отрасли; определить перспективы развития рынка туристических услуг КНР и российско-китайского сотрудничества в контексте реализации новой стратегии «двойной циркуляции».

Методология. Основа и методы исследования: системный подход, логический анализ, синтез, кластерный и регрессионный анализ, контент-анализ открытых источников.

Результаты. Модель современного туристического ландшафта Китая со стороны предложения включает три кластера; спецификой внутреннего туристического рынка Китая является сегмент праздничного туризма; новым драйвером экономического роста является внутренний туризм, предпочтения внутренних туристов отражают широкий диапазон интересов; система государственной поддержки туризма включает прямые и косвенные методы, которые адаптируются под изменения внешней и внутренней среды.

Выводы. Перспективы сотрудничества КНР и РФ оцениваются достаточно высоко; благоприятными факторами в развитии российско-китайского сотрудничества является открытие новых «окон возможностей» после пандемии COVID-19, а также ограничение выездного турпотока в недружественные страны и изменения вектора в направлении стран БРИКС, ШОС, ЕАЭС.

Ключевые слова: туризм, кластер, государственная поддержка, Китай, арктический трек

Для цитирования: Куклина Е. А., Ван Хэфэй. Анализ современного состояния и перспективы развития рынка туристических услуг КНР // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 3. С. 47–61.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-03-47-61>. EDN: VPVPAQ

Analysis of the Current State and Prospects for the Development of the Tourism Services Market in China

Evgenia A. Kuklina^{*}, Wang Hefei

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation

^{*} e-mail: jeakuklina@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0457-2658

ABSTRACT

Aim. The purpose of the study is to analyze the current state of the Chinese tourism services market and the prospects for its development in the context of the public policy of the PRC.

Tasks. Research objectives: perform a cluster analysis of entrepreneurial activity in the field of tourism, construct a diagram of the distribution of travel agencies by clusters; comply with the current state of the tourism services market in terms of key metrics; study government support measures for the industry; determine the prospects for the development of the tourism services market of the PRC and Russian-Chinese cooperation in the context of the implementation of the new “double circulation” strategy.

Methods. Methodological basis and research methods: systematic approach, logical analysis, synthesis, cluster and regression analysis, content analysis of open sources.

Results. The results obtained: the supply-side model of China’s modern tourism landscape includes three clusters; The specificity of China’s domestic tourism market is the holiday tourism segment; a new driver of economic growth is domestic tourism, the preferences of domestic tourists reflect a wide range of interests; the system of state support for tourism includes direct and indirect methods that adapt to changes in the external and internal environment.

Conclusions. With a high probability, the prospects for cooperation between the PRC and the Russian Federation are assessed quite highly; favorable factors in the development of Russian-Chinese cooperation are the opening of new “windows of opportunity” after the COVID-19 pandemic, as well as the restriction of outbound tourist flows to unfriendly countries and changes in the vector towards the BRICS countries, SCO, and EAEU.

Keywords: tourism, cluster, government support, China, Arctic track

For citation: Kuklina E. A., Wang Hefei. Analysis of the Current State and Prospects for the Development of the Chinese Tourism Services Market // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 3. P. 47–61. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-03-47-61>. EDN: VPVPAQ

Введение

Актуальность исследования. К настоящему времени в Китае создано «общество средней зажиточности» и Председателем Госсовета КНР Си Цзиньпином провозглашена новая стратегия экономического роста на период до 2035 г. с опорой на внутренний спрос, в том числе в сфере туризма и рекреации. Эта стратегия «двойной циркуляции» (双循环, *shuāng xún huán*) [14] реализует национальную экономическую модель политики реформ и открытости Дэн Сяопина, для описания которой китайский исследователь Ван Цзянь (*Wang Jian*) в 1988 г. предложил термин «международная циркуляция»¹.

Данная модель представляет собой экспортно-ориентированную модель экономического роста, позволяющую КНР в глобальных производственных цепочках использовать преимущества дешевой рабочей силы. Концепция новой модели — опора на внутреннее потребление (первый цикл) при вспомогательной роли увеличения объемов экспорта и инвестиций (второй цикл). В этой модели, которую также называют моделью «двойного цикла», государство сохраняет роль главного игрока во всех ключевых сферах, в том числе в воспроизводстве человеческого капитала. Повышение качества жизни и рост благосостояния населения, формирующие новые стандарты потребления, остаются главными целями развития, и в данном контексте исследование, посвященное анализу рынка туристических услуг КНР, является достаточно актуальным.

Целью исследования является анализ современного состояния рынка туристических услуг Китая и перспектив его развития. *Задачи исследования:* выполнить кластерный анализ предпринимательской активности в сфере туризма, построить диаграмму распределения турагентств по кластерам; выполнить

¹ Yu Yongding. Decoding ‘dual circulation’ strategy [Электронный ресурс] // Chinadaily.com.cn. Opinion. 10.12.2020. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202010/12/WS5f839118a31024ad0ba7df1e.html> (дата обращения: 15.08.2024).

анализ современного состояния рынка туристических услуг в разрезе ключевых метрик; определить перспективы развития рынка туристических услуг КНР и российско-китайского сотрудничества.

Материалы и методы

Теоретической и методологической основой работы стали результаты исследований отечественных и зарубежных ученых, посвященные изучению туристической отрасли КНР. В качестве методической основы исследования использован системный подход, логический анализ и синтез. Полученные результаты базируются на кластерном и регрессионном анализе, контент-анализе открытых источников. Информационную базу составили статистические данные КНР в области туризма и рекреации, а также результаты академических исследований, посвященные данной предметной области.

Результаты

Согласно «Закону о туризме Китайской Народной Республики», предприятия сферы туризма — это относительно независимые бизнес-единицы, занимающиеся экономической деятельностью в сфере туризма под руководством государства. Предприятия этой отрасли национальной экономики представляют собой предприятия сферы услуг, которые обеспечивают путешественников питанием, проживанием, поездками, экскурсиями, покупками, развлечениями и приносят доход.

Если рассматривать цепочку создания стоимости в сфере туристско-рекреационных услуг, то можно выделить три группы предприятий, занимающихся производством и эксплуатацией турпродуктов: *прямые предприятия* — турагентства, гостиницы, рестораны, магазины сувениров, транспортные компании, туристические достопримечательности, развлекательные заведения и т. д.; *вспомогательные предприятия* — управляющие компании, сервисные компании, кино- и телекомпании, издательские подразделения, предприятия связи, а также сферы бытового обслуживания и такие отрасли, как пищевая и медицинская; *развивающие организации* — соответствующие государственные учреждения, туристические колледжи и университеты, а также научно-исследовательские институты сферы туризма.

Будучи одним из крупнейших в мире, китайский рынок туристических услуг играет важную роль в национальной экономике. Поскольку в последние годы Китай начал строить новую экономику с двойным циклом (экономику «двойной циркуляции»), результаты деятельности и конкурентоспособность индустрии туристических услуг стали предметом пристального изучения как китайских, так и зарубежных исследователей. В данной статье обобщены результаты исследования, посвященного анализу рынка туристических услуг КНР, с целью оценки его текущего состояния, тенденций развития, проблем, а также потенциальных возможностей.

С 2000 г. Китайское национальное управление по туризму (CNTA) больше не управляет делами туристических агентств, передав функции управления местным туристическим бюро. Туристические агентства КНР подразделяются на внутренние агентства и международные агентства (имеющие или не имеющие право на выезд); внутренние агентства делятся на: агентства по организации туров (турагенты, которые присутствуют в пункте отправления и заключают договоры); офисы (также известные как оптовики, дистрибьюторы, агенты и контрагенты) и наземные принимающие агентства (турагенты в пункте назначения, которые принимают туристов от агентства по организации туров в пункте отправления).

По состоянию на конец 2023 г. в Китае насчитывалось 56 275 турагентств, что составляет +24,6% к уровню 2022 г. (рис. 1, с. 50).

Выполним анализ активности турагентств по регионам с использованием методики кластерного анализа на основе официальных статистических данных КНР¹. Объект кластеризации — выборка турагентств провинций Китая и динамика их изменения (роста) за период 2021–2023 гг. По результатам кластерного

¹ 2023年度中国旅行社数量表 [Электронный ресурс]. URL: <https://zwgk.mct.gov.cn/zfxgkml/tjxx/202406/P020240618551324081642.docx> (дата обращения: 10.07.2024).

анализа была построена дендрограмма распределения турагентств КНР (рис. 2), которые включают наиболее близкие по темпам роста в 2021–2023 гг. агентства всех 32 регионов Китая.

Рис. 1. Динамика количества туристических агентств в Китае за период 2021–2023 гг.

Fig. 1. Dynamics of the number of travel agencies in China for the period 2021–2023

Источник: составлено авторами по: 2023年度中国旅行社数量表 [Электронный ресурс]. URL: <https://zwgk.mct.gov.cn/zfxgkml/tjxx/202406/P020240618551324081642.docx> (дата обращения: 10.07.2024)

Так, отдельным кластером (C1) с самыми высокими показателями прироста относительно первого (2021 г.) и последнего (2023 г.) наблюдения стали Пекин, Шаньдун, Чжэцзян, Гуандун, Цзянсу. Второй кластер (C2) включает крупные города (Шанхай, Сычуань, Хубэй), а также Внутреннюю Монголию и другие регионы, которые являются наиболее стабильными по темпам прироста турагентств относительно наблюдений. Третий кластер (C3) включает регионы с малым количеством туристических агентств, но с хорошими темпами прироста за весь период наблюдений, среди них остров Хайнань и Тибетский автономный район (ТАР), расположенный на юго-западе Цинхай-Тибетского нагорья. Правомомерность такого распределения подтверждается диаграммой рассеивания кластеров, на которой представлено соотношение кластеров за период наблюдения и темп прироста турагентств в Китае (рис. 3, с. 52).

Уровень предпринимательской активности в сфере туризма и рекреации (предложение услуг) во всех регионах Китая повысился, но в разной степени. Так, в Пекине, Хунане, Внутренней Монголии, Шаньси, Синьцзяне, Гуйчжоу, Хайнане и Чунцине количество туристических агентств увеличилось более чем на треть (в т. ч. в Пекине — на 48%). Максимальная плотность турагентств — в столице (5027); в трех регионах функционирует менее 500 турагентств (Тибетский автономный район — 390, Нинся — 253, Корпус — 195).

С целью прогнозирования количества туристических агентств в Китае в 2024 г. нами был проведен регрессионный анализ, основанный на соотношении показателей по каждому году наблюдения с показателем темпа прироста турагентств. Таким образом, удалось построить линейную регрессию и вычислить с ее помощью такие показатели, как средняя квадратичная ошибка (MSE), среднеквадратичная ошибка (RMSE), средняя абсолютная ошибка (MAE), средняя абсолютная процентная ошибка (MAPE) и коэффициент детерминации (R²), которые представлены в табл. 1.

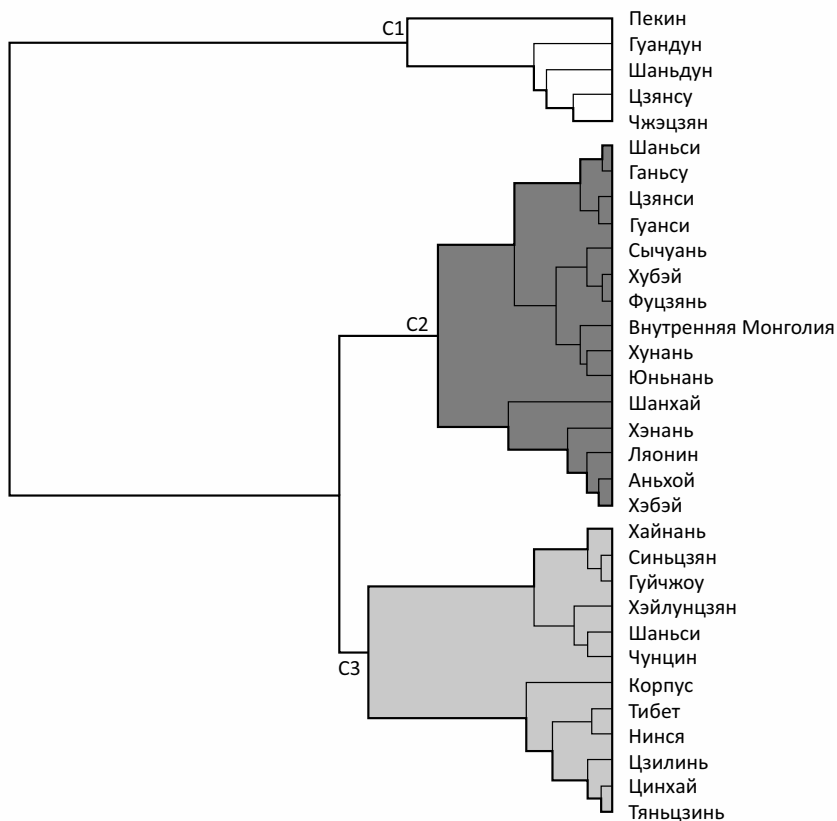

Рис. 2. Дендрограмма распределения по кластерам туристических агентств Китая

Fig. 2. Dendrogram of cluster distribution of travel agencies in China

Примечание: C1, C2, C3 — кластеры

Источник: разработано авторами

Таблица 1

Результаты регрессионного анализа

Table 1. Results of regression analysis

Model	MSE	RMSE	MAE	MAPE	R2
Linear Regression	0,008	0,091	0,054	0,306	0,141
Random Forest	0,009	0,094	0,075	0,478	0,091

Источник: рассчитано авторами

Для наглядности представления исследуемой модели был использован метод «случайного леса» (Random Forest), который применяется для анализа данных через «деревья решений». Коэффициент детерминации моделей R^2 показывает, какая доля вариативной зависимой переменной в проведенном регрессионном анализе объясняется независимыми переменными модели. Адекватность модели характеризуется приближением R^2 к 1, но в нашем случае данный показатель является довольно низким и можно говорить о двух возможных сценариях развития модели: а) непредсказуемость ее изменения во времени; б) массив данных, которые были бы наглядными для прогнозирования, недостаточен и требуется использование дополнительных параметров оценки. На самом деле это является неплохим результатом, который демонстрирует хорошие возможности прироста туристических агентств в следующем году наблюдения, т. е. в 2024 г.

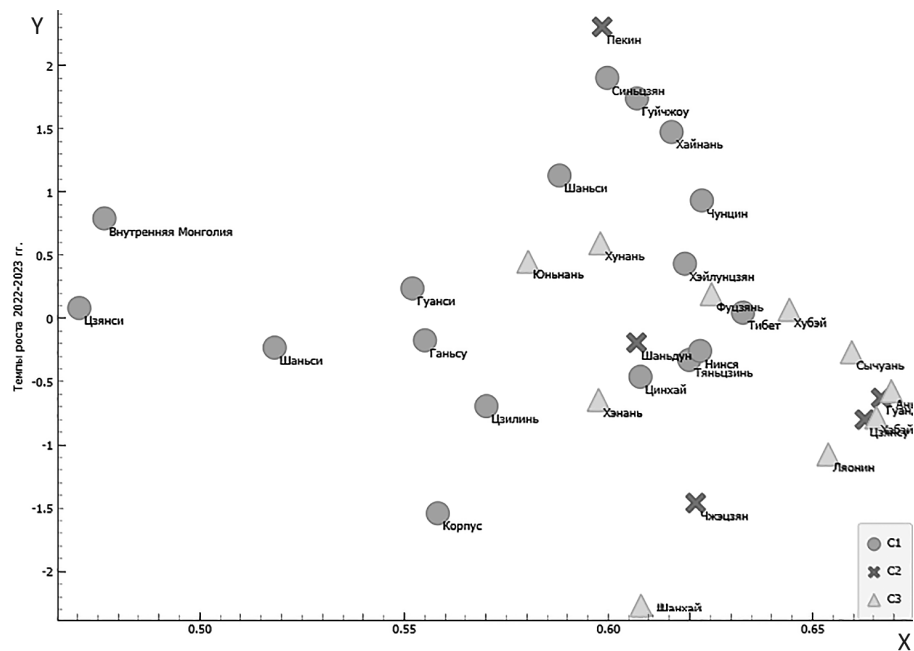

Рис. 3. Диаграмма рассеивания кластеров

Fig. 3. Cluster Scatterplot

Примечание: ось x — качественные характеристики кластера, при которых самые высокие значения показывают наиболее высокие показатели принадлежности к признаку, ось y — темпы роста

Источник: составлено авторами

2023 г. стал годом активного восстановления туристической отрасли Китая после пандемии COVID-19 (рис. 4).

Рис. 4. Динамика количества внутренних туристов в Китае и темпы роста за период 2019—2023 гг.

Fig. 4. Dynamics of the number of domestic tourists in China and growth rates for the period 2019—2023

Источник: 2023年中国国内旅游数据情况 [Электронный ресурс]. URL: https://zwgk.mct.gov.cn/zfxgkml/tjxx/202402/t20240208_951300.html
(дата обращения: 10.07.2024)

Если рассматривать поток внутренних туристов в Китае по кварталам в 2023 г., то третий квартал — это традиционный пиковый сезон, обусловленный ажиотажным спросом в период летних отпусков (июль — август), с наибольшим количеством внутренних туристов — 1,291 млрд чел. (рис. 5).

Рис. 5. Динамика количества внутренних туристов в Китае по кварталам 2023 г. и темпы роста по сравнению с аналогичным периодом 2022 г.

Fig. 5. Dynamics of the number of domestic tourists in China by quarter in 2023 and growth rates compared to the same period in 2022

Источник: 2023年中国国内旅游数据情况 [Электронный ресурс]. URL: https://zwgk.mct.gov.cn/zfxgkml/tjxx/202402/t20240208_951300.html
(дата обращения: 10.07.2024)

На фоне высокого уровня спроса и предложения на рынке культурного туризма Китая разница между кварталами 2023 г. сокращается, демонстрируя характеристики «межсезонье не медленное, а пиковый сезон — процветающий».

По сравнению с показателем 2022 г. число прибытий по внутреннему туризму увеличилось во всех кварталах года, причем в IV квартале рост был наибольшим (примерно в 1,8 раза). Основными потребителями внутреннего туризма являются городские жители, которые в 2023 г. совершили 3,758 млрд поездок (+94,9% к уровню 2022 г.); сельские жители совершили 1,133 млрд поездок (+ 88,5% к уровню 2022 г.).

Динамика структуры внутренних туристов в городских и сельских районах Китая в 2019–2023 гг. представлена на рис. 6 (с. 54).

В 2023 г. доходы от внутреннего туризма выросли на 140,3%, что стало ощутимым увеличением, переломившим негативную ситуацию снижения доходов с 2020 г. (рис. 7, с. 54).

Динамика потребления услуг внутреннего туризма городскими и сельскими жителями (рис. 8, с. 55) свидетельствует о восстановлении поступления доходов от внутреннего туризма в 2023 г. по сравнению с 2019 г., что является индикатором наличия значительного потенциала внутреннего потребления туристических услуг в Китае.

Согласно «Зеленой книге туризма: анализ и прогноз развития туризма в Китае с 2023 по 2024 год», опубликованной Китайской академией общественных наук, рост туристического потребления сосредоточен на «проживании» и «питании», в то время как «покупательское» потребление наиболее предпочтительно для ремесленных изделий, коллекций сувениров и продуктов питания.

Национальной особенностью внутреннего туристического рынка Китая является наличие сегмента праздничных путешествий. В течение 2023 г. на туристическом рынке все более ощутимо проявлялась тенденция восстановления рынка культуры и туризма. Показатели рынка внутреннего туризма во время различных национальных праздников (табл. 2, с. 55) отражают устойчивость и потенциал развития экономики туристической отрасли Китая, ее жизнеспособность.

Рис. 6. Динамика структуры внутренних туристов в городских и сельских районах в Китае, 2019–2023 гг.

Fig. 6. Dynamics of Domestic Tourist Arrival Structure in Urban and Rural Areas in China, 2019–2023

Источник: составлено авторами по:

2023年中国国内旅游数据情况 [Электронный ресурс]. URL: https://zwgk.mct.gov.cn/zfxgkml/tjxx/202402/t20240208_951300.html
(дата обращения: 10.07.2024)

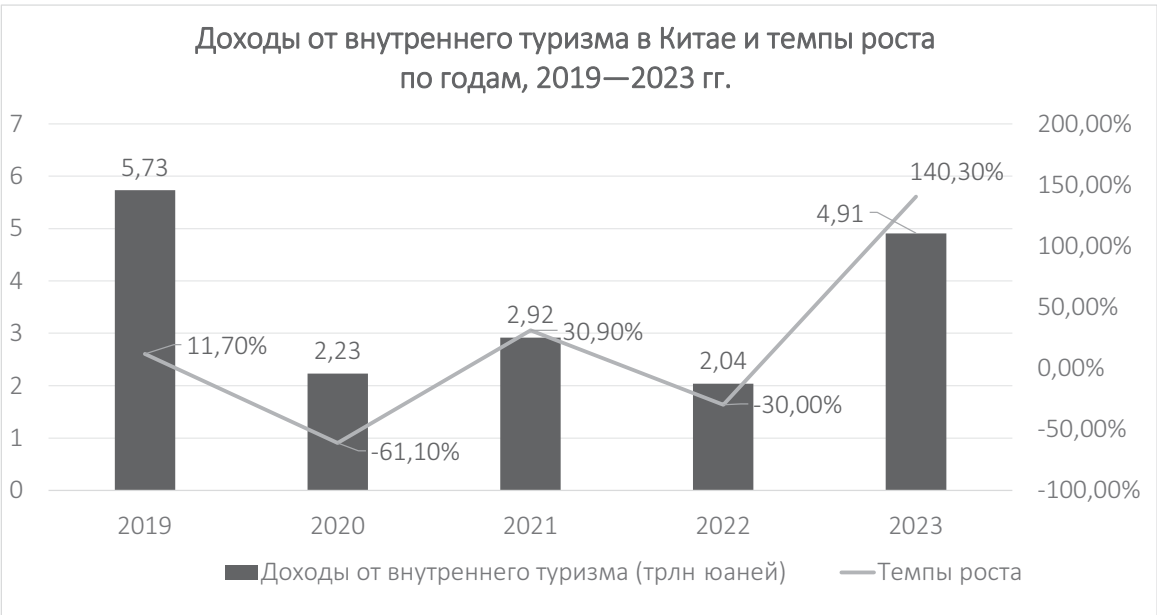

Рис. 7. Динамика доходов от внутреннего туризма в Китае и темпы роста по годам, 2019–2023 гг.

Fig. 7. Dynamics of domestic tourism revenue in China and growth rates by year, 2019–2023

Источник:

2023年中国国内旅游数据情况 [Электронный ресурс]. URL: https://zwgk.mct.gov.cn/zfxgkml/tjxx/202402/t20240208_951300.html
(дата обращения: 10.07.2024)

Рис. 8. Динамика потребления услуг внутреннего туризма в Китае городскими и сельскими жителями, 2019–2023 гг.

Fig. 8. Dynamics of Consumption of Domestic Tourism Services in China by Urban and Rural Residents, 2019–2023

Источник: составлено авторами по:

2023年中国国内旅游数据情况 [Электронный ресурс]. URL: https://zwgk.mct.gov.cn/zfxgkml/tjxx/202402/t20240208_951300.html

(дата обращения: 10.07.2024)

Таблица 2

Показатели рынка внутреннего туризма Китая во время различных праздников

Table 2. China's Domestic Tourism Market Performance During Various Holidays

Наименование показателя	Новый год	Праздник Весны	Цимин	Первое мая	Фестиваль драконовых лодок	Праздник середины осени и День образования КНР
Численность внутренних туристов (млн чел.)	53	308	24	274	106	826
Темпы роста (%)	0,44	23,1	22,7	70,83	32,3	71,3
Восстановление к аналогичному периоду 2019 г. (%)	42,8	88,6	–	119,09	112,8	104,1
Доходы от туризма (млрд юаней)	26,517	375,843	6,52	148,056	37,31	753,43
Темпы роста (%)	4,0	30	29,1	128,9	44,5	129,5
Восстановление к аналогичному периоду 2019 г. (%)	35,1	73,1	–	100,66	94,9	101,5

Источник: составлено авторами по: 2023年中国国内旅游市场总体情况 [Электронный ресурс]. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1791587208444907113&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 10.07.2024)

Интенсивность турпотоков и показатели доходов от туризма в различные праздничные дни позитивны, на рынке появляются новые турпродукты (например, «Туризм спецназа», «Туризм марок», «Концертный туризм», «Музейная лихорадка», «Храмовая лихорадка», взрыв City Walk и др.). Можно констатировать, что индустрия культурного туризма вступила в стадию инновационного развития, стимулируя новые жизненные силы в потреблении с помощью новых форм.

Анализ потребительских предпочтений внутренних туристов позволяет сделать вывод о том, что они отражают достаточно широкий диапазон интересов, обусловленный как экономическими

различиями между различными областями Китая, так и сложившейся дифференциацией доходов населения. Закономерным и хорошо интерпретируемым является тот факт, что по мере роста доходов населения потребительские предпочтения изменяются в пользу более «дорогого» потребления.

В качестве подтверждения этого можно привести рост спроса на посещение таких мест, как труднодоступный заповедник Цзючжайгоу на севере провинции Сычуань и Улинъюань — живописный район Чжанцзяцзе в провинции Хунань (там снимали горы Аллилуйя из культового фильма Джеймса Кэмерона «Аватар»).

Вступивший в действие 01.10.2013 Закон КНР «О туризме» стал первым нормативно-правовым актом, который регулирует индустрию туризма и стимулирует ее развитие. В данном контексте необходимо отметить следующее: несмотря на то, что туристическая стратегия КНР на период до 2020 г. была сформулирована с упором на внутренний туризм, развивались также выездной и въездной виды туризма. Сбалансированная государственная политика, рост желания китайцев выезжать за пределы своей страны, а также обновление цепочки поставок въездного туризма в комплексе привели к восстановлению и росту въездного и выездного туризма в 2023 г. (табл. 3).

Таблица 3

Характеристика потоков въезжающих и выезжающих туристов
Table 3. Characteristics of flows of incoming and outgoing tourists

Показатель	2023 г.	2022 г.	2023 г. к 2022 г. (%)	2023 г. к 2019 г. (%)
Общее число въездных и выездных туристов, млн чел.	424	115,7	266,5	63
в т. ч.:				
– жители материкового Китая	206	64,6	218,7	59
– жители Гонконга, Макао и Тайваня	183	46,6	292,8	81
Иностранные туристы	35,478	4,473	693,1	36

Источник: составлено авторами по: 2023年中国出入境人数统计 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nia.gov.cn/n794014/n794021/c1625566/content.html> (дата обращения: 10.07.2024)

В 2023 г., наряду с корректировкой политики борьбы с эпидемией COVID-19, в Китае были постепенно сняты все ограничения на въезд туристов. Согласно данным Национальной иммиграционной администрации КНР, в 2023 г. в страну въехали и выехали 424 млн чел., что почти в 2,7 раза больше, чем в 2022 г. (63% от показателя 2019 г.).

Государственное регулирование и поддержка предпринимательства в туристической сфере КНР осуществляется как прямыми (совершенствование нормативно-правовой базы, бюджетные инвестиции, субвенции и др.), так и косвенными (налоговые льготы, льготы по кредитам, ссуды, целевые гранты, развитие инфраструктуры поддержки малого предпринимательства и т. д.) методами; разработаны достаточно эффективные инструменты на уровне провинций. В соответствии с Планом развития туристического сектора Китая на период 14-й пятилетки в целях эффективного преобразования деятельности турагентств осуществляется их поддержка в направлении «специализация и инновации», турагентства, туристические объекты, путешественники и другие соответствующие субъекты поощряются к приобретению продуктов страхования путешествий, а также расширяется охват страхования путешествий. Усиливается контроль, выявление, определение и ликвидация незаконных продуктов, таких как несанкционированная деятельность турагентств и необоснованно заниженные цены на туры, чтобы поддерживать нормальный порядок в отрасли и эффективно защищать законные права и интересы путешественников.

В 2023 г. в КНР было выпущено «Уведомление об ускорении преобразования и развития автовокзалов», затрагивающих деятельность 11 отраслей экономики. В соответствии с этим документом местные департаменты транспорта, культуры и туризма должны направлять операторов пассажирских транспортных станций, турагентства и другие основные органы на укрепление сотрудничества, создание центров распределения путешествий на пассажирских транспортных станциях, предоставление комплексных услуг (бронирование билетов, информационные консультации и др.), улучшение сети сквозных авто-

бусов от пассажирских транспортных станций до живописных мест, туристических курортов и ключевых деревень и городов — для сельского туризма.

Китай — одна из древнейших цивилизаций мира, страна с невероятной природой и почти 12 тыс. природных заповедников, располагающая огромным потенциалом для развития въездного туризма, и много для реализации этого потенциала уже сделано.

Необходимо отметить, прежде всего, инновации в области налоговой политики и создание зон свободной торговли (ЗСТ). Так, с 01.07.2011 реализуется политика возврата НДС туристам с целью стимулирования совершения покупок на территории страны. И если первоначально эта мера действовала только в отношении курортного острова Хайнань в Южно-Китайском море¹, то через пять лет — уже в Пекине, Шанхае, Гуандуне (кроме г. Шэньчжэнь), Тяньцзине, Сямэне, Шэньяне, Харбине, Хэйхэ и Суйфэньхэ [3, с. 70].

Введение режима ЗСТ предполагает отмену таможенных пошлин, налогов и сборов, а также количественные ограничения во взаимной торговле в соответствии с международным договором. По состоянию на 01.06.2021 в КНР было подписано 19 соглашений о создании ЗСТ с 26 странами мира, в том числе с Российской Федерацией: Хэйлунцзянская ЗСТ, локализованная на северо-востоке КНР, специализирующаяся на развитии лесной промышленности и сельском хозяйстве, играет важную роль в сотрудничестве между Россией и Китаем.

Помимо снижения ограничений для товарных рынков, КНР открывает свой рынок услуг (в том числе услуг туризма и рекреации), предоставляя возможности партнерам создавать на разных условиях туристические агентства, строить отели и др. [Там же, с. 71].

В апреле 2018 г. были созданы первые экспериментальные зоны приграничного туризма. Известный китайский ученый Чжан Гуанжуй (Zhang Guangrui) предложил определение приграничного туризма как «международного туризма, который предполагает пересечение людьми пограничных пунктов пропуска» [12]. Площадь приграничного туристического района, согласно исследованию Чэнь Гуйцю (Chen Guiqiu), «... определяется... временем, необходимым для того, чтобы добраться туристам до этого района, и пространственной разницей» [13].

В рамках инициативы приграничных районов в КНР разрабатываются готовые туристические пакеты для иностранных туристов, проживающих неподалеку, например, для российских туристов в Маньчжурии (Автономный район Внутренняя Монголия) и для вьетнамских туристов в Фанчэнгане (Гуанси-Чжуанский автономный район) [3, с. 72].

Обсуждение

С началом эпохи развития массового туризма в 2010-х гг. в КНР ускоренными темпами начала формироваться «экономика отпусков», и логичным этапом развития отрасли в 2018 г. стала интеграция культуры и туризма. Государство доверило туризму функцию конструирования культурной идентичности китайского народа, что является важным в контексте значимости выездного туристического рынка Китая как эффективного инструмента «мягкой силы» и китайской инициативы «Пояс и Путь». Потом, несмотря на все трагические и негативные последствия пандемии COVID-19, для Китая открылись новые «окна возможностей», позволяющие продвигать ценности и преимущества китайского пути за рубежом.

Скорее всего, к 2035 г. каждый второй житель Китая будет относиться к среднему классу. В связи с ростом производительности труда у граждан будет появляться больше свободного времени, количество туристических поездок объективно будет увеличиваться, и в данном контексте перспективы сотрудничества КНР и РФ оцениваются весьма позитивно.

Наращение геополитической напряженности между Китаем и США (включая страны Запада и их союзников), рассмотренное в профильных исследованиях [9; 4 и др.], после полного открытия границ неизбежно приведет к росту путешествий в страны, которые являются либо стратегическими партнерами КНР (прежде всего, страны — участники объединений БРИКС, ШОС, ЕАЭС), либо геополитически

¹ Тропический остров, расположенный на юге Китая, часто называется «Восточными Гавайями» или «Китайскими Мальдивами».

нейтральными (к сожалению, таких стран в мире становится все меньше). Правительство КНР может принять решение ограничить выезды по ряду официальных туристических направлений (ОТН) и перенаправить потоки в страны-союзники, например, в пограничную с Китаем Россию. Использование простаивающих объектов прокитайской инфраструктуры (отели, магазины, рестораны и пр.) в крупных туристических городах России (Москва, Санкт-Петербург), а также в Дальневосточном федеральном округе (Владивосток, Хабаровск) будет способствовать восстановлению туристических потоков в обе стороны.

Значительные перспективы имеет туристический трек Арктического сотрудничества стран — членов БРИКС [2; 4; 5; 6; 11 и др.], несмотря на имеющиеся опасения некоторых экспертов (обусловленные, прежде всего, несовершенством российского законодательства в области туризма, отсутствием законных механизмов защиты интересов российских турфирм и лицензированных гидов-китайцев) [1].

В современных условиях глобальной нестабильности и турбулентности всем отраслям и сферам деятельности необходимо адаптироваться к работе в новых реалиях и реагировать на новые вызовы, для обозначения которых используется аббревиатура BANI¹. Эти вызовы BANI-мира, сформулированные в 2020 г. Джамайс Кашео (Jamaïs Cascio)², отражают переход к Информационной эре и процессам, обусловленным цифровой трансформацией общества. В данном контексте следует отметить, что в Китае цифровизация сферы туризма осуществляется ускоренными темпами, и первые результаты создания онлайн-сервисов были представлены в работе [7].

В настоящее время в Китае функционирует уже более 200 цифровых платформ, которые осуществляют онлайн-трансляции экскурсий и путешествий, аудитория виртуальных путешественников насчитывает миллионы пользователей [10, с. 144]. Если интенсивность этого процесса будет нарастать, то виртуальный туризм в Китае правомерно рассматривать как отдельный вид туризма, имеющий сильную поддержку государства.

Так, в 2022 г. был утвержден План развития туристического сектора на период 14-й пятилетки, предусматривающий среди прочего эффективную интеграцию онлайн- и офлайн-ресурсов посредством сети Интернет, поощрение строительства флагманских онлайн-магазинов для туристических достопримечательностей, курортов, туристических отелей, тематических парков и гостиниц в сотрудничестве с платформами интернет-услуг. В 2023 г. Госсовет КНР опубликовал «Мнение о содействии высококачественному развитию рынка онлайн-туризма», согласно которому государство должно: создавать благоприятную промышленную экологию между операторами онлайн-платформы туризма, операторами платформы и путешественниками; руководить синергетическим развитием операторов онлайн-платформы туризма и смежных операторов (турагентства, транспорт, размещение, питание, экскурсии и развлечения). В условиях необходимости поддержания темпов экономического роста после пандемии COVID-19 власти КНР назвали технологический сектор важной опорой национальной экономики и обязались способствовать развитию цифрового рынка [15].

Полагаем, что позитивный опыт в цифровизации туристической отрасли и внедрение передовых цифровых практик в сотрудничестве бизнеса и власти при переходе на новые цифровые форматы в туризме, наработанные в КНР, можно будет с пользой применить в Российской Федерации.

В завершение обсуждения считаем целесообразным сформулировать направление будущих исследований в рамках данной предметной области. Как представляется, вектор исследования должен быть нацелен на обоснование предложений по развитию организационных форм развития туристической отрасли КНР на основе анализа ее современного состояния и имплементации опыта Российской Федерации. Для достижения заявленной цели необходимо решить такие задачи, как изучение этапов

¹ Хрупкость (**brittle**) — любая надежная система может сломаться в любой момент времени; тревожность (**anxious**) — напрямую связана с информационным перенасыщением и попытками прогнозировать будущее; нелинейность (**nonlinear**) — отсутствие прямой зависимости между действием и результатом (их несоразмерность); непостижимость (**incomprehensible**) — большое количество данных затрудняет их понимание.

² Cascio J. Facing the Age of Chaos [Электронный ресурс] // Medium. 29.04.2020. URL: <https://medium.com/@cascio/facing-the-age-of-chaos-b00687b1f51d> (дата обращения: 06.05.2024).

развития туризма в Китае и эволюции структуры управления отраслью, анализ локализации достопримечательностей КНР в разрезе туристических объектов категории 5А и объектов наследия ЮНЕСКО, разработка методологического подхода к совершенствованию форм организации туристической отрасли.

Заключение

В результате выполненного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Современный туристический ландшафт Китая со стороны предложения включает три кластера: первый кластер представлен регионами /районами /мегаполисами /провинциями с самыми высокими показателями прироста числа турагентств; второй кластер включает регионы, которые являются наиболее стабильными по темпам прироста турагентств; третий кластер включает регионы с малым количеством туристических агентств, но с хорошими темпами прироста.
2. Сформулированная с упором на внутренний туризм стратегия развития туризма в КНР до 2020 г. учитывала специфику внутреннего туристического рынка Китая, особенностью которого является сегмент праздничных путешествий.
3. В условиях интеграции в 2018 г. культуры и туризма в КНР отрасль туризма получила функцию конструирования культурной идентичности китайского народа, что является очень важным в контексте значимости выездного туристического рынка Китая как эффективного инструмента «мягкой силы».
4. Благоприятными факторами в развитии российско-китайского сотрудничества является открытие новых «окон возможностей» после пандемии COVID-19, а также возможные решения Правительства КНР по ограничению выездного турпотока по ряду ОТН в откровенно враждебные и недружественные страны и изменения вектора в направлении стран БРИКС, ШОС, ЕАЭС.
5. Целесообразно использовать опыт и достигнутые результаты цифровизации индустрии туризма КНР в туристической отрасли России.

Литература

1. *Александрова М. В., Зайцева Т. Р., Заклязьминская Е. О.* Въездной туризм из КНР в Россию: современное состояние, проблемы и опасности // Китай: политика, история, культура : сб. статей. К 85-летию Ю. М. Галеновича. М. : Синосфера, 2018. С. 170–215. EDN: XSJWWO
2. *Ван Ясинь.* Международное научное сотрудничество стран БРИКС в Арктике // Управленческое консультирование. 2023. № 3. С. 131–139. EDN: BLGJEA. DOI: 10.22394/1726-1139-2023-3-131-139
3. *Заклязьминская Е. О.* Туристическая отрасль в стратегии развития Китая : монография. М. : ИМЭМО РАН, 2021. 234 с. ISBN: 978-5-9535-0597-0. EDN: TETTBQ. DOI: 10.20542/978-5-9535-0597-0
4. *Куклина Е. А.* К вопросу развития туристической отрасли посредством реализации социально-экономического потенциала регионов России (на примере регионов зоны Арктики) // Управленческое консультирование. № 2 (134). 2020. С. 32–41. EDN: YTSEKY. DOI: 10.22394/1726-1139-2020-2-32-41
5. *Куклина Е. А.* Современный Китай в экономическом пространстве Арктики // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. Т. 15. № 1. С. 19–29. EDN: JIQPFI. DOI: 10.22394/2073-2929-2021-01-22-31
6. *Куклина Е. А.* Два трека арктического сотрудничества БРИКС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 3. С. 25–37. EDN: ZIOQSA. DOI: 10.22394/2073-2929-2023-03-25-37
7. *Ли Т.* Использование маркетинговых инструментов в международном туризме на примере туризма между Россией и Китаем в современных условиях // Инновации и инвестиции. 2022. № 1. С. 23–27. EDN: HOLTGR
8. *Ломанов А. В.* Циркуляция против изоляции // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19. № 3 (109). С. 8–20. EDN: SLJKEP. DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-3-8-20
9. *Михеев В. В.* Новая фаза развития Китая на фоне «торговой войны» с США // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 2. С. 56–65. EDN: VXBMJI. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-2-56-65
10. *Моисеенко И. В.* Основные направления цифровизации услуг индустрии туризма в Китае, обусловленные вызовами внешней среды // Торговля, сервис, индустрия питания. 2022. № 2 (2). С. 136-152. EDN: BEGHUI. DOI: 10.17516/2782-2214-0049

11. Хэ Сяо. Перспективные направления китайско-российского туристического сотрудничества в Арктике // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 5. С. 118–123. EDN: UEBMVS. DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-5-118-123
12. Чжан Гуанжуй. Развитие приграничного туризма в Китае и выбор политики = 张光水. 中国边境旅游与政策选择 // Финансы, торговля и экономика, 1997. № 3. С. 55–58 (На китайском яз.)
13. Чэнь Гуйцю. Исследование развития и практики приграничного туризма в провинции Гуанси = 陈贵丘. 广西边境旅游的发展和实践研究 // Журнал педагогического колледжа Гуанси. 2004. № 2. С. 101–104. (На китайском яз.)
14. Ясинский В. А., Кожевников М. Ю. «Двойная циркуляция» — модель роста китайской экономики в ближайшие 15 лет // Проблемы прогнозирования. 2022. № 1 (190). С. 162–173. EDN: GAXXXV. DOI: 10.47711/0868-6351-190-162-173
15. Pang J. China's Digital Economy: Divided but Growing [Электронный ресурс] // ING. 22.11.2022. URL: <https://think.ing.com/articles/china-digital-economy-divided-but-growing> (дата обращения: 25.03.2024).

Об авторах:

Куклина Евгения Анатольевна, профессор кафедры бизнес-информатики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор;
e-mail: jeakuklina@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0457-2658

Ван Хэфэй, магистрант кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: whf1244108142@mail.ru

References

1. Aleksandrova M. V., Zaitseva T. R., Zaklyazminskaya E. O. Entry Tourism from the PRC to Russia: Current Condition, Problems and Dangers // China: Politics, History, Culture: On the 85th anniversary of Yu. M. Galenovich. Moscow : Limited Liability Company “Sinosfera”, 2018. P. 170–215. (In Russ.) EDN: XSJWWD
2. Wang Ya. International Scientific Cooperation in the Arctic among the BRICS Countries // Administrative Consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2023. No. 3. P. 131–139. (In Russ.) EDN: BLGJEA. DOI: 10.22394/1726-1139-2023-3-131-139
3. Zaklyazminskaya E. O. Tourism Industry in China's Development Strategy. Moscow : National Research Institute of World Economy and International Relations, 2021. 234 p. ISBN: 978-5-9535-0597-0. (In Russ.) EDN: TETTBO. DOI: 10.20542/978-5-9535-0597-0
4. Kuklina E. A. On the Development of the Tourism Industry through the Implementation of the Socio-Economic Potential of the Regions of Russia (on the Example of the Regions of the Arctic Zone) // Administrative Consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. No. 2 (134). 2020. P. 32–41. (In Russ.) EDN: YTSEKY. DOI: 10.22394/1726-1139-2020-2-32-41
5. Kuklina E. A. Modern China in the Arctic Economic Space // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2021. Vol. 15. No. 1. P. 19–29. (In Russ.) EDN: JTQPFI. DOI: 10.22394/2073-2929-2021-01-22-31
6. Kuklina E. A. Two Tracks of BRICS Arctic Cooperation // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2023. Vol. 17. No. 3. P. 25–37. (In Russ.) EDN: ZIOQSA. DOI: 10.22394/2073-2929-2023-03-25-37.
7. Li T. The Use of Marketing Tools in International Tourism on the Example of Tourism between Russia and China in Modern Conditions // Innovations and Investments magazine [Innovatsii i investitsii]. 2022. No. 1. P. 23–27. (In Russ.) EDN: HOLTGR
8. Lomanov A. V. Circulation Versus Isolation // Russia in Global Affairs [Rossiya v global'noi politike]. 2021. Vol. 19. No. 3. P. 8–20. (In Russ.) EDN: SLJKEP. DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-3-8-20
9. Mikheev V. V., Lukonin S. A. New Stage in China's Development amid the “Trade War” with the U. S. // World Economy and International Relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]. 2019. Vol. 63. No. 2. P. 56–65. (In Russ.) EDN: VXBMI. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-2-56-65

10. Moiseenko I. V. The Main Directions of Digitalization of Services Tourism Industry in China, Caused by Challenges of the External Environment // Trade, Service, Food Industry [Torgovlya, servis, industriya pitaniya]. 2022. Vol. 2. No. 2. P. 136–152. (In Russ.) EDN: BEGHUI. DOI: 10.17516/2782-2214-0049
11. He Xiao. Promising Areas of Chinese-Russian Tourism Cooperation in the Arctic // Sociopolitical Sciences [Sotsial'no-politicheskie nauki]. 2022. Vol. 12. No. 5. P. 118–123. (In Russ.) EDN: UEBMVS. DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-5-118-123
12. Zhang Guangshui. China Border Travel and Policy Choices // Finance, Trade and Economics, 1997. No. 3. P. 55–58. (In Chinese)
13. Chen Guiqiu. Research on the Development and Practice of Cross-Border Tourism in Guangxi Province // Guangxi College of Education Journal. 2004. No. 2. P. 101–104. (In Chinese)
14. Yasinsky V. A., Kozhevnikov M. Yu. Double Circulation: Growth Model for the Chinese Economy in the Next Fifteen Years // Studies on Russian Economic Development [Problemy prognozirovaniya]. 2022. Vol. 33. No. 1. P. 117–124. (In Russ.) EDN: GAXXXV. DOI: 10.1134/S1075700722010154
15. Pang I. China's Digital Economy: Divided but Growing [Electronic resource] // ING. 22.11.2022. URL: <https://think.ing.com/articles/china-digital-economy-divided-but-growing> (accessed: 25.03.2024).

About the authors:

Evgenia A. Kuklina, Professor of the Department of Business Informatics of North-West Institute of Management of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Economics, Professor;
e-mail: jeakuklina@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0457-2658

Wang Hefei, Master's Student of the Department of Economics of North-West Institute of Management of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation);
e-mail: whf1244108142@mail.ru

Выгоды и уязвимости потенциального соглашения о свободной торговле для отдельных стран ЕАЭС и Китая¹

Синьтао В.¹, Жиряева Е. В.^{2,*}, Лэтин Ч.¹

¹ Шанхайский таможенный колледж, Шанхай, Китай

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

* e-mail: Zhiryaeva-ev@ranepa.ru

ORCID: 0000-0002-8233-5212

РЕФЕРАТ

Цель. Сформулировать позицию ЕАЭС в переговорах по зоне свободной торговли с Китаем.

Задачи. Определить потенциальные результаты создания зоны свободной торговли Китай — ЕАЭС для каждой страны.

Методология. Рассчитаны индексы взаимодополняемости и интенсивности торговли, с использованием модели частичного равновесия рассчитаны выгоды для общества от отмены таможенных тарифов.

Результаты. Исследование спроса и предложения на экскаваторы показало, что общая выгода потребителей (строительной отрасли) от отмены таможенных пошлин лишь незначительно превышает потери производителей и государства. На основе оценки комплементарности установлено, что зона свободной торговли более выгодна Китаю, чем странам ЕАЭС, — структура экспорта Китая лучше соответствует структуре импорта стран ЕАЭС. Выявлено, что экспорт стран ЕАЭС в Китай не диверсифицирован, а основные экспортные товары сталкиваются с минимальными тарифами — 0% на нефть из России и Казахстана, 3% — на калийные удобрения из Беларуси, 0% — на руды и концентраты драгоценных металлов из Кыргызстана, 0% — на медные руды и концентраты из Армении. Страны ЕАЭС могут быть заинтересованы в дальнейшей либерализации торговли с Китаем в связи с намерением экспортировать замороженную рыбу, кукурузу, пшеницу и рис (Россия), табак (Кыргызстан и Армения), мясомолочную продукцию (Беларусь), коньяк (Армения).

Выводы. Снижение пошлин по указанным товарам может быть предметом предварительного временного соглашения. Зона свободной торговли может быть создана путем доработки существующего Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и его государствами-членами и КНР. Рекомендуется, помимо включения положений об отмене таможенных пошлин, предусмотреть также разделы по торговле услугами, инвестициям и перемещению физических лиц.

Ключевые слова: соглашение о свободной торговле, ЕАЭС, Китай, комплементарность, интенсивность торговли, инвестиционное сотрудничество

Для цитирования: Синьтао В., Жиряева Е. В., Лэтин Ч. Выгоды и уязвимости потенциального соглашения о свободной торговле для отдельных стран ЕАЭС и Китая // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 3. С. 62–74.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-03-62-74>. EDN: VUEDWA

¹ Статья написана в рамках инициативной НИР «Внешнеэкономическая политика страны в условиях санкций» № 122112800085-8 ЕГИСУ НИОКР.

Benefits and Vulnerabilities of the Free Trade Agreement for the EAEU Countries and China

Xintao W.^a, Elena V. Zhiryaeva^{b,*}, Leting Zh.^a

^a Shanghai Customs College, Shanghai, China

^b Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation

* e-mail: Zhiryaeva-ev@ranepa.ru

ORCID: 0000-0002-8233-5212

ABSTRACT

Aim. Objective is to formulate the position of the EAEU in the negotiations on the free trade area with China.

Tasks. We determine the potential results of the creation of the China-EAEU free trade area for each country.

Methods. The indices of complementarity and trade intensity were calculated, and the benefits to society from the abolition of customs tariffs were calculated using a partial equilibrium trade-policy simulation.

Results. The study of supply and demand for excavators showed that the total benefit of consumers (the construction industry) from the abolition of customs duties only slightly exceeds the losses of producers and the government. Based on the complementarity assessment, it was found that the free trade agreement is more beneficial for China than for the EAEU countries — the structure of China's exports better corresponds to the structure of imports of the EAEU countries. It was revealed that the exports of the EAEU countries to China are not diversified, and the main export goods face minimal tariffs — 0% for crude oil from Russia and Kazakhstan, 3% for potash fertilizers from Belarus, 0% for ores and concentrates of precious metals from Kyrgyzstan, 0% for copper ores and concentrates from Armenia. The EAEU countries may be interested in further liberalization of trade with China due to the intention to export frozen fish, corn, wheat and rice (Russia), tobacco (Kyrgyzstan and Armenia), meat and dairy products (Belarus), and cognac (Armenia).

Conclusions. Reduction of duties on the specified goods may be the subject of a preliminary temporary agreement. A free trade zone may be created by finalizing the existing Agreement on Trade and Economic Cooperation between the EAEU and its Member States and the PRC. It is recommended that, in addition to including provisions on the abolition of customs duties, sections on trade in services, investments, and movement of individuals be included.

Keywords: free trade agreement, EAEU, China, complementarity, trade intensity, investment cooperation

For citation: Xintao W., Zhiryaeva E. V., Leting Zh. Benefits and Vulnerabilities of the Free Trade Agreement for the EAEU Countries and China // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 3. P. 62–74.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-03-62-74>. EDN: VUEDWA

Введение

В XXI в. центр мировой экономической активности перемещается в Азиатско-Тихоокеанский регион [13], стимулируя углубление экономической интеграции ЕАЭС с регионом. В 2002 г. ученые Хэйлунцзянской академии общественных наук выдвинули идею о создании зоны свободной торговли (ЗСТ) с Россией [22]. В 2006 г. в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) Китай получил предложение о ЗСТ от России [7]. Сопrotивление идее ЗСТ на базе ШОС было одной из причин развития Китаем сухопутной части инициативы «Один пояс — один путь (ОПОП)» [21] — проекта Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП). С появлением Евразийского экономического союза (ЕАЭС) Россия стала

продвигать эту идею через ЕАЭС. Отношения ЕАЭС — Китай начались в 2015 г. с запуском переговоров по Соглашению об экономическом и торговом сотрудничестве.

В последние годы отношения Китая с крупнейшими торговыми партнерами ухудшились. Китай больше не является крупнейшим торговым партнером США¹. Для России, в свою очередь, под давлением санкций потребовалось укрепить связи с дружественными странами [4]. Санкции, подрывая курс рубля, тормозят экономическое развитие и других стран ЕАЭС, что делает для них актуальной заявленную повестку. «Мы хотели бы обсудить вопрос заключения соглашения о свободной торговле со странами Евразийского экономического союза», — заявил Лю Сюэсун, полномочный министр Посольства КНР в РФ на заседании Санкт-Петербургского экономического форума в 2023 г.² Встает необходимость сформулировать позицию ЕАЭС в переговорах с Китаем по этому вопросу, что является целью работы.

Китайские ученые активно работали над выявлением положительных аспектов российско-китайской ЗСТ. Х. Чжан и Т. Юань путем моделирования показали, что снижение тарифов и ослабление технических барьеров приведет к экономическому и торговому развитию [24]. Российские авторы выявили следующие положительные аспекты ЗСТ для двух стран: взаимодополняемость структуры торговли [19]; повышение национальной конкурентоспособности [20]; рост товарооборота, веса и значимости стран на мировой арене [7]. В отношении стран — членов ЕАЭС указывается на ожидаемый рост объемов внешней торговли [17].

Другая группа работ рассматривает потенциал ЗСТ критически. Государства ЕАЭС предстают несравнимо меньшими, чем Китай, величинами по размеру ВВП и демографическому потенциалу, поэтому взаимодействие будет асимметричным [8]. Оценки реального ВВП, уровня благосостояния, объемов и диверсификации экспорта показывают, что создание ЗСТ с ЕАЭС в ближайшей перспективе наиболее выгодно для Китая [17]. Увеличение импорта в Россию, которое при полной либерализации составит примерно 8%, исследователи оценивают как рискованное [13], создающее угрозу снижения темпов роста промышленного производства. Упадут доходы федерального бюджета [7]. Примерно те же эффекты выявлены в отношении других стран ЕАЭС. Это заставляет Ц. Яо и Н. Юрову заключить, что страны ЕАЭС пока не готовы к созданию ЗСТ с Китаем [17].

Обзор литературы показывает, что авторы не рассматривали последствия беспошлинной торговли для каждой страны ЕАЭС. Поскольку отдельные страны ЕАЭС не создают двусторонние ЗСТ с третьими странами, мы определяем преимущества и вызовы ЗСТ ЕАЭС — Китай для всех стран-участниц. Существующие исследования не учитывают положительного влияния на потребителя, выгоды от которого обычно покрывают потери от либерализации. Данная статья призвана восполнить эти пробелы.

В первой главе изложены методы исследования. Во второй определяются потенциальные выгоды ЗСТ. В третьей главе обсуждаются результаты. Статья заканчивается выводами.

1. Методы исследования

Индексы взаимодополняемости торговли [18] позволяют измерить степень, в которой две страны являются «естественными торговыми партнерами». Рассмотрена взаимодополняемость между пятью парами стран. Индекс интенсивности торговли показывает, экспортирует ли регион больше в данный пункт назначения, чем в среднем это делает мир. Источником данных является торговая карта Международного торгового центра.

Для предварительной оценки последствий торговой меры применима процедура моделирования. Формальный анализ экономического воздействия преференциальных торговых соглашений начался с работы Джейкоба Винера в 1950-х гг. [23]. Когда тарифы во взаимной торговле падают, часть внутреннего производства заменяется импортом более эффективных производителей из партнеров

¹ *Maya Averbuch, Leda Alvim. 'Mexico's Moment: The Biggest US Trading Partner Is No Longer China' [Электронный ресурс] // Bloomberg. 12.09.2023. URL: <https://www.bloomberg.com/graphics/2023-mexico-china-us-trade-opportunity/> (дата обращения: 13.06.2024).*

² *Saint Petersburg International Economic Forum — 2023. Session “Multipolarity and connectivity as a new paradigm for international trade” [Электронный ресурс] // Росконгресс. 16.06.2023. URL: <https://roscongress.org/speakers/syuesun-lyu/quotes/> (дата обращения: 02.12.2023).*

по ЗСТ, что приводит к созданию торговли и повышению благосостояния. Мы используем простой графический анализ этой модели, чтобы проиллюстрировать рост благосостояния в одной из стран. Предметом исследования являлись экскаваторы субпозиции Гармонизированной системы описания и кодирования товаров (ГС) 8429 52. В последние годы этот товар в больших количествах ввозился в Россию из Китая. В 2022 г. спрос в России на строительную технику увеличился из-за возросшего объема строительных работ на присоединенных территориях. Поскольку импорт из РФ по субпозиции 8429 52 составил 85% всего импорта из стран ЕАЭС в 2022 г., Россия была выбрана репрезентативной страной.

Графическая иллюстрация эффекта отмены тарифа t в стране с фиксированными мировыми ценами P^* дана на рис. 1.

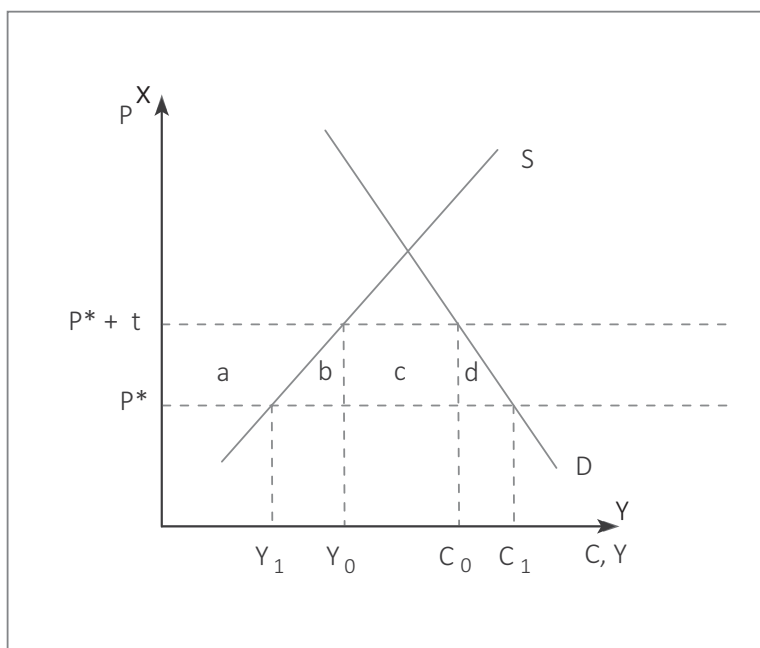

Рис. 1. Метод оценки выгод от снижения тарифов, ось x — количество, условные единицы, ось y — цена, условные единицы

Fig. 1. Method of assessing the benefits of tariff reduction, x -axis — quantity, conventional units, y -axis — price, conventional units

Источник: A practical guide to trade policy analysis, 2012

При мировой цене P^*+t внутренний спрос определяется C_0 , внутреннее предложение Y_0 , а импорт C_0-Y_0 . Отмена тарифа t снижает внутреннюю цену на всю сумму t и, как следствие, увеличивает спрос до C_1 и уменьшает внутреннее предложение до Y_1 . Импорт увеличивается до C_1-Y_1 . Изменение внутренней цены приводит к увеличению излишка потребителя ($a+b+c+d$), поскольку теперь он может покупать большее количество товаров (т. е. C_1-C_0). Отмена тарифов приводит к потере излишка производителя (a) и потере тарифных доходов государства (c). Таким образом, общий выигрыш от отмены тарифов равен площади ($b+d$).

2. Потенциальные выгоды ЗСТ с Китаем для стран ЕАЭС

Расчет комплементарности (табл. 1, с. 66) показывает, что структура экспорта Китая лучше соответствует структуре импорта стран ЕАЭС, чем структура экспорта стран ЕАЭС импорту Китая. Экспорт Беларуси наименее соответствует китайскому импорту. Структура экспорта Китая лучше соответствует характеру импорта из России и Казахстана.

Таблица 1

Индекс комплементарности торговых потоков в 2022 г.

Table 1. Trade Flows Complementarity Index 2022

Китай – Армения	Китай – Беларусь	Китай – Казахстан	Китай – Кыргызстан	Китай – Россия
Экспорт Китая — импорт страны ЕАЭС				
0,561	0,592	0,675	0,530	0,708
Экспорт страны ЕАЭС — импорт Китая				
0,433	0,389	0,423	0,459	0,401

Источник: рассчитано авторами на основе trademap.org

Согласно индексу интенсивности торговли (табл. 2) страны ЕАЭС экспортируют в Китай в 1,7 раза активнее, чем мир в целом.

Таблица 2

Индекс интенсивности торговли, экспорт из стран ЕАЭС в Китай, торговые потоки в 2022 г.

Table 2. Trade intensity index, exports from EAEU countries to China, trade flows in 2022

Экспорт в Китай из:	Интенсивность торговли (индекс)
ЕАЭС, включая	1,72
РФ	1,78
Казахстан	1,41
Беларусь	1,46
Кыргызстан	0,25
Армения	0,63
Мир в целом	1

Источник: рассчитано авторами на основе trademap.org

Для сравнения, интенсивность торговли Грузии, имеющей ЗСТ с Китаем (0,95), не превышает значений РФ, Казахстана и Беларуси. Следовательно, у последних есть потребность в либерализации торговли с Китаем.

Характеристика китайско-российских торгово-экономических отношений

Протяженность границы КНР — РФ составляет 4 тыс. км, что делает страны естественными торговыми партнерами. В ответ на китайский проект ОПОП Россия разработала политику Большого евразийского партнерства. В то же время существуют принципиальные препятствия для двустороннего сотрудничества. После распада СССР Россия сконцентрировала свою торговую энергию на Европе. Китайская экономика использовала сильные стороны Тихоокеанского региона: США обеспечили рынки, а Австралия предоставляла природные ресурсы [21]. Россия долгое время не считала Китай приоритетным для создания ЗСТ [1]. Экономическая повестка была ориентирована на промышленное развитие, уход от «ресурсного проклятия», а не на наращивание торговли [21]. Россия потенциально является стратегическим конкурентом Китая на континенте, поэтому маловероятно, что Китай будет рассматривать Россию исключительно в свете своей ресурсной безопасности. Обе страны могут пожелать производить аналогичную продукцию [Там же].

В 2022 г. объемы двусторонней торговли достигли рекордного уровня. Энергетическое сотрудничество включает долгосрочные энергетические контракты, трубопроводные проекты, совместные предприятия и инвестиции. Основной категорией экспорта России являются нефть и природный газ (группа 27 ГС). По заявлению «Газпрома», сделанному в феврале 2022 г., планируется увеличить ежегодный

экспорт природного газа в Китай до 48 млрд м³, удовлетворяя растущий спрос Китая на энергию и отвечая его стремлению снизить долю угольной энергетики.

С 2016 г. реализуется инициатива «Нового сухопутного зернового коридора». Строится Забайкальская зерновая станция. Подписан контракт на поставку зерновых, бобовых и масличных в Китай на срок до 2035 г. Расширение списка регионов, получивших право поставок пшеницы в Китай, содействовало экспорту других зерновых [11]. Для Урала, Сибири и Дальнего Востока, имеющих транспортно-логистические связи с северо-восточными провинциями, китайский рынок представляется естественным экспортным направлением [15]. Китай получает поставки на стабильной основе [10]. В то же время продовольственный экспорт России сталкивается с относительно высокими тарифами на мороженую рыбу. Уровни китайского тарифа в 54% для кукурузы и 65% для пшеницы являются пиковыми.

Действительно ли обеим странам нужна зона свободной торговли? Основные категории экспорта России (товары группы 27 ГС) и Китая (товары групп 84 и 85 ГС) облагаются нулевыми тарифами и демонстрируют наиболее выраженный рост.

Рассмотрим вопрос с точки зрения влияния ЗСТ на благосостояние на примере одного из секторов промышленности. Поставки в Россию большей части номенклатуры спецтехники попали под санкции ЕС и Японии. В результате в 2022 г., помимо поставок отечественных игроков, рынок пополнялся преимущественно за счет китайского импорта. В марте 2022 г. цена на гусеничные экскаваторы выросла с 4% до 46% (в зависимости от марки и класса техники). В сегменте машин массой от 20 до 30 т российская продукция подорожала наиболее существенно (+31%). Затем рынок стабилизировался, и в 2023 г. стоимость отечественной техники снизилась на 5% по сравнению с «мартовским пиком». Российские производители, видимо, потеряли часть доходов от роста цен из-за конкуренции со стороны Китая. Однако в целом поставки экскаваторов в 2022 г. выросли в 2,1 раза по сравнению с 2021 г.

Значения для кривой спроса взяты из данных trademap.org. Мы собрали сведения о записях по коду ГС 8429 52, импортированных Россией со всего мира в 2022 г., удалили выбросы и небольшие объемы торговли (менее 100 т). Получили 15 наборов данных и построили кривую спроса. Кривая предложения была построена исходя из внутренних цен на гусеничные экскаваторы (код 8429521009 таможенного тарифа ЕАЭС). Обе кривые объединены на рис. 2.

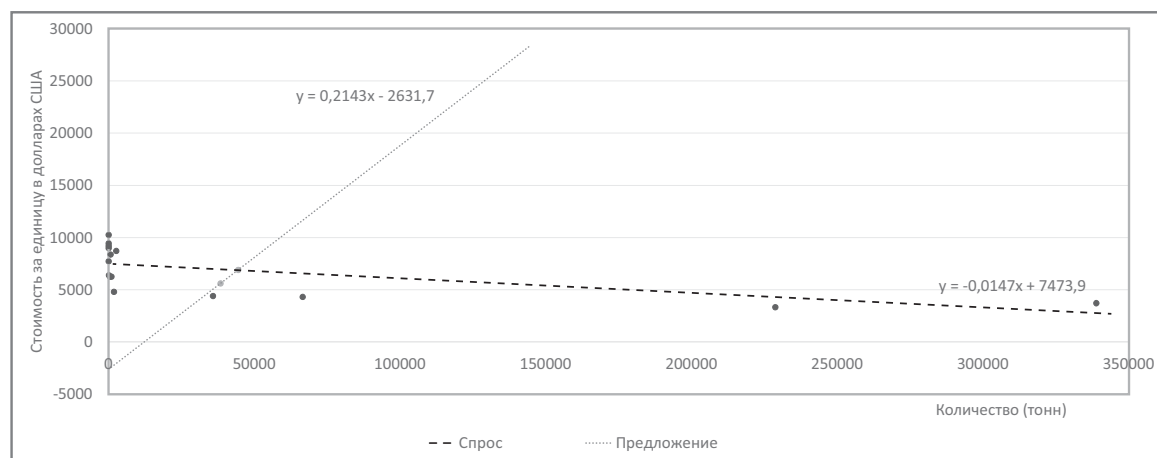

Рис. 2. Кривые спроса и предложения на гусеничные экскаваторы

Fig. 2. Supply and demand curves for crawler excavators

В 2022 г. количество, импортированное из Китая, составило 228 772 т. Согласно кривой спроса, соответствующая стоимость единицы продукции составила 4112 долл. США за единицу. Внутреннее предложение при цене P_C^T (согласно кривой предложения) составило 31467 т. Импорт из Китая плюс внутренние поставки дали 260 189 т. Таможенная пошлина по тарифной субпозиции 8429 52 составляет 5% (0,05). В случае

отмены этой пошлины цена P_c составит 3916 (4112/1,05) долл./ед. Спрос на импорт из Китая (согласно кривой спроса) составит 242 021 т. Внутреннее предложение по цене P_c (согласно кривой предложения) составит 30 555 т. Импорт из Китая плюс внутренние поставки сейчас дают 272 576 т. Убыток производителя (рассчитанный как площадь трапеции на рисунке) составит 6 062 513 долл. США $(31467+30555)/((4112-3916)/2)$. Убытки правительства представляют собой недополучение таможенных пошлин от суммы, которая была ввезена из Китая ранее (взята без таможенной пошлины) $(228772*4112/1,05) = 44785946$ долл. США. Потребительский излишек (рассчитанный как площадь трапеции на рисунке) составит 52 076 735 долл. США $(260189+272576)/((4112-3916)/2)$. Прирост благосостояния составляет 1,2 млн долл. США. Сумма положительная, хотя и довольно скромная из-за больших потерь правительства.

Таким образом, хотя теория рассматривает общие выгоды для благосостояния от создания ЗСТ как очевидные, в описанном нами случае они незначительны. Кроме того, России придется снизить тарифы на автомобили. Такой шаг вряд ли возможен. Китаю придется отменить пошлины на рыбу и зерновые, что укладывается в принятую в Китае политику по росту доступности потребительских товаров. Сказанное свидетельствует о меньшей готовности России, чем Китая, к формированию ЗСТ.

Характеристика китайско-белорусских торгово-экономических отношений

Развитию сотрудничества Белоруссии с Китаем способствует определенное сходство экономических систем. С 1990-х гг. между странами было подписано более 80 договоров и соглашений, в том числе о проведении валютного свопа между национальными банками [9]. Договор о дружбе и сотрудничестве, а также директива «О развитии двусторонних отношений Республики Беларусь (РБ) с Китайской Народной Республикой» появились в 2015 г. [9]. Основные категории экспорта Китая — мониторы, дизельные двигатели и легковые автомобили, Беларуси — калийные удобрения, мясо птицы и доски. Импорт китайской электроники позволяет насытить потребительский рынок РБ [16]. Китай нуждается во ввозе белорусских калийных удобрений, их доля в структуре белорусского экспорта в Китай составляет 56% (2023 г.). Благодаря снижению общих импортных тарифов Китая на 7,8% как части реформы, стимулирующей потребление, белорусский экспорт был диверсифицирован. КНР проявляет интерес к мясной и молочной продукции [16]. Только около 10% экспорта РБ приходится на продукцию машиностроения [9]. На основе гравитационной модели по данным за 2005–2018 гг. было установлено, что внешнеторговый оборот зависит в основном от китайского импорта, от его финансирования за счет прямых инвестиций и связанных с ними кредитов со стороны КНР и в меньшей степени от экспорта белорусских калийных удобрений. Он практически не зависит от инновационного белорусского экспорта [14].

Международные транспортные коридоры в направлениях Восток — Запад, Юг — Север пролегают через белорусскую территорию. Страна смогла стать единственным транспортно-логистическим хабом ЭПШП, связывающим Китай с Европой. Из-за нестабильности в Красном море спрос на сухопутный «Северный коридор» в 2024 г. вырос. Белоруссия рассчитывает использовать транспортно-логистическую структуру ЭПШП для совместного с Китаем продвижения товаров на рынки третьих стран, загружая идущие в восточном направлении порожние контейнеры белорусскими товарами [16].

Китай имеет «четко проработанную стратегию освоения постсоветского пространства» путем укрепления двусторонних связей [5]. После подписания договора о ЕАЭС прямой доступ к рынку этих стран оказался ограничен. Китай прибег к нескольким путям доступа через Беларусь. Это, во-первых, прямое инвестирование для продажи конечной продукции на внутреннем рынке. Так, еще на этапе создания производства легковых автомобилей Geely на заводе «БелДжи» его организаторы не скрывали, что рассчитывают на российский рынок [6]. Во-вторых, инвестиции в белорусскую экономику способствуют росту экспорта китайских инвестиционных товаров. Лидирующие позиции в белорусском импорте занимают промежуточные товары (мониторы, двигатели). Их ввоз (предприятиями «Горизонт», «БелДжи», «БМЗ», «Юнисон», «МАЗ») [14] сталкивается с существенно более низкой пошлиной, чем импорт продукции конечного потребления. В-третьих, Китайско-Белорусский индустриальный парк «Великий камень» [3] выступает площадкой для демонстрации китайских достижений для всей Европы. В-четвертых, связан-

ные китайские кредиты предполагают закупку китайского оборудования [16]. Выявлена зависимость общего объема импорта китайских товаров и услуг от масштабов инвестиционных проектов, реализуемых при поддержке соответствующих китайских кредитов [14].

Индекс взаимодополняемости в торговле стран невысок. От ЗСТ с Белоруссией Китай мог бы получить выгоду от обнуления пошлин на автомобили, однако производство Geely уже перенесено в Беларусь. Экспорт калийных удобрений в Китай облагается минимальной пошлиной в размере 3%, тогда как на другие удобрения (азотные, комплексные) пошлины достигают 28% и 40% соответственно. Можно ожидать, что Беларусь выиграет от создания ЗСТ с Китаем за счет устранения достаточно высоких пошлин на мясо, молоко и рапсовое масло.

Характеристика китайско-казахстанских торгово-экономических отношений

Экономический рост Казахстана зависит от развития инфраструктуры и региональной торговли. Страна стремится стать крупнейшим деловым и транзитным узлом Центральной Азии, рассматривая ОПОП и ЕАЭС как средство достижения этой цели. В 2015 г. было подписано соглашение о сопряжении ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути. Одна из проблем, вставших перед Казахстаном, заключается в том, что эти две инициативы пока не согласованы должным образом в отношении технических требований, инфраструктуры, по таможенным, финансовым и юридическим вопросам¹. Развитию инфраструктуры будут содействовать казахско-китайские соглашения о развитии Транскаспийского международного транспортного маршрута, мультимодальных и контейнерных перевозок по территории Казахстана, строительстве железнодорожной линии Таченг — Аягоз, третьего железнодорожного пункта пропуска, о создании пограничных терминалов и авиационного маршрута².

Инвестируя в добычу природных ресурсов Казахстана, Китай получил значительный импорт этих ресурсов. Экспортная продукция Казахстана — это нефть сырая, медные руды и сплавы. На долю группы 27 ГС пришлось 40,8% общего объема экспорта в 2022 г. Китай выступает вторым по значимости партнером Казахстана по импорту. Роль Китая возросла в результате российско-украинского конфликта. В 2022 г. общий объем взаимной торговли увеличился на 24%, установив новый рекорд за всю историю торгово-экономических отношений. Экспорт Китая сосредоточен в текстильной, механической и электротехнической продукции, других капиталоемких или технологичных отраслях. Потенциал Казахстана как экспортного рынка для Китая считается ограниченным из-за небольшого населения и его низкой покупательной способности³. После 2015 г., когда Казахстан вступил в ВТО, импорт одежды (группа 62) из Китая на территорию ЕАЭС через Казахстан увеличился в пять раз. «Многовекторная» внешняя политика и стратегия диверсификации торговли Казахстана могут оказаться подорваны возросшей экономической зависимостью от Китая. Для постсоветских стран деятельность Китая может привести «к неблагоприятным изменениям в структуре и качестве национальной промышленности» [12]. Сотрудничество же со странами ЕАЭС позволяет Казахстану развивать кооперацию в обрабатывающей промышленности. Согласно исследованию Высшей школы экономики⁴, российские регионы имеют больше всего потенциальных контрагентов в Казахстане [24]. Экономические связи с Россией по-прежнему сильны. В ближайшее время страны ЕАЭС останутся более важными торговыми партнерами в импорте Казахстана, чем Китай.

Таким образом, Казахстан в ходе промышленного сотрудничества со странами ЕАЭС мог бы диверсифицировать свою зависимую от нефти и газа экономику, что сделает его рынок менее уязвимым для возросшего в результате создания ЗСТ импорта из Китая.

¹ *Makhmutova M.* Kazakhstan: Perspectives on Eurasian Integration [Электронный ресурс] // European Council on Foreign Relations. 08.06.2016. URL: https://ecfr.eu/article/essay_eurasian_integration_kazakhstan/ (дата обращения: 13.06.2024).

² *Haley Nelson.* The Hidden Costs of Kazakhstan's Engagement with China: A Decade of the Belt and Road [Электронный ресурс] // Caspian policy center. 24.10.2023. URL: <https://www.caspianpolicy.org/research/energy-and-economy-program-eeep/the-hidden-costs-of-kazakhstans-engagement-with-china-a-decade-of-the-belt-and-road> (дата обращения: 13.06.2024).

³ *Makhmutova M.* Kazakhstan: Perspectives on Eurasian Integration [Электронный ресурс] // European Council on Foreign Relations. 08.06.2016. URL: https://ecfr.eu/article/essay_eurasian_integration_kazakhstan/ (дата обращения: 13.06.2024).

⁴ *Осташенко Т. В., Куценко Е. С., Абашкин В. Л., Тюрчев К. С.* Региональный потенциал промышленной кооперации в ЕАЭС [Электронный ресурс]. НИУ ВШЭ, 2023. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/852026917.pdf> (дата обращения: 13.06.2024).

Характеристика китайско-киргизских торгово-экономических отношений

Отношения КНР и Кыргызстана всегда имели положительную динамику, страны поддерживали диалог в международных организациях. Совместные проекты в рамках ОПОП включают в себя, прежде всего, развитие инфраструктуры поставок угля. Двусторонние отношения несбалансированны: так, в 2022 г. импорт из Китая в 250 раз превысил экспорт Кыргызстана в Китай.

Китай импортирует руды и концентраты драгоценных металлов, нефтепродукты и уголь, шкуры и кожи, алюминий-сырец. Кыргызстан импортирует потребительские товары, в первую очередь одежду. Создание ЗСТ устранил довольно высокие пошлины ЕАЭС на одежду по группам 61 и 62 ГС, а Кыргызстан получит доступ к китайскому рынку табачных изделий, защищенному 25-процентной таможенной пошлиной. Однако если в 2022 г. импорт одежды из Китая составил 7 млрд долл. США, то экспорт табачных изделий в Китай был всего 840 тыс. долл. США. Если бы весь импорт в Кыргызстан был предназначен для рынка этой страны, каждый житель тратил бы четвертую часть своего дохода на покупку китайской одежды. Потребительские товары, ввезенные через Кыргызстан, распространяются по всей территории ЕАЭС, а открытие рынка для импорта одежды из Китая представляет собой конкуренцию текстильным фабрикам ЕАЭС.

Характеристика китайско-армянских торгово-экономических отношений

Руды (меди и молибдена) составляют 97% экспорта Армении в Китай. Ему соответствует нулевой тариф. За период 2007–2019 гг., рассматриваемый Б. Атояном и др., Армения на постоянной основе экспортировала в Китай всего пять видов товаров. Перспективным может стать экспорт вина, шоколада, консервированных фруктов, ягод, орехов, табака, меда и минеральной воды [2]. Основным препятствием являются высокие таможенные пошлины на коньяк (2208 20) — 10%, вина (2204) — 14–20% и фруктовые вина (2206) — 40% [24].

Ежегодно правительство Китая оказывает масштабную финансовую помощь Армении, входя в список пяти основных стран-доноров. Потенциал экономического сотрудничества не используется в полной мере. Между странами отсутствует прямое транспортное сообщение, транспортная инфраструктура Армении не развита. Необходимы рекламные кампании, нацеленные на Китай. По нашему мнению, этот путь необходимо пройти по мере продвижения переговоров о ЗСТ.

3. Обсуждение

Были выявлены возможные выгоды стран ЕАЭС от либерализации торговли с Китаем. Мы отметили ряд инструментов доступа на рынок, применяемых в двусторонних отношениях. Оценка комплементарности показала, что ЗСТ более выгодна для Китая, чем для стран ЕАЭС. Странам следует вести переговоры о снижении тарифов на товары с наибольшими ставками. В экспорте ЕАЭС это продукция животноводства (13,2%), масличные, масла и жиры (10,9%), молочные продукты (12,3%), фрукты, овощи, растения (12,2%), напитки и табак (18,2%), зерновые культуры (19,5%) [4], а также замороженная рыба и напитки. Страны ЕАЭС могут быть заинтересованы в либерализации в связи с намерением экспортировать замороженную рыбу, кукурузу, пшеницу и рис (Россия), табак (Кыргызстан и Армения), мясомолочную продукцию (Беларусь), коньяк (Армения). Китай может получить снижение тарифов на автомобили, их части и одежду. Отмена пошлин может быть предметом предварительного временного соглашения по аналогии с первой стадией процедуры, по которой заключалось соглашение о свободной торговле ЕАЭС — Иран. Исследование спроса и предложения на экскаваторы показало, что общая выгода потребителей (строительной отрасли) от отмены таможенных пошлин лишь незначительно превышает потери производителей и государства. Кривая спроса плоская, спрос менее эластичен по цене, тогда как кривая предложения более крутая, а производители очень чувствительны к ценам. Произойдут потери бюджетов государств ЕАЭС от недобора таможенных пошлин. Хотя пошлины и невелики (5%), недобор по ним выше потерь производителей.

Соглашения о свободной торговле, помимо торговых аспектов, имеют ряд других, важных для интеграции положений. В Соглашении о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и его государствами-членами и КНР нет положений о торговле услугами, инвестициям и движению физических лиц, которые присутствуют в большинстве соглашений Китая. Так, в частности, ЗСТ «Китай — Перу» в отношении перемещения физических лиц предусматривает условия, часть из которых приемлемы для договора ЕАЭС — Китай. Эти нормы устанавливают рамки для облегчения временного въезда деловых людей и инвесторов на взаимной основе. Неприемлемыми могут оказаться отказ от требований подтверждения навыков и способностей, признание профессиональной квалификации без дополнительных проверок или экзаменов. Очевидно, именно положения такого рода наряду с торговыми вопросами и должны обсуждаться в новом соглашении о свободной торговле между Китаем и странами ЕАЭС.

Заключение

Создание ЗСТ с Китаем может улучшить уровень жизни населения стран-участниц. Зона свободной торговли будет способствовать обмену в политической, культурной и социальной областях, укреплению взаимного доверия. ЗСТ может предоставить пространство для экономического и социального роста, изменить международную среду, способствовать укреплению международного порядка.

Научная новизна исследования, вносящая вклад в развитие прикладной науки, заключается в рекомендациях по доработке существующего Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и его государствами-членами и КНР в направлении включения положений об отмене таможенных пошлин и включении разделов по торговле услугами, инвестициям и перемещению физических лиц.

Литература

1. Ань Ч. Перспективы и новые шансы для создания российско-китайской зоны свободной торговли // Проблемы торгово-экономического сотрудничества российского Дальнего Востока и Северо-Востока Китая : сб. статей. М., Институт Дальнего Востока РАН, 2019. С. 163–174. EDN: WMAFAB.
2. Атоян В., Овсепян М., Арустамян Т., Петросян Н. Перспективы экономического сотрудничества Армении и Китая в проекте «Один пояс, один путь». Ереван : Армянский государственный экономический университет, 2021. 118 с. (Амберд). ISBN: 978-9939-61-239-3. EDN: YTDDDV. DOI: 10.52174/978-9939-61-239-3.
3. Вережкина Ю. И. Белоруссия-Китай: тактические шаги стратегического партнерства // Образование и наука без границ: фундаментальные и прикладные исследования. 2019. № 10. С. 228–235. EDN: INKTWI. DOI: 10.36683/2500-249X-2019-10-228-235
4. Гиваргизова Л. С. Таможенно-тарифная политика Китая и перспективы полноформатного соглашения о создании ЗСТ между ЕАЭС и Китаем // Проблемы экономики и юридической практики. 2022. Т. 18. № 6. С. 285–293. EDN: YVMDXU. DOI: 10.33693/2541-8025-2022-18-6-285-293
5. Глинкина С. П., Тураева М. О., Яковлев М. О. Китайская стратегия освоения постсоветского пространства и судьба Евразийского союза : науч. доклад. М. : Институт экономики РАН, 2016. 59 с. EDN: QZQYYJ
6. Гронский А. Д. Белорусско-китайские экономические отношения // Россия и новые государства Евразии. 2018. № 2 (39). С. 165–175. EDN: XVBLSH. DOI: 10.20542/2073-4786-2018-2-165-175
7. Давыденко Е. В., Колесникова Т. В. Зона свободной торговли между Китаем и Россией: «pro» и «contra» // Таможенные чтения — 2021: наука, технологии, цифровая экономика : сборник материалов международной научно-практической конференции. СПб., 2021. С. 129–133. EDN: GNUWNQ
8. Дериглазова Л. В. Концепция асимметрии в теории и практике международных отношений // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 295. С. 123–129. EDN: KHNJEB
9. Дубогрызова Д. Г. Основные направления сотрудничества КНР и Беларуси // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3. № 8. С. 694–707. EDN: BLHWEC

10. *Ерохин В. Л.* Современные аспекты политики обеспечения продовольственной безопасности Китая // Маркетинг и логистика. 2022. № 5 (43). С. 21–38. EDN: CVMIXZ
11. *Ерохин В. Л.* Новый сухопутный зерновой коридор как перспективное направление развития логистики между Россией и Китаем // Маркетинг и логистика. 2023. № 5 (49). С. 23–31. EDN: LNSKMX
12. Китай и Восточная Европа: звенья нового Шелкового пути / отв. ред.: В. Михеев, В. Швыдко. М. : ИМЭМО РАН, 2016. 70 с. EDN: ZSZXF. DOI: 10.20542/978-5-9535-0485-0
13. *Лихачева А. Б., Калачигин Г. М.* Оценка рисков либерализации торговли товарами со странами Азии в рамках российской политики поворота на Восток // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2018. Т. 13. № 3. С. 52–69 (На русском и английском языках). EDN: IOBJYM. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-03-03
14. *Рудый К. В.* Беларусь — Китай: сдвиги в экономическом сотрудничестве // Белорусский экономический журнал. 2019. № 2. С. 38–51. EDN: OBLCGU
15. *Худжатов М. Б.* Перспективы развития внешней торговли между Российской Федерацией и КНР // Маркетинг и логистика. 2020. № 2 (28). С. 73–81. EDN: HGSPSP
16. *Шурубович А. В.* Экономические отношения Белоруссии и Китая: состояние, тенденции, проблемы // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 2. С. 80–90. EDN: NZUKZY. DOI: 10.31857/S013128120004642-7
17. *Яо Ц., Юрова Н. В.* Зона свободной торговли как перспективная форма развития торгово-инвестиционного сотрудничества Китая и ЕАЭС // Беларусь в современном мире : материалы XVIII Международной научной конференции, посвященной 98-летию образования Белорусского государственного университета. Белорусский государственный университет, 2019. С. 297–300. EDN: LVGFJX
18. A Practical Guide to Trade Policy Analysis. Geneva : UN; World Trade Organization, 2012. 232 p. ISBN: 139789287038128.
19. *Kovaltchuk A. P., Blinova E. A., Miloradov K. A., Mangusheva L. S.* Current State and Prospects of Russia-China Trade Development in the BRICS Format // Journal of Reviews on Global Economics. 2019. No. 8. P. 776–782. DOI: 10.6000/1929-7092.2019.08.67
20. *Popkova E. G., Sukhodolov Y. A.* Foreign Trade as a Factor of Economic Growth: Russian-Chinese Foreign Trade Cooperation. Springer, 2017. 138 p. ISBN 10: 3319459848
21. *Schubert J., Savkin D.* Dubious Economic Partnership: Why a Sino-Russia Free Trade Agreement is Hard to Reach // China Quarterly of International Strategic Studies. 2016. 2(04). P. 529–547. DOI: 10.1142/S2377740016500287
22. *Su F.* Determination of the Possibility of Creating a Russian-Chinese Free Trade Zone // Siboliya Yanjiu. 2002. No. 5. P. 33–34. (In Chinese)
23. *Viner J.* The Customs Union Issue. Oxford university press, 2014. 256 p. ISBN: 9780199756124. DOI: 10.1093/acprof:osobl/9780199756124.001.0001
24. *Zhang H., Yuan T.* Analysis of the Simulation of Trade Effects of China-Russia Free Trade Area Based on the Dynamic GTAP Model // China Journal of Commerce. 2023. No. 18. P. 75–78. DOI: 10.19699/j.cnki.issn2096-0298.2023.18.075

Об авторах:

Синьтао Ван, студент Шанхайского таможенного колледжа (Шанхай, Китайская Народная Республика);
e-mail: 504847051@qq.com

Жиряева Елена Васильевна, профессор кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, доцент;
e-mail: Zhiryayeva-ev@ranepa.ru; ORCID: 0000-0002-8233-5212

Лэтин Чжан, студент Шанхайского таможенного колледжа (Шанхай, Китайская Народная Республика);
e-mail: zhang.leting@sohu.com

References

1. An Ch. Prospects and New Chances for the Creation of a Russian-Chinese Free Trade Zone // Problems of Trade and Economic Cooperation between the Russian Far East and Northeast China. Moscow : Federal State Budgetary Scientific Institution Institute of Far Eastern Studies of RAS, 2019. P. 163–174. (In Russ.) EDN: WMAFAB.
2. Atoyan V., Hovsepyan M., Arustamyan T., Petrosyan N. Prospects of Armenia-China Economic Cooperation within “One Belt, One Road” Project. Yerevan : Armenian State University of Economics, 2021. 118 p. (Amberd). ISBN: 978-9939-61-239-3. (In Russ.) EDN: YTDDDV. DOI: 10.52174/978-9939-61-239-3.
3. Verevkin Y. I. Belarus — China: Tactical Steps of Strategic Partnership // Education and Science without Borders: Fundamental and Applied Research [Obrazovanie i nauka bez granits: fundamental’nye i prikladnye issledovaniya]. 2019. No. 10. P. 228–235. (In Russ.) EDN: IHKTWI. DOI: 10.36683/2500-249X-2019-10-228-235
4. Givargizova L. S. China’s Customs and Tariff Policy and Prospects for a Full-Fledged FTA between the EAEU and China // Economic Problems and Legal Practice [Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki]. 2022. Vol. 18. No. 6. P. 285–293. (In Russ.) EDN: YVMDXU. DOI: 10.33693/2541-8025-2022-18-6-285-293
5. Glinkina S. P., Turaeva M. O., Yakovlev M. O. Chinese Strategy for the Development of the Post-Soviet Space and the Fate of the Eurasian Union : scientific report. Moscow : Institute of Economics of the RAS, 2016. 59 p. (In Russ.) EDN: QZQYYJ
6. Gronskey A. D. Belarusian-Chinese Economic Relations // Russia and the New States of Eurasia [Rossiya i novye gosudarstva Evrazii]. 2018. No. 2 (39). P. 165–175. (In Russ.) EDN: XVBLSH. DOI: 10.20542/2073-4786-2018-2-165-175
7. Davydenko E. V., Kolesnikova T. V. Free Trade Zone between China and Russia: “Pro” and “Contra” // Customs Readings—2021: Science, Technology, Digital Economy : collection of materials of the international scientific and practical conference. St. Petersburg, 2021. P. 129–133. (In Russ.) EDN: GNUWNQ
8. Deriglazova L. V. “Asymmetry” Concept in Theory and Practice of International Relation // Tomsk State University Journal [Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta]. 2007. No. 295. P. 123–129. (In Russ.) EDN: KHNJEB
9. Dubogryzova D. G. Main Directions of Cooperation of the PRC and Belarus // Post-Soviet Studies [Postsovetskie issledovaniya]. 2020. Vol. 3. No. 8. P. 694–707. (In Russ.) EDN: BLHWEC
10. Erokhin V. L. Contemporary Issues of China’s Food Security Policy // Marketing and Logistics [Marketing i logistika]. 2022. No. 5 (43). P. 21–38. (In Russ.) EDN: CVMIXZ
11. Erokhin V. L. The New Land Grain Corridor as a Promising Venue of the Russia-China Logistics // Marketing and Logistics [Marketing i logistika]. 2023. No. 5 (49). P. 23–31. (In Russ.) EDN: LNSKMX
12. China and Eastern Europe: Links of the New Silk Road // ed. by V. Mikheev, V. Shvydko. Moscow : IMEMO, 2016. 70 p. (In Russ.) EDN: ZSZXF. DOI: 10.20542/978-5-9535-0485-0
13. Likhacheva A., Kalachyhin H. Risk Assessment of Trade liberalization with Asian Countries in the Context of Russia’s Policy of Pivot to Asia // International Organizations Research Journal [Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika]. 2018. Vol. 13. No. 3. P. 52–69. (In Russ. and Eng.) EDN: IOBJYM. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-03-03
14. Rudy K. (2019) Belarus — China: Shifts in Economic Cooperation // Belarusian Economic Journal [Belorusskiy Ekonomicheskii zhurnal]. 2019. No. 2. P. 38–51. (In Russ.) EDN: OBLCGU
15. Khudzhatov M. Prospects for the Development of Foreign Trade between the Russian Federation and China // Marketing and Logistics [Marketing i logistika]. 2020. No. 2 (28). P. 73–81. (In Russ.) EDN: HGSBSP
16. Shurubovich A. V. Economic Relations between Belarus and China: Status, Trends, Problems // Far Eastern Studies [Problemy Dal’nego Vostoka]. 2019. No. 2. P. 80–90. (In Russ.) EDN: NZUKZY. DOI: 10.31857/S013128120004642-7
17. Yao J., Yurova N. V. Free Trade Area as a Promising Form of Development of China — EAEU Trade-Investment Cooperation // Belarus in the modern world : Materials of the XVIII International Scientific Conference

- dedicated to the 98th anniversary of the formation of the Belarusian State University. Belarusian State University, 2019. P. 297–300. (In Russ.) EDN: LVGFXJ
18. A Practical Guide to Trade Policy Analysis. Geneva : UN; World Trade Organization, 2012. 232 p. ISBN: 139789287038128.
 19. Kovaltchuk A. P., Blinova E. A., Miloradov K. A., Mangusheva L. S. Current State and Prospects of Russia-China Trade Development in the BRICS Format // Journal of Reviews on Global Economics. 2019. No. 8. P. 776–782. DOI: 10.6000/1929-7092.2019.08.67
 20. Popkova E. G., Sukhodolov Y. A. Foreign Trade as a Factor of Economic Growth: Russian-Chinese Foreign Trade Cooperation. Springer, 2017. 138 p.
 21. Schubert J., Savkin D. Dubious Economic Partnership: Why a Sino-Russia Free Trade Agreement is Hard to Reach // China Quarterly of International Strategic Studies. 2016. 2(04). P. 529–547. DOI: 10.1142/S2377740016500287
 22. Su F. Determination of the Possibility of Creating a Russian-Chinese Free Trade Zone // Siboliya Yanjiu. 2002. No. 5. P. 33–34. (In Chinese)
 23. Viner J. The Customs Union Issue. Oxford university press, 2014. 256 p. ISBN: 9780199756124. DOI: 10.1093/acprof:osobl/9780199756124.001.0001
 24. Zhang H., Yuan T. Analysis of the Simulation of Trade Effects of China-Russia Free Trade Area Based on the Dynamic GTAP Model // China Journal of Commerce. 2023. No. 18. P. 75–78. DOI: 10.19699/j.cnki.issn2096-0298.2023.18.075

About the authors:

Wang Xintao, Student of the Shanghai Customs College (Shanghai, People's Republic of China)
e-mail: 504847051@qq.com

Elena V. Zhiryayeva, Professor at the Department of Economics at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa) (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Economics, Associate Professor;
e-mail: Zhiryayeva-ev@ranepa.ru; ORCID: 0000-0002-8233-5212

Zhang Leting, Student at Shanghai Customs College (Shanghai, People's Republic of China);
e-mail: zhang.leting@sohu.com

Современные тренды международно-правового регулирования железнодорожного транспорта в рамках ЕАЭС

Дроздова М. А.

Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail: drozdova@pgups.ru

ORCID: 0000-0001-9691-0575

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются актуальные тренды формирования массива международно-правового регламентирования транспортно-логистической отрасли, в частности в сфере железнодорожного транспорта, в рамках Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС, Союз) на современном этапе развития. В 2022–2023 гг. произошедшие тектонические изменения в мировой политике, проявившиеся в эрозии системы международной безопасности, привели к изменению характера международного сотрудничества на глобальном уровне. Основным трендом стала регионализация экономического и политического сотрудничества, обострение борьбы за многополярность мира, что привело к формированию новых экономических блоков, для плодотворного торгово-экономического сотрудничества которых требуется создание новых парадигм конвергенции их транспортно-логистических экосистем. Интенсификация взаимодействия как в рамках ЕАЭС, так и ЕАЭС с другими государствами влечет разработку международного законодательства на уровне региональных блоков, создающего основу для эффективных процессов интеграции и сотрудничества.

Цель. Целью статьи является изучение актуальных трендов сложения новой парадигмы транспортно-логистического сотрудничества в условиях актуальной геополитической повестки и развития технологий Индустрии 4.0 для определения новых векторов межгосударственного взаимодействия в отрасли.

Задачи. Предлагается рассмотреть тренды развития международно-правового регулирования сотрудничества ЕАЭС в сфере конвергенции транспортно-логистических экосистем как внутри Союза, так и в формате взаимодействия со странами — стратегическими партнерами, такими как Иран, Китай и другими, с целью создания эффективных цепочек железнодорожных перевозок в Евразийском регионе.

Методология. При проведении исследования автор использовал сравнительно-правовой, формально-юридический методы, а также дедукцию, системный метод и абстрагирование.

Результаты. Обосновывается мысль о необходимости дальнейшего расширения интеграционных процессов транспортно-логистических экосистем ЕАЭС и таких государств-партнеров, как Иран, Китай и Индия.

Выводы. Сложная геополитическая ситуация 2022–2023 гг. породила тренд на национально-ориентированное развитие экономик отдельных государств. На смену глобализационным тенденциям в логистике пришло понимание приоритетности развития регионального сотрудничества развивающихся стран в целях создания многополярного мира. Формирование массива международно-правового регулирования транспортно-логистической отрасли в рамках ЕАЭС направлено на обеспечение ее эффективности, исходя из идеи сложения блока лидеров нового мира — развивающихся стран Евразийского региона, обеспечивающей их экономической суверенитет путем развития новых логистических маршрутов, включающих возможность использования технологий

и сервисов нового технологического уклада и обеспечивающих цифровую связанность субъектов транспортной сферы.

Ключевые слова: ЕАЭС, транспортно-логистическая экосистема, конвергенция транспортных систем, евразийская транспортная система, международное транспортное право

Для цитирования: Дроздова М. А. Современные тренды международно-правового регулирования железнодорожного транспорта в рамках ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 3. С. 75–82.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-03-75-82>. EDN: VVXNTX

Modern Trends in International Legal Regulation of Railway Transportation within the EAEU

Maria A. Drozdova

Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University, Saint Petersburg, Russian Federation

e-mail: drozdova@pgups.ru

ORCID: 0000-0001-9691-0575

ABSTRACT

The article deals with the current trends in the formation of the array of international legal regulation of the transport and logistics industry, particularly in the field of railway transportation, within the EAEU at the current stage of development. In 2022–2023, tectonic changes in world politics, manifested in the erosion of international security, led to changes in the nature of international cooperation at the global level. The main trend was the regionalization of economic and political cooperation, aggravation of the struggle for multipolarity of the world, which led to the formation of new economic blocs that require the creation of new paradigms of convergence of their transport and logistics ecosystems for fruitful trade and economic cooperation. Intensification of interaction both within the EAEU and the EAEU with other states entails the development of international legislation at the level of regional blocs, creating the basis for effective integration and cooperation processes.

Aim. The purpose of the article is to study the current trends of the new paradigm of transport and logistics cooperation in the context of the current geopolitical agenda and the development of Industry 4.0 technologies to identify new vectors of interstate cooperation in the industry.

Tasks. It is proposed to consider trends in the development of international legal regulation of EAEU cooperation in the field of convergence of transport and logistics ecosystems, both within the Union, as well as in the format of interaction with countries — strategic partners, such as Iran, China and others to create efficient chains of rail transportation in the Eurasian region.

Methods. When conducting the research the author used comparative-legal, formal-legal methods, as well as deduction, system method and abstraction.

Results. The idea of the necessity of further expansion of integration processes of transport and logistics ecosystems of EAEU of such partner states as Iran, China and India is substantiated.

Conclusions. The complex geopolitical situation in 2022–2023 has given rise to a trend towards national-oriented development of the economies of individual states. Globalization trends in logistics have been replaced by the understanding of the priority of developing regional cooperation of developing countries in order to form a multipolar world. The formation of an array of international legal regulation of transport and logistics industry within the EAEU is aimed at ensuring its effectiveness, based on the idea of adding a block of leaders of the new world — developing countries of the Eurasian region, ensuring their economic sovereignty through the development of new logistics routes, including the possibility of using technologies and services of the new technological mode and providing digital connectivity of subjects of the transport sector.

Keywords: EAEU, transport and logistics ecosystem, convergence of transport systems, Eurasian transport system, international transport law

For citation: Drozdova M. A. Modern Trends in International Legal Regulation of Railway Transportation within the EAEU // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 3. P. 75–82. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-03-75-82>. EDN: VVXNTX

Введение

В 2023 г. основным трендом развития международного сотрудничества стала его регионализация. При этом, несмотря на рост геополитической напряженности в отдельных регионах, отношения развивающихся стран, таких как Индия, Китай, Иран, и государств — участников ЕАЭС интенсивно развивались. Создание новых производственных цепочек повлекло необходимость развития логистической инфраструктуры. Смена экономико-технологического уклада диктует необходимость внедрения технологий Индустрии 4.0 не только в рамках национальных транспортно-логистических экосистем, но и в формате создания цифровой инфраструктуры для транспорта, логистики, включая диджитализацию таможенных процедур для обеспечения конкурентоспособности стран ЕАЭС и их партнеров.

Развитие евразийских транспортных коридоров

В 2022–2023 гг. развитие тренда на регионализацию экономического сотрудничества и разворот логистических маршрутов на Восток актуализировали необходимость расширения правовой базы для повышения эффективности взаимодействия стран ЕАЭС в транспортно-логистической сфере. Основными документами, регламентирующими единую транспортную политику ЕАЭС, являются Договор о ЕАЭС¹ и Решение БЕАЭС², «дорожная карта» мероприятий по реализации согласованной транспортной политики³ и решение БЕАЭС⁴.

В 2021 г. распоряжением Коллегии ЕАЭК был утвержден перечень евразийских транспортных коридоров и маршрутов⁵.

Евразийские одномодальные железнодорожные маршруты представлены на рис. 1 (см. с. 78).

Евразийский мультимодальный маршрут представлен на рис. 2 (см. с. 79).

5 декабря 2023 г. Распоряжением ЕАЭК был утвержден план развития евразийских транспортных коридоров⁶ (рис. 3, с. 80).

Важным направлением транспортной политики в рамках ЕАЭС является сопряжение транспортных коридоров Союза с китайским логистическим проектом «Один пояс — один путь».

Другим значимым проектом по сопряжению транспортно-логистических экосистем государств — членов ЕАЭС стало создание в 2013 г. Объединенной транспортно-логистической компании (ОТЛК). Соглашение о ее учреждении было подписано национальными железнодорожными компаниями РФ,

¹ Договор о евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/?ysclid=lr96qnl7dc163941582 (дата обращения: 20.12.2023).

² Основные направления и этапы реализации скоординированной (согласованной) транспортной политики государств — членов Евразийского экономического союза, утвержденные Решением Высшего Евразийского экономического совета от 26 декабря 2016 г. № 19 [Электронный ресурс] // Альта-Софт. URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/16vr0019/> (дата обращения: 20.12.2023).

³ План мероприятий («дорожной карты») по реализации Основных направлений и этапов реализации скоординированной (согласованной) транспортной политики государств — членов Евразийского экономического союза на 2021–2023 годы, утвержденный распоряжением Евразийского межправительственного совета от 20 августа 2021 г. № 15 [Электронный ресурс] // Альта-Софт. URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/17ms0003/> (дата обращения: 20.12.2023).

⁴ Стратегические направления развития евразийской интеграции до 2025 года, утвержденные Решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. № 12 [Электронный ресурс] // Альта-Софт. URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/20vr0012/> (дата обращения: 20.12.2023).

⁵ Распоряжение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 26 октября 2021 г. № 175 «Об утверждении перечня евразийских транспортных коридоров и маршрутов» [Электронный ресурс] // Альта-Софт. URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/21r00175/> (дата обращения: 20.12.2023).

⁶ Распоряжение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 5 декабря 2023 г. № 179 «О комплексном плане развития евразийских транспортных коридоров» [Электронный ресурс] // Альта-Софт. URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/23r00179/> (дата обращения: 20.12.2023).

Беларуси и Казахстана. В настоящее время ОТЛК стала одним из самых эффективных международных логистических проектов. Компания занимается железнодорожными перевозками контейнерных грузов на территории ЕАЭС, включая транзитные маршруты между Азией и Европой. В условиях санкционной повестки, когда морские перевозки и авиасообщение с европейскими странами практически приостановлены, железнодорожные перевозки стали еще более востребованы. При этом российские железные дороги занимают лидирующие позиции в мире по интенсивности использования и обеспечивают 87% грузооборота страны.

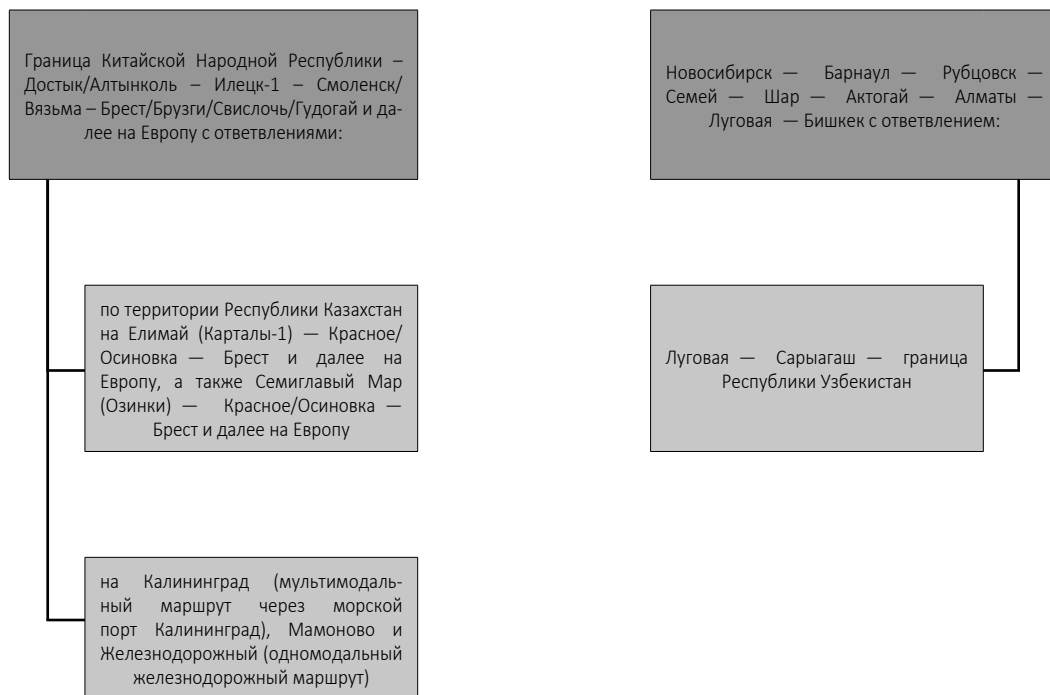

Рис. 1. Евразийские одноmodalные железнодорожные маршруты

Fig. 1. Eurasian single-mode railway routes

Источник: составлено автором

С учетом разворота логистических маршрутов на Восток ОТЛК стала лидером трансевразийских контейнерных перевозок на самом протяженном участке Шелкового пути — от Китая до границ с Европой. Так, в 2022 г. компания зафиксировала рост экспортных перевозок на 156%¹. Одним из главных векторов повышения эффективности деятельности ОТЛК является проект «Цифровой экспедитор», предполагающий переход на электронное транзитное декларирование, что позволит полностью цифровизировать транспортно-логистическую сферу и государственный контроль на внешних границах.

В 2023 г. Китай стал главным стратегическим партнером России и ЕАЭС, что повлекло рост товарооборота на 29,3% — до 220 млрд долл. Следует отметить, что повышение уровня взаимной торговли между странами началось еще до введения международных санкций против России [3]. Так, в 2021 г. товарооборот вырос на 35,8%, а в 2022 г. — на 29,3%. Учитывая этот тренд развития сферы международных перевозок и являясь одним из центральных игроков рынка основного способа доставки грузов из РФ в Китай — мультимодальной перевозкой железнодорожный + автомобильный транспорт, ОТЛК реализует проект «Конвейер электронных сопроводительных документов и данных», направленный на создание бесшовного информационного взаимодействия с национальной цифровой платформой КНР LOGINX.

¹ АО «Объединенная транспортно-логистическая компания — Евразийский железнодорожный альянс» (АО «ОТЛК ЕРА») // РЖД. URL: <https://company.rzd.ru/ru/9349/page/105554?redirected&id=2444&ysclid=lr8x3qr6cn944192983> (дата обращения: 20.12.2023).

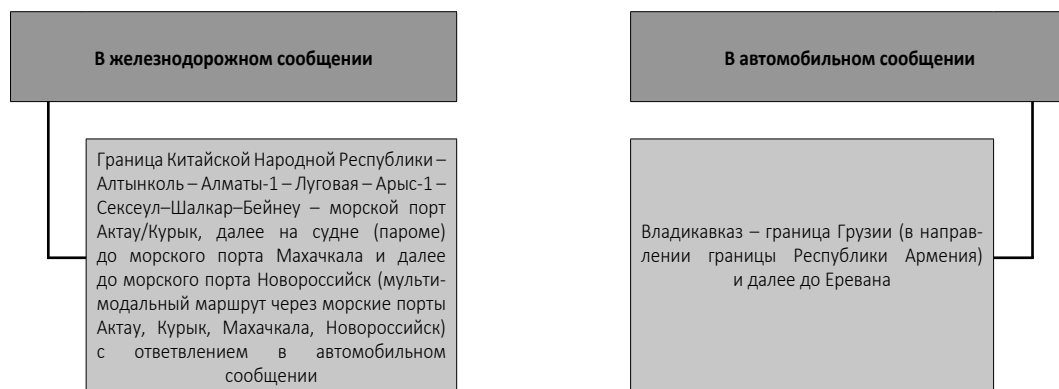

Рис. 2 Евразийский мультимодальный маршрут

Fig. 2. Eurasian multimodal route

Источник: составлено автором

Таким образом, в 2022–2023 гг. основными векторами развития международно-правового регулирования железнодорожных перевозок стали регионализация в рамках ЕАЭС и его партнеров сотрудничества и развитие международных трансевразийских транспортных коридоров для обеспечения связи новых производственных и логистических цепочек.

Иран — новый участник ЕАЭС

25 декабря 2023 г. ЕАЭС было подписано соглашение о зоне свободной торговли с Ираном¹, заменяющее соглашение 2019 г. Новый документ устраняет ввозные пошлины в отношении 90% товарной номенклатуры (рис. 4, с. 80).

Учитывая географическое расположение Ирана, который входит в западный, восточный и транскаспийский маршруты международного транспортного коридора «Север — Юг», реализация положений Соглашения будет иметь синергетический эффект от интеграции уже в краткосрочной перспективе и станет значимым фактором роста экономик стран — участниц ЕАЭС.

Актуальные тренды и проблемы развития транспортно-логистической экосистемы ЕАЭС

На современном этапе конвергенции транспортно-логистических экосистем [5; 6; 7; 8; 9] в рамках ЕАЭС можно выделить:

- создание платформенных решений в отрасли, включая единую платформу предоставления транспортно-логистических услуг в рамках ЕАЭС;
- переход на модель цифровых железнодорожных станций;
- применение новых моделей и принципы машинного обучения в транспортной сфере;
- использование роевого интеллекта;
- развитие цифровых транспортных коридоров.

Для реализации целей и задач единой транспортной политики представляется необходимой реализация следующих мероприятий в среднесрочной перспективе:

- совместный проект по созданию инфраструктуры, обеспечивающей стабильную беспроводную зону покрытия 5G Интернета на территории ЕАЭС, в частности, для возможности применения беспилотных технологий на железнодорожном транспорте;

¹ Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Исламской Республикой Иран, с другой стороны [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/820/SST-EAES_IRI.pdf (дата обращения: 20.12.2023).

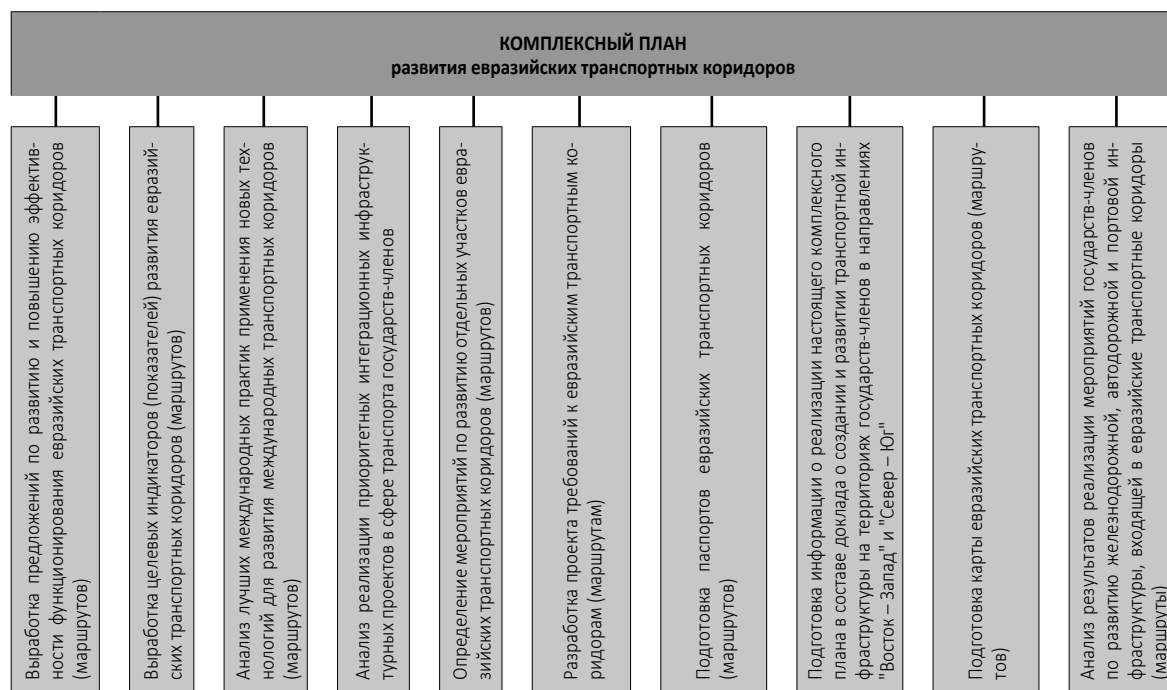

Рис. 3. Мероприятия Комплексного плана развития евразийских транспортных коридоров

Fig. 3. Activities of the Comprehensive Plan for the development of Eurasian transport corridors

Источник: составлено автором

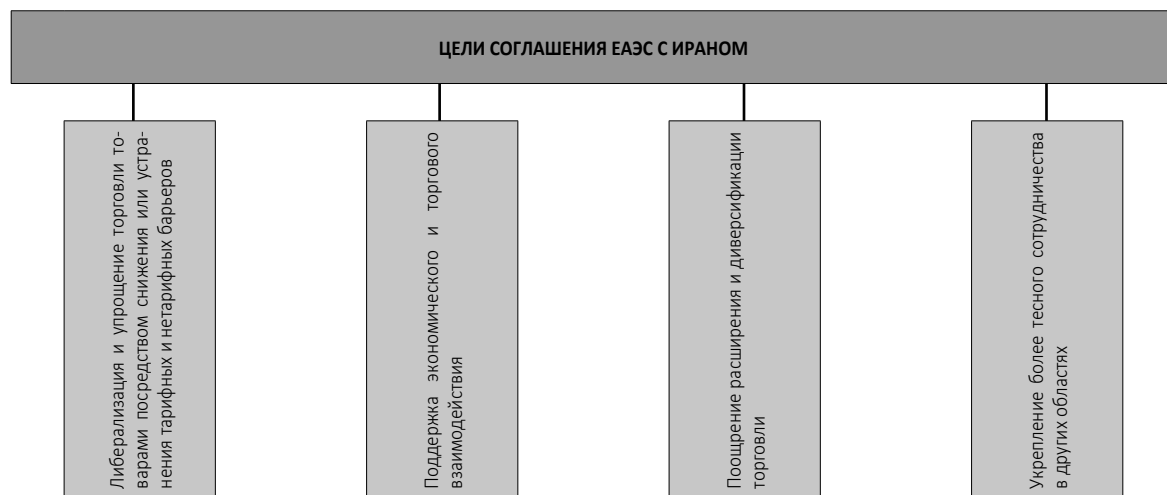

Рис. 4. Цели Соглашения ЕАЭС с Ираном

Fig. 4. Objectives of the EAEU Agreement with Iran

Источник: составлено автором

- стандартизация и унификация требований к созданию и функционированию стабильной и точной системы позиционирования на территории ЕАЭС для возможности внедрения технологий Индустрии 4.0;
- разработка единой законодательной базы для регламентации применения ИИ в интеллектуальных транспортно-логистических системах ЕАЭС;

- стандартизация и унификация технического регулирования разработки и производства беспилотного транспорта;
- внедрение применения электронной накладной и электронных сопроводительных документов для всех типов перевозок, включая Китай и Иран;
- субсидирование совместного проекта по производству высокоэффективных аккумуляторных батарей, возможно в формате государственно-частного партнерства (ГЧП), для обеспечения реализации экологической повестки в отрасли в рамках ЕАЭС.

Для повышения эффективности транспортно-логистического комплекса ЕАЭС, а также его взаимодействия с крупными стратегическими партнерами необходимо развивать систему электронного предварительного декларирования. Так, Европейский союз еще в 2008 г. установил процедуру электронного предварительного декларирования товаров, что значительно повысило эффективность европейской логистики. Цифровизация таможенных процедур в рамках ЕАЭС и со странами — партнерами Союза поможет не только сократить сроки оформления и упростить документооборот, но и будет способствовать повышению прозрачности таможенных процедур, ведь исследования показывают, что до 30% расходов на логистические услуги приходится на «неофициальные» платежи, а сами таможенные процедуры занимают до 40% времени пути [4, с. 38].

Формирование партнерских отношений с частным сектором, получившее значительное распространение в транспортно-логистической сфере путем развития института ГЧП, может стать эффективным форматом для реализации вышеуказанных мероприятий, направленных на достижение целей единой транспортной политики в рамках ЕАЭС.

Заключение

На современном этапе развития международного сотрудничества ЕАЭС как внутри Союза, так и со странами — стратегическими партнерами основной задачей складывающейся нормативной базы в указанной сфере является создание благоприятных правовых условий для конвергенции транспортно-логистических экосистем, в том числе и путем создания единого цифрового пространства для взаимодействия [1; 2].

Новое национально-ориентированное восприятие, пришедшее на смену идее неразрывности глобального мира, диктует формирование новой парадигмы развития логистических маршрутов исходя из современной складывающейся архитектуры блоковой системы международного сотрудничества. Тренд укрепления экономического и технологического суверенитета требует прекращения практики переноса основных производственных мощностей в страны с низкими издержками, что еще больше снижает запрос на глобализацию экономических связей.

Для обеспечения долгосрочной экономической стабильности как для отдельных стран, так и для региональных объединений необходима реализация совместных проектов в рамках таких организаций, как ЕАЭС, по развитию связанной телекоммуникационной и транспортной инфраструктуры для повышения эффективности как железнодорожной, так и всей транспортно-логистической отрасли в целом.

Литература

1. Глазьев С. Ю. Идеи и реалии современного евразийства // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 4 (38). С. 9–10. EDN: LPPPKF. DOI: 10.22394/2073-2929-2021-04-9-10
2. Глазьев С. Ю. Россия и страны Евразийского экономического союза // Здоровье — основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2021. Т. 16. № 1. С. 5–8. EDN: BPZZSR
3. Кириленко В. П., Лебедев А. С. Торгово-экономическое сотрудничество России и Китая в арктическом регионе // Россия в глобальном мире. 2019. № 14–15 (37–38). С. 19–25. EDN: NJLXE
4. Кузнецов А. Л. Программа НЕЛТИ. Практическая реализация // Контейнерный бизнес. 2009. № 2 (24). С. 36–39.
5. Куренков П. В. Управление доставкой внешнеторговых грузов в смешанном сообщении : диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. Москва, 1999. 478 с. EDN: NLXHH
6. Покровская О. Д. Принципы реализации комплексных транспортно-логистических услуг на железнодорожном транспорте и требования к ним // Известия Петербургского университета путей сообщения. 2020. Т. 17. № 3. С. 288–303. EDN: JBM0BU. DOI: 10.20295/1815-588X-2020-3-288-303

7. Язынин В. С., Барановский А. М., Воробьев А. А., Романова И. Ю. Использование искусственных нейронных сетей на Российских железных дорогах для контроля токоприемников поездов // International Journal of Advanced Studies. 2023. Т. 13. № 1. С. 267–287. EDN: UGLBCH. DOI: 10.12731/2227-930X-2023-13-1-267-287
8. Kurenkov P., Pokrovskaya O., Anastasov M. [et al.] Study of the Current State of the Transport Infrastructure of Road and Rail Transport of the Russian Federation // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. 2019. V. 698. No. 6. P. 066064. DOI: 10.1088/1757-899X/698/6/066064
9. Pokrovskaya O., Orekhov S., Kapustina N., Kizyan N. Formation of Logistics Facilities in Transport Corridors // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. 2020. P. 012032. EDN: JHWRRY. DOI: 10.1088/1757-899X/918/1/012032

Об авторе:

Дроздова Мария Александровна, доцент кафедры истории, философии, политологии и социологии Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: drozdova@pgups.ru; ORCID: 0000-0001-9691-0575

References

1. Glazyev S. Yu. Ideas and Realities of Contemporary Eurasianism // Eurasian integration: Economics, Law, Politics [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2021. No. 4 (38). P. 9–10. (In Russ.) EDN: LPPPKF. DOI: 10.22394/2073-2929-2021-04-9-10
2. Glazyev S. Yu. Russia and the Countries of the Eurasian Economic Union // Health — the Basis of Human Potential: Problems and Ways of Their Solution [Zdorov'e — osnova chelovecheskogo potentsiala: problemy i puti ikh resheniya]. 2021. V. 16. No. 1. P. 5–8. (In Russ.) EDN: BPZZSR
3. Kirilenko V. P., Lebedev A. S. Trade and Economic Cooperation between Russia and China in the Arctic Region // Russia in the Global World [Rossiya v global'nom mire]. 2019. No. 14–15 (37–38). P. 19–25. (In Russ.) EDN: NJLXE
4. Kuznetsov A. L. NELTI Program. Practical Realization // Container Business [Konteynernyi biznes]. 2009. No. 2 (24). P. 36–39. (In Russ.)
5. Kurenkov P. V. Management of the Foreign Trade Cargo Delivery in the Mixed Communication : dissertation for the degree of doctor of economic sciences. Moscow, 1999. 478 p. (In Russ.) EDN: NLXHH
6. Pokrovskaya O. D. Principles of Realization of Complex Transport-Logistic Services on the Railway Transport and Requirements to Them // Proceedings of Petersburg Transport University [Izvestiya Peterburgskogo universiteta putei soobshcheniya]. 2020. V. 17. No. 3. P. 288–303. (In Russ.) EDN: JBMOBU. DOI: 10.20295/1815-588X-2020-3-288-303
7. Yazinin V. S., Baranovskiy A. M., Vorobyev A. A., Romanova I. Yu. The Use of Artificial Neural Networks on Russian Railways to Control Current Collectors of Trains // International Journal of Advanced Studies. 2023. V. 13. No. 1. P. 267–287. (In Russ.) EDN: UGLBCH. DOI: 10.12731/2227-930X-2023-13-1-267-287
8. Kurenkov P., Pokrovskaya O., Anastasov M. [et al.] Study of the Current State of the Transport Infrastructure of Road and Rail Transportation of the Russian Federation // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. 2019. V. 698. No. 6. P. 066064. DOI: 10.1088/1757-899X/698/6/066064
9. Pokrovskaya O., Orekhov S., Kapustina N., Kizyan N. Formation of Logistics Facilities in Transport Corridors // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. 2020. P. 012032. EDN: JHWRRY. DOI: 10.1088/1757-899X/918/1/012032

About the author:

Maria A. Drozdova, Assistant Professor at the Department of History, Philosophy, Political Science and Sociology, Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Jurisprudence;
e-mail: drozdova@pgups.ru; ORCID: 0000-0001-9691-0575

Анализ законодательства стран ЕАЭС в области борьбы с киберпреступностью

Клюканова Т. М.*, Виниченко А. Т., Христинченко К. Ю.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

*e-mail: tatianam1211@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье представлен анализ законодательства о кибербезопасности в странах — участницах Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Рассмотрены основные аспекты правового регулирования киберпреступности в отдельных странах, а также выявлены проблемы и недостатки в законодательстве. Обсуждаются устаревшие нормы и неоднозначности в законодательстве, неспособные адекватно реагировать на современные вызовы киберпреступности. Подчеркивается важность комплексного подхода к обеспечению кибербезопасности, который включает не только правовое регулирование, но и технические, организационные и образовательные меры. Сравнительно-правовой метод исследования законодательства позволил выявить общие тенденции, различия и эффективность принимаемых мер в борьбе с киберпреступностью.

Цель. Анализ законодательства стран Евразийского экономического союза в области кибербезопасности и борьбы с киберпреступностью, выявление общих тенденций и различий, оценка эффективности принятых мер, а также определение направлений для дальнейшего улучшения кибербезопасности в регионе.

Задачи. Осуществление анализа законодательства стран — участниц ЕАЭС в сфере кибербезопасности, оценка принимаемых мер по противодействию киберпреступности, выявление общих тенденций и различий в нормативных подходах, определение направлений для совершенствования правовой базы и практических мер в области борьбы с киберпреступностью.

Методология. При осуществлении анализа правовых актов стран — участниц ЕАЭС по кибербезопасности и киберпреступности применены диалектический подход, а также сравнительный, системный и функциональный методы исследования общих тенденций и различий, дана оценка эффективности применения законодательства в противодействии киберугрозам, проведена идентификация проблем и предложены направления для совершенствования правовой базы с учетом современных вызовов в области кибербезопасности.

Результаты. Сформулированы предложения по улучшению обмена информацией и опытом, разработке общих стратегий и стандартов в области кибербезопасности, сокращению числа успешных кибератак за счет совместных усилий, а также по повышению уровня защищенности информационных систем и данных благодаря совместным техническим и организационным мерам.

Выводы. Сотрудничество между странами — участницами ЕАЭС в области кибербезопасности может привести к сокращению числа киберпреступлений, повышению уровня защищенности информационных систем и данных, стимулированию инновационного развития в цифровой сфере, а также укреплению доверия к электронным сервисам и развитию цифровой экономики в регионе, что является ключевыми аспектами в современном информационном обществе.

Ключевые слова: кибербезопасность, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), борьба с киберугрозами, борьба с киберпреступностью, проблемы в законодательстве, организационные меры, защита

Для цитирования: Ключанова Т. М., Виниченко А. Т., Христинченко К. Ю. Анализ законодательства стран ЕАЭС в области борьбы с киберпреступностью // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 3. С. 83–90.
<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-03-83-90>. EDN: WAVWMQ

Analysis of the Legislation of the EEU Countries in the Field of Combating Cybercrime

Tatyana M. Klyukanova*, Karina T. Vinichenko, Kirill Yu. Khristinchenko

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management), Saint Petersburg, Russian Federation

*e-mail: tatianam1211@mail.ru

ABSTRACT

The article presents an analysis of cybersecurity legislation in the member countries of the Eurasian Economic Union (EAEU), focusing on Russia, Kazakhstan, Kyrgyzstan and Belarus. In four parts of the article, the main aspects of the legal regulation of cybercrime in each of these countries are considered, as well as problems and shortcomings in legislation are identified. Outdated norms and ambiguities in legislation that are unable to adequately respond to modern challenges of cybercrime are discussed. The importance of an integrated approach to cybersecurity is emphasized, which includes not only legal regulation, but also technical, organizational and educational measures. It is proposed to conduct a more in-depth analysis and comparison of legislation to identify common trends, differences and the effectiveness of measures taken in the fight against cybercrime.

Aim. Analysis of the legislation of the Eurasian Economic Union (EAEU) member states in the field of cybersecurity and cybercrime prevention, identification of common trends and differences, evaluation of the effectiveness of measures taken, and determination of directions for further improvement of cybersecurity in the region.

Tasks. Analysis of the legislation of the EAEU member states in the field of cybersecurity, evaluation of measures taken to counter cyber threats, identification of common trends and differences in regulatory approaches, determination of directions for improving the legal framework and practical measures in combating cybercrime.

Methods. Analysis of the legal acts of the EAEU member states on cybersecurity and cybercrime, comparative analysis to identify common trends and differences, evaluation of the effectiveness of legislation in countering cyber threats, identification of problems, and proposal of directions for improving the legal framework considering modern challenges in cybersecurity.

Results. Expected improvement in information exchange and experience sharing, development of common strategies and standards in cybersecurity, reduction in the number of successful cyberattacks through joint efforts, and enhancement of the security level of information systems and data through joint technical and organizational measures.

Conclusions. Cooperation among the EAEU member states in cybersecurity can lead to a reduction in the number of cybercrimes, enhancement of the security level of information systems and data, stimulation of innovative development in the digital sphere, and strengthening trust in electronic services and the development of the digital economy in the region, which are key aspects in the modern information society.
Keywords: cybersecurity, Eurasian Economic Union (EAEU), combating cyber threats, legislative issues, organizational measures, comprehensive approach, protection

For citation: Klyukanova T. M., Vinichenko K. T., Khristinchenko K. Yu. Analysis of the Legislation of the EEU Countries in the Field of Combating Cybercrime // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 3. P. 83–90. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-03-83-90>. EDN: WAVWMQ

Введение

В современном мире цифровые технологии широко проникают во все сферы жизни, обеспечивая удобство и эффективность, но при этом создавая новые угрозы и вызовы. Одной из таких угроз является киберпреступность — преступная деятельность, совершаемая с использованием информационных и коммуникационных технологий. Киберпреступность включает в себя широкий спектр деяний, начиная от хакерских атак и кибершпионажа до финансовых мошенничеств и распространения вредоносного программного обеспечения.

В современном мире киберпреступность является одной из наибольших угроз для любого государства. Страны, объединенные в Евразийский экономический союз (ЕАЭС), осознают необходимость совместных усилий для борьбы с ней и принимают серьезные меры, направленные на обеспечение информационной безопасности. Так, в 2013 г. в Санкт-Петербурге было заключено Соглашение о сотрудничестве в области информационной безопасности между государствами — членами СНГ. Указанный нормативно-правовой акт является основным в области борьбы с киберпреступностью, и страны — участницы ЕАЭС все еще руководствуются им при составлении новых актов в области кибербезопасности¹.

Анализ законодательства стран — членов ЕАЭС в области кибербезопасности и борьбы с киберпреступностью представляет собой актуальную задачу, поскольку каждая из этих стран разрабатывает и принимает законы и меры для защиты своего информационного пространства и обеспечения кибербезопасности граждан и организаций.

В данной статье проводится анализ законодательства стран ЕАЭС в области кибербезопасности, рассмотрены основные положения и меры, принимаемые каждой страной для противодействия киберпреступности, а также выявлены общие тенденции и различия в подходах к решению этой проблемы. Этот анализ позволит лучше понять текущие предпринимаемые меры по борьбе с киберпреступностью в рамках ЕАЭС и определить возможные направления для дальнейших усилий по обеспечению кибербезопасности в регионе.

Помимо широкомасштабных угроз киберпреступности, каждая страна сталкивается с собственными вызовами и особенностями в области кибербезопасности [1; 2; 4–7]. Российская Федерация, будучи одной из крупнейших стран в ЕАЭС, активно разрабатывает и внедряет меры по противодействию киберпреступности, киберугрозам, отражая в них собственные стратегические интересы и специфику информационного пространства.

Анализ законодательства стран — участниц ЕАЭС по борьбе с киберпреступностью

Анализ законодательства России в области кибербезопасности позволит глубже понять подходы и механизмы, используемые нашей страной для защиты информационной инфраструктуры и борьбы с киберпреступностью. При этом важно рассмотреть как законы, так и практическую реализацию этих законов, чтобы оценить эффективность принимаемых мер и выявить возможные недостатки и улучшения. Поэтому в рамках данной статьи мы обратим внимание на ключевые аспекты законодательства России в области кибербезопасности, проанализируем последние изменения и новации, а также оценим их влияние на уровень киберзащиты в стране.

Терроризм и киберпреступность являются международными угрозами, требующими скоординированных усилий мирового сообщества. Основные международные правовые нормы содержатся в актах ООН и региональных организаций, таких как Содружество Независимых Государств, Шанхайская организация сотрудничества. Россия активно продвигает сотрудничество с этими организациями для эффективной борьбы с терроризмом и киберпреступностью. Политические разногласия, например, между США и Россией затрудняют международное взаимодействие, но Содружество Независимых Государств ра-

¹ Соглашение о сотрудничестве в области информационной безопасности между государствами — членами СНГ (Санкт-Петербург 20.11.2013) [Электронный ресурс] // Бюллетень международных договоров. 2015. № 10. С. 12. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201506040007> (дата обращения: 20.05.2024).

ботаает над гармонизацией национального законодательства с международными стандартами. Важную роль играют организации, такие как Интерпол и Бюро по координации борьбы с организованной преступностью Содружества Независимых Государств. Эффективная борьба с этими угрозами требует совместных и скоординированных действий всех государств [3, с. 145].

В некоторых статьях гл. 28 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ могут присутствовать неоднозначные формулировки, что может затруднить интерпретацию и применение закона в судебной практике. Как следствие из этого, существует Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»»². Следует отметить, что некоторые положения данной главы могут быть устаревшими или недостаточно гибкими для реагирования на новые вызовы и ситуации в современном обществе. Так, например, Примечание к ст. 272 УК РФ дает понимание передачи информации по сети Интернет, однако не оговаривает передачу информации путем внешних носителей. Несмотря на это, гл. 28 помогает регулировать общественные отношения в области компьютерной безопасности. Законодателю следует принять во внимание, что компьютерные технологии развиваются достаточно быстро, в отличие от законодательства о компьютерных технологиях в силу объективных причин и, зачастую, излишней формализованности.

Необходимо обратить внимание на законодательство других стран — членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС), включая Республику Казахстан. Будучи одной из крупнейших экономик региона, Республика Казахстан уделяет большое внимание вопросам кибербезопасности, разрабатывая и внедряя соответствующие законодательные акты и меры.

Анализ законодательства Республики Казахстан в области кибербезопасности позволит нам оценить подходы и механизмы, используемые этой страной для защиты своего информационного пространства и противодействия киберугрозам. Это также предоставит возможность сопоставить подходы Республики Казахстан к борьбе с киберпреступностью с практикой других стран ЕАЭС для выявления общих тенденций или уникальных особенностей в регулировании кибербезопасности.

Законы Республики Казахстан в области кибербезопасности и борьбы с киберпреступностью³ играют ключевую роль в обеспечении защиты информационного пространства страны. Одним из ключевых документов является Закон «О введении в действие некоторых законодательных актов Республики Казахстан о борьбе с информационными технологиями и киберпреступностью», который вступил в силу в 2015 г. Этот закон включает в себя различные меры по защите информации и борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий, регулируя вопросы незаконного доступа к компьютерной информации, кражи, мошенничества и распространения вредоносных программ⁴.

Анализ этих законов показывает, что Республика Казахстан стремится к совершенствованию своей правовой базы в области кибербезопасности, адаптируя ее к изменяющимся условиям цифровой среды и новым угрозам. Эти законы предоставляют четкие правила и стандарты, способствующие улучшению защиты информации и снижению рисков кибератак.

Однако эффективная борьба с киберпреступностью требует не только правового регулирования, но и комплексного подхода, включающего технические, организационные и образовательные меры.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации. М. : Эксмо, 2024. 320 с.

² Постановление пленума Верховного суда Российской Федерации от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_434573/ (дата обращения: 23.05.2024).

³ Закон Республики Казахстан «О доступе к информации» от 16.10.2015 № 401-V ЗРК [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39415981 (дата обращения: 23.05.2024); Закон Республики Казахстан от 24.11.2015 № 418 «Об информатизации» с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.08.24 [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33885902 (дата обращения: 23.05.2024); Закон Республики Казахстан от 21.03.2013 № 94-V ЗРК «О персональных данных и их защите» [Электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000094> (дата обращения: 23.05.2024).

⁴ Постановление Правительства Республики Казахстан от 30.06.2017 № 407 «Об утверждении Концепции кибербезопасности («Киберщит Казахстана»)» [Электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000407> (дата обращения: 23.05.2024).

В условиях быстрого развития киберугроз и технологических изменений, законодательство должно постоянно обновляться и совершенствоваться, чтобы эффективно реагировать на новые вызовы и угрозы в сети. Поэтому, помимо законов, важно также уделять внимание практической реализации этих законов, оценивать их эффективность и выявлять возможные недостатки для последующих улучшений.

Кыргызская Республика, как и другие страны — члены ЕАЭС, сталкивается с вызовами в области кибербезопасности и принимает меры для борьбы с этой угрозой. Одним из важных шагов в этом направлении является разработка законов, направленных на противодействие киберпреступности и обеспечение безопасности в информационной среде. Борьба с киберпреступностью отражена в Уголовном кодексе Кыргызской Республики¹.

В рамках данного Уголовного кодекса рассматриваются различные аспекты противодействия киберугрозам, включая:

- несанкционированный доступ к компьютерной информации;
- создание вредоносных программных продуктов;
- киберсаботаж;
- массовое распространение электронных сообщений.

Анализ законодательства Кыргызской Республики в области кибербезопасности показывает, что государство уделяет серьезное внимание информационной безопасности и противодействию киберпреступности. Установленные наказания демонстрируют стремление Кыргызстана к эффективной борьбе с киберугрозами и защите интересов общества в цифровой среде. Однако, как и в других странах, эффективная борьба с киберпреступностью требует комплексного подхода, включающего не только правовое регулирование, но и технические, организационные и образовательные меры.

Рассмотрение законодательства Республики Таджикистан в области кибербезопасности представляет собой важный шаг для понимания подходов и мер, принимаемых этой страной для защиты информационной инфраструктуры и борьбы с киберпреступностью. Анализ законов, регулирующих сбор, хранение, обработку и передачу информации, а также установленных стандартов и требований для организаций и государственных учреждений в контексте кибербезопасности дает полное понимание законодательной базы Республики Таджикистан в этой области и позволяет выявить сходства и различия с другими странами — членами ЕАЭС и определить эффективность принимаемых мер для обеспечения кибербезопасности в регионе.

Рассматривая, каким образом в Республике Таджикистан борются с преступлениями в сфере кибербезопасности, необходимо сказать о том, что ученые отмечают недостаточность профессиональных навыков для борьбы с киберпреступлениями. Так 82% сотрудников аппаратных ведомств отметили, что не располагают достаточными навыками и знаниями в сфере компьютерных технологий. Однако нужно отметить, что сейчас в Республике Таджикистан идет активная подготовка квалифицированных кадров, в том числе в университетах и в специализированных академиях внутренних дел. Необходимо отметить, что ежегодно Республика Таджикистан направляет в Российскую Федерацию сотрудников внутренних дел на курсы повышения квалификации в сфере компьютерной безопасности. Положения Уголовного кодекса Республики Таджикистан схожи с положениями Уголовного кодекса Российской Федерации. Так, в Уголовном кодексе Республики Таджикистан² гл. 28 посвящена преступлениям в области информационной безопасности. Всего указанным преступлениям посвящено семь статей. К ним относятся следующие составы преступлений:

- неправомерный доступ к компьютерной информации;
- модификация компьютерной информации;
- компьютерный саботаж;
- незаконное завладение компьютерной информацией;

¹ Уголовный кодекс Кыргызской Республики. 02.02.2017 № 19 [Электронный ресурс]. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/111527/edition/1186183/gu> (дата обращения: 23.05.2024).

² Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21.05.1998 № 574 [Электронный ресурс]. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30397325 (дата обращения: 23.05.2024).

- изготовление и сбыт специальных средств для получения неправомерного доступа к компьютерной системе или сети;
- разработка, использование и распространение вредоносных программ;
- нарушение правил эксплуатации компьютерной системы или сети.

В области борьбы с киберпреступностью Республики Беларусь также существуют проблемные аспекты. Так, в стране отсутствует специализированный орган по борьбе с киберпреступлениями, однако существует определенный план действий по борьбе с кибертерроризмом. Уголовный кодекс Республики Беларусь содержит гл. 31 «Преступления против компьютерной безопасности»¹, в которой пять статей посвящены указанным преступлениям. Указанные статьи направлены прежде всего на защиту от преступлений от несанкционированного доступа к компьютерной информации. Отдельно следует выделить ст. 212, в которой содержатся положения о хищении путем использования компьютерной техники. Указанная статья содержит два основных способа совершения хищения: 1) с помощью специальных программ, 2) путем внесения в компьютер ложной информации. Существенной проблемой в законодательстве так же, как и в Российской Федерации, являются достаточно устаревшие нормы уголовного права в области киберпреступности. Уголовный кодекс Республики Беларусь не содержит достаточного количества статей, охватывающих все виды киберпреступлений. Законодательство не учитывает последние тенденции в сфере киберпреступности, такие как криптовалютные мошенничества или же атаки на критически важную инфраструктуру.

Заключение

В контексте рассмотрения законодательства Российской Федерации, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Таджикистан и Республики Беларусь в области кибербезопасности становится ясно, что эти страны уделяют значительное внимание борьбе с киберпреступностью и обеспечению информационной безопасности.

Сравнение законодательства в области кибербезопасности позволили выявить общие тенденции, различия и эффективность мер, принимаемых каждой страной для борьбы с киберпреступностью. Принимая во внимание сложность и динамичность цифровой среды, а также угрозы, которые несет киберпреступность, понимание подходов и мер каждой страны становится ключевым для обеспечения кибербезопасности в регионе.

Однако для более глубокого понимания эффективности принимаемых мер и сопоставления подходов каждой страны необходимо провести анализ законодательства в области кибербезопасности всех стран — участниц ЕАЭС. Данный анализ позволит выявить общие стратегии, уникальные особенности и потенциальные области для улучшения в борьбе с киберугрозами. Введение для данного анализа должно учитывать уже проведенное рассмотрение законодательств Российской Федерации, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Таджикистан и Республики Беларусь в области кибербезопасности.

В контексте изучения законодательства стран — членов ЕАЭС становится ясно, что государства-участники имеют схожие положения в своих уголовных кодексах, посвященных киберпреступлениям, а также демонстрируют определенные различия в подходах к противодействию киберугрозам. Однако совершенствование существующей правовой базы и разработка единой стратегии кибербезопасности в регионе остаются приоритетными задачами. Для этого страны должны активизировать сотрудничество и обмен информацией о своем законодательстве и практиках в области кибербезопасности. Кроме того, необходимо разработать общие стандарты и стратегии, а также укрепить сотрудничество в технической и организационной сферах. Только такой комплексный подход позволит эффективно противодействовать киберугрозам и обеспечить стабильную кибербезопасность в регионе.

¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (дата обращения: 23.05.2024).

Проведенное исследование базируется на анализе информации, полученной из открытых источников по предметной области исследования, в том числе уголовных кодексах Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Узбекистан, Республики Таджикистан, подписанной в ноябре 2011 г. Декларации о Евразийской экономической интеграции, Договоре о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014, принятом в 2009 г. Таможенном кодексе и др.

Научная новизна проведенного исследования заключается в рекомендациях по доработке существующей правовой базы по формированию специальной единой правовой программы и разработке единой стратегии, направленных на обеспечение кибербезопасности для стран ЕАЭС.

Результаты проведенного исследования могут быть использованы для разработки общих стандартов и стратегии, а также укрепления сотрудничества в технической и организационной сферах.

Литература

1. *Бабаева З. Ш.* Актуальные аспекты обеспечения экономической безопасности стран Евразийского экономического союза в условиях цифровизации // Вестник Екатеринбургского института. 2022. № 4 (60). С. 20–23. EDN: TEVLQE
2. *Белобородько А. М.* Кибербезопасность как один из ключевых факторов интеграции фондового рынка ЕАЭС // Научные труды Белорусского государственного экономического университета : сборник научных трудов. Вып. 15. Минск : Белорусский государственный экономический университет, 2022. С. 23–29. EDN: DMMXJE
3. *Клюканова Т. М.* Международно-правовое противодействие терроризму // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 9. С. 145–151. EDN: OSSUXV
4. *Ковалев О. Г., Скипидаров А. А.* Нормативно-правовое регулирование реализации стратегии кибербезопасности в государствах Европейского союза // Столыпинский вестник. 2021. № 2. С. 39–50. EDN: BRDEFM
5. *Курбанов Р. К.* Евразийская интеграция и право. М. : Издательство «Юнити-Дана», 2016. 496 с. ISBN: 978-5-238-02835-4. EDN: WFTGV
6. *Мога И. С.* Цифровая трансформация технического регулирования в ЕАЭС // Научный альманах Центрального Черноземья. 2022. № 1–8. С. 24–28. EDN: ZKNXKV
7. *Tendulkar R.* Cyber-Crime, Securities Markets and Systemic Risk. Madrid : IOSCO. 2013. 59 p. URL: https://www.world-exchanges.org/storage/app/media/research/Studies_Reports/2013-cyber-crime-securities-markets-amp-systemic-risk.pdf (дата обращения: 23.05.2024).

Об авторах:

Клюканова Татьяна Михайловна, доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления РАНХиГС, кандидат юридических наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: tatianam1211@mail.ru

Виниченко Арина Теймуровна, магистрант Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: vinichenkoarina@yandex.ru

Христинченко Кирилл Юрьевич, магистрант Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: kirill-xxx-1234@yandex.ru

References

1. *Babaeva Z. S.* Actual Aspects of Ensuring Economic Security of the Countries of the Eurasian Economic Union in the Context of Digitalization // Bulletin of the Catherine Institute [Vestnik Ekaterininskogo instituta]. 2022. No. 4 (60). P. 20–23. (In Russ.) EDN: TEVLQE

2. Beloborodko A. M. Cyber Security as One of the Key Factors of Integration of the EAEU Stock Market // Scientific works of the Belarusian State University of Economics : collection of scientific papers. Issue 15. Minsk : Belarusian State University of Economics, 2022. P. 23–29. (In Russ.) EDN: DMMXJE
3. Klyukanova T. M. International Legal Counteraction to Terrorism // Legal Science: History and Present [Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost']. 2023. No. 9. P. 145–151. (In Russ.) EDN: OSSUXV
4. Kovalev O. G., Skipidarov A. A. Regulatory and Legal Regulation of the Implementation of the Cybersecurity Strategy in the States of the European Union // Stolypin Bulletin [Stolypinskii Vestnik]. 2021. No. 2. P. 39–50. (In Russ.) EDN: BRDEFM
5. Kurbanov R. A. Eurasian Integration and Law. Moscow : Publishing “Unity-Dana”, 2016. 496 p. ISBN: 978-5-238-02835-4. (In Russ.) EDN: VWFTGV
6. Moga I. S. Digital Transformation of Technical Regulation in the EAEU // Scientific Almanac of the Central Chernozem Region [Nauchnyi al'manakh Tsentral'nogo Chernozem'ya]. 2022. No. 1–8. P. 24–28. (In Russ.) EDN: ZKNXKV
7. Tendulkar R. Cyber-Crime, Securities Markets and Systemic Risk. Madrid : IOSCO. 2013. 59 p. URL: https://www.world-exchanges.org/storage/app/media/research/Studies_Reports/2013-cyber-crime-securities-markets-amp-systemic-risk.pdf (accessed: 23.05.2024).

About the authors:

Tatyana M. Klyukanova, Associate Professor, Department of Law, North-West Institute of Management of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation) PhD in Jurisprudence;
e-mail: tatianam1211@mail.ru

Arina T. Vinichenko, Master's Student, North-West Institute of Management of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation);
e-mail: vinichenkoarina@yandex.ru

Kirill Yu. Khristinchenko, Master's Student, North-West Institute of Management of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation);
e-mail: kirill-xxx-1234@yandex.ru

Феномен модельных законодательных актов Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств в постановлениях судов Российской Федерации

Подкорытова О. В.

Секретариат Совета Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств, Санкт-Петербург, Российская Федерация;

e-mail: o_podkorytova@mail.ru

РЕФЕРАТ

Настоящее исследование направлено на изучение постановлений судов Российской Федерации, содержащих ссылки на модельные законодательные акты и другие документы Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств (далее — МПА СНГ).

Цель. Определить типы обращения судов России к текстам рекомендательных актов МПА СНГ, принятых в целях формирования и осуществления согласованной законодательной деятельности по вопросам, представляющим общий интерес для государств-участников организации.

Задачи. Собрать и изучить акты Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, системы федеральных судов общей юрисдикции и арбитражных судов.

Методология. Раскрытие основных тенденций обращения судов к модельным законам и другим документам МПА СНГ происходило по критериям: уровень и вид суда, принявшего постановление¹; субъект, по инициативе которого происходило обращение к модельному акту МПА СНГ, а также последствия проявления инициативы со стороны заявителя или другого участника процесса; значение (вариант проявления) модельного документа в постановлении суда.

Результаты. Исследование показало, что суды всех уровней судебной системы России принимали постановления, определения и решения, принятые в порядке конституционного, гражданского, уголовного и административного судопроизводства, в содержание которых включены ссылки на модельные правовые положения. Инициатива использования модельных правовых норм исходила как от суда, так и от других участников процесса.

Выводы. Собранные для исследования судебные постановления представили разные варианты использования судами модельных законов и других документов МПА СНГ, что дает основание для переопределения природы модельных законодательных актов МПА СНГ.

Ключевые слова: модельный закон, национальное законодательство, Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств, суд, судебное постановление, интеграция

Для цитирования: Подкорытова О. В. Феномен модельных законодательных актов Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств в постановлениях судов Российской Федерации // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 3. С. 91–102.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-03-91-102>. EDN: WKWYCI

¹ Под «судебным постановлением» в данной работе понимается любой акт, исходящий от органа судебной власти.

The Phenomenon of Model Legislative Acts of the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States in Decisions of Courts of the Russian Federation

Olga V. Podkorytova

Secretariat of the Council of the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States,
Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: o_podkorytova@mail.ru

ABSTRACT

This study is focused at studying decisions of courts of the Russian Federation, containing references to model legislative acts and other documents of the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States (hereinafter referred to as the IPA CIS).

Aim. Determine the types of appeals by courts of the Russian Federation to the texts of the recommendatory acts of the IPA CIS, adopted for the purpose of forming and implementing coordinated legislative activity on issues of common interest to the member states of the organization.

Tasks. Collect and study acts of the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation, as well as the system of federal courts of general jurisdiction and arbitration courts headed by it.

Methods. The disclosure of the main trends in the courts' resort to model laws and other documents of the CIS IPA occurred according to the following criteria: level and type of court that adopted the decision; the entity on whose initiative the appeal to the model act of the CIS IPA took place, as well as the consequences of the initiative on the part of the applicant or other participant in the process; the meaning (variant of manifestation) of the model document in the court ruling.

Results. The study showed that courts at all levels of the judicial system of the Russian adopted decrees, rulings and decisions adopted in constitutional, civil, criminal and administrative proceedings, the content of which included references to model legal provisions. The initiative to use model legal norms came both from the court and from other participants in the process.

Conclusion. The court decisions collected for the study presented different options for the use of model laws and other documents of the CIS IPA by courts, which provides grounds for redetermination of the nature of model legislative acts of the CIS IPA.

Key words: model law, national legislation, Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States, court, judicial decision, integration.

For citation: Podkorytova O. V. The Phenomenon of Model Legislative Acts of the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States in Decisions of Courts of the Russian Federation // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 3. P. 91–102. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-03-91-102>. EDN: WKWYCI

Введение

Межпарламентская Ассамблея СНГ действует как межгосударственный орган для обсуждения вопросов и рассмотрения проектов документов, формализующих общий интерес. Ключевыми направлениями деятельности международной организации является модельное законодательство, которое имеет своей целью сближение и совершенствование национального законодательства государств — участников СНГ, а также содействие созданию правовых условий для всесторонней интеграции в Содружество. Такой процесс должен учитывать исторические факты, этно-конфессиональные традиции, обычаи, явления и соответствующие им особенности функционирования институтов и учреждений, т. е. в целом то, что различает правовые системы и что часто не позволяет выработать не только детальные нормы, но даже нормы общего характера. В этой связи модельное законодательство не преследует цель обеспечить унификацию правовых норм в той или иной сфере отношений, оно стремится лишь к типизации

в выработке соответствующего правового режима. Большие допущения, характерные для модельного законодательства, во многом объясняют его востребованность как инструмента описания процесса формирования и развития основополагающих правовых ценностей. Признанная природа модельных законодательных актов предопределяет формы их использования в целом либо их отдельных положений парламентами государств — участников МПА СНГ в национальном законотворческом процессе:

- разработка и принятие внутригосударственных нормативных правовых актов;
- внесение изменений и дополнений в действующие нормативные правовые акты¹.

Вышеприведенные формы использования модельных законодательных актов (далее — МЗА) хорошо известны в практике национальных парламентах, что подтверждается периодически направляемыми в Секретариат Совета МПА СНГ соответствующими сведениями². Они могут иметь различную степень детализации, но, так или иначе, органами, которые предоставляют данные сведения, являются парламентами, а сферой их использования традиционно выступает нормотворческая деятельность.

Поводом для появления данной работы послужили обнаруженные при осуществлении профессиональной деятельности постановления судов России, которые содержат ссылки на МЗА, что само по себе не вписывается в сложившуюся практику использования модельных документов и вызывает научный интерес.

Представители научного сообщества обращаются к теме МЗА с позиции модельного нормотворчества, прежде всего как способа конвергенции национальных и международных правовых норм. Например, Ю. С. Безбородов указывает на особенность рекомендательного правового акта, которая заключается в том, что он выступает инструментом «сближения внутреннего и международного права, с одной стороны, способствует сближению национальных законодательств — с другой» [2, с. 185].

Научная дискуссия по вопросам сближения национальных законодательств с использованием МЗА часто возникает в связи с анализом преимуществ и недостатков модельного регулирования. Обычно, обсуждение возникает в отношении определенного модельного закона, например, К. Л. Брановицкий говорит о проблемных аспектах Концепции и структуры модельного Кодекса гражданского судопроизводства и других модельных документов по вопросам гражданского процесса [4, с. 188–220], И. В. Шугурова [8] и А. А. Богустов [3] обращают внимание на модельное законодательство в сфере интеллектуальной собственности.

В литературе имеются работы, посвященные вопросам влияния модельных актов на национальное законодательство и пределам их использования в законодательном процессе государств — участников СНГ [5; 7].

На восприятие модельных законов не только законодательными органами, но и правоприменительными, в частности судами, обращает внимание Л. И. Антонова, которая считает, что суды без каких-либо оснований рассматривают дела с применением модельных законов. По мнению Л. И. Антоновой, такой подход противоречит юридической природе модельного закона как сугубо рекомендательного акта, направленного лишь на гармонизацию законодательства стран СНГ [1].

Рассуждения о допустимости применения модельных актов в практике российских судов высказывает Т. С. Краснова, которая отмечает, что данный вопрос требует самостоятельного исследования [6].

Исследовательский вопрос и выбранные источники

Множественные случаи обоснования постановлений российских судов с помощью положений модельных документов МПА СНГ становятся поводом для постановки вопроса о том, каким образом модельные документы используются правоприменительными органами.

¹ См.: пункт 8.3. Положения о разработке модельных законодательных актов и рекомендаций Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств (постановление МПА СНГ от 14.04. 2005 № 25-8, в редакции от 17.11.2023 № 56-12).

² См., например: Письмо руководителя Аппарата Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан Генеральному секретарю Совета МПА СНГ от 02.06.2023 № 1263; Письмо председателя Постоянной комиссии Палаты представителей по международным делам Национального Собрания Республики Беларусь Генеральному секретарю Совета МПА СНГ от 30.06.2023 № 23-06/233; Письмо руководителя Аппарата Национального Собрания Республики Армения Генеральному секретарю Совета МПА СНГ от 16.01.2024 № 1/173-2024.

Для цели обзора проведен поиск судебных постановлений, содержащих ссылки на МЗА и другие документы МПА СНГ¹.

Постановления судов общей юрисдикции и арбитражных судов России были собраны из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» для специалистов («Консультант Юрист: Версия Проф.»). При использовании карточки поиска «Судебная практика» был сформирован список судебных постановлений по заданному ключевому слову «модельный». Источником решений Конституционного Суда Российской Федерации (далее — КС РФ) стал сайт КС РФ. Список документов был сформирован путем расширенного поиска через раздел «Решения КС РФ» и поле «Международные ссылки». Текст МЗА и других документов МПА СНГ доступен на сайте МПА СНГ в поле «База документов».

Все встречающиеся в судебных постановлениях ссылки на нормативные правовые акты России использовались в рамках данной работы в тех редакциях, которые имели силу на момент принятия судебного постановления.

В результате поиска был выявлен 31 акт судов Российской Федерации, содержащий ссылки на модельные законы (далее — МЗ) и другие документы МПА СНГ, за весь период осуществления модельной законотворческой деятельности МПА СНГ — с 1992 г. по настоящее время (табл. 1).

Таблица 1

Судебные постановления, содержащие ссылки на МЗА и другие документы МПА СНГ

Table 1. Court decisions containing references on model legislative acts and other documents of the IPA CIS

Орган судебной власти	Год принятия постановления	Количество обнаруженных постановлений
Конституционный Суд РФ	2010, 2012, 2017, 2015, 2016, 2018	6
Верховный Суд РФ	2012, 2015, 2018, 2021, 2023	7
Президиум Верховного Суда РФ	2022	1
Суды системы судов общей юрисдикции	2015, 2016, 2021, 2022	5
Суды системы арбитражных судов	2012, 2015, 2016, 2017, 2020, 2021, 2023, 2024	12
Итого по всем судам		31

Источник: составлено автором

Основные тенденции судебной практики по рассмотрению и разрешению дел с применением/использованием модельных правовых норм выявлялись путем определения:

- уровня и вида суда, принявшего постановление;
- субъекта, по инициативе которого появлялась ссылка на норму модельного акта, а также последствий проявления инициативы со стороны заявителя или другого участника процесса;
- значения (варианта проявления) модельного документа в судебном постановлении.

Результаты обзора

Конституционное судопроизводство. Опираясь на специфику конституционного судопроизводства, первую и самостоятельную категорию собранных документов составили решения КС РФ, одно из которых вынесено по существу дела и пять других — по итогам рассмотрения обращений граждан о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов (далее — ФЗ) (табл. 2).

¹ В рамках данной работы под «другими документами» понимаются документы МПА СНГ, не содержащие в своем наименовании «модельный закон», «модельный кодекс» или «рекомендации», но принимаемые в тех же целях сближения законодательства государств — участников МПА СНГ.

Таблица 2

Решения Конституционного Суда Российской Федерации¹
 Table 2. Rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation

Постановление КС РФ от 19.04.2010		
Суть жалобы	Субъект ссылки на МЗА	Применимый/используемый МЗА
О проверке конституционности положений Уголовно-процессуального кодекса РФ	КС РФ	Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств — участников СНГ (постановление МПА СНГ от 17.02.1996 № 7-6)
Контекст ссылки на МЗА		
Наряду с федеральными законами суд делает ссылку на нормы модельного кодекса, согласно которым информированность о преступлении из непроцессуальных источников может послужить основанием для отвода кандидатов или роспуска коллегии присяжных заседателей. Тем самым обеспечивается беспристрастность присяжных заседателей при рассмотрении дел о преступлениях, связанных с террористической деятельностью		
Определение КС РФ от 24.09.2012		
Суть жалобы	Субъект ссылки на МЗА	Применимый/используемый МЗА
О нарушении конституционных прав и свобод положениями ФЗ «О гражданской обороне»	КС РФ	МЗ «О гражданской обороне» (постановление МПА СНГ от 15.06.1998 № 11-12)
Контекст ссылки на МЗА		
В соответствии с ФЗ «О гражданской обороне» порядок отнесения территорий к группам по гражданской обороне определяется в зависимости от количества проживающего на них населения и наличия организаций, играющих существенную роль в экономике государства или влияющих на безопасность населения. Нормы ФЗ корреспондируют положениям модельного закона, в соответствии с которыми гражданская оборона организуется на основании территориально-производственного принципа		
Определение КС РФ от 23.06.2015		
Суть жалобы	Субъект ссылки на МЗА	Применимый/используемый МЗА
Жалоба на нарушение конституционных прав статьей Уголовного кодекса РФ, предусматривавшей уголовную ответственность за вовлечение в занятие проституцией, совершенные организованной группой либо в отношении заведомо несовершеннолетнего	КС РФ	МЗ «О противодействии торговле людьми» (постановление МПА СНГ от 03.04.2008 № 30-11)
Контекст ссылки на МЗА		
Понятие «проституция» определяется Конвенцией о правах ребенка, которому корреспондирует предписание модельного закона о понимании детской проституции. Следовательно, оспариваемая заявителем норма неопределенности не содержит и не может расцениваться как нарушающая права заявителя в указанном в жалобе аспекте		
Определение КС РФ от 23.06.2016		
Суть жалобы	Субъект ссылки на МЗА	Применимый/используемый МЗА
Жалоба на нарушение конституционных прав статьей Уголовного кодекса РФ, предусматривавшей уголовную ответственность за куплю-продажу человека, иные сделки в отношении человека	КС РФ	МЗ «О противодействии торговле людьми» (постановление МПА СНГ от 03.04.2008 № 30-11)
Контекст ссылки на МЗА		
Для реализации предписаний Конвенции о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами (02.12.1949), дополняющего ее Протокола (15.11.2000), а также модельного закона по принятию законодательных мер Уголовным кодексом РФ установлен требуемый состав преступления		
Определение КС РФ от 07.12.2017		
Суть жалобы	Субъект ссылки на МЗА	Применимый/используемый МЗА
Жалоба на нарушение конституционных прав положениями ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»	КС РФ	МЗ «О свободе совести, вероисповедания и религиозных объединениях» (постановление МПА СНГ от 28.11.2014 № 41-20)»
Контекст ссылки на МЗА		
Миссионерская деятельность определена в МЗ аналогичным образом, что и в ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»		

¹ Решения в табл. 2 расположены в хронологическом порядке.

Определение КС РФ от 17.07.2018		
Суть жалобы	Субъект ссылки на МЗА	Применимый/используемый МЗА
Жалоба на нарушение конституционных прав положениями Уголовного кодекса РФ	КС РФ	МЗ «О противодействии торговле людьми» (постановление МПА СНГ от 03.04.2008 № 30-11)
Контекст ссылки на МЗА		
С приведенными предписаниями Конвенции о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами (02.12.1949) ст. 10 МЗ согласуются положения Уголовного кодекса РФ, предусматривающие ответственность за вовлечение в занятие проституцией или принуждение к продолжению занятия проституцией		

Источник: составлено автором

По итогам анализа данных, обозначенных в табл. 2, было выявлено, что инициатива по использованию модельных правовых норм всегда исходила от суда.

Во всех указанных случаях имелись национальные законы с предметом регулирования, совпадающим полностью или в части с предметом регулирования соответствующего модельного закона.

Формулируя в своих решениях общие, обладающие конституционной значимостью требования к правоприменению, КС РФ придерживался трех вариантов использования МЗА:

- 1) МЗ применялся как дополнительный источник доводов суда в пользу принятого решения наряду с федеральными законами (например, Постановление КС РФ от 19.04.2010);
- 2) МЗ использовался для определения соответствия им национальных правовых норм, с применением или без применения норм международных договоров (Определение КС РФ от 17.07.2018);
- 3) использовалось понятие и определение из МЗ и соответствующих международных договоров, устраняющие правовую неопределенность (Определение КС РФ от 23.06.2015).

Иные виды судопроизводства. Постановления других судов системы федеральных судов распределены по группам: постановления Верховного Суда Российской Федерации (табл. 3), постановления судов общей юрисдикции (табл. 4, с. 98) и постановления арбитражных судов (табл. 5, с. 99).

В табл. 3 представлены постановления, принятые по административным делам в апелляционном и кассационном порядке; по результатам рассмотрения жалобы в порядке, предусмотренном ст. 30.13 и 30.17 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Данные по постановлениям ВС РФ показали, что инициатором использования МЗА в шести случаях выступал суд и в двух — заявитель жалобы. Заявитель жалобы указал на модельный закон среди национальных норм права, обосновывающих требование заявителя (определение ВС РФ от 02.12.2015). Обжалуемое решение Московского городского суда от 15.05.2015 предусматривало несогласие суда первой инстанции с доводами о том, что оспариваемое постановление противоречит модельному закону, «поскольку названный акт носит рекомендательный характер, не имплементирован в правовую систему Российской Федерации». Вышестоящий суд не нашел оснований для отмены решения суда первой инстанции, не уделяя отдельного внимания ссылке на модельный закон.

Без комментариев оставила ссылку судебная коллегия ВС РФ и в Апелляционном определении ВС РФ от 21.02.2018 так и не нашла оснований для отмены решения суда первой инстанции.

Верховный Суд РФ, обосновывая свои решения по административным делам, использовал понятия и определения соответствующих модельных законов. Например, в Определении ВС РФ от 03.10.2012 суд возражал относительно довода заявителя жалобы о неопределенности термина «пропаганда» и говорил, что никакой неопределенности не существует, так как он содержится в МЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», и сам термин (без определения) предусмотрен в ст. 6.13 Кодекса об административных правонарушениях, предусматривающей ответственность за пропаганду наркотических средств, а также в ст. 20.3 Кодекса об административных правонарушениях, предусматривающей ответственность за пропаганду нацистской атрибутики и символики.

Таблица 3

Постановления Верховного Суда Российской Федерации
Table 3. Rulings of the Supreme Court of the Russian Federation

Постановление суда	Субъект ссылки на МЗА	Применимый/используемый МЗА
Верховный Суд Российской Федерации (ВС РФ)		
Определение Судебной коллегии по административным делам ВС РФ от 03.10.2012 № 78-АПГ12-16	Судебная коллегия по административным делам ВС РФ	МЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (постановление МПА СНГ от 03.12.2009 № 33-15)
Определение Судебной коллегии по административным делам ВС РФ от 07.11.2012 № 87-АПГ12-2	Судебная коллегия по административным делам ВС РФ	МЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (постановление МПА СНГ от 03.12.2009 № 33-15)
Определение Судебной коллегии по административным делам ВС РФ от 02.12.2015 № 5-АПГ15-127 Решение Московского городского суда от 15.05.2015 по делу № 3-0279/2015	Заявитель	МЗ «О творческих работниках и творческих союзах» (постановление МПА СНГ от 06.12.1997 № 10-10)
Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам ВС РФ от 21.02.2018 № 78-АПГ17-26	Заявитель	МЗ «Об обращениях граждан и юридических лиц» (постановление МПА СНГ от 27.11.2015 № 43-6)
Постановление ВС РФ от 08.10.2021 № 45-АД21-11-К7	Судья ВС РФ	МЗ «О свободе совести, вероисповедания и религиозных организациях (объединениях)» (постановление МПА СНГ от 28.11.2014 № 41-22)
Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам ВС РФ от 25.10.2021 № 3-КАД21-5-К3	Судебная коллегия по административным делам ВС РФ	МЗ «О социальной защите инвалидов» (постановление МПА СНГ от 25.11.2008 № 31-19)
Постановление ВС РФ от 15.12.2023 № 84-АД23-4-К3	Судья ВС РФ	МЗ «О наркотических средствах, психотропных веществах и их прекурсорах» (постановление МПА СНГ от 16.11.2006 № 27-6)
Президиум ВС РФ		
Обзор практики применения судами положений гл. 26 Уголовного кодекса Российской Федерации об экологических преступлениях утвержден Президиумом ВС РФ 24.06.2022	Икрянинский районный суд Астраханской области	МЗ «О сохранении осетровых рыб, их воспроизводстве, рациональном использовании и регулировании оборота продукции из них» (постановление МПА СНГ от 17.04.2001 № 23-16)

Источник: составлено автором

В постановлении ВС РФ от 08.10.2021 суд использовал понятие «миссионерская деятельность» модельного закона «О свободе совести, вероисповедания и религиозных организациях (объединениях)», которое определено аналогичным образом, что и в ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях».

Наконец, в третьем случае (Постановление ВС РФ от 15.12.2023) на основе определения понятия «реклама наркотических средств и психотропных веществ», взятого из МЗ «О наркотических средствах, психотропных веществах и их прекурсорах», суд сделал вывод о фактическом обстоятельстве, имеющем значение для правильного разрешения дела.

Отдельно необходимо отметить Кассационное определение ВС РФ от 25.10.2021 № 3-КАД21-5-К3, в котором суд не согласился с выводами суда апелляционной и кассационной инстанции, учитывая решения КС РФ, нормы Жилищного кодекса РФ и положения МЗ «О социальной защите инвалидов». Суд указал, что модельный закон определяет государственную политику в области социальной защиты инвалидов, целью которой является обеспечение инвалидам равных с другими гражданами возможностей в реализации гражданских, экономических, политических и социальных прав и свобод, установленных конституцией государства, а также общепризнанными принципами и нормами международного права

и международными договорами государства. Опираясь на п. 6 ст. 22 МЗ о том, что жилые помещения, занимаемые инвалидами, оборудуются специальными средствами и приспособлениями в соответствии с индивидуальной программой реабилитации инвалида, суд пришел к выводу, что оценка соответствия этих помещений установленным в подзаконных актах специальным требованиям доступности для инвалидов входит в полномочия органа местного самоуправления, которое может быть делегировано соответствующей комиссии. В итоге, используя положения МЗА, суд отменил определения апелляционной и кассационной инстанции и оставил в силе решение районного суда.

Президиум ВС РФ, рассматривая вопросы судебной практики по применению гл. 26 Уголовного кодекса РФ об экологических преступлениях, упоминает решение Икрянинского районного суда Астраханской области, который, в свою очередь, оперировал нормами МЗ «О сохранении осетровых рыб, их воспроизводстве, рациональном использовании и регулировании оборота продукции из них». Президиум ВС РФ признал правильным указание районного суда на то, что незаконно выловленная рыба осетровых пород является объектом государственной охраны согласно требованиям МЗА.

Постановления судов системы судов общей юрисдикции кассационной и апелляционной инстанции представлены в табл. 4.

Таблица 4

Постановления судов системы федеральных судов общей юрисдикции
Table 4. Rulings of courts of general jurisdiction of the court system of the Russian Federation

Постановление суда	Субъект ссылки на МЗА	Применимый/используемый МЗА
Кассационный суд общей юрисдикции		
Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 16.02.2022 № 88-3377/2022 Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Ленинградского областного суда от 22.09.2021	Судебная коллегия по гражданским делам Ленинградского областного суда	МЗ «Об ограниченных вещных правах» (постановление МПА СНГ от 27.11.2015 № 43-9)
Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 27.04.2022 № 88-5790/2022	Судебная коллегия по гражданским делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции	МЗ «О социальной защите инвалидов» (постановление МПА СНГ от 25.11.2008 № 31-19)
Областной суд и суд города федерального значения		
Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 08.07.2015 № 33-10816/2015	Судебная коллегия по административным делам Санкт-Петербургского городского суда	МЗ «О статусе ученого и научного работника» (постановление МПА СНГ от 25.11.2008 № 31-14)
Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 13.01.2016 № 33а-392/2016	Судебная коллегия по административным делам Санкт-Петербургского городского суда	МЗ «Об основах регулирования Интернета» (постановление МПА СНГ от 16.05.2011 № 36-9)
Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Ленинградского областного суда от 06.11.2021 № 33-101/2021	Судебная коллегия по гражданским делам Ленинградского областного суда	МЗ «Об ограниченных вещных правах» (постановление МПА СНГ от 27.11.2015 № 43-9)

Источник: составлено автором

Учитывая дифференциацию арбитражных судов в системе судов Российской Федерации¹, постановления арбитражных судов выделены в отдельную табл. 5.

¹ См.: Ст. 4 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834/f6358ad89be3beafe0ad17249d808f1edaf49ded/ (дата обращения: 19.08.2024).

Таблица 5

Постановления арбитражных судов системы судов Российской Федерации
 Table 5. Resolutions of arbitration courts of the court system of the Russian Federation

Арбитражный суд округа		
Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14.09.2012 по делу № А75-1558/2012	Заявитель жалобы	Модельный кодекс о недрах и недропользовании для государств — участников СНГ (постановление МПА СНГ от 07.12.2002 № 20-8)
Постановление Арбитражного суда Московского округа от 17.03.2015 по делу № А40-54930/13	Арбитражный суд Московского округа	МЗ «О транспортной деятельности» (постановление МПА СНГ от 31.10.2007 № 29-8)
Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 06.05.2016 по делу № А32-29481/2015	Арбитражный суд Северо-Кавказского округа	МЗ «Об упаковке и упаковочных отходах» (постановление МПА СНГ от 25.11.2008 № 31-9)
Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 23.11.2017 по делу № А33-25040/2016 Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 28.07.2017	Третий арбитражный апелляционный суд	МЗ «Об обращении с животными» (постановление МПА СНГ от 31.10.2007 № 29-17)
Постановление арбитражного суда Северо-Западного округа от 12.03.2020 по делу № А56-74329/2019	Заявитель жалобы	МЗ «О банковской тайне» (постановление МПА СНГ от 16.10.1999 № 14-7)
Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 24.05.2021 по делу № А78-1974/2020	Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа	Модельный кодекс о недрах и недропользовании для государств — участников СНГ (постановление МПА СНГ от 07.12.2002 № 20-8)
Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 21.06.2021 № Ф09-3739/21	Эксперт	Модельный кодекс о недрах и недропользовании для государств — участников СНГ (постановление МПА СНГ от 07.12.2002 № 20-8)
Арбитражный апелляционный суд		
Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 07.04.2017 № 13АП-3190/2017	Тринадцатый арбитражный апелляционный суд	МЗ «О дистанционном обучении в государствах — участниках СНГ» (постановление МПА СНГ 16.05.2011 № 36-5)
Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 28.07.2017 № А33-25040/2016	Третий арбитражный апелляционный суд	МЗ «Об обращении с животными» (постановление МПА СНГ от 31.10.2007 № 29-17)
Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.03.2020 № 17АП-544/2020-ГК	Семнадцатый арбитражный апелляционный суд	Модельный кодекс о недрах и недропользовании для государств — участников СНГ (постановление МПА СНГ от 07.12.2002 № 20-8)
Специализированный арбитражный суд		
Решение суда по интеллектуальным правам от 01.03.2023 по делу № СИП-1030/2022	Заявитель, третье лицо и суд	Глоссарий модельного законодательства для государств — участников Содружества Независимых Государств в области интеллектуальной собственности (постановление МПА СНГ от 17.05.2012 № 31-17)
Решение суда по интеллектуальным правам от 16.01.2024 по делу № СИП-974/2023	Заявитель, третье лицо и суд	Глоссарий модельного законодательства для государств — участников Содружества Независимых Государств в области интеллектуальной собственности (постановление МПА СНГ от 17.05.2012 № 31-17)

Источник: составлено автором

В большинстве случаев, обозначенных в табл. 4 и 5, инициатором ссылок на модельные правовые нормы выступал суд и только в отдельных случаях, как видно, ими были заявитель жалобы, третьи лица. Там, где инициатива исходила от заявителя, только в одном случае (постановление арбитражного суда Северо-Западного округа от 12.03.2020) суд отметил, что МЗ «О банковской тайне» был рекомендован для использования при разработке национального законодательства, регулирующего институт банковской тайны в странах СНГ, и не был ратифицирован.

Любопытно, что в постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 21.06.2021 инициатором ссылки на модельный акт выступил эксперт, который руководствовался определениями понятий «добыча» и «первичная переработка», приведенными в Модельном кодексе о недрах и недропользовании

для государств — участников СНГ. Суд в связи с этим прокомментировал, что «вышеуказанный законодательный акт СНГ является актом рекомендательного характера, принятым в целях формирования и осуществления согласованной законодательной деятельности государств — участников Межпарламентской Ассамблеи по вопросам, представляющим общий интерес».

В остальных случаях, когда участник процесса обосновывал требование с помощью модельных норм (обычно статьи модельного закона упоминаются среди национальных правовых норм), суд оставлял данный факт без внимания (например, Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14.09.2012). Однако при проявлении инициативы со стороны суда по использованию модельных норм суд демонстрировал ту же технику — перечисление среди национальных правовых норм (постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 24.05.2021 и постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 23.11.2017).

Практика судов общей юрисдикции и арбитражных судов во многом имеет схожие черты с практикой ВС РФ в части, касающейся использования понятий и определений, предлагаемых в МЗА, но отсутствующих или не раскрытых в полной мере в национальном законодательстве. При этом появляются и некоторые особенности. В этом плане заслуживает внимания постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 07.04.2017, где суд выстраивал мотивировочную часть решения на основе определения понятий «образовательная деятельность» и «центр доступа», предложенных МЗ «О дистанционном обучении в государствах — участниках СНГ». Подобная ситуация складывается и в постановлении Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 06.05.2016.

Встретилось постановление, когда суд обратился к модельному закону как к документу, объясняющему появление национальных норм (постановление Арбитражного суда Московского округа от 17.03.2015).

Особое внимание следует обратить на Апелляционные определения Ленинградского областного суда от 06.10.2021 и от 22.09.2021 (последнее упоминается в Определении Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 16.02.2022), в которых прослеживается отношение суда к модельным законам как к нормам международного права. Суд обосновывал применение норм МЗ «Об ограниченных вещных правах» нормами Гражданского кодекса РФ (ст. 7) и правоприменительной практикой, закрепленной в п. 5 Постановления Пленума ВС РФ от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия», которые устанавливают правила применения общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров Российской Федерации. Кроме того, суд посчитал, что рассматриваемые вопросы гражданским законодательством не регламентированы, а международные нормы и нормы национального законодательства допускают применение положений МЗА (более подробно см. Апелляционное определение Ленинградского областного суда от 06.10.2021).

Заключение

Данный обзор практики использования судами МЗА и других документов МПА СНГ демонстрирует уникальность сложившейся ситуации и подчеркивает возможность, гибкость и вариативность либо, в некоторых ситуациях, даже необходимость такого использования.

Типология обращения судов к модельным правовым положениям может быть формализована следующим образом:

- 1) использование понятийного аппарата модельного закона в национальной судебной практике;
- 2) выявление соотношения «национальный закон и модельный закон»;
- 3) национальный закон в исполнение модельного закона или отдельных его положений, то есть как результат имплементации;
- 4) модельный закон как свидетельство существования (формирования) нормы международного права.

Выявленные тенденции отношения судов к модельным правовым положениям требуют дальнейшего научного переопределения правовой природы МЗА.

Литература

1. Антонова Л. И. Юридическая природа модельных законов Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств // Ученые записки Санкт-Петербургского филиала Российской таможенной академии. 2017. № 3 (63). С. 56–62. EDN: XOWCZF
2. Безбородов Ю. С. Методы и формы правовой конвергенции в международном праве: дис. ...д. ю. н. Казань, 2019. 433 с. EDN: PQOPHI
3. Богустов А. А. Проблемы взаимодействия международных договоров и модельного законодательства об интеллектуальной собственности для государств — участников СНГ // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2021. № 2. С. 98–105. EDN: DJFMFL. DOI: 10.52452/19931778_2021_2_98
4. Брановицкий К. Л. Сближение (гармонизация) гражданского процессуального права в рамках Европейского союза и на постсоветском пространстве (сравнительно-правовой аспект). М. : Статут, 2018. 399 с. ISBN: 978-5-907139-27-5
5. Каширкина А. А., Морозов А. Н. Международные рекомендательные акты в российской правовой системе: пределы и возможности использования // Журнал российского права. 2015. № 2 (218). С. 135–147. EDN: TIZEWV. DOI: 10.12737/7547
6. Краснова Т. С. Доступ к садовым земельным участкам со ссылкой на Модельный закон СНГ // Правоведение. 2024. Т. 68. № 1. С. 113–27. EDN: DUZJQW. DOI: 10.21638/spbu25.2024.106
7. Красухина Ю. Б. Государственная Дума РФ и модельные акты Межпарламентской Ассамблеи СНГ // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 3. С. 209–216. EDN: JVICVX
8. Шугурова И. В. Модельное законотворчество в сфере интеллектуальной собственности в странах СНГ // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 3 (98). С. 131–136. EDN: SOAIFJ

Об авторе:

Подкорытова Ольга Владимировна, советник отдела правовой экспертизы Секретариата Совета Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ; доцент кафедры гражданского и трудового права Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: o_podkorytova@mail.ru

References

1. Antonova L. I. The Legal Nature of Model Laws of the Inter-parliamentary Assembly of States — Member of the Commonwealth of the Independent States // Scientific Notes of the V. B. Bobkov St. Petersburg Branch of the Russian Customs Academy [Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo filiala Rossiiskoi tamozhennoi akademii]. 2017. No. 3 (63). P. 56–62. (In Russ.) EDN: XOWCZF
2. Bezborodov Yu. S. Methods and Forms of Legal Convergence in International Law: dis. ...D. Sc. Kazan, 2019. 433 p. (In Russ.) EDN PQOPHI
3. Bogustov A. A. Problems of Interaction of International Treaties and Model Legislation on Intellectual Property for the CIS States // Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod [vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo]. 2021. No. 2. P. 98–105. (In Russ.) EDN: DJFMFL. DOI: 10.52452/19931778_2021_2_984
4. Branovitsky K. L. Convergence (Harmonization) of Civil Procedural Law within the Framework of the European Union in the post-Soviet Space (Comparative Legal Aspect). Moscow : Statute, 2018. 399 p. ISBN: 978-5-907139-27-5. (In Russ.)
5. Kashirina A. A., Morozov A. N. International Recommendatory Instruments in the Russian Legal System: Limits and Possibilities of Application // Journal of Russian Law [Zhurnal rossiiskogo prava]. 2015. No. 2 (218). P. 135–147. (In Russ.) EDN: TIZEWV. DOI: 10.12737/7547

6. Krasnova T. S. Access to Garden-Plots with Reference to the Model Law of the CIS Member States // Pravovedenie. 2024. Vol. 68. No. 1. P. 113–127. (In Russ.) EDN: DUZJQW. DOI: 10.21638/spbu25.2024.106
7. Krasukhina Yu. B. State Duma of the Russian Federation and Model Acts of the CIS Interparliamentary Assembly // Knowledge. Understanding. Skill [Znanie. Ponimanie. Umenie]. 2006. No. 3. P. 209–216. (In Russ.) EDN: JVICVX
8. Shugurova I. V. Model Lawmaking in the SPHERE of Intellectual Property in CIS Countries // Saratov State Law Academy Bulletin [Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii]. 2014. No. 3 (98). P. 131–136. (In Russ.) EDN: SOAIFJ

About the author:

Olga V. Podkorytova, Counselor of the Department of Legal Expertise of the Secretariat of the Council of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States; Associate Professor of the Department of Civil and Labor Law of North-West Institute of Management of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Jurisprudence, Associate Professor;
e-mail: o_podkorytova@mail.ru

Российский опыт правового регулирования инвестиционных платформ БРИКС

Лаптева А. М.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail: laptevaann@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-9636-0742

РЕФЕРАТ

Цель. Статья своей целью имеет постановку проблемы формирования в объединении БРИКС такой разновидности инвестиционных институтов, как инвестиционная платформа.

Задачи. Задачи статьи определяются тем, что исполнительным директором Российского фонда прямых инвестиций было предложено создать совместную инвестиционную платформу стран БРИКС, позволяющих членам БРИКС активнее инвестировать в экономики своих партнеров. А как известно, страны БРИКС в настоящее время играют весомую и постоянно растущую роль в мировой политике и международных отношениях.

Методология. В процессе исследования поставленные задачи решались автором с использованием в работе общенаучных (исторический, диалектический, системный, логический, метод анализа) и юридических (сравнительно-правовой, социологический, аксиологический) методов исследования.

Результаты. Результатом исследования является основанное на российском опыте регулирования платформенных сервисов (финансовые платформы, инвестиционные платформы и информационные системы) предложение о формировании на основе российской модели регулирования концепции построения соответствующего института в рамках БРИКС. При этом в статье обращается внимание и на возможные проблемы, которые могут возникнуть при подготовке соответствующего международного акта. В частности, при воплощении этой инициативы возникает широкий круг вопросов технического, экономического и юридического характера, что требует детального осмысления.

Выводы. При избрании конкретных способов инвестирования, которые могут быть использованы на такой платформе, необходимо учитывать потребности бизнеса и населения как в долгосрочном, так и при краткосрочном привлечении и размещении ресурсов. В частности, правовое регулирование выбора правового режима инвестирования должно оказывать влияние на выбор правового статуса субъектов, которые будут допускаться к такой платформе, выделяя, например, квалифицированных инвесторов или розничных инвесторов.

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционные платформы, инвестор, краудфандинг, цифровая экономика, БРИКС

Для цитирования: Лаптева А. М. Российский опыт правового регулирования инвестиционных платформ БРИКС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 3. С. 103–111.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-03-103-111>. EDN: WMBOKB

Russian Experience in Legal Regulation of BRICS Investment Platforms

Anna M. Lapteva

National Research University "Higher School of Economics" (NRU HSE), Saint Petersburg, Russian Federation

e-mail: laptevaann@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-9636-0742

ABSTRACT

Aim. The article aims to formulate the problem of formation of such type of investment institutions as investment platform in BRICS.

Tasks. The objectives of the article are defined by the fact that the executive director of the Russian Direct Investment Fund proposed to create a joint investment platform of BRICS countries, allowing BRICS members to invest more actively in the economies of their partners. And as is known, BRICS countries currently play a significant and constantly growing role in world politics and international relations.

Methods. In the process of research the set tasks were solved by the author using general scientific (historical, dialectical, systemic, logical, method of analysis) and legal (comparative legal, sociological, axiological) research methods.

Results. The result of the research is the proposal based on the Russian experience of regulation of platform services (financial platforms, investment platforms and information systems) on the formation on the basis of the Russian regulation model of the concept of building the corresponding institution within BRICS. At the same time, the article also draws attention to possible problems that may arise during the preparation of the relevant international act. In particular, the implementation of this initiative raises a wide range of technical, economic and legal issues that require detailed consideration.

Conclusions. When choosing specific investment methods that can be used on such a platform, it is necessary to take into account the needs of businesses and the population, both in the long-term and short-term attraction and placement of resources. In particular, legal regulation of the choice of the legal regime for investment should influence the choice of the legal status of entities that will be admitted to such a platform, highlighting, for example, qualified investors or retail investors.

Keywords: investment, investment platforms, investor, crowdfunding, digital economy, BRICS

For citation: Lapteva A. M. Russian Experience in Legal Regulation of BRICS Investment Platforms // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 3. P. 103–111. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-03-103-111>. EDN: WMBOKB

Введение

Создание БРИКС¹ явилось одним из наиболее значимых геополитических событий начала XXI в. Страны БРИКС играют весомую и постоянно растущую роль в мировой политике и международных отношениях [3]. Их взаимодействие направлено на поиск решений глобальных финансово-экономических проблем².

¹ Категорию «страны BRIC» ввела в употребление в зарубежной экономической литературе экспертная группа международного инвестиционного банка Goldman Sachs, возглавляемая Джимом О'Нилом (Jim O'Neill), в статье «Строительство более эффективных кирпичей глобальной экономики», опубликованной в 2001 г. В английском языке слово brick означает «кирпич» и в названии данной статьи употребляется в прямом значении для определения аббревиатуры BRIC (Brazil, Russia, India, China). С присоединением ЮАР к группе БРИК перевод данного акронима с английского языка на русский приобрел характер множественности (т. е. «кирпичи») [1, с. 64].

² В настоящее время в рамках БРИКС создан Новый банк развития (далее — НБР) (См: Соглашение о Новом банке развития, заключено в г. Форталезе 15.07.2014), который мобилизует ресурсы для проектов в области инфраструктуры и устойчивого развития в странах БРИКС, а также в других странах с формирующимся рынком и развивающихся странах, дополняя деятельность, осуществляемую многосторонними и региональными финансовыми институтами в интересах глобального роста и развития. На сегодняшний день в рамках НБР было реализовано два российских проекта, а двенадцать российских проектов получили одобрение. См: Сайт Нового банка развития (The New Development Bank) [Электронный ресурс]. URL: https://www.ndb.int/projects/all-projects/?country=russia&key_area_focus=&project_status=completed&type_category=&pyearval=#paginated-list (дата обращения: 6.07.2024).

По итогам XV саммита БРИКС, состоявшегося в августе 2023 г. в Йоханнесбурге, была принята Вторая Йоханнесбургская декларация стран БРИКС¹, где нашли отражение общие подходы участников БРИКС по актуальным вопросам многостороннего сотрудничества. О развитии инвестиционного сотрудничества с другими государствами — участниками БРИКС говорится в Концепции участия Российской Федерации в объединении БРИКС, утвержденной Президентом Российской Федерации.

Одним из направлений сотрудничества стран — участников БРИКС, указанных в декларации, является продолжение сотрудничества в области укрепления взаимосвязанности цепочек поставок и платежных систем в целях поощрения торговли и инвестиционных потоков между членами БРИКС. Взаимное инвестирование ресурсов, которыми обладают участники БРИКС, является важным интеграционным фактором. Соответственно, сегодня один из ключевых вопросов в рамках интеграции стран БРИКС — это проблемы правового регулирования инвестиций.

Основная часть

При обращении к правому регулированию инвестиционных отношений в странах БРИКС следует отметить, что основным источником является национальное законодательство. В связи с чем государства — участники БРИКС, заинтересованные в притоке иностранных инвестиций, активно разрабатывают внутреннее специальное инвестиционное законодательство [7, с. 2021].

В настоящее время в рамках БРИКС идет формирование международно-правовых институтов, которые способствуют устойчивости такого объединения и укрепляют связи стран участниц нормативными установлениями, стабилизирующими их экономическую активность. Как отмечалось ранее, в БРИКС создан НБР, а также Пул условных валютных резервов БРИКС², в отличие от НБР он не обладает международно-правовой правосубъектностью и имеет статус международного соглашения. Целью этого является противодействие краткосрочному давлению на платежные балансы государств БРИКС путем использования инструмента предоставления ликвидности и превентивного инструмента. Фактически данный финансовый механизм создан для борьбы с негативными последствиями колебаний курсов основных мировых валют на внутренних валютных рынках государств БРИКС [4, с. 59–60].

Однако участники БРИКС не останавливаются на достигнутом, и в рамках этого образования постоянно ставятся вопросы, касающиеся расширения институционального взаимодействия его участников. Так, в 2016 г. была озвучена инициатива о необходимости создания Международного арбитражного суда БРИКС [11, с. 37–38]. Как отмечает Е. А. Куделич, создание альтернативы государственным судам традиционно рассматривается в качестве одной из наиболее важных гарантий защиты прав иностранного инвестора [10, с. 40–52].

Среди преимуществ создания такого регионального инвестиционного арбитража в юридической литературе указывают: 1) освобождение от идеологии рассмотрения споров на основе приоритета в защите прав инвестора и балансирование инструментов защиты, 2) сокращение расходов на проведение арбитражирования, 3) привлечение арбитров, которые, будучи специалистами в конкретной области права, на основе понимания сущности экономических отношений, складывающихся между сторонами спора, в состоянии вполне квалифицированно рассматривать инвестиционные споры, возникающие на экономическом пространстве государств БРИКС [13, с. 94].

Еще одной инициативой, предложенной в июне 2024 г. Российским фондом прямых инвестиций (далее — РФПИ), является создание совместной инвестиционной платформы стран БРИКС, которая, по мнению исполнительного директора РФПИ, позволит членам БРИКС активнее инвестировать в экономику своих партнеров³.

¹ Однако создание банка БРИКС — только один из элементов в создании единой экономической базы. Необходимо создание и иных инструментов, которые обеспечивали «циркуляцию» инвестиций.

² Федеральный закон от 02.05.2015 № 107-ФЗ «О ратификации Договора о создании Пула условных валютных резервов стран БРИКС» (подписан в г. Форталезе 15.07.2014) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 18. Ст. 2610.

³ РФПИ намерен создать платформу для совместных инвестиций БРИКС [Электронный ресурс] // Известия (Iz.Ru). 06.06.2024. URL: <https://iz.ru/1706990/2024-06-06/rfpi-nameren-sozdat-platformu-dlia-sovmestnykh-investitsii-briks> (дата обращения: 16.07.2024).

Указанная инициатива РФПИ, полагаем, связана с тем, что в настоящее время активизируется рост цифровизации и диджитализации в мире, а также нарастает тенденция получения финансовых услуг и продуктов через сеть Интернет и приложения при помощи электронных устройств. При этом потребители таких услуг и продуктов хотят получать их не только в круглосуточном режиме, но и иметь возможность выбрать необходимого им исполнителя (продавца) в одном месте (площадке, платформе).

Эта тенденция применительно к инвестиционному рынку¹ проявляется в возникновении потребности в новых инвестиционных (финансовых) продуктах, которые, с одной стороны, были бы понятны и удобны в использовании, с другой — обеспечивали необходимый уровень безопасности.

Как известно, на процесс «превращения» сбережений в инвестиции влияют разнообразные факторы, к которым можно отнести: 1) экономические и социальные условия жизни общества; 2) безопасность вложений (надежность, определенность условий); 3) уровень прибыли; 4) а в отношении розничного инвестора существенное значение имеет степень организованности финансового рынка. В частности, применительно к населению, которое практически лишено возможности непосредственно осуществлять инвестиции в производство, его участие осуществляется с помощью финансового (инвестиционного) рынка — посредников. Другими словами, финансовый рынок должен быть хорошо организован и допускать возможность инвестирования свободных средств на короткий срок [6, с. 12–16].

Для удовлетворения возникшей потребности на инвестиционном рынке стихийно появляются разнообразные инвестиционные продукты (например, токены, цифровые валюты), а также новые способы инвестирования (краудфандинг). В свою очередь, научное сообщество и публично-правовые образования пытаются осмыслить перечисленные явления и сформировать для них адекватный правовой режим, а в некоторых случаях предпринимаются попытки запретить использование таких инструментов. Например, достаточно полярные взгляды можно наблюдать в отношении криптовалюты. В частности, в 2021 г. Народный банк Китая объявил все финансовые операции с криптовалютами, а также их добычу незаконными способами под страхом уголовной ответственности [15, с. 27]. Указанный запрет продолжает действовать и сегодня.

При этом следует отметить, что совершенно иная ситуация складывается в Китае в отношении цифровой валюты центрального банка. Так в 2018 г. Народный банк Китая (далее — НБК) принял решение о внедрении цифровой валюты центральных банков в стране в практическую плоскость. В связи с чем началось тестирование крупнейшими коммерческими банками страны цифровой фиатной валюты, получившей наименование e-CNY (цифровой юань КНР), или Digital Currency Electronic Payment (DCEP). А в конце 2019 г. НБК запустил пилотные проекты e-CNY в Шэньчжэне, Сучжоу, Сюньане, Чэнду, в ноябре 2020 г. к пилотному проекту присоединились другие регионы страны — Шанхай, Хайнань, Чанша, Сиань, Циндао и Далянь [12, с. 31–37]. В середине января 2022 г. было открыто более 261 млн кошельков для хранения цифровых юаней [9, с. 60].

Таким образом, китайский законодатель дифференцировано подходит к «имплементации» новых инструментов в правовое поле².

¹ В экономической литературе отмечается, что единое понятие «инвестиционный рынок» отсутствует. Так, некоторые авторы не выделяют понятие инвестиционного рынка в качестве самостоятельного, а говорят только о рынке капиталов, другие — сводят его только к фондовому рынку, третьи рассматривают его более широко — как рынок инвестиционных товаров, т. е. рынок объектов реального инвестирования, рынок объектов финансового инвестирования и рынок инновационного инвестирования [2, с. 14], [15, с. 21], [5, с. 11]. Указанное многообразие подходов к понятию «инвестиционный рынок» связано с тем, что он представляет собой сложное и постоянно изменяющееся явление. В этой статье мы будем придерживаться широкого определения инвестиционного рынка, которое охватывает не только реальное, но и финансовое и инновационное инвестирования.

² Другое отношение к цифровым валютам можно увидеть в Италии, в 2016 г. Налоговое агентство Италии (Agenzia delle Entrate) приняло резолюцию, где рассматривались правовые аспекты налогового режима биткойна, в том числе закреплялись требования к регистрации операций с кибервалютами, включая наименование, суммы, даты и иную информацию о транзакциях. См: Risoluzione Ministeriale 72/E del 2 settembre 2016, Interpello ai sensi dell'art. 11, legge 27 luglio 2000, n. 212, Trattamento Fiscale Applicabile alle Società che Svolgono Attività di Servizi Relativi a Monete Virtuali [Электронный ресурс]. URL: <https://perma.cc/9EAZ-LS79> (дата обращения: 16.07.2024). Кроме того, в Италии были приняты акты, закрепляющие легальные определения блокчейна и смарт-контрактов (DECRETO-LEGGE 14 dicembre 2018, n. 135). В результате принятия этих актов, как отмечается в юридической доктрине, Италия стала первой страной в мире, где существует правовое регулирование блокчейн-технологий [8, с. 203].

В настоящее время в Российской Федерации накоплен опыт по внедрению и использованию различных платформенных сервисов (систем, платформ), которые можно учитывать при создании инвестиционной платформы БРИКС. В частности, в России был принят Федеральный закон от 20.07.2020 № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы»¹, закрепивший понятие и требования к финансовой платформе, правовой статус профессиональных участников (к оператору финансовой платформы, регистратору финансовых транзакций), систему договоров и особенности совершения сделок на таких платформах. Появление такой инфраструктуры связывается идеей создания единого места, где потенциальные потребители могут подобрать необходимый им финансовый продукт или услугу, выбрав его из предложений нескольких организаций, в условиях обеспечения безопасности таких сделок, их надежности и бесперебойности функционирования программного обеспечения и технологического оборудования².

При помощи таких платформ потребитель получает доступ к широкому кругу финансовых продуктов и услуг вне зависимости от его местонахождения и от местонахождения финансовой организации. Другими словами, эти платформы позволяют клиенту выбрать необходимую финансовую организацию (банк, эмитента, управляющую компанию, страховую организацию) и нужный ему финансовый продукт в одном месте³.

Еще один закон в рассматриваемой нами области — Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон о ЦФА)⁴, который направлен на создание правил работы информационной системы и предоставление доступа к цифровым финансовым активам (далее — ЦФА), которые представляют собой новый объект инвестиционной деятельности. Появление этого закона связано с тем, что отечественный законодатель стремится создать контролируемый рынок цифровых прав⁵, обеспечить защиту прав и законных интересов инвесторов, снизить их риски. В соответствии с этим законом на российском инвестиционном рынке был закреплён правовой статус субъектов (инвесторов, реципиентов инвестиций, профессиональных участников) и установлен правовой режим ЦФА, включающий условия выпуска и обращения их отдельных видов⁶.

И последний закон, касающийся платформенных сервисов, — это Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон об инвестиционных платформах)⁷, который хронологически был принят ранее указанных выше законов. Идея этого нормативного акта заключалась в том, чтобы создать правовые основы для осуществления краудфандинга или народного финансирования (от англ. crowd — толпа, funding — финансирование)⁸. По состоянию

¹ Федеральный закон от 20.07.2020 № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 30. Ст. 4737.

² Обзор платформенных сервисов в России, информационно-аналитический материал Банка России, 2023. С. 2 [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/49242/platform_services_20230515.pdf (дата обращения: 17.07.2024).

³ Объем сделок, совершенных на финансовых платформах, растет: в 2022 г. увеличение составило 7 раз от года к году далее — г/г, в 2023 г. — 2,5 раза г/г, в I квартале 2024 г. — 7 раз г/г. По состоянию на 31.03.2024 количество зарегистрированных клиентов ОФП составило 1,96 млн лиц (рост — в 11 раз г/г); Обзор платформенных сервисов в России. 2023 год — I квартал 2024 года. Информационно-аналитический материал. Банк России, 2024. С. 10 [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/49243/platform_services_2024-1.pdf (дата обращения: 17.07.2024).

⁴ Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5018.

⁵ ЦФА — это одна из разновидностей цифровых прав по российскому законодательству.

⁶ На 16.07.2024 в реестр операторов финансовых платформ включено 11 субъектов, четыре из которых являются кредитными организациями, 1 биржа (см.: [Электронный ресурс] URL: <https://www.cbr.ru/search/?text=реестр+операторов+финансовых+платформ+> (дата обращения: 17.07.2024), было осуществлено около 400 выпусков ЦФА. В 2023 г. на информационных платформах состоялось 59 тыс. сделок по приобретению ЦФА при выпуске на общую сумму 64 млрд руб., а за I квартал 2024 г. — уже 24,7 млрд руб. Совокупная величина заключенных вторичных сделок за 2023 г. составила свыше 1 млрд руб.; Обзор платформенных сервисов в России. Информационно-аналитический материал. Банк России, 2023. С. 7 [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/49242/platform_services_20230515.pdf (дата обращения: 17.07.2024).

⁷ Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 31. Ст. 441.

⁸ Отметим, что этот закон, будучи «в статусе» законопроекта, имел в первоначальной редакции другое название («Об альтернативных способах привлечения инвестиций (краудфандинге)»), которое в процессе обсуждения было изменено. Изменение названия было связано с тем,

на 19.06.2023 в реестр операторов инвестиционных платформ включен 71 субъект¹. По данным Банка России, объем рынка краудфандинга за 2023 г. составил 33,4 млрд руб. (+62% от года к году (далее — г/г), или +12,7 млрд руб.), а в I квартале 2024 г. — 11,1 млрд руб. (+98% г/г)².

Обзор регулирования отношений, возникающих в области платформенных сервисов на российском финансовом и инвестиционном рынке, показывает, что отечественный законодатель пошел по пути создания контролируемого рынка, направленного на повышение мобильности финансовых услуг и инвестиционных продуктов (развитие дистанционных каналов их реализации), закрепил правовой статус субъектов (пользователей (инвесторов, реципиентов инвестиций), профессиональных участников), установил требования к таким платформам (системам) и порядок совершения сделок. Полагаем, что такой контролируемый рынок весьма привлекателен для инвесторов и иных потребителей финансовых услуг, поскольку расширяет доступность инвестиционных продуктов, позволяет выбрать оптимальный вариант для инвестирования своих средств, а главное, обеспечивает безопасность и прозрачность вложения, что способствует привлечению дополнительных инвестиций в экономику.

Между тем в российском регулировании платформенных сервисов есть и определенного рода недостатки. Так, для каждого вида платформенных сервисов принят свой собственный нормативный акт. Другими словами, законодатель пошел по пути секторального или точечного регулирования, что подразумевает регламентацию финансовой и инвестиционной деятельности в отдельных сферах экономической и социальной жизни. Принятие отдельного акта, на наш взгляд, можно признать оправданным в отношении финансовых платформ, поскольку они связаны с совершением финансовых сделок между получателями финансовых услуг и финансовыми организациями. Однако вызывает определенные сомнения наличие двух нормативных актов, касающихся информационных систем и инвестиционных платформ, поскольку они фактически распространяются на схожий сегмент экономики. В частности, Закон о ЦФА и Закон об инвестиционных платформах регулируют определенную сферу инвестиционной деятельности, связанную с цифровыми правами (ЦФА и УЦП), а также с «цифровизацией» предоставления займов, приобретения эмиссионных ценных бумаг. Эти законы устанавливают сходный состав участников, требования к ним и к информационной системе (инвестиционной платформе), а также порядок утверждения и согласования правил функционирования таких систем. Помимо этого, перечисленные законы содержат взаимные бланкетные нормы.

Тем не менее, несмотря на указанные недостатки, присущие российскому регулированию платформенных сервисов, можно констатировать, что эти сервисы могут быть использованы в качестве инвестиционного инструмента для расширения притока инвестиций не только в рамках одной страны, но и экономики стран-партнеров, например, путем создания инвестиционной платформы стран БРИКС. Последнее, как было отмечено ранее, и было предложено в рамках одной из инициатив РФПИ.

Основная идея такой платформы, как нам видится, состоит в сведении друг с другом реципиентов инвестиций (лиц, привлекающих инвестиции) и потенциальных инвесторов, которые находятся в различных юрисдикциях стран БРИКС, обеспечении безопасности таких вложений (надежность, определенность условий), безопасности расчетов и юридической чистоты сделки, а также в удобстве использования. Отсюда возникают следующие вопросы технического, экономического и юридического характера, которые встанут перед создателями такой гипотетической платформы.

К техническим вопросам можно отнести технические требования к такой платформе: в частности, следует ли использовать технологию распределенных реестров (DLT), централизованного реестра

что он распространялся только на виды краудфандинга, связанные с получением инвестором финансового результата на вложенные инвестиции, и не регулировал виды, связанные с безвозмездной передачей средств (пожертвованием имущества). См.: Проект Федерального закона № 419090-7 «Об альтернативных способах привлечения инвестиций (краудфандинге)» [Электронный ресурс] // Гарант.ру. URL: <https://base.garant.ru/57267786/> (дата обращения: 17.07.2024). Соответственно, действие этого закона распространяется только на те способы инвестирования, которые перечислены в ст. 5: краудлендинг (предоставление займов), краудинвестинг (приобретение эмиссионных ценных бумаг), приобретение утилитарных цифровых прав (далее — УЦП), которые являются разновидностью цифровых прав по российскому законодательству, и ЦФА.

¹ Реестр операторов инвестиционных платформ [Электронный ресурс] // Банк России. URL: <https://www.cbr.ru/admissionfinmarket/navigator/oip/> (дата обращения: 17.07.2024).

² Обзор платформенных сервисов в России 2023 год — I квартал 2024 года, информационно-аналитический материал Банка России, 2024 [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/49243/platform_services_2024-1.pdf (17.07.2024).

или гибридную модель. Каждый из перечисленных механизмов технической реализации платформы имеет свои положительные и отрицательные черты. Например, технология распределенных реестров более устойчива, но ее производительность ниже централизованной системы. Кроме того, отсутствует общепринятая реализации норм бухучета, управленческой и регуляторной отчетности при применении этой технологии. Централизованный реестр, напротив, более производителен по сравнению с децентрализованным, однако ответственность за доступность, производительность системы в целом ложится на единственного участника, что можно назвать негативным моментом.

Заключение

К экономическим и юридическим вопросам, на которые необходимо дать ответ при создании такой платформы, относятся:

- определение перечня способов инвестирования на этой инвестиционной платформе¹ (в качестве примера можно назвать займы, приобретение ценных бумаг, производных финансовых инструментов, цифровых прав, токенов и т. д.)², условия допуска инвестиционных проектов и инвестиционных предложений;
- содержание правил инвестиционной платформы, порядок их утверждения и контроль за ними;
- правовой статус субъектов (оператор такой платформы, иные участники (реципиент инвестиций, инвестор, иные лица)). В частности, необходимо определить, каким требованиям должен соответствовать оператор (будет ли он один или их должно быть несколько), нужна ли система аккредитации операторов (если да, то кто будет ее осуществлять), кто будет контролировать деятельность оператора, каким требованиям должны соответствовать реципиент инвестиций и инвестор. Например, будет ли эта платформа доступна только для квалифицированных инвесторов или возможен при определенных условиях допуск розничных инвесторов. Если да, то кто будет признаваться квалифицированным и розничным инвестором, в каком порядке и какие требования к ним должны быть установлены;
- порядок доступа пользователей и профессиональных участников к такой платформе, в том числе их идентификация, порядок учета прав и транзакций;
- отдельного обсуждения требует вопрос о системе договоров, опосредующих не только взаимоотношения между инвестором и реципиентом инвестиций (сам процесс инвестирования), но и договоры с профессиональными участниками;
- немаловажное значение имеют требования о предоставлении информации, в частности, о характере сделки, о свойствах и рисках предлагаемого инвестиционного продукта, бухгалтерской (финансовой) отчетности реципиента инвестиций, форма предоставления такой информации;
- важное значение имеет порядок разрешения споров участников отношений, возникающих на такой платформе, учет потребностей социально уязвимых групп населения. В частности, возможно ли использование третейского суда для разбирательства споров, должен ли он быть специализированным или может быть сформирован в рамках международного коммерческого арбитража?

Помимо перечисленного выше необходимо будет определиться с применимым правом, избежать нормативных пробелов, учитывать особенности национального законодательства стран БРИКС.

¹ При избрании конкретных способов инвестирования следует учитывать потребности бизнеса и населения как в долгосрочном, так и краткосрочном привлечении и размещении ресурсов, степень риска инвестиционного инструмента. Например, для неквалифицированного инвестора, у которого отсутствуют специальные знания и навыки, более предпочтительны пассивные инвестиционные стратегии или передача средств в доверительное управление. Квалифицированные инвесторы более опытные и могут оценить характер и риски конкретного инвестиционного инструмента. Соответственно, конкретный перечень способов инвестирования будет оказывать влияние на потенциальный субъектный состав инвесторов.

² Кроме того, если инвестирование будет осуществляться при помощи иностранных финансовых инструментов и иностранных ценных бумаг, то нужно будет использовать систему стандартизации и идентификации таких бумаг и финансовых инструментов (например, ISIN (International Securities Identification Number) и CFI (Classification of Financial Instruments)). Система стандартизации и идентификации необходима для того, чтобы унифицировать финансовые инструменты и ценные бумаги, поскольку наименование финансового инструмента или ценной бумаги в конкретной стране может отличаться, при этом содержание (существенные характеристики) будет одинаковое.

Подводя итог изложенному, можно прийти к следующему выводу. Потенциальное создание инвестиционной платформы БРИКС ставит довольно широкий круг вопросов технического, экономического и юридического характера, который требует детального осмысления. Однако появление такой платформы будет содействовать экономическому росту и развитию стран — участников БРИКС, поскольку такая платформа расширит круг потенциальных инвесторов и, как следствие, позволит реципиентам инвестиций каждой из стран использовать не только внутренние, но и внешние ресурсы для финансирования своих проектов, будет способствовать развитию конкуренции и более эффективному распределению ресурсов.

Литература

1. Авдокушин Е. Ф., Жариков М. В. Страны БРИКС в современной мировой экономике : монография. М. : Магистр: ИНФРА-М, 2024. 480 с. ISBN: 978-5-9776-0255-6
2. Борисова О. В., Малых Н. И., Овешникова Л. В. Инвестиции : учебник и практикум для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. 482 с. ISBN: 978-5-534-17337-6.
3. Бухарин В. В. О БРИКС [Электронный ресурс]. URL: https://spa.msu.ru/about/centers/nauchno-issledovatel'skie-tsentry/mks_mgu_bricks/about_bricks/ (дата обращения: 27.08.2024).
4. Бученков Г. А. Правовое регулирование деятельности Нового банка развития БРИКС // Банковское право. 2016. № 1. С. 52–60. EDN: VKUDKP
5. Данилова Т. Н. Инвестиционный рынок и его место в структуре финансового рынка (институциональный подход) // Финансы и кредит. 2002. № 8 (98). С. 10–25. EDN: HUXUZI
6. Инвестиции / под ред. В. В. Ковалева, В. В. Иванова, В. А. Лялина. М. : ТК Велби, 2003. 440 с. ISBN: 5-98032-089-X. EDN: TGYSMF
7. Инвестиционное право : учебник / отв. ред. И. В. Ершова, А. Ю. Петраков, Ахмадова М. А. [и др.]. М. : Проспект, 2021. (авторы главы М. А. Ахмадова, К. М. Беликова). 304 с. ISBN: 978-5-392-31454-6. EDN: JLQKUY. DOI: 10.31085/9785392314546-2021-304
8. Камалян В. М. Правовое регулирование криптовалют и блокчейн-технологий в Германии и Италии // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 7 (116). С. 197–206. EDN: XHCXJ. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.116.7.197-206
9. Кочергин Д. А. Цифровые валюты центральных банков: Опыт внедрения цифрового юаня и развитие концепции цифрового рубля // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Vol. 16. No. 1. P. 51–78. EDN: BHOKOZ. DOI: 10.21202/2782-2923.2022.1.51-78
10. Куделич Е. А. Международные инвестиционные споры с участием государства: проблемы иммунитета // Закон. 2012. № 6. С. 40–54. EDN: OYUJN
11. Поленчук М. Д. Новый подход к разрешению международных налоговых споров при участии России // Финансовое право. 2022. № 8. С. 37–38. EDN: IJMXPD. DOI: 10.18572/1813-1220-2022-8-36-39
12. Савинский С. П. Цифровая валюта Китая и интеграция цифровых валют стран БРИКС // Банковское дело. 2022. № 11. С. 31–37. EDN: WVXITW
13. Сворцов О. Ю. Об инвестиционном арбитраже БРИКС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 1. С. 89–97. EDN: APYMXD. DOI: 10.22394/2073-2929-2023-01-89-97
14. Теплова Т. В. Инвестиции. М. : Юрайт, 2024. 274 с.
15. Эбергардт С. А. Зарубежный опыт правового регулирования криптовалюты // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 1. С. 27–34. EDN: WSPCLF. DOI: 10.34076/22196838_2023_1_27

Об авторе:

Лаптева Анна Михайловна, доцент, заведующий кафедрой финансового права юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: laptevaann@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-9636-0742

References

1. Avdokushin E. F., Zharikov M. V. BRICS Countries in the Modern World Economy : monograph. Moscow : Master: INFRA-M, 2024. 480 p. ISBN: 978-5-9776-0255-6 (In Russ.)

2. Borisova O. V., Malykh N. I., Oveshnikova L. V. Investments : textbook and workshop for universities. 2nd ed., Revised and add. Moscow : Yurayt, 2024. 482 p. ISBN: 978-5-534-17337-6. (In Russ.)
3. Bukharin V. V. About BRICS [Electronic resource]. URL: https://spa.msu.ru/about/centers/nauchno-issledovatel'skie-tsentry/mks_mgu_brics/about_brics/ (accessed: 27.09.2024). (In Russ.)
4. Buchenkov G. A. Legal Regulation of Activities of the New Development Bank BRICS // Banking Law [Bankovskoe pravo]. 2016. No. 1. P. 52–60. (In Russ.) EDN: VKUDKP
5. Danilova T. N. Investment Market and Its Place in the Structure of the Financial Market (Institutional Approach) // Finance and Credit [Finansy i kredit]. 2002. No. 8 (98). P. 10–25. (In Russ.) EDN: HUXUZJ
6. Investments / ed. by V. V. Kovalev, V. V. Ivanov, V. A. Lyalin. Moscow : TK Velby, 2003. 440 p. ISBN: 5-98032-089-X. (In Russ.) EDN: TGYSMF
7. Investment Law : textbook / ed. by I. V. Ershova, A. Yu. Petrakov, M. A. Akhmadova [et al.]. Moscow : Prospect, 2021. 304 p. (authors of the head M. A. Akhmadova, K. M. Belikova) ISBN: 978-5-392-31454-6. (In Russ.) EDN: JLQKUY. DOI: 10.31085/9785392314546-2021-304
8. Kamalyan V. M. Legal Regulation of Cryptocurrencies and Blockchain Technologies in Germany and Italy // Actual Problems of Russian Law [Aktual'nye problemy rossiiskogo prava]. 2020. Vol. 15. No. 7 (116). P. 197–206. (In Russ.) EDN: XIHCXJ. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.116.7.197-206
9. Kochergin D. A. Central Bank Digital Currencies: Experience of Introducing a Digital Yuan and Development of a Digital Ruble Conception // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Vol. 16. No. 1. P. 51–78. (In Russ.) EDN: BHOKOZ. DOI: 10.21202/2782-2923.2022.1.51-78
10. Kudelich E. A. International Investment Disputes Involving the State: Problems of Immunity // Statute [Zakon]. 2012. No. 6. P. 40–54. (In Russ.) EDN: OYYUJN
11. Polenchuk M. D. A New Approach to Solution of International Tax Disputes Involving Russia // Financial Law [Finansovoe pravo]. 2022. No. 8. P. 36–39. (In Russ.) EDN: IJMXPD. DOI: 10.18572/1813-1220-2022-8-36-39
12. Savinsky S. P. Digital Currency of China and Integration of Digital Currencies of the BRICS Countries // Banking [Bankovskoe delo]. 2022. No. 11. P. 31–37. (In Russ.) EDN: WVXITW
13. Skvortsov O. Yu. About BRICS Investment Arbitration // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2023. Vol. 17. No. 1. P. 89–97. (In Russ.) EDN: APYMXD. DOI: 10.22394/2073-2929-2023-01-89-97
14. Teplova T. V. Investments. Moscow : Yurayt, 2024. 274 p. (In Russ.)
15. Ebergardt S. A. Foreign Experience of Cryptocurrency Legal Regulation // Electronic supplement to the “Russian Juridical Journal” [Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnal»]. 2023. No. 1. P. 27–34. (In Russ.) EDN: WSPCLF. DOI: 10.34076/22196838_2023_1_27

About the author:

Anna M. Lapteva, Associate professor, Head of the Financial Law Department of National Research University “Higher School of Economics” (NRU HSE) (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Jurisprudence, Associate professor;
e-mail: laptevaann@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-9636-0742

Концептуализация парламентской дипломатии¹

Савельчев Л. А.

Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова, Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail: leosavelchev@gmail.com

ORCID: 0009-0001-4154-5985

РЕФЕРАТ

Цель. В статье раскрываются концептуальные основы парламентской дипломатии.

Методология. Методологическую основу исследования составили теоретические методы и подходы, а именно: теоретическое моделирование, хронологический, сравнительный, комплементарный и параллельный подходы.

Результаты. Сформулированы этапы становления парламентской дипломатии. Построена теоретическая модель (институциональный дизайн) парламентской дипломатии. Обозначены особенности международной деятельности органов представительной власти.

Выводы. Во-первых, под влиянием геополитических процессов второй половины XX в. парламентская дипломатия трансформировалась в одну из уникальных форм дипломатии с «двойной легитимностью» и стала одним из новых инструментов «мягкой силы» государств и регионов. Во-вторых, парламентская дипломатия обзавелась сложной структурой (моделью), включающей различные измерения, уровни, инструменты, а также формы и форматы взаимодействия, позволяющие говорить о парламентской дипломатии как о целостном концепте. В-третьих, несмотря на то что парламентская дипломатия обладает рядом преимуществ по отношению к дипломатии исполнительных органов власти (большая гибкость, неформальность и меньшая ангажированность), другие стороны ее институциональных особенностей — усеченные полномочия, ограниченность ресурсов и идеологическая окраска — могут негативно сказываться на прикладных результатах.

Ключевые слова: парламентская дипломатия, межпарламентские институты, мягкая сила, публичная дипломатия, дипломатия конференций, парадипломатия

Для цитирования: Савельчев Л. А. Концептуализация парламентской дипломатии // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 3. С. 112–121.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-03-112-121>. EDN: WWSKJM

Conceptualizing Parliamentary Diplomacy

Leonid A. Savelchev

Baltic State Technical University “VOENMEH” named after D. F. Ustinov, Saint Petersburg, Russian Federation

e-mail: leosavelchev@gmail.com

ORCID: 0009-0001-4154-5985

ABSTRACT

Aim. The article reveals the conceptual foundations of parliamentary diplomacy.

Methods. In order to fulfill the purpose, the author drew upon theoretical methodology namely modelling, chronological, comparative, complementary and parallel approaches.

¹ Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Политическая история петербургского парламентаризма», поддержанного Законодательным собранием Санкт-Петербурга.

Results. The phases of development of parliamentary diplomacy are outlined. The theoretical model (institutional design) of parliamentary diplomacy is designed. The features of the international activities of representative authorities are outlined.

Conclusions. First, the geopolitical processes of the second half of the 20th century have caused parliamentary diplomacy to transform into double legitimate diplomacy, a new form of soft power tool and independent holistic concept. Second, parliamentary diplomacy has acquired a complex body (model), including various dimensions, levels of institutionalization, tools, forms and formats of cooperation. Third, although parliamentary diplomacy has a number of advantages over cabinet diplomacy (greater flexibility, informality and less bias), the other side of its institutional features (reduced powers, limited resources and ideological colouring) may have a negative impact on applied outcomes.

Keywords: parliamentary diplomacy, inter-parliamentary institutions, soft power, public diplomacy, conference diplomacy, paradiplomacy

For citation: Savelchev L. A. Conceptualizing Parliamentary Diplomacy // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 3. P. 112–121. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-03-112-121>. EDN: WVSKJM

Введение

Последнее десятилетие мир находится в кризисном, турбулентном и реконфигурационном состоянии [1, с. 487]. Формирование архитектуры будущего мира влечет за собой высокие риски конфликтов и использования «жестких» методов видения политики (насилия, принуждения, экономических санкций, подкупов и пропаганды)¹.

В этой связи вновь приобретает актуальность концепт «мягкой силы», введенный в оборот Дж. Наем в 1990 г. [18]. Как подметил М. А. Неймарк, кризис мирового порядка требует уточнения концептуальной соотнесенности и пределов возможности практического использования «мягкой силы» при решении актуальных проблем международных отношений [9, с. 16].

Известно, что «мягкая сила» обладает широким инструментарием, ключевыми элементами которого являются двухсторонняя, многосторонняя и публичная дипломатия [18, р. 31]. Перспективным инструментом «мягкой силы», который сочетает в себе черты всех упомянутых видов дипломатии, является парламентская дипломатия — концепт, часто используемый в политическом дискурсе, но малоизученный на теоретическом уровне.

Парламентская дипломатия представляет собой реализацию международного потенциала представительной (законодательной) ветви власти как наднационального (например, парламент Европейского союза) и государственного уровней (например, Федеральное Собрание РФ), так и регионального (муниципального и городского) уровней (например, Законодательное Собрание Санкт-Петербурга), находясь на пересечении традиционной дипломатии исполнительных органов власти и публичной дипломатии (гуманитарного сотрудничества)².

В 2023 г. Президент России В. В. Путин, выступая на заседании Совета законодателей, отметил: «и в 90-х годах, и уже в XXI веке представители Совета Федерации и Государственной Думы, коллеги из регионов, муниципальных представительных органов власти... на международных площадках внесли большой вклад в возрождение, а затем и в постепенное, последовательное укрепление авторитета и влияния нашей страны, в продвижение суверенного курса России как одного из лидеров мирового большинства, объективного процесса строительства более справедливого многополярного мира»³. В целом на парла-

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31.03.2023) [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 04.10.2023).

² Роль парламентской дипломатии в глобальном мире обсудили на II Международном парламентском форуме [Электронный ресурс] // Государственная Дума РФ. 15.11.2013. URL: <http://duma.gov.ru/news/8626/> (дата обращения: 04.10.2023).

³ Заседание Совета законодателей [Электронный ресурс] // Президент России (сайт). 20.12.2023. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73074> (дата обращения: 19.09.2024).

ментскую дипломатию возлагаются огромные надежды и амбициозные цели: продвижение демократии, защита прав человека, укрепление мира и безопасности¹.

Литературный обзор

Проблематика исследований, посвященных парламентской дипломатии, за последнее десятилетие заметно расширилась. Эти исследования можно представить по направлениям: общие подходы к пониманию парламентской дипломатии [2; 7; 8; 15], как инструмент парадипломатии [10], в контексте глобализации, регионализации и демократизации [20], а также на примере конкретных парламентских институтов разного уровня институционализации [3; 4; 23].

При этом *ограничения научного знания в области парламентской дипломатии* можно охарактеризовать следующим образом: во-первых, несоотнесенность теории и практики, в которой последняя преобладает над первой [14; 17; 22]; во-вторых, большинство анализируемых кейсов посвящено парламентской дипломатии на примере государственных или надгосударственных единиц, в то время как значимость субрегионального измерения парламентской дипломатии сильно пренебрегается [Там же].

Вышеизложенное послужило формулированием цели исследования, заключающейся в раскрытии концептуальных основ парламентской дипломатии.

Методология

Автором были использованы преимущественно теоретические методы и подходы, а именно: теоретическое моделирование, хронологический и сравнительный подходы, а также комплементарный (минималистский) и параллельный (максималистский) подходы.

Теоретическое моделирование позволило автору концептуализировать парламентскую дипломатию, то есть представить данную категорию, не имеющую материального аналога, в форме модели с отображением ее ключевых характеристик в знаковой (словесной) форме. Хронологический подход позволил представить развитие парламентской дипломатии в три этапа. Сравнительный подход был использован для рассмотрения парламентской дипломатии в контексте особенностей политических систем, а также при анализе схожей терминологии. В свою очередь, комплементарный (минималистский) и параллельный (максималистский) подходы были использованы для рассмотрения роли парламентских структур при реализации международной повестки, в особенности степени их независимости от исполнительной власти.

Этапы становления парламентской дипломатии

Как отмечает М. В. Варлен, парламентская дипломатия была введена в научно-политический оборот в 1955 г. Д. Раском [2, с. 56]. И многие другие специалисты при анализе парламентской дипломатии ссылаются на него же [12, р. 163; 24, р. 396].

В то же время Р. Катлер указывает, что, согласно диссертации И. Абрамса, защищенной в 1938 г., первое упоминание термина «парламентская дипломатия» принадлежит И. В. Сталину, который использовал этот термин в своей работе «Об основах ленинизма» еще в 1924 г. [11, р. 82]. В этой связи Д. Раск не был первым, кто упомянул термин в политическом контексте; тем не менее он может претендовать на его научное внедрение, поскольку он определил признаки парламентской дипломатии: наличие универсальной площадки (международного института); регулярная повестка, широко освещаемая в мировых СМИ; правила взаимодействия, являющиеся в то же время и предметом манипуляций среди членов организации; а также формализованный результат дискуссий [24, р. 396].

В перечисленных признаках парламентской дипломатии, выдвинутых в 1950-х гг., не говорится об органах представительной власти, поскольку ранее в данный термин вкладывался иной смысл, отличный от сегодняшнего понимания.

¹ Impact [Электронный ресурс] // Inter-Parliamentary Union. URL: <https://www.ipu.org/impact> (дата обращения: 03.03.2024).

Парламентская дипломатия прошла в своем развитии *три этапа*¹.

Первый этап характеризуется межправительственными переговорами на базе первых международных универсальных институтов, таких как Лига Наций и ООН. Данный вид парламентской дипломатии назывался также «дипломатией встреч/переговоров» (conference diplomacy или diplomacy by conference) [21, р. 88]. В 1956 г. парламентская дипломатия вводится в международное право как свод правил и положений, касающихся организации многосторонних дипломатических конференций (встреч) [16].

Второй этап развития парламентской дипломатии происходит в период с 1960 по 1990 гг. и связан с такими процессами, как демократизация, глобализация, развитие открытого (нового) регионализма, которые стали акселератором роста негосударственных акторов, в том числе представительных органов власти, и выходом их за пределы суверенных государств [20]. Данный этап характеризуется международной активностью парламентариев и в то же время скудностью академических работ по данной тематике [22, р. 237].

Третий этап начинается с конца XX столетия — начала XXI в. и характеризуется активным ростом межпарламентских институций (в основном межпарламентских ассамблей при региональных международных организациях). Например, сегодня насчитывается более 130 международных парламентских институтов [22, р. 230]. С 2010-х гг. отмечается рост академических работ, посвященных парламентской дипломатии [22, р. 238]. Парламентская дипломатия начала анализироваться с привязкой к новым теориям и подходам международных отношений (неолиберализму, «мягкой силы», публичной дипломатии, сетевой дипломатии и т. д.) и уже с позиции не только межгосударственного взаимодействия, но и вклада региональных (внутригосударственных) парламентов.

Парламентская дипломатия и схожая терминология

В качестве синонимов к термину парламентская дипломатия иностранные специалисты-международники используют понятия «законодательная дипломатия» (legislative diplomacy) и конгрессная дипломатия (congressional diplomacy) в контексте североамериканского парламентаризма [22, р. 234]. Как отмечает С. Ставридис, встречается также и такой неологизм, как «парлодипломатия» (parlodiplomacy) [Там же].

Кроме того, в литературе можно встретить такие понятия, как парадипломатия и протодипломатия, но они ни в коей мере не являются синонимами парламентской дипломатии.

Парадипломатия — термин и одноименная теория, введенные в оборот И. Духачиком (1986) и П. Солдатосом (1990) для определения международной деятельности внутригосударственных регионов [21, р. 3]. В качестве синонима возможно использование термина «дипломатия регионов» [5, с. 44]. В рамках данной теории парламентская дипломатия может рассматриваться в качестве инструмента парадипломатии, поскольку региональный парламент является одним из множества акторов, реализующих международный потенциал региона.

Протодипломатия также имеет отношение к международной деятельности внутригосударственных регионов, но предполагает первенство, проявляющееся на практике в проведении сецессионной политики внутригосударственных образований и обретении ими независимости от центральных правительств [14, р. 169].

Подходы к пониманию парламентской дипломатии

При анализе международной деятельности парламентов используются *комплементарный* и *параллельный* подходы, а также *минималистический* и *максималистский* подходы. Стоит сказать, что эти подходы схожи между собой: первый используется в англоязычной литературе, а второй — в отечественной научной школе.

¹ Некоторые авторы, как, например, С. Ставридис, предлагают рассматривать развитие парламентской дипломатии в два этапа [22, р. 236].

Согласно комплементарному подходу, парламент играет роль дополнительного, усиливающего инструмента внешней политики государства, при этом позиция парламента полностью сходится с линией правительства. Параллельный подход, напротив, дает право парламенту проводить параллельную правительству политику, позволяя органам представительной власти подрывать и накладывать вето на внешнеполитические решения исполнительных органов власти [14, р. 169, 171–173; 17, р. 316–317; 22, р. 246].

Как отмечают А. Е. Коньков и Р. С. Чуков, минималистический подход рассматривает парламент как сопутствующий инструмент исполнительных органов власти, в свою очередь, максималистский подход позволяет говорить о парламенте как о самостоятельном акторе, занимающим весомую роль при формировании внешнеполитической повестки государства [7, с. 63].

Особую значимость при определении подхода к парламентской дипломатии в каждом конкретном кейсе играют особенности политической системы государств, а именно: политический режим, форма правления, административно-территориальное деление и историко-культурные факторы, которые в совокупности определяют набор властных полномочий парламента [Там же].

Например, если взять парламентские республики, то в них международная роль парламента более существенна (например, в Великобритании или Германии), нежели в президентских и смешанных (например, в России, где отчетливо проявляется перевес полномочий в сторону исполнительной власти и президента). Хотя и в президентских есть свои нюансы, поскольку, например, в США конгресс может ощутимо ограничить внешнеполитические намерения президентской администрации. Пример тому отказ Сената в декабре 2023 г. выделить многомиллиардную финансовую поддержку Украине и Израилу¹. Или кейс с французскими парламентариями, которые вопреки официальной позиции государства (правительства) посетили Дамаск и Крым в 2015 г.² Как подметил С. Ставридис, такой шаг французских парламентариев всерьез заставил говорить о беспрецедентном ударе по французской дипломатии за всю историю Пятой республики [22, р. 247].

Кроме того, немаловажную роль играет и территориальное устройство государств, когда речь заходит о парламентской дипломатии внутригосударственных регионов. Наибольшие полномочия международной деятельности у региональных парламента в федеративных государствах [6, с. 277]. Как минимум у них есть такая возможность, в отличие от большинства унитарных государств. Исключения составляют унитарные системы с высоким уровнем децентрализации: как например, в Италии, Франции, Испании или Великобритании [Там же, с. 278].

Парламентская дипломатия — феномен, который подпадает под либеральную парадигму международных отношений и связанные с ней теории и концепты, такие как процессы сложной взаимозависимости, демократизация, глобализация, новый регионализм, парадипломатия, «мягкая сила», публичная, многосторонняя и сетевая дипломатия [22, р. 233]. Важно отметить, что все эти процессы так или иначе пересекаются, развиваются хронологически и взаимодополняют друг друга, образуя в совокупности так называемую пост-Вестфальскую мировую систему, в которой международную повестку формируют не только государственные акторы (государства), но и множество негосударственных акторов, включая различные парламентские институты [22, р. 229].

Процессы сложной взаимозависимости (по Дж. Наю и Р. Кеохейну) объясняют выход негосударственных акторов на мировую арену, расширение международной повестки и уход от вопросов исключительно войны и мира, появление новых коммуникационных каналов, снижение значимости военной силы [19, р. 24–25], а также появление новых дипломатических технологий видения политики, в особенности «мягкой силы» и публичной дипломатии [18].

Основной аргумент в пользу того, что парламентская дипломатия — это инструмент «мягкой силы», заключаются в том, что она реализуется преимущественно за счет конструирования привлекательного

¹ Senate Bogs Down on Ukraine and Israel Aid after G.O.P. Blocks Border Deal [Электронный ресурс] // The New York Times. 07.02.2024. URL: <https://www.nytimes.com/2024/02/07/us/politics/congress-ukraine-israel-aid.html> (дата обращения: 03.03.2024).

² French Lawmakers Meet Assad on Unofficial Trip to Syria [Электронный ресурс] // France 24. 25.02.2015. URL: <https://www.france24.com/en/20150225-french-lawmakers-meet-assad-personal-trip-syria-jacques-myard> (дата обращения: 05.03.2024). French MPs Provoke anger Across Europe with Visit to Crimea [Электронный ресурс] // EURACTIV. 29.07.2015. URL: <https://www.euractiv.com/section/global-europe/news/french-mps-provoke-anger-across-europe-with-visit-to-crimea/> (дата обращения: 05.03.2024).

и убедительного дискурса на основе триады ресурсов — культуры, политических ценностей и политики (внешней и внутренней), а не за счет инструментов «жесткой силы» — военных или экономических рычагов влияния. Последние зачастую находятся в руках правительственной ветви власти и глав государств.

Глобализация, понимаемая в самом общем виде как стирание границ между государствами, прежде всего в экономической сфере, а также в социальной, культурной, духовной и политической сферах, по сути, является одним из проявлений процессов сложной взаимозависимости, поскольку именно технологическое развитие и открытые рынки привели к созданию новых каналов взаимодействия между государствами и появлению новых акторов.

Новый регионализм, появившийся благодаря глобализации и крушению биполярной системы, способствовал открытой интеграции и сотрудничеству «снизу вверх», что стало результатом расширения негосударственных акторов, в том числе и появления международных межпарламентских институтов [20, р. 5].

Демократизация предполагает парламентский контроль за исполнительной властью и участие народных представителей в управлении государственными делами, поскольку внешняя политика — это часть публичной (государственной) политики. Практическим проявлением такого права являются такие конституционные функции парламента, как утверждение бюджета на реализацию направлений внешнеполитической деятельности, ратификация международных договоров, согласие на использование военных сил за пределами государства, различного рода экспертизы и мониторинг за выборами и совершенствование избирательного законодательства [7, с. 66–67; 8, с. 207–209; 20, р. 4].

Отличительные признаки и функции парламентской дипломатии

Парламентская дипломатия уникальна, поскольку ее субъектом является парламент — актор, с одной стороны, наделенный политической властью, а с другой стороны, являющийся представительным органом носителя государственного суверенитета — то есть народа [7, с. 64]. Так, Д. Фонк указывает, что парламент наделен «двойным статусом», то есть институциональная природа парламентаризма позволяет претендовать и на суверенную государственную легитимность, и на роль общественных акторов [13, р. 1310].

Кроме того, двойственность парламентской легитимности наделяет парламенты рядом уникальных свойств и предопределяет специфические различия от исполнительной власти, а именно: меньшую ангажированность, большую неформальность, свободу гибкости и в то же время идеологическую окраску [8, с. 208].

Говоря о международных функциях, А. Е. Коньков и Р. С. Чуков предлагают рассматривать их в рамках двух уровней — институционального и политического [7, с. 65]. Институциональный уровень вбирает в себя нормативно-правовые полномочия, которыми парламент обладает в сфере международных отношений [Там же]. По сути, это конституционные функции контрольно-законодательного характера, формирующие механизм сдержек и противовесов в системе публичной власти, примеры которых были отражены в предыдущем разделе.

Помимо официальных (конституционных) функций, у парламента есть менее формальные функции, которые А. Е. Коньков и Р. С. Чуков называют политическими [Там же]. Это именно те функции, которые позволяют говорить о дипломатических свойствах представительных органов власти. К таковым относятся продвижение принципов демократии и защиты прав человека, ценностно-представительская функция, лоббирование и отстаивание интересов государства/региона, посредничество в урегулировании конфликтов, функция позиционирования и выстраивания имиджа, функция моральной (нравственной) трибуны [22, р. 239 и др.].

Модель парламентской дипломатии

Модель парламентской дипломатии образуют такие категории, как уровень и форма институционализации отношений, формат участия, измерение, формы взаимодействия и инструменты информационного сопровождения (см. табл. с. 118).

Модель парламентской дипломатии

Table. Model of Parliamentary diplomacy

Уровень	Наднациональный, региональный, внутригосударственный
Формат участия	Двухсторонний и многосторонний
Измерение	Государственные и негосударственные акторы
Форма институционализации отношений	Участие и членство в международных организациях; соглашения и нормотворчество
Ключевые участники и степень их формализации	Спикеры парламентов, отраслевые формальные объединения и их члены, неформальные дружеские объединения
Форма взаимодействия	Переговоры, обмены, приемы делегаций
Инструменты коммуникации	Официальный сайт и информационный портал парламента, странички в социальных сетях, мессенджеры, телерадиовещание, печатная продукция, книги, статьи, лекции и т. д.

Источник: составлено автором

По уровню парламентской дипломатии можно выделить наднациональный (Европейский парламент), региональный (Межпарламентская Ассамблея СНГ, Совет государств Балтийского моря и т. д.) и субрегиональный/внутригосударственный (Конгресс местных и региональных властей Совета Европы) [14]. Отдельно также выделяют Межпарламентский союз [7].

По формату участия, то есть количеству участников (институтов), вовлеченных в международную парламентскую деятельность, обычно выделяют двухсторонние и многосторонние взаимодействия. Многосторонность особо проявляется в различных межпарламентских институтах, объединяющих десятки государств и регионов [17].

По виду измерения международная парламентская деятельность охватывает и измерение публичной власти (органы, наделенные политической властью), и измерение гражданского общества [8; 11]. Это именно та характеристика парламентской дипломатии, которая позволяет говорить о ней как об инструменте или подвиде публичной дипломатии, поскольку целевая аудитория последней вбирает в себя иностранные органы публичной власти и их гражданские общества. Парламентарии взаимодействуют не только по линии «парламент-парламент», что свойственно традиционной дипломатии, но и с гражданскими обществами иностранных государств.

По форме институционализации отношений можно выделить членство или участие в межпарламентских институтах (которые также разнятся по своему статусу, названиям и количеству участников) и различного рода нормотворческие документы, являющиеся результатом двухсторонних и многосторонних форматов сотрудничества (соглашения, резолюции, договоры, меморандумы, декларации и т. д.) [17; 20].

По типу ключевых участников (институтов) и степени их формализации можно выделить отдельных индивидов, например лидеров парламента (спикеров, руководителей профильных подразделений), организованные группы (по различным признакам: например, идеологической или отраслевой направленности) и неформальные группы (дружеские) [22, р. 238].

По форме взаимодействия можно выделить обмены, переговоры, приемы различного рода делегаций, включая «визиты вежливости/любезности» [10, р. 13].

Немаловажным инструментом международной деятельности парламентариев является *информационное сопровождение*, в котором центральное звено занимают коммуникационные каналы. Парламентская повестка доносится через официальные сайты парламентских институций, страницы в социальных сетях, а также СМИ (как традиционные, так и цифровые). Кроме того, парламентарии формируют повестку в ходе выступления в парламентских институтах, участвуя в публичных лекциях и пресс-конференциях и общаясь в неформальной обстановке.

Несмотря на амбициозные цели парламентской дипломатии и ряд ее преимуществ в сравнении с исполнительными органами, практические результаты такой деятельности и полномочия парламента

в сфере международных отношений ставятся под вопрос. Например, М. Маджиди указывает, что парламентская дипломатия зачастую воспринимается в русле «парламентского туризма», когда речь заходит о зарубежных командировках депутатов [17, р. 317]. В свою очередь, К. Р. Вода, анализируя кейс России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, пришла к выводу о фактическом отсутствии независимости парламентов во внешней политике [3, с. 128]. На этот счет С. Ставридис пишет, что вопрос о роли парламента в государственной дипломатии, а именно должен/может ли парламент поддерживать или подрывать внешнеполитическую позицию правительств, является одним из центральных [22, р. 246].

Заключение

Таким образом, под влиянием геополитических процессов второй половины XX в. парламентская дипломатия трансформировалась в одну из уникальных форм дипломатии с «двойной легитимностью» (на стыке традиционной и публичной дипломатии) и стала одним из новых инструментов «мягкой силы» государств и регионов. Кроме того, она обзавелась сложной структурой (моделью), включающей различные измерения, уровни, инструменты, а также формы и форматы взаимодействия, позволяющие говорить о парламентской дипломатии как о целостном концепте.

Несмотря на то, что парламентская дипломатия обладает рядом преимуществ по отношению к дипломатии исполнительных органов власти (большей гибкостью, неформальностью и меньшей ангажированностью), другая сторона ее институциональных особенностей — усеченные полномочия, ограниченность ресурсов и идеологизированность — может негативно сказываться на прикладных результатах.

Концепт парламентской дипломатии остается малоизученной темой, особенно на уровне внутригосударственных регионов. Требуются дальнейшие усилия академического сообщества по теоретизации и анализу практической значимости парламентской дипломатии в контексте текущих мирополитических процессов, включая сравнительные исследования кейсов с разными политическими системами.

Литература

1. Баранов Н. А. Мировая политика в условиях геополитической неопределенности: тренды и перспективы // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2024. Т. 19. № 3. С. 486–504. DOI: 10.21638/spbu23.2023.309
2. Варлен М. В. О возрастающей роли парламентской дипломатии в многополярном мире // Lex russica (Русский закон). 2019. № 7. С. 55. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.152.7.054-065
3. Вода К. Форматы, особенности, перспективы парламентской дипломатии России в АТР // Федерализм. 2019. № 3. С. 116–131. DOI: 10.21686/2073-1051-2019-3-116-131
4. Дроздовская Ю. В. Парламентская дипломатия Санкт-Петербурга в регионе Балтийского моря (на примере Парламентской Конференции Балтийского Моря) // Успехи современной науки и образования. 2017. Т. 6. № 4. С. 129–133.
5. Еремина Н. В. Парадипломатия: новый голос регионов в современном дипломатическом концерте? (на примере Шотландии и Уэльса) // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 6. С. 42–51. DOI: 10.20542/0131-2227-2012-6-42-51
6. Колыхалов М. И. Анализ и классификация основных факторов, определяющих современные международные связи регионов государств // Регионоведение. 2019. Т. 27. № 2. С. 270–289. DOI: 10.15507/2413-1407.106.027.201902.270-289
7. Коньков А. Е., Чуков Р. С. Парламентская дипломатия: развитие общественно-государственного взаимодействия на мегаполитическом уровне // Полис. Политические исследования. 2020. № 1. С. 62–73. DOI: 10.17976/jpps/2020.01.05
8. Косов Ю. В., Торопыгин А. В. Содружество Независимых Государств: Интеграция, парламентская дипломатия и конфликты : учебник. М. : Аспект Пресс, 2012. 296 с.
9. Современная мировая политика: учебник / С. С. Жильцов, М. А. Неймарк, О. Г. Карпович. Дип. акад. МИД России. М. : Проспект, 2023. 600 с.
10. Browne M. Para-Diplomacy by Provincial Legislatures: How Turkey and Caribou Make the Case // Canadian Parliamentary Review. 2021. Vol. 44. No. 1. P. 9–14. URL: http://www.revparlcan.ca/wp-content/uploads/2021/06/44n1e_21whole.pdf (дата обращения: 05.03.2024).

11. *Cutler R.* The OSCE's Parliamentary Diplomacy in Central Asia and the South Caucasus in Comparative Perspective // *Studia Diplomatica*. 2006. Vol. LIX. No. 2. P. 79–93. URL: <http://old.agora-parl.org/sites/default/files/ar06sdip.pdf> (дата обращения: 05.03.2024).
12. *Elmore J.* The Future Development of the United Nations: Some Suggestions for Research // *The Journal of Conflict Resolution*. 1961. Vol. 5. No. 2. P. 119–127. URL: <http://www.jstor.org/stable/172781> (дата обращения: 05.03.2024).
13. *Fonck D.* Parliamentary Diplomacy and Legislative-Executive Relations in EU Foreign Policy: Studying the European Parliament's Mediation of the Macedonian Political Crisis (2015–17) // *Journal of Common Market Studies*. 2018. Vol. 56. No. 6. P. 1305–1322.
14. *Global Diplomacy: An Introduction to Theory and Practice* / ed. by Balzacq T., Charillon F., Ramel F. The Sciences Po Series in International Relations and Political Economy. Palgrave Macmillan, Cham. 2020. 344 p. DOI: 10.1007/978-3-030-28786-3_12
15. *Jaskiernia J.* Parliamentary Diplomacy — A New Dimension of Contemporary Parliamentarism // *Studia Iuridica Lublinensia*. 2022. Vol. 31. No. 5. P. 85–101. DOI: 10.17951/sil.2022.31.5.85-101
16. *Jessup P.* Parliamentary Diplomacy: An Examination of the Legal Quality of the Rules of Procedure of Organs of the United Nations // In *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*. 1956. Vol. 89. No. 1. http://dx.doi.org/10.1163/1875-8096_pplrdr_A9789028612624_03
17. *Majidi M.* Parliamentary Diplomacy: Its Evolution and Role in International Relations // *Iranian Review of Foreign Affairs*. 2021. Vol. 12. No. 34. P. 306–329. DOI: 10.22034/irfa.2021.162036
18. *Nye J.* *Soft Power the Means to Success in World Politics*. New York : Public Affair, 2004. 209 p.
19. *Nye J., Keohane R.* *Power and Interdependence*, Scott, Foresman., 2nd ed. 1989. 315 p.
20. *Parliamentary Dimensions of Regionalization and Globalization: The Role of Inter-Parliamentary Institutions* / ed. by Costa O., Dri C., Stavridis S. Palgrave Macmillan, London. 2013. 286 p. DOI: 10.1057/9781137322746
21. *Sergunin A.* Russian Sub-National Actors: Paradiplomacies in the Arctic Region // *ERSA Conference Papers*. European Regional Science Association. 2014. P. 1–21. URL: <https://www.sre.wu.ac.at/ersa/ersaconfs/ersa14/e140826aFinal01759.pdf> (дата обращения: 05.03.2024).
22. *Stavridis S.* Parliamentary Diplomacy: A Review Article // *International Journal of Parliamentary Studies*. 2021. Vol. 1. No. 2. P. 227–269. DOI: 10.1163/26668912-bja10027
23. *Stavridis S., Jancic D.* *Parliamentary Diplomacy in European and Global Governance*. Diplomatic Studies. Leiden : Brill Nijhoff, 2017. 393 p.
24. *Thompson K.* The New Diplomacy and the Quest for Peace // *International Organization*. 1965. Vol. 19. No. 3. P. 394–409. URL: <http://www.jstor.org/stable/2705861> (дата обращения: 05.03.2024).

Об авторе:

Савельчев Леонид Александрович, аспирант факультета международного промышленного менеджмента и коммуникации Балтийского государственного технического университета «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: leosavelchev@gmail.com; ORCID: 0009-0001-4154-5985

References

1. *Baranov N. A.* World Politics in Conditions of Geopolitical Uncertainty: Trends and Prospects // *Political expertise: POLITEX* [Politicheskaja ekspertiza: POLITEX]. 2023. Vol. 19. No. 3. P. 486–504. (In Russ.) DOI: 10.21638/spbu23.2023.309
2. *Varlen M. V.* The Growing Role of Parliamentary Diplomacy in a Multipolar World // *Lex Russica*. 2019. No. 7. P. 54–65. (In Russ.) DOI: 10.17803/1729-5920.2019.152.7.054-065
3. *Voda K. R.* Formats, Features, Prospects of Russian Parliamentary Diplomacy in the Asia-Pacific Region // *Federalism*. 2019. No. 3. P. 116–131. <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2019-3-116-131>. (In Russ.)
4. *Drozдовskaya Y. V.* Parliamentary Diplomacy of St. Petersburg in the Baltic Sea Region (In the Case of the Baltic Sea Parliamentary Conference) // *The Achievements of Modern Science and Education* [Uspehi sovremennoj nauki i obrazovanija]. 2017. Vol. 6. No. 4. P. 129–133. (In Russ.)
5. *Eremina N.* Paradiplomacy: New Voice of Regions in Contemporary Diplomatic Concert? // *World Economy and International Relations* [Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija]. 2012. No. 6. P. 42–51. (In Russ.) DOI: 10.20542/0131-2227-2012-6-42-51

6. Kolykhalov M. I. Analysis and Classification of the Main Factors Determining Modern International Relations of the Regions of the States // Russian Journal of Regional Studies [Regionologija]. 2019. Vol. 27. No. 2. P. 270–289. (In Russ.) DOI: 10.15507/2413-1407.106.027.201902.270-289
7. Konkov A. S., Chukov R. S. Parliamentary Diplomacy: Development of Public-State Interaction at the Megapolitical Level // Polis. Political Studies [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2020. No. 1. P. 62–73. (In Russ.) DOI: 10.17976/jpps/2020.01.05.
8. Kosov U. V., Toropygin A. V. Commonwealth of Independent States: Integration, Parliamentary Diplomacy and Conflicts. Moscow : Aspekt Press, 2012. 296 p. (In Russ.)
9. Contemporary World Politics / ed. by Zhiltsov C., Neimark M., Karpovych O. Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs. Moscow : Prospect Publishing house, 2023. 600 p. (In Russ.)
10. Browne M. Para-Diplomacy by Provincial Legislatures: How Turkey and Caribou Make the Case // Canadian Parliamentary Review. 2021. Vol. 44. No. 1. P. 9–14.
11. Cutler R. The OSCE's Parliamentary Diplomacy in Central Asia and the South Caucasus in Comparative Perspective // Studia Diplomatica. 2006. Vol. LIX. No. 2. P. 79–93.
12. Elmore J. The Future Development of the United Nations: Some Suggestions for Research // The Journal of Conflict Resolution. 1961. Vol. 5. No. 2. P. 119–127.
13. Fonck D. Parliamentary Diplomacy and Legislative-Executive Relations in EU Foreign Policy: Studying the European Parliament's Mediation of the Macedonian Political Crisis (2015–17) // Journal of Common Market Studies. 2018. Vol. 56. No. 6. P. 1305–1322.
14. Global Diplomacy: An Introduction to Theory and Practice / ed. by Balzacq T., Charillon F., Ramel F. The Sciences Po Series in International Relations and Political Economy. Palgrave Macmillan, Cham. 2020. 344 p. DOI: 10.1007/978-3-030-28786-3_12
15. Jaskiernia J. Parliamentary Diplomacy — A New Dimension of Contemporary Parliamentarism // Studia Iuridica Lublinensia. 2022. Vol. 31. No. 5. P. 85–101. DOI: 10.17951/sil.2022.31.5.85-101
16. Jessup P. Parliamentary Diplomacy: An Examination of the Legal Quality of the Rules of Procedure of Organs of the United Nations // In Collected Courses of the Hague Academy of International Law. 1956. Vol. 89. No. 1. http://dx.doi.org/10.1163/1875-8096_pplrld_A9789028612624_03
17. Majidi M. Parliamentary Diplomacy: Its Evolution and Role in International Relations // Iranian Review of Foreign Affairs. 2021. Vol. 12. No. 34. P. 306–329. DOI: 10.22034/irfa.2021.162036
18. Nye J. Soft Power the Means to Success in World Politics. New York : Public Affair, 2004. 209 p.
19. Nye J., Keohane R. Power and Interdependence, Scott, Foresman., 2nd ed. 1989. 315 p.
20. Parliamentary Dimensions of Regionalization and Globalization: The Role of Inter-Parliamentary Institutions / ed. by Costa O., Dri C., Stavridis S. Palgrave Macmillan London, 2013. 286 p. DOI: 10.1057/9781137322746
21. Sergunin A. Russian Sub-National Actors: Paradiplomacies in the Arctic Region // ERSa Conference Papers. European Regional Science Association. 2014. P. 1–21. URL: <https://www-sre.wu.ac.at/ersa/ersaconfs/ersa14/e140826aFinal01759.pdf> (accessed: 05.03.2024).
22. Stavridis S. Parliamentary Diplomacy: A Review Article // International Journal of Parliamentary Studies. 2021. Vol. 1. No. 2. P. 227–269. DOI: 10.1163/26668912-bja10027
23. Stavridis S., Jancic D. Parliamentary Diplomacy in European and Global Governance. Diplomatic Studies. Leiden : Brill Nijhoff, 2017. 393 p.
24. Thompson K. The New Diplomacy and the Quest for Peace // International Organization. 1965. Vol. 19. No. 3. P. 394–409.

About the author:

Leonid A. Savelchev, PhD student at the Department of International Industrial Management and Communication, Baltic State Technical University “VOENMEH” named after D. F. Ustinov (Saint Petersburg, Russian Federation);
e-mail: leosavelchev@gmail.com; ORCID: 0009-0001-4154-5985

Политический PR в международных цифровых коммуникациях: опыт евразийского медиапространства

Колобова Е. Ю.

Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail: jenechos@list.ru

ORCID: 0000-0002-9482-4734

РЕФЕРАТ

Цифровые медиа стали неотъемлемой частью политической жизни граждан, поскольку все большее число людей во всем мире используют цифровые медиатехнологии для коммуникации. Цифровые медиа способствуют формированию социально-политических факторов, которые вызывают обеспокоенность по поводу распространения дезинформации, информационных разногласий и политической поляризации.

Цель. Проанализировать инструменты, проблемы и возможности политического PR в условиях цифровизации медиапространства в зарубежных странах и странах ЕАЭС.

Задачи. Дать существенные представления понятиям «политические связи с общественностью» и «политическая коммуникация»; выявить факторы влияния на политические коммуникационные процессы; представить международный опыт применения политического PR в условиях цифровизации медиа; сформулировать возможности развития евразийской интеграции в условиях цифровизации медийного пространства.

Методология. Методологической базой научного исследования выступили современные общенаучные методы исследования, такие как: сравнительный анализ, статистические и структурно-логические методы, контент-анализ открытых источников информации.

Результаты. В работе определены роль и значимость цифровых медиа в политической PR-деятельности, выявлены традиционные и современные факторы влияния на политическую деятельность, а также проблемы в условиях новой цифровой реальности. Для построения политических коммуникаций с аудиторией, ее воздействия и повышения вовлеченности политические организации используют новые медиатехнологии с применением мультимодальности. На практике цифровое неравенство мирового населения лишает ряд людей цифровой коммуникации и, как следствие, необходимого условия для участия в политической и экономической жизни страны. Цифровой разрыв стран ЕАЭС снижает политические коммуникативные воздействия на убеждения граждан в необходимости усиления интеграционных процессов. Представляется целесообразным внедрение системности в формирование повестки евразийской интеграции и единого цифрового информационного поля для увеличения политической культуры гражданской активности во всех странах — членах ЕАЭС.

Выводы. С помощью вариации ресурсов формируется необходимый контент для создания необходимого эффекта аудитории. Действительно, цифровые медиа имеют ряд преимуществ, которые доказаны на практике, однако политический PR находится под воздействием негативной стороны развития цифровых коммуникаций — распространение фейковых новостей, большинство из которых невозможно проследить до источника. Поэтому трансформация цифровых возможностей, распределение политических ресурсов, распространение политического дискурса и структура политических возможностей в цифровую эпоху является наиболее актуальным в современном

мире. На примере стран ЕАЭС доказано, что цифровизация в международном медиапространстве обуславливает вовлечение граждан разных стран к интеграции, обобщению и формированию общественной поддержки государства.

Ключевые слова: цифровые медиа, СМИ, политические медиа, связи с общественностью, фейковые новости, политическая коммуникация

Для цитирования: Колобова Е. Ю. Политический PR в международных цифровых коммуникациях: опыт евразийского медиапространства // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 3. С. 122–132.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-03-122-132>. EDN: XBYTCL

Political PR in International Digital Communications: The Experience of the Eurasian Media Space

Evgenia Yu. Kolobova

St. Petersburg State Institute of Film and Television, Saint Petersburg, Russian Federation

e-mail: jenechos@list.ru

ORCID: 0000-0002-9482-4734

ABSTRACT

Digital media has become an integral part of the political life of citizens, as an increasing number of people around the world use digital media technologies for communication. Digital media contribute to the formation of socio-political factors that raise concerns about the spread of disinformation, information disagreements and political polarization.

Aim. To analyze the tools, problems and opportunities of political PR in the context of digitalization of the media space in foreign countries and the EAEU countries.

Tasks. To give significant ideas about the concepts of “political public relations” and “political communication”; to identify factors influencing political communication processes; to present international experience in the application of political PR in the context of digitalization of media; to formulate the possibilities for the development of Eurasian integration in the context of digitalization of the media space.

Methods. The methodological basis of the scientific research was such modern general scientific research methods as: comparative analysis, statistical and structural-logical methods, content analysis of open sources of information.

Results. The paper defines the role and importance of digital media in political PR activities, identifies traditional and modern factors of influence on political activity, as well as problems in the new digital reality. To build political communications with the audience, its impact and increase engagement, political organizations use new media technologies using multimodality. In practice, the digital inequality of the world population deprives a number of people of digital communication, and as a result, the necessary conditions for participation in the political and economic life of the country. The digital divide of the EAEU countries reduces the political communicative impact on citizens' beliefs in the need to strengthen integration processes. It seems appropriate to introduce consistency in the formation of the Eurasian integration agenda and a single digital information field to increase the political culture of civic engagement in all EAEU member states.

Conclusions. With the help of variation of resources, the necessary content is formed to create the necessary audience effect. Indeed, digital media has a number of advantages that have been proven in practice, however, political PR is influenced by the negative side of the development of digital communications — the spread of fake news, most of which cannot be traced to the source. Therefore, the transformation of digital opportunities, the distribution of political resources, the dissemination of political discourse and the structure of political opportunities in the digital age is the most relevant

in the modern world. Using the example of the EAEU countries, it is proved that digitalization in the international media space causes the involvement of citizens of different countries in integration, generalization and formation of public support for the state.

Keywords: digital media, mass media, political media, public relations, fake news, political communication

For citation: Kolobova E. Yu. Political PR in International Digital Communications: The Experience of the Eurasian Media Space // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 3. P. 122–132. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-03-122-132>. EDN: XBYTCL

Введение

В новых условиях информационное сообщение строится посредством специфического взаимодействия коммуникантов, при этом важной составляющей становятся цифровые медиа, способные обеспечить обратную связь и сформировать наиболее благоприятный имидж политического объекта. В связи с этим источники информации выступают как специфическая база действий государства.

При сравнении концепций политических связей с общественностью и политической коммуникации отметим, что политическая коммуникация является более широким понятием, выделяющим обмен символами и сообщениями между политическими субъектами и институтами, широкой общественностью и средствами массовой информации, которые являются продуктами политической системы или имеют последствия для нее [16]. Подобно существующим концептуализациям смежных понятий, в научной литературе отсутствует консенсус относительно определений политических связей с общественностью.

Связи с общественностью описываются как организованные усилия по установлению взаимного понимания, которые создают прочные отношения между организацией, корпорацией, правительством и их общественностью. PR позволяет политическим объектам создавать хорошую репутацию и отношения с целевой аудиторией с помощью эффективных коммуникационных действий и стратегий для достижения политических целей, обеспечения поддержки со стороны общественности [10]. Аналогичный вывод сделали другие зарубежные ученые [6; 9], которые заявили, что цель общественного убеждения успешно достигается за счет использования различных коммуникативных инструментов. Зарубежные исследователи Роберт Э. Дентон и Гэри К. Вудворд [8] отмечают, что решающим фактором, делающим коммуникацию политической, является не источник сообщения, а его содержание и цель. Таким образом, ряд ученых [9; 10] согласны с тем, что современные политические деятели используют различные источники для доступа к информации, связанной с общественным мнением, которая может информировать о текущих политических событиях. Следовательно, необходимо добросовестно планировать программы, которые отдают приоритет интересам общественности и учитывают основные факторы политики, включая общественное мнение и семантику, охват СМИ, выбор политической стратегии и приоритизацию общественных интересов.

Исследования ряда ученых [11] признали, что двумя основными преимуществами PR являются: минимизация политического кризиса и предоставление кандидату возможности получить необходимую информацию. Однако выводы ученого К. Сандерса [18] показали, что PR должен быть сосредоточен на вовлечении аудитории и предлагать долгосрочную и стратегическую перспективу в политике, особенно для деятельности правительства.

Современные исследования в области политических связей с общественностью подчеркивают необходимость лучшего понимания роли цифровых коммуникаций и социальных сетей, а также мобильных средств связи [13]. Цифровые коммуникации способствуют открытости в общении с аудиторией, что формирует ряд возможностей, один из которых связан с трудностями в отношении ограничения доступа к СМИ и поддержанием взаимоотношений с журналистами. В некоторых странах или, скорее, обществах антагонистические отношения между правительством и СМИ представляют собой важнейший элемент функциональной демократии [14]. Однако в соответствии с идеями Белана [5] можно сделать вывод, что ключевые области, которые обычно оцениваются, включают: организации внутренней коммуникации,

управление имиджем, управление информацией и управление СМИ. Именно поэтому для избегания последствий, связанных с формированием неправильного общественного мнения, деятельность PR связана с мониторингом электронных и печатных СМИ, написанием и редактированием различных статей и публикаций, обзоров прессы.

Факторы влияния на политические коммуникационные процессы

На современную политику и коммуникации политических лидеров по-своему влияют и «традиционные» факторы, к которым можно отнести: выбор средства коммуникации, бюджет, профессионализм и опыт сотрудников PR, общественное мнение, существующие стереотипы общества, политические условия; а также современные явления XXI в., такие как:

- ✓ глобализация;
- ✓ цифровизация;
- ✓ создание новых медиатехнологий;
- ✓ цифровая культура;
- ✓ информационное общество;
- ✓ экология новых медиа.

Указанные факторы влияния на политическую деятельность влекут за собой ряд проблем, среди которых можно выделить:

- информационную перегрузку;
- низкий интерес к политике (особенно среди молодежи и миллениалов);
- низкий уровень понимания почти всех политических вопросов гражданами;
- медиатизацию политики [3], поскольку сейчас политика должна конкурировать с мемами, новостями от друзей, сарафанным радио, фейковыми новостями и пропагандой, распространяемой на различных цифровых медиаплатформах, в частности в социальных сетях.

Сеть Интернет значительно и многогранно воздействовала на политическую коммуникацию, которая расширила охват политических сообщений, открыла шлюзы деконтекстуализации и межкультурного непонимания, освободила место для новых жанров и форм сообщениям. С точки зрения политического PR важным фактором, который следует признать в отношении цифровой коммуникации, является то, что граждане и избиратели обладают возможностью выражать свое мнение открыто по сравнению с традиционными каналами коммуникации.

Влияние новых медиатехнологий на политическую коммуникацию учитывает широкое использование Интернета и мобильных телефонов в ходе избирательных кампаний и отражается на политическом поведении граждан. На протяжении более трех десятилетий наука изучала, как цифровые медиа и социальные сети либо способствовали, либо препятствовали развитию информированности и вовлечению граждан [8]. Цифровые медиа возникли в США в условиях политической культуры минимального вмешательства правительства и в рамках преобладающего принципа невмешательства в Интернет и новые технологии [4].

Политический PR в условиях цифровизации медиа

Электронная PR-кампания американского президента Барака Обамы является одним из примеров использования современных медиатехнологий. Беспорядки во время выборов в Кении в декабре 2007 г. также были результатом применения новых медиатехнологий, в ходе которых выросли 600 блогов и веб-сайтов, посвященных насилию после выборов. Будь то выборы в Нигерии в 2007 г., в Гане в декабре 2008 г., выборы в Афганистане в 2009 г., даже выборы в Пакистане в 2008 г. или парламентские выборы в Германии в 2009 г., никто, ни СМИ, ни политики, ни наблюдатели за выборами, ни различные слои электората, не могут обойтись без новых цифровых носителей информации.

В развитых странах существуют определенные ограничения новых медиатехнологий. Обычно политические веб-сайты просто привлекают и информируют, как правило, хорошо образованных социальных

людей, которые уже интересуются политикой. Одно необходимо, чтобы развитие цифровых медиатехнологий соответствовало уровню образования населения, дохода и вовлеченности в политическую жизнь страны.

Опасность неправильного использования средств массовой информации правительствами общеизвестна. Пропаганда, цензура, угрозы — все это происходит в новых СМИ. Например, китайское правительство нанимает почти 30 тыс. государственных служащих в свою интернет-полицию. Критические и оппозиционные ссылки блокируются в поисковых системах, а большинство ссылок на политические темы ведут на правительственные страницы. Ощущение того, что за пользователем сети Интернет наблюдают, и самоцензура хуже, чем цензура и пропаганда, которые можно обойти с помощью технологий. Однако присутствуют и положительные факторы относительно использования новых медиа даже в развивающихся странах, а именно: независимые средства массовой информации незаменимы в развивающихся странах, поскольку они обеспечивают прозрачность и подотчетность со стороны правительства и участие даже находящихся в неблагоприятном положении слоев общества.

Цифровые технологии внесли позитивный вклад в оживление политической сферы, включая значительное расширение источников новостей и информации, возможностей для участия граждан, а также расширение возможностей людей из разных слоев общества формировать коалиции и влиять на политику. Те же инструменты, разработанные для цифрового маркетинга, также помогли политическим кампаниям существенно повысить вовлеченность избирателей, расширить их возможности по сбору средств и более эффективно генерировать явку избирателей. Распространение информационно-коммуникационных технологий обеспечило разнообразные каналы, по которым граждане могут вести свободный и открытый диалог и получать доступ к информации по различным политическим и социальным вопросам [15]. Поскольку люди все чаще отказываются от СМИ в пользу социальных сетей как способа получения новостей и гражданской информации, появляются новые возможности [12] и возникнут негативные стороны данного явления.

Для формирования политической прозрачности в сети Интернет необходим доступ большего числа населения страны и стремления правительства к снижению цифрового разрыва. Однако существует большая разница между ситуацией в развитых и развивающихся странах. Использование цифровых носителей информации очень ограничено в некоторых странах Азии и Африки. Разрыв в доступе к Интернету еще более драматичен: во всей Африке только 41% населения пользуются привилегией выходить в Интернет, в то время как в Европе и Америке почти каждый человек подключен к Интернету (88,4% по данным на 2022 г.)¹.

Страны, которые хотят участвовать в глобализации, нуждаются в доступе к информационно-коммуникационным технологиям, что является необходимым условием для участия в политической и экономической жизни. Однако многие люди не могут участвовать в политических дискуссиях из-за своего финансового, общественного и географического положения. В Эфиопии, например, только около 0,4% населения могут присоединиться к сети Интернет. Даже в такой безопасной стране, как Южная Африка, этот показатель составляет всего 9,4%. Однако развитие и число интернет-пользователей продолжает расти: если в 2014 г. мировая аудитория сети Интернет составляла 2,4 млрд чел., то к 2023 г. количество интернет-пользователей возросло до 5,16 млрд чел. (рис. 1).

В современной России из 146,447 млн жителей количество интернет-пользователей составило 127,6 млн, то есть 88,2% россиян² (рис. 2). При этом если в 2013 г. сетью Интернет пользовались 64 чел. из 100 жителей России, в 2023 г. — до 88 чел. Тем не менее в 2021 г. цифровое неравенство между регионами России все еще значительно, что становится причиной снижения экономических и социальных возможностей для бедных регионов [2].

¹ Статистика пользователей Интернета в мире в 2022 г. [Электронный ресурс] // SEO Блог. 15.05.22. URL: <https://fayngor.ru/blog/statistika-polzovatelej-interneta-v-mire-v-2022/> (дата обращения: 10.03.2022).

² Digital 2023: The Russian Federation [Электронный ресурс] // Datareportal. 13.02.2023. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-russian-federation> (дата обращения: 01.11.2023).

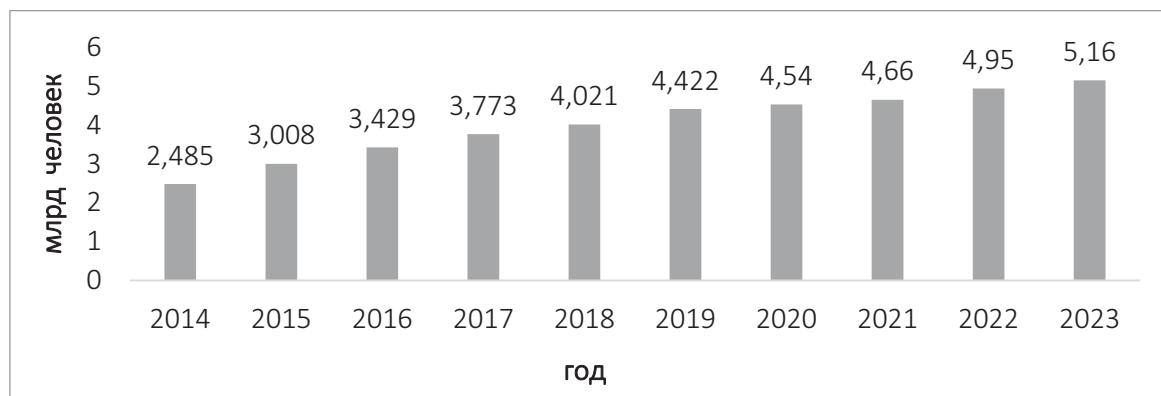

Рис. 1. Диаграмма динамики объема пользователей сети Интернет за 2014–2023 гг. в мире

Fig. 1. Chart of the dynamics of the volume of Internet users in 2014–2023 in the world

Источник: составлена автором на основе данных Digital 2021: global overview report [Электронный ресурс] // Datareportal. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2021-global-overview-report> (дата обращения: 14.03.2024)

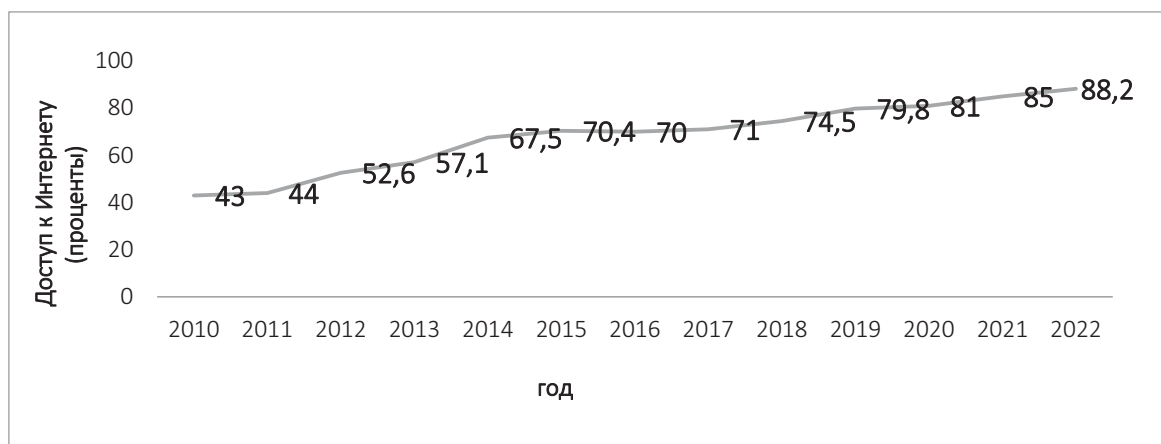

Рис. 2. Диаграмма динамики объема российских пользователей сети Интернет за 2010–2022 гг.

Fig. 2. Chart of the dynamics of the volume of Russian Internet users in 2010–2022

Источник: составлена автором на основе данных: Цифровой 2023: Российская Федерация [Электронный ресурс] // Datareportal. 13.02.2023. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-russian-federation> (дата обращения: 15.08.2023)

Развитие евразийской интеграции в условиях цифровизации медийного пространства

Из всех пяти стран Евразийского экономического союза (далее ЕАЭС) население Казахстана и Кыргызстана не в полной мере обеспечено Интернетом на территориях. Планируется обеспечить Казахстан высокоскоростным Интернетом к 2027 г. на основании утвержденного правительством национального проекта «Доступный Интернет»¹. Из-за доступа в глобальную сеть через Казахстан и его провайдеров Кыргызстан имеет такие же невысокие показатели объемов пользователей сети — около 3% граждан которого имеют доступ к интернет-связи².

¹ Все население Казахстана обеспечат высокоскоростным Интернетом к 2027 году [Электронный ресурс] // Сайт ixbt.com 07.11.2023. URL: <https://www.ixbt.com/news/2023/11/07/vsjo-naselenie-kazakhstan-obespechat-vysokoskorostnym-internetom-k-2027-godu.html?ysclid=lp70u6peyh272941252> (дата обращения: 15.11.2023).

² Цифровая повестка дня ЕАЭС [Электронный ресурс] // Tadviser. 10.05.2024. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья: Цифровая_повестка_ЕАЭС (дата обращения: 05.06.2024).

В начале 2023 г. в Армении насчитывалось 2,18 млн интернет-пользователей, при этом уровень проникновения Интернета составляет 78,6%¹. В Республике Беларусь всего 8,27 млн интернет-пользователей, а проникновения Интернета составляет 86,9%². Данные свидетельствуют о разобщенности цифрового развития, формирования цифрового неравенства в странах ЕАЭС, что снижает политические коммуникативные воздействия убеждения граждан в необходимости усиления интеграционных процессов.

Развитие цифровых медиатехнологий и фрагментация информации способствовали распространению дезинформации или формированию фальшивых новостей. Ряд зарубежных ученых [19] использовали уровни фактичности и обмана, чтобы предоставить типологию определений поддельных новостей для различных типов информации, таких как: негативная реклама, пропаганда, манипулирование, фабрикация, новостная сатира и новостная пародия. Продолжение разработки определения поддельных новостей необходимо для изучения сложных факторов, которые способствовали росту дезинформации, понимания того, как дезинформация влияет на общество, и изучения того, как бороться с дезинформацией и повышать доверие к новостям.

Доверие к информации в СМИ зависит как от контента, так и от конкретной платформы, поэтому влияние различных СМИ неодинаково. Новостной контент из печатных газет, радио и социальных сетей повышает вероятность участия в политической жизни, а положительная взаимосвязь между использованием новостного контента из радио и социальных сетей и участием в политической жизни сильнее для групп с более высоким, чем с более низким, уровнем образования. Кроме того, свобода прессы также является важным контекстуальным фактором, усиливающим роль телевизионных новостей, печатных изданий и социальных сетей в неравенстве участников.

На примере ЕАЭС можно отметить, что во многом именно от СМИ, цифровизации медийного пространства зависит развитие евразийской интеграции. Так, без должного уровня международного информационного обеспечения интеграционных процессов, медиаинформационной подготовки и соответствующего вовлечения граждан в повестку о необходимости евразийской интеграции правительства не смогут обеспечить себе необходимую поддержку граждан [1]. Политическая коммуникация ЕАЭС как интеграционного объединения ориентирована на формирование единого цифрового информационного поля для снижения политической культуры гражданской пассивности.

Уровень массового политического сознания, в частности аспектов экономической интеграции в ЕАЭС, напрямую зависит от объема, интенсивности и доступности к политическим дискурсам СМИ. Как показала практика, наибольшим потенциалом влияния на формирование политических установок евразийской аудитории обладают русскоязычные СМИ, поскольку и уровень цифрового неравенства в России ниже, чем у других стран ЕАЭС, и инициатива интеграции исходит от российского правительства. Так, на основе ЕМИ (евразийского медиаиндекса), составленного силами Центра изучения перспектив интеграции (ЦИПИ, Москва) и Центра социально-гуманитарных исследований (Минск, Белорусский государственный экономический университет), с помощью информационно-аналитической системы «Медialogия» изучены официальные источники массовой информации. Выяснилось, что основная доля приходилась на источники российского медиапространства. Данное обстоятельство подчеркивает важность российского политического видения, отраженного в СМИ, в ЕАЭС.

Президент Российской Федерации В. В. Путин на заседании Высшего Евразийского экономического совета в расширенном составе отметил, что «следовало бы активнее вести деятельность по популяризации нашего объединения (ЕАЭС), его достижений и возможностей для граждан государств-членов, гарантировать людям широкий доступ к достоверной информации об идущих интеграционных процессах»³. Процессы интеграции в Казахстане освещаются практически всеми общественно-полити-

¹ Digital 2023: Armenia [Электронный ресурс] // Datareportal. 14.02.2023. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-armenia> (дата обращения: 15.11.2023).

² Digital 2023: Belarus [Электронный ресурс] // Datareportal. 13.02.2023. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-belarus> (дата обращения: 15.11.2023).

³ Путин призвал популяризовать ЕАЭС [Электронный ресурс] // РИА Новости. 25.05.2023. URL: <https://ria.ru/20230525/putin-1874125721.html> (дата обращения: 15.11.2023).

ческими СМИ¹, так же как и в Республике Беларусь. Выделяется только различие в процессах освещения евразийской интеграции: белорусские и казахстанские СМИ более последовательно подходят к публикации материалов о ЕАЭС.

Менее всего подверженным кризисной конъюнктуре оказалось медиаполе Киргизии². В Армении влияние меняющейся международной обстановки проявляется в активном обсуждении последствий для экономики (прежде всего с точки зрения развития транспортных коридоров), армяно-азербайджанской и армяно-турецкой нормализации отношений. При этом традиционно образ экономического союза искажается в сторону вопросов безопасности. Белорусская евразийская повестка выглядит практически идентично российской. Интеграция трансформируется из инструмента по коллективному встраиванию в глобальную экономику в инструмент по выживанию и конструированию самостоятельного экономико-технологического полюса. Соответственно меняется и образ интеграции — эта тематика в новых условиях выходит в авангард евразийской интеграционной повестки.

Глобальная цифровизация на уровне ЕАЭС способствует вовлечению в информационное поле граждан других стран, появлению новых информационных потоков, что влечет за собой усиление влияния рынков производства и потребления массовой информации стран — участниц ЕАЭС. Трансформация в медиасфере требует от СМИ новых подходов к отражению евразийской тематики, внедрению системности в формировании повестки евразийской интеграции, выбору приоритетных тем для освещения, раскрытию интеграционного потенциала ЕАЭС для формирования поддержки со стороны граждан.

Политика в социальных сетях

Отметим, что мониторинг новостей и их формирование играют посредническую роль во взаимосвязи между использованием социальных сетей для получения новостей и политической информации. При этом политический интерес и эффект от обратной связи играют важную роль в усилении связи между использованием социальных сетей для получения новостей и политических знаний.

Для граждан присутствие политиков в социальных сетях означает:

- снижение барьера для установления контакта;
- более широкое участие в политических дебатах;
- лучшее понимание демократических процессов.

В современном мире актуальным становится вопрос, способствует ли использование социальных сетей враждебному восприятию СМИ и каким образом. Анализируя данные двухволнового панельного опроса, собранного в США во время президентских выборов 2016 г., можно сделать вывод, что просмотр социальных сетей политических лидеров может привести к враждебному восприятию СМИ [17]. Эффект действует, вызывая энтузиазм подписчиков в отношении поддерживаемого кандидата и гнев по отношению к кандидату оппонента. Эти результаты вызывают обеспокоенность растущей зависимости политиков от каналов социальных сетей в качестве источников информации в процессе предвыборной кампании, учитывая, что политические кампании могут использовать платформы социальных сетей для разжигания политических эмоций, что может привести к предвзятости контента в СМИ.

Первый политик, который использовал сервис микроблогов Twitter³, чтобы поделиться своими планами и мнениями с миром, — Д. Трамп. А также, как никто другой, он стирал грань между личной и профессиональной жизнью: будучи президентом США, он публиковал информацию из своего личного

¹ О чем говорит медийный индекс ЕАЭС [Электронный ресурс] // Stanradar. 01.05.2020. URL: <https://stanradar.com/news/full/39395-o-chem-govorit-medijnyj-indeks-eaes.html?ysclid=lp6qz6g7tx394439504> (дата обращения: 15.11.2023).

² ЕАЭС в глазах смотрящего: что пишут о Евразийском союзе СМИ стран-участниц [Электронный ресурс] // Каспий-Евразия. 12.11.2020. URL: <https://caspian-eurasia.com/eaes-v-glazah-smotryashhego-cto-pishut-o-evrazijskom-soyuze-smi-stran-uchastnicz/?ysclid=lp6rvsckn2169033908> (дата обращения: 15.11.2023).

³ Twitter — социальная сеть, заблокирована Роскомнадзором на территории Российской Федерации на основании требования Генпрокуратуры от 24.02.2022 (распространение незаконной информации).

аккаунта, как будто завтра не наступит, при этом он был фактически вынужден прибегнуть к своей официальной учетной записи. Однако потребовались годы, чтобы все до этого дошло, и к этому времени мнения на платформе микроблогов и других каналах социальных сетей стали сильно поляризованными. Ответственные лица долгое время хранили молчание, отключили и заблокировали его учетные записи. Подстрекательство к насилию, обвинения в штурме Капитолия и последующий судебный процесс по делу об импичменте Трампа заставили платформы раз и навсегда осознать, что существуют пределы свободы слова и того, какой контент можно публиковать.

И именно здесь возникает реальный риск использования социальных сетей для политической коммуникации: если они используются просто для личного брендинга, реальный политический контент и сообщения будут слишком легко затмеваться и даже забыты. Персональный бренд стал проще, чем когда-либо, благодаря социальным сетям и их эмоциональному содержанию. Стратегия, ориентированная на интеллектуальное лидерство, даст лучшие результаты, поскольку можно оптимально сочетать личностный и предметный опыт. В случае с Трампом это привело к разрушению американского общества. Более того, предосудительное поведение Республиканской партии вместе с судебным процессом по делу об импичменте погубило ее.

В Германии политическая коммуникация в социальных сетях совсем другая. Хотя присутствие политиков и министерств в социальных сетях усиливается на национальном и региональном уровнях, контент фокусируется на актуальных проблемах, а не на излишней эмоциональности и персонализации в стиле Трампа. Политический PR в Германии также тесно связан с социальными сетями ввиду большего количества населения, пользующегося данными коммуникационными цифровыми платформами. Количественный импульс, даваемый социальными медиа, позволяет охватить группы населения, возникшие благодаря индивидуализации форм коммуникации, до которых трудно или невозможно достучаться с помощью традиционных медиа. Качественные изменения, например, общение в реальном времени, создание сетей пользователей и диалогизм предлагают новые способы общения и взаимодействия с гражданским обществом в рамках политической коммуникации.

Контент, рассказывающий о личной и профессиональной жизни политика, позволяет заглянуть за кулисы и противоречит традициям. Прекрасным примером этого является Михаэль Рот, государственный министр по делам Европы и депутат немецкого бундестага, который не только приглашает своих последователей на политические мероприятия и дискуссии, но и пускает их на свой маршрут утренней пробежки. Он доказал, что политика может быть веселой, пригласив Хубертуса Хайля и членов парламента земли Гессен Карину Фиссманн и Торстена Варнеке на свою цифровую политическую Пепельную среду. Когда в центре внимания остается политический контент, политическая коммуникация может создать долгосрочное доверие и способствовать взаимодействию. Здесь важно найти правильный баланс между релевантным контентом и контентом, который не является слишком личным или даже выглядит натянутым. Пользователям должно быть дано ощущение, что они могут ответить и их проблемы действительно будут услышаны.

Политики, используя социальные сети, приравнивают дискурс на различных каналах к дискурсу широкой публики, что может служить лишь фрагментом того, что происходит на самом деле. Социальные механизмы усиливаются в социальных сетях, поскольку люди, которые не высказываются во время дебатов лицом к лицу, даже физически не присутствуют в цифровом мире. Это означает, что пользователи активизируются в виде поляризации. В результате мнения за или против чего-то приглушают или заглушают умеренные мнения в цифровых платформах, однако это не значит, что они отражают общее настроение населения.

Социальные платформы дают пользователям возможность взаимодействовать с политиками, задавать вопросы, оставлять отзывы и общаться, позволяя общественности оказывать давление на людей и учреждения, которые имеют право что-то делать. Цифровые и аналоговые политические коммуникации имеют одну общую черту: тактичность, открытость и верность своему слову являются ключевыми факторами, если вы хотите завоевать доверие граждан. Учитывая все это, политическая коммуникация не становится проще, а наоборот, усложняется.

Заключение

Таким образом, сравнивая концепции политических связей с общественностью и политической коммуникации, отметим, что политическая коммуникация является более широким понятием, выделяющим обмен символами и сообщениями между политическими субъектами и институтами, широкой общественностью и СМИ, которые являются продуктами политической системы или имеют последствия для нее. Трансформация в медиасфере требует от СМИ новых подходов к отражению евразийской тематики, внедрению системности в формировании повестки евразийской интеграции, выбору приоритетных тем для освещения, раскрытию интеграционного потенциала ЕАЭС для формирования поддержки со стороны граждан. Цифровые СМИ открывают такие возможности для политической коммуникации, как: вовлечение ранее неохваченных частей населения; эффективная кризисная коммуникация; краткие заявления (в дополнение к пресс-конференциям); создание и укрепление доверия. Обратная сторона развития цифровых коммуникаций — распространение фейковых новостей, которые негативно влияют на формирование доверия к источнику и объекту коммуникации. Поэтому трансформация цифровых возможностей, распределение политических ресурсов, распространение политического дискурса и структура политических возможностей в цифровую эпоху являются наиболее актуальными в современном мире, что требует дальнейших исследований в академической среде.

Литература / References

1. Глазьев С. Ю. Об ориентирах развития ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 3. С. 9–14. (Glazyev S. Yu. On the Guidelines for the EAEU Development // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics [Yevraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2023. Vol. 17. No. 3. P. 9–14). (In Russ.) EDN: FRMYRF. DOI: 10.22394/2073-2929-2023-03-9-14
2. Колобова Е. Ю., Байкова И. А., Глазкова С. А., Рубцова М. В. Медиа технологии рекламной и PR-деятельности в эпоху глобальной цифровизации : монография. СПб. : СПбГИКиТ, 2022. 149 с. (Kolobova E. Y., Baykova I. A. [et al.] Media Technologies of Advertising and PR Activities in the Era of Global Digitalization. St. Petersburg : SPbGKiT, 2022, 149 p.). (In Russ.) ISBN: 978-5-94760-525-9. EDN: YGOXPK
3. Шомова С. А. Шут, Петрушка, Дурак... (Ипостаси трикстера в российской политической коммуникации) // Этнографическое обозрение. 2015. № 4. С. 64–74. (Shomova S. A. Clown, Punch, Fool... (The Trickster's Incarnations in the Russian Political Communication) // Ethnographic Review [Etnograficheskoye obozreniye]. 2015. No. 4. P. 64–74). (In Russ.) EDN: UHCBDQ
4. Barlow J. P. A Declaration of the Independence of Cyberspace [Electronic resource] // Electronic Frontier Foundation. Retrieved from. 08.02.1996. URL: <https://www.eff.org/cyberspace-independence> (accessed: 10.02.2023).
5. Béland D. Identity, Politics, and Public Policy // Critical Policy Studies. 2016. Vol. 11. No. 1. P. 1–18. DOI: 10.1080/19460171.2016.1159140
6. Bennett W. L., Segerberg A. The Logic of Connective Action: Digital Media and Thepersonalization of Contentious Politics // Information, Communication & Society. 2012. Vol. 15. No. 5. P. 739–768. DOI: 10.1080/1369118X.2012.670661
7. Bezemer J., Jewitt C., Diamantopoulou S. [et al.] Using a Social Semiotic Approach to Multimodality: Researching Learning in Schools, Museums and Hospitals. Bezemer, J., NCRM. 2012.
8. Denton R. E., Woodward G. C. Political Communication in America. NY : Praeger Publishers, 1998. 430 p.
9. Johnston J., Sheehan M. (Eds.). Public Relations: Theory and Practice. Rutledge, 2020. 300 p.
10. Kantola A. Cleaning Rotten Politics, Selling Exclusive Liaisons: Public Relations Consultants as Storytelling Professionals between Markets and Politics // Public Relations Inquiry. 2016. Vol. 5. No. 1. P. 33–52. DOI: 10.1177/2046147X15625713
11. Krishna A., Connaughton S. L., Linabary J. R. Citizens' Political Public Relations: Unpacking Choices, and Emergent and Deliberate Strategies in Building Trust and Relations among Groups in Conflict // Public Relations Review. 2020. Vol. 46. No. 1. P. 101–123. DOI: 10.1016/j.pubrev.2019.101853

12. *Lee F. L. F., Chan M., Chen H.-T.* [et all.], Consumptive News Feed Curation on Social Media as Proactive Personalization: A study of Six East Asian Markets // *Journalism Studies*. 2019. Vol. 20. No. 15. P. 2277–2292. DOI: 10.1080/1461670X.2019.1586567
13. *Levenshus A.* Online Relationship Management in a Presidential Campaign: A Case Study of the Obama Campaign's Management of Its Internet-Integrated Grassroots Effort // *Journal of Public Relations Research*. 2010. Vol. 22. No. 3. P. 313–335. DOI: 10.1080/10627261003614419
14. *Lieber P. S., Golan G. J.* Political Public Relations, News Management, and Agenda Indexing. In: *Political Public Relations: Principles and Applications*. Routledge, 2011. P. 54–74. ISBN: 9780203864173
15. *Lyons B. A.* Discussion Network Activation: An Expanded Approach to Selective Exposure // *Media and Communication*. 2019. Vol. 7. No. 3. P. 32–41. DOI: 10.17645/mac.v7i3.2112
16. *McLeod D. M., Kosicki G. M., McLeod J. M.* Resurveying the Boundaries of Political Communication Effects. In: *Jennings Bryant and Dolf Zillmann (eds.), Media Effects: Advances in Theory and Research*. Mahwah, NJ : Erlbaum. 2002. P. 215–268. ISBN: 9781410602428
17. *Persily N.* The 2016 US Election: Can Democracy Survive the Internet? // *Journal of Democracy*. 2017. Vol. 28. No. 2. P. 63–76.
18. *Sanders K.* Government Communication and Political Public Relations. In book: *Political Public Relations*. Routledge, 2019. P. 165–186. DOI: 10.4324/9781351053143-8
19. *Tandoc E. C., Lim Z. W., Ling R.* Defining “Fake News”: A Typology of Scholarly Definitions // *Digital Journalism*. 2018. Vol. 6. No. 2. P. 137–153. DOI: 10.1080/21670811.2017.1360143

Об авторе:

Колобова Евгения Юрьевна, доцент кафедры медиакоммуникационных технологий Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения (Санкт-Петербург. Российская Федерация), кандидат экономических наук, доцент;
e-mail: jenechos@list.ru; ORCID: 0000-0002-9482-4734

About the author:

Evgenia Yu. Kolobova, Associate Professor of the Chair of Media Communication Technologies of The St. Petersburg State University of Film and Television (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics;
e-mail: jenechos@list.ru; ORCID: 0000-0002-9482-4734

Формирование гражданской идентичности в системе образовательной политики в условиях трансформации политического пространства¹

Самаркина И. В.*, Башмаков И. С., Кузьменко Н. П.

Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация

* e-mail: smrkn@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0205-8543

РЕФЕРАТ

Актуальность темы обусловлена институционализацией образования в новых субъектах РФ (ДНР, ЛНР, Запорожская, Херсонская области, Республика Крым, город федерального значения Севастополь), а также протекающими в них процессами ресоциализации, адаптации к социокультурным, политическим, ценностно-идеологическим реалиям российского общества, что оказывает влияние на конструирование гражданской идентичности школьной молодежи. Осмысление процессов формирования гражданской идентичности в системе образовательной политики в условиях трансформации политического пространства позволяет выявить механизмы актуализации и трансформации идентичности, а опыт государств постсоветского пространства, а также процессы, происходящие сегодня в России, позволяют сделать интересные теоретические обобщения и сформулировать практические рекомендации.

Цель. Выявление и систематизация практик, механизмов и технологий формирования гражданской идентичности школьников в новых субъектах в системе образовательной политики РФ, определение существующих проблем и барьеров, выявление моделей формирования гражданской идентичности в контексте сравнения опыта России и стран ЕАЭС.

Методы. В исследовании применяются фокус-групповое интервью со школьниками старшего и среднего школьного возраста, проживающими на новых территориях РФ, экспертное интервью с представителями институциональных структур, вовлеченных в процессы политической социализации и реализации политики идентичности, а также анализ вторичных данных, отражающих процессы формирования гражданской идентичности в странах ЕАЭС.

Результаты. В результате проведения собственного эмпирического исследования раскрыты и систематизированы ключевые практики формирования гражданской идентичности школьников в новых субъектах РФ, определены барьеры и проблемы реализации образовательной политики в системе формирования гражданской идентичности. Авторами предложены рекомендации по совершенствованию модели формирования идентичности школьников в новых субъектах РФ. Показано отличие модели формирования российской гражданской идентичности в новых регионах от моделей формирования гражданской идентичности, применяемой в странах ЕАЭС.

Выводы. В ходе исследования выявлены существующие противоречия, возникающие в процессе адаптации к новой образовательной и ценностно-идеологической модели, проявляющиеся в усвоении новых социальных норм и образовательных стандартов; была отмечена разница в уровне политического образования и степени включенности в гражданскую активность молодежи. Необходим дальнейший поиск эффективных практик и технологий, способствующих выстраива-

¹ Исследование выполнено в рамках проекта «Формирование гражданской идентичности школьников в новых субъектах РФ: стратегии, барьеры и перспективы» (2023, конкурс Экспертного института социальных исследований в сфере общественно-политических наук, Министерства образования и науки РФ, Российской академии наук) в рамках государственного задания FZEN-2023-0008.

нию непротиворечивой модели формирования гражданской идентичности в системе основного образования новых субъектов РФ. Страны — члены ЕАЭС могут использовать практический опыт формирования гражданской идентичности в системе образования новых субъектов РФ для совершенствования собственных моделей формирования гражданской идентичности.

Ключевые слова: гражданская идентичность, образовательная политика, школьная молодежь, новые граждане РФ, страны ЕАЭС

Для цитирования: Самаркина И. В., Башмаков И. С., Кузьменко Н. П. Формирование гражданской идентичности в системе образовательной политики в условиях трансформации политического пространства // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 3. С. 133–143.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-03-133-143>. EDN: XCOBRJ

Formation of Civil Identity in the Educational Policy System in the Context of Transformation of the Political Space

Irina V. Samarkina*, Igor S. Bashmakov, Nelly P. Kuzmenko

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

* e-mail: smrkn@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0205-8543

ABSTRACT

The relevance lies in the institutionalization of education in the new subjects of the Russian Federation (DPR, LPR, Zaporizhia, Kherson regions, the Republic of Crimea, the federal city of Sevastopol), as well as the processes of re-socialization, adaptation to the socio-cultural, political, value-ideological realities of Russian society, which affects the construction of the civic identity of school youth. Understanding the processes of formation of civic identity in the educational policy system in the context of the transformation of the political space allows identifying the mechanisms of actualization and transformation of identity. The experience of the post-Soviet states, as well as the processes taking place in Russia today, enables making interesting theoretical generalizations and practical recommendations.

Aim and Tasks. Identification and systematization of practices, mechanisms and technologies for the formation of civil identity of schoolchildren in new subjects in the educational policy system of the Russian Federation, determination of existing problems and barriers, identification of models of civil identity formation in the context of comparing the experience of Russia and the EAEU countries.

Methods. The study uses a focus group interview with senior and middle school students living in the new territories of the Russian Federation, an expert interview with representatives of institutional structures involved in the processes of political socialization and implementation of identity policy, as well as the analysis of secondary data reflecting the processes of formation of civil identity in the EAEU countries.

Results. As a result, the key practices of forming the civil identity of schoolchildren in the new subjects of the Russian Federation are revealed and systematized, barriers and problems of implementing educational policy in the system of forming civil identity are identified. The authors propose recommendations for improving the model of formation of the identity of schoolchildren in the new subjects of the Russian Federation. The article shows the difference between the model of formation of Russian civil identity in the new regions and the models of formation of civil identity used in the EAEU countries.

Conclusions. The study revealed the existing contradictions that arise in the process of adaptation to a new educational and value-ideological model, manifested in the assimilation of new social norms and educational standards; the difference in the level of political education and the degree of involvement in

civic activity of young people was noted. It is necessary to search for effective practices and technologies that contribute to building a consistent model of civic identity formation in the basic education system of new subjects of the Russian Federation. The EAEU member states can use the practical experience of civil identity formation in the education system of new subjects of the Russian Federation to improve their own models of civil identity formation.

Keywords: civil identity, educational policy, school youth, new citizens of the Russian Federation, the EAEU countries

For citation: Samarkina I. V., Bashmakov I. S., Kuzmenko N. P. Formation of Civil Identity in the Educational Policy System in the Context of Transformation of the Political Space // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 3. P. 133–143. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-03-133-143>. EDN: XCOBRJ

Введение

В условиях геополитических трансформаций и современного развития российского общества, ориентированного на сохранение и укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей, представляется важным изучение феномена идентичности, анализ процессов интеграции молодежи новых субъектов в социокультурное, ценностно-идеологическое, экономическое и политическое пространство. Ключевым компонентом конструирования гражданской идентичности школьников и их успешной ресоциализации в связи с усвоением новой аксиологической, инструментальной и когнитивной жизненной модели служит реализация образовательной политики, что является предметом нашего исследования.

Институт образования, являющийся нормативно-ценностным механизмом выстраивания гражданской идентичности, обеспечения политической социализации и формирования гражданского типа политической культуры, претерпевает определенные трудности. Значение политической сферы жизни общества стремительно возрастает, в частности, под влиянием геополитических трансформаций, когда у молодого поколения возникают проблемы в восприятии и верной интерпретации исторических и политических событий. В этой связи становится необходимым подробное рассмотрение институциональных практик реализации образовательной политики, а также поиск новых технологий и способов, позволяющих обеспечить школьной молодежи успешную ресоциализацию и сформировать систему знаний, политических представлений, социальных норм и образцов поведения, способствующих формированию гражданской идентичности.

Под гражданской идентичностью в зарубежной науке понимается совокупность убеждений и эмоций по поводу себя как участника гражданской жизни. В отличие от универалистских моральных устремлений идентичности «гражданина мира», гражданская идентичность привязана к определенным социальным группам и территориям от локального и соседского сообщества к национальному. В то же время гражданская идентичность отличается от национальной идентичности и подразумевает общественную активность и подчеркивает внимание к правам и обязанностям всего сообщества [19].

В зарубежной науке достаточно большое количество работ посвящено взаимосвязи гражданской идентичности и гражданственности, которые основываются на трех составляющих: членстве, правах и участии [16]. Ряд работ посвящен проблеме идентичности иммигрантов и различных категорий «неграждан», зачастую их простого проживания в стране недостаточно для обеспечения идентификации с ней [22]; выявлено, что этническое разнообразие общества приводит к трудностям с гражданской принадлежностью [20]; гражданская идентичность иначе проявляется в обществах, характеризующихся подавлением инакомыслия, чем в обществах, открытых для различных конкурирующих сил [18]; выявлены психологические факторы формирования гражданской идентичности (доверие, гражданские знания, знание истории государства) [21], потребность в принадлежности [17].

Раскрытию проблематики конструирования гражданской идентичности в системе основного образования посвящен ряд отечественных исследований. Одним из ключевых инструментов формирования идентичности является политическая социализация, ядром которой выступает система образования,

а также проводимая государством политика идентичности, опирающаяся на концепцию единства народа и сохранения его культурно-исторического ареала, обеспечивающего созидательное развитие государства и гражданского общества [4, с. 4–5].

Исследователями [12, с. 22–25] определены компоненты гражданской идентичности, взаимодействующие между собой: когнитивный (представления о Родине и о себе в роли гражданина), ценностно-эмоциональный (чувства, испытываемые к государству, осознание принадлежности), поведенческий (политическое участие); определено, что на этапе завершения школьного образования более сформирован когнитивный компонент; показано, что целенаправленное формирование всех компонентов идентичности должно осуществляться как в образовательной, так и в вожатско-волонтерской деятельности, которая предполагает включение школьной молодежи в формы гражданской активности.

Исследователями [5, с. 24] выявлены негативные факторы, определяющие воспитание гражданской идентичности в школьной среде и показана необходимость конструирования гражданской идентичности компетентных молодых граждан РФ, осознающих национально-культурные особенности государства. Определено [2, с. 161] понятие «школьной политики идентичности» как «проращивание» в образовательной среде общественно-политических задач и выстраивание связи с государством. Современные отечественные исследования гражданской идентичности молодежи, в том числе школьников [7; 14], отражают необходимость комплексного анализа концептов гражданской идентичности и гражданственности, их эмпирического наполнения.

Эмпирическую базу исследования составили результаты 12 фокус-групповых интервью со школьниками старшего и среднего школьного возраста, проживающими на новых территориях РФ (ДНР, ЛНР, Запорожской, Херсонской областей и Республики Крым); стенограммы 30 экспертных интервью с представителями институциональных структур, вовлеченных в процессы политической социализации и реализации политики идентичности (органов государственной власти новых субъектов, образовательных учреждений общего и среднего профессионального образования, других субъектов публичной политики, представителей общественных и общественно-политических организаций, работающих в новых субъектах РФ, представителей академического сообщества).

Методология

Ключевым элементом концептуальной модели выступает идентитарный подход [11], который предполагает использование концепта гражданской идентичности и исследование его связей с понятиями национальной и региональной идентичности для анализа конкретных политических процессов, в нашем случае — в контексте реализуемой образовательной политики. Гражданская идентичность предполагает самоидентификацию индивида с его политической культурой и институтами, в особенности с определяющим индивидуальный политико-правовой статус институтом гражданства. В основании гражданской идентичности лежит усвоение человеком ценностей конструктивного участия в социальных взаимодействиях, демократических свобод и политической гражданской солидарности [3]. Не менее важным представляется концепт политики идентичности, которая рассматривается нами как политика государства и негосударственных субъектов политического процесса по формированию национальной, гражданской, региональных идентичностей. Институциональными основами политики идентичности в числе прочих является образовательная политика.

Политико-психологический подход [15] в контексте исследования необходим для понимания институтов, механизмов и факторов формирования гражданской идентичности в процессе политической социализации в ситуации динамического изменения всей модели политической социализации и формирования нового политического пространства.

Неоинституциональный подход [9] позволил определить нормативные и регулятивные аспекты формирования гражданской идентичности школьников и направленность эволюции институтов политической социализации. Функции школы как института образования в исследовании определялись с учетом положений А. В. Селезневой, наделяющей институт образования функцией гражданского воспитания

молодежи [10]. Оценка роли школы как института социализации в современных реалиях российского общества опиралась на идеи Е. В. Морозовой [7] и коллег о том, что система образования призвана транслировать национальные интересы, приоритеты и социально-политические ценностные ориентиры, закрепленные государством.

Опыт формирования гражданской идентичности школьников в системе образовательной политики в странах ЕАЭС

Осмысление механизмов и практик формирования гражданской идентичности в условиях расширения политического пространства России важно сопоставить с опытом схожих процессов в других государствах постсоветского пространства. В силу ментальной инерции и влияния этнического национализма многие государства бывшего СССР в своем постсоветском государственном развитии приоритет отдают концепту этнонации, а не гражданской нации [13, с. 18]. Исследовательский коллектив ИМЭМО РАН по итогам прикладного исследования в трех странах ЕАЭС также делает вывод, что способ возникновения новых государств на постсоветском пространстве обусловил в качестве приоритета политики идентичности консолидацию вокруг «титულიной» нации [11, с. 61]. Если сравнивать страны ЕАЭС, то при сходстве имеются и некоторые отличия, что проявляется в том числе в политике формирования гражданской идентичности в системе образовательной политики. Для Казахстана, например, характерна двойственность: с одной стороны, формирование единой казахстанской нации с целью урегулирования этнополитических конфликтов, а с другой — поддержание доминирующей роли казахской (этнической) элиты [11, с. 63]. Для Армении свойственно отсутствие запроса на формирование гражданской нации в связи с тем, что в моноэтническом армянском обществе сохраняется нерасчлененность представлений о народе — нации — этносе [Там же, с. 65]. В Белоруссии власть посредством государственных институтов продвигает скорее модель гражданского национализма, в то время как оппозиция — этнокультурный национализм [11, с. 70]. Для Киргизии характерно отсутствие или слабое развитие гражданской идентичности в связи с наличием множества клановых, религиозных, этнических и других сообществ. В России, по мнению исследователя, общегражданская идентичность также пока что развита недостаточно в связи с полиэтничностью и поликонфессиональностью российского общества [8, с. 92].

Доминантой политического образования в Беларуси является проводимая политика памяти, где ключевым идеологическим инструментом служит ориентация на советский период и борьбу с фашизмом, при этом политические события транслируются со времен средневековья в качестве отдельного вектора исторического развития; отмечается укрепление символической политики (национальные белорусские символы, праздники, атрибуты одежды) в системе формирования гражданской идентичности [11, с. 70]. Модель образовательной политики Казахстана опирается на политику памяти и формирование позитивного восприятия этнических групп, однако государственные праздники имеют контекст поддержания главенства титульного этноса (казахов). Усиление этнополитического размежевания приводит к трудностям в усвоении политических знаний, которые обусловлены вытеснением русского языка из образовательной системы; наблюдается крен в сторону политизации русской культуры и языка, что, по мнению опрошенных экспертов, усиливает процессы деколонизации [Там же, с. 63]. Особенностью образовательной политики в Армении является сочетание традиционализма и политического просвещения на основе изучения истории и национальных памятных дат (День памяти жертв геноцида); дистанцированность политической элиты от институтов гражданского общества способствует застою в политическом просвещении и нарастанию деструктивного политического поведения (протестные акции) [Там же, с. 66]. Героизм, патриотизм и исторический опыт лежат в основе образовательной политики Киргизии, которая направлена на сохранение традиций; сохранение этнокультурной идентичности и развитие гражданственности являются фундаментом образования [6, с. 180].

Актуализация проблемы конструирования гражданской идентичности в системе образовательной политики в странах ЕАЭС сталкивается с рядом трудностей: расхождение интересов правящей элиты

и широких масс, характер социально-политических трансформаций, фрагментарность системы политического знания и уклон в сторону гражданского, этнического национализма.

Институциональные основы образовательной политики в новых субъектах РФ

Нормативные основы образовательной политики в новых субъектах РФ изложены в Федеральном законе «Об особенностях правового регулирования отношений в сфере образования и науки» в контексте принятия в состав РФ новых территорий. Положения Федерального закона регламентируют институциональные способы реализации образовательной политики с целью обеспечения единого научного и образовательного пространства в субъектах.

Вошедшие в состав России регионы официально закрепили право на получение образования, гарантии его общедоступности и бесплатной основы на уровне дошкольного, основного общего и среднего общего образования, также было закреплено право на получение высшего образования на конкурсной основе и объявление ступени основного общего образования обязательной [1, с. 88–95].

Анализ нормативно-правовых актов позволяет сделать вывод о высокой степени разработанности правового регулирования образовательной политики в новых субъектах РФ, а также о выстроенной институциональной модели формирования гражданской идентичности школьников сквозь призму реализации образовательных стратегий.

Институциональная структура образовательной политики в новых субъектах РФ имеет многопрофильный характер, образуя систему, состоящую из органов государственного управления на федеральном и региональном уровнях, основ нормативного регулирования, деятельности общественных организаций, а также проектных и конкурсных механизмов, включенных в процесс укрепления идентичности и реализацию образовательно-деятельностных практик.

По мнению экспертов, в процессе формирования идентичности школьников практики образовательной среды и деятельность государственной молодежной политики дополняют друг друга: «И Министерство молодежной политики, и образовательная среда — они как бы прикладывают к этому руку, для того чтобы сформировать гражданскую идентичность в новых регионах» (эксперт, Запорожье).

При этом следует отметить противоречивые высказывания экспертов о деятельности институциональных структур, что свидетельствует о несовершенстве существующих технологий и механизмов проведения политики по формированию идентичности школьников: «Наверное, не все продумано до конца, и те решения, которые ...разрабатываются в Минпросе России или в Минобре России, или ...на уровне российских информационных агентств — они не всегда эффективно работают в самих этих республиках» (исследователь, Краснодарский край). Это подчеркивает необходимость проработки образовательной стратегии и технологий ее реализации, нацеленных на формирование гражданской идентичности в школьной среде.

Взаимодействуя с субъектами публичной политики, образовательные учреждения и общественные организации создают институциональную среду, формирующую и реализующую технологии, способствующие конструированию идентичности молодежи и формированию ее духовно-нравственных ориентиров, политико-исторического образования, навыков и способов общественно-политического участия.

Практики формирования гражданской идентичности в системе образования новых субъектов РФ

По мнению опрошенных экспертов, российская модель образования является фундаментальной и системообразующей, способствующей включению школьников в конструктивные формы научной и общественной активности, что подтверждает ее эффективность: «Здесь в России образование стало такое более глубокое, фундаментальное и требования более жёсткие... И они (школьники) понимают ценность образования» (эксперт, ДНР), — положительная динамика трансформаций образовательного процесса выражается в отношении учеников, осознающих необходимость приобщения к социальным нормам,

выстраивания новых социальных связей — процесса адаптации к новой социальной реальности и встраивания в нее в качестве компетентного молодого гражданина.

В ходе анализа были систематизированы положительные практики и технологии формирования идентичности школьников в системе образования, с учетом иницилирующих их субъектов определены четыре типа практик.

Во-первых, локальные практики образовательных организаций: конференции, клубы, кружки, интерактивы, которые иницируются образовательными учреждениями («мы ездили на обучение в “Артек” и увидели там буклет, с одной стороны флаг России, а с другой стороны слова гимна... теперь сами используем эту технологию», «это дискуссионные клубы, круглые столы, олимпиады для студентов-политологов. Я помню, накануне юбилея Победы проводились викторины для студентов», «Ко Дню георгиевской ленты мы раздавали георгиевские ленточки и при этом брали интервью, сделали видеоролик») (эксперт, ЛНР).

Во-вторых, практики общественно-политических организаций, реализующих образовательные стратегии («у нас дети начинают вступать в “Движение Первых”, “Юнармию”, “Волонтеры”, “Юные инспекторы дорожного движения”, «Наши ребята с удовольствием вступают в “ЮГ Молодой”, ребята приезжают с эмоциями, со знаниями», «Мы участвуем в движении “Молодая Республика”, Молодежный парламент... очень нравится!») (эксперт, ДНР).

В-третьих, деятельность государства по координации образовательного процесса через институциональные практики («Уже в школе с 1-го класса ими должны заниматься советники директоров школ по воспитательной работе. Позже, попадая в училище, они также продолжают находиться под воспитательным вниманием государства, но уже занимается этим аналогичный блок в училище или в университете», «Министерство образования и Министерство культуры сейчас совместно организуют экскурсионные поездки») (эксперт, ЛНР).

В-четвертых, практики с использованием СМИ и материально-технических ресурсов в образовательном процессе («самый лучший инструмент — это телеграм-каналы») (эксперт, Запорожье).

Барьеры и проблемы реализации образовательной политики по формированию гражданской идентичности школьников новых субъектов РФ

В ходе исследования были получены противоречивые экспертные оценки уровня политико-исторического образования школьников на новых территориях. Преобладающая доля экспертов в области образования высказала мнение о недостаточном уровне политико-исторического образования у школьников на новых территориях, что представляет собой проблемную часть образовательной политики, формирующей гражданскую идентичность: «к большому сожалению, знания поверхностные», «...показываю, что такое фашизм, и дети иногда смеются... это результат 30 лет Украины... они не хотят интересоваться историей», «очень глубоко историю России они не знают... это сейчас только начинает им даваться», «и по истории своего региона знают, на мой взгляд, тоже не очень много» (эксперт, Херсонская область).

Представители государственной молодежной политики также отметили недостаточный уровень политического и исторического образования в молодежной среде, а также среди взрослого населения, заметив, с обратной стороны, открытость молодежи к новым знаниям: «Обществознание они не знают, они не понимают отличия конституции украинской от русской. Да и о чем говорить, у нас взрослые многие люди в России не понимают, а в чем вообще генезис конфликта, который произошел? И дети открыты к тому, чтобы мы рассказали им об этом» (эксперт, Запорожская область).

Представитель молодежной политики отметил одну из приоритетных проблем, носящих ценностный характер, — необходимость выстраивания целостной системы политико-исторического образования на новых территориях, что обеспечит школьную молодежь знаниями и компетенциями, необходимыми в системе формирования идентичности: «Проблема, с которой мы сталкиваемся, — это интеграция в образовательное пространство Российской Федерации. Так как за 8 лет боевых действий и за

24 года правления украинских властей наша система образования ушла далеко назад... за 8 лет в таких условиях сложно было развить свою систему образования... брали часть из Российской Федерации, но, к сожалению, технологии к нам пока еще не дошли...» (эксперт, ДНР).

Работники сферы образования отметили необходимость в повышении квалификации и обучении новым образовательным стандартам: «Мы очень хотели бы, чтобы к нам приехали наши коллеги, поделились опытом... или хотя бы нас отправили на курсы» (эксперт, ЛНР). Учителя, являющиеся акторами, обеспечивающими процесс социализации и ресоциализации молодого поколения, нуждаются в организации как практической, так и материально-технической помощи. Решение данной проблемы повысит эффективность работы сотрудников образовательных организаций, обеспечит устойчивость в процессе формирования гражданской идентичности школьников.

Заключение

По результатам исследования были определены доминирующие практики, существующие в образовательном процессе и способствующие формированию гражданской идентичности школьников в условиях расширения политического пространства: локальные практики, инициируемые образовательными организациями; деятельность культурных и общественно-политических организаций, реализующих образовательные стратегии; федеральные образовательные программы и институциональные меры; практики межрегиональной и межкультурной коммуникации в образовательном процессе.

Были выявлены существующие противоречия, возникающие в процессе адаптации к новой образовательной и ценностно-идеологической модели, проявляющиеся в усвоении новых социальных норм и образовательных стандартов; была отмечена разница в уровне политического образования и степени включенности в гражданскую активность молодежи.

В ходе интерпретации полученных данных были выявлены проблемы, осложняющие процесс формирования идентичности школьников: отсутствие единой выстроенной системы политико-исторического образования школьников и недостаточный уровень знаний; нехватка подготовленных кадров; нестабильный процесс обучения, связанный с переходом на дистанционное; недостаток учебной литературы; низкий уровень материально-технической оснащенности учебного процесса.

К факторам, способствующим повышению эффективности образовательного процесса как части политики формирования гражданской идентичности школьников, отнесены: включенность в отечественную образовательную модель и существующие практики; влияние СМИ; взаимодействие образовательных организаций с институциональными структурами, включенными в процесс формирования идентичности молодежи; использование отечественной литературы, ориентированной на политический дискурс России; нормотворчество в сфере реализации образовательной политики; реализация образовательной программы на основе политики исторической памяти; переподготовка кадрового состава; взаимодействие образовательной среды с субъектами публичной политики и общественно-политическими организациями, движениями.

Российская Федерация может служить интересным кейсом формирования гражданской идентичности в условиях изменяющегося общественно-политического пространства. Особенностью политики гражданской идентичности в новых регионах РФ является опора прежде всего на цивилизационные, гражданские и общечеловеческие ценности, а не этнокультурные, связанные с преобладанием «титульной» нации, что, наоборот, характерно для других стран ЕАЭС. В условиях новых субъектов РФ происходит апробация новой модели формирования гражданской идентичности, обладающей потенциалом интеграции многоэтнического и мультикультурного пространства, которая в случае успешной реализации может быть применена и в других странах евразийского пространства.

Институт образования в условиях развития современной России осуществляет функцию социализации и ресоциализации новых молодых граждан, являясь важнейшим субъектом реализации политики идентичности, опирающейся на сохранение и укрепление традиционных ценностей российского общества. Учет отмеченных авторами исследования инструментов, факторов, практик и технологий позволит

восполнить когнитивные, материально-технические, ценностно-идеологические лакуны в процессе реализации образовательных стратегий и выстроить целостную непротиворечивую модель формирования и укрепления гражданской идентичности школьной молодежи.

Литература

1. Голикова О. А. Правовые основы формирования системы образования на территории ДНР и ЛНР // Теория и практика социогуманитарных наук. 2022. № 2 (18). С. 88–95. EDN: DKWMMT
2. Григорьев Д. В. Политика идентичности и уклад школы // Народное образование. 2016. № 2–3. С. 149–164. EDN: WJQCLT
3. Дробизева Л. М. Динамика гражданской идентичности и ее ресурс в позитивных интеграционных процессах российского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 4 (140). С. 7–22. EDN: YLYNRW. DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.02
4. Забнева Э. И. Образование как детерминант политической социализации // Актуальная культура. 2023. № 1. С. 1–6. EDN: RHVUWY
5. Иванова Е. А., Жилинская М. С. Эмпирический опыт по формированию российской гражданской идентичности у школьников // Управление образованием: теория и практика. 2022. Т. 12. № 5. С. 18–28. EDN: FOVAXB. DOI: 10.25726/z5081-7553-2462-q
6. Калиев А. С., Иноятов К. Формирование гражданской идентичности в Кыргызской Республике // “Talqin va tadqiqotlar” ilmiy-uslubiy jurnali. 2023. № 17. С. 176–181. DOI: 10.5281/zenodo.7583035
7. Морозова Е. В. Жизненные ценности и гражданская идентичность старшеклассников // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 5 (107). С. 130–140. EDN: GEVRBV. DOI: 10.22204/2587-8956-2021-107-05-130-140
8. Пантин В. И. Политические институты в странах ЕАЭС: проблемы адаптации и трансформации // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2020. № 2. С. 88–97. EDN: EDFQDL. DOI: 10.17072/2218-1067-2020-2-88-97
9. Патрушев С. В., Кучинов А. М., Мирясова О. А. [и др.]. Формирование гражданской ответственности в России: институциональный контекст // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 1. С. 27–47. EDN: LGFSCG. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.1.7093
10. Селезнева А. В. Гражданственность старшеклассников как политикопсихологический феномен: концептуальный анализ // Гражданственность российских старшеклассников: взгляд молодых ученых : сборник научных статей / научный редактор А. В. Селезнева. М. : Аквилон, 2020. 132 с. ISBN: 978-5-906578-58-7. EDN: IQJHQ
11. Семененко И. С., Лапкина В. В., Бардин А. Л., Пантин В. И. Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве // Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 54–78. EDN: ZGSQIV. DOI: 10.17976/jpps/2017.05.05
12. Соловьева Е. Е., Попова С. И. Особенности формирования гражданской идентичности в процессе развития личности школьника // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2020. № 58. С. 20–34. EDN: WUEHWD. DOI: 10.15382/sturIV202058.20-34
13. Тишков В. А. Усложняющее разнообразие: как его понимать и упорядочить // Культурная сложность современных наций / отв. ред. В. А. Тишков, Е. И. Филиппова. М. : Политическая энциклопедия, 2016. С. 7–18.
14. Федоренко К. А. Государственная молодежная политика по формированию гражданской ответственности российских школьников : монография. Краснодар : Перспективы образования, 2023. 199 с. ISBN: 9785937493040
15. Шестопал Е. Б. Политическая социализация и ресоциализация в современной России // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. 2005. № 4. С. 48–69. EDN: MLINDR
16. Bellamy R. Citizenship: A Very Short Introduction. Oxford, UK : Oxford University Press. 2008. DOI: 10.1093/actrade/9780192802538.001.0001
17. Duffy A. L., Nesdale D. Peer Groups, Social Identity, and Children’s Bullying Behavior // Social Development. No. 18. 2009. P. 121–139. DOI: 10.1111/j.1467-9507.2008.00484.x
18. Hart D., Gullan R. The Sources of Adolescent Activism: Historical and Contemporary Findings. In L. Sherrod, J. Torney-Purta, C. Flanagan (eds.), Handbook of Research on Civic Engagement in Youth. 2010. DOI: 10.1002/9780470767603.ch3
19. Hart D., Richardson C., Wilkenfeld B. Civic Identity. In: Schwartz S., Luyckx K., Vignoles V. (eds) Handbook of Identity Theory and Research. Springer, New York, NY, 2011. DOI: 10.1007/978-1-4419-7988-9_32

20. Kahne J. E., Sporte S. E. Developing Citizens: The Impact of Civic Learning Opportunities on Students' Commitment to Civic Participation // *American Educational Research Journal*. Vol. 45. 2008. P. 738–766. DOI: 10.3102/0002831208316951
21. Rubin B. C. "There's still not justice": Youth Civic Identity Development amid Distinct School and Community Contexts // *Teachers College Record*. 2007. V. 109. P. 449–481. DOI: 10.1177/016146810710900202
22. Tewolde A. I. Asserting an Eritrean Identity in the Face of Imposed Racialisation: National Identity Claims of Some Eritrean Refugees in South Africa // *Identities*. 2023. V. 30. No. 1. P. 38–55. DOI: 10.1080/1070289X.2021.2005918

Об авторах:

Самаркина Ирина Владимировна, доцент, заведующий кафедрой политологии и политического управления Кубанского государственного университета (Краснодар, Российская Федерация), доктор политических наук, доцент;
e-mail: smrkn@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0205-8543

Башмаков Игорь Станиславович, доцент кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета (Краснодар, Российская Федерация), кандидат политических наук;
e-mail: igorbash87@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5906-803X

Кузьменко Нелли Павловна, инженер-исследователь Кубанского государственного университета (Краснодар, Российская Федерация);
e-mail: nelly20_20@mail.ru; ORCID: 0009-0003-7286-1598

References

1. Golikova O. A. Legal basis for the Formation of the Education System on the Territory of the Donetsk People's Republic and Lugansk People's Republic // *Theory and Practice of Sociohumanitarian Studies [Teoriya i praktika sociogumanitarnykh nauk]*. 2022. No. 2 (18). P. 88–95. (In Russ.) EDN: DKWMMT
2. Grigoriev D. V. Identity Politics and the School Structure // *Public education [Narodnoe obrazovanie]*. 2016. No. 2–3. P. 149–164. (In Russ.) EDN: WJQCLT
3. Drobizheva L. M. Dynamics of Civic Identity and Its Potential in Positive Integration Processes in the Russian Community // *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes [Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny]*. 2017. No. 4 (140). P. 7–22. (In Russ.) EDN: YLYNRW. DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.02
4. Zabneva E. I. Education as a Determinant of Political Socialization // *Current Culture [Aktual'naya kul'tura]*. 2023. No. 1. P. 1–6. (In Russ.) EDN: RHVUWY
5. Ivanova E. A., Zhilinskaya M. S. Empirical Experience on the Formation of Russian Civic Identity among Schoolchildren // *Education Management Review [Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika]*. 2022. Vol. 12. No. 5. P. 18–28. (In Russ.) EDN: FOVAXB. DOI: 10.25726/z5081-7553-2462-q
6. Kaliev A. S., Inoyatov K. Formation of Civic Identity in the Kyrgyz Republic // *"Talqin va tadqiqotlar" ilmiy-uslubiy jurnali*. 2023. No. 17. P. 176–181. (In Russ.) DOI: 10.5281/zenodo.7583035
7. Morozova E. V. Life Values and Civic Identity of High School Students // *Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and Social Sciences [Vestnik Rossiiskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki]*. 2021. No. 5 (107). P. 130–140. (In Russ.) EDN: GEVRBV. DOI: 10.22204/2587-8956-2021-107-05-130-140
8. Pantin V. I. Political Institutions in the EAEU Countries: Problems of Adaptation and Transformation // *Bulletin of Perm University. Political Science. [Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya]*. 2020. No. 2. P. 88–97. (In Russ.) EDN: EDFQDL. DOI: 10.17072/2218-1067-2020-2-88-97
9. Patrushev S. V., Kuchinov A. M., Miryasova O. A. [et al.] Formation of Civic Responsibility in Russia // *Sociological Science and Social Practice [Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika]*. 2020. Vol. 8. No. 1. P. 27–47. (In Russ.) EDN: LGFSCG. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.1.7093
10. Selezneva A. V. Citizenship of High School Students as a Politicopsychological Phenomenon: A Conceptual Analysis // *Citizenship of Russian High School Students: The View of Young Scientists : a collection of scientific articles / scientific editor A. V. Selezneva. Moscow : Aquilon, 2020. ISBN: 978-5-906578-58-7. (In Russ.) EDN: IQIJHQ*

11. Semenenko I. C., Lapkin V. V., Bardin A. L., Pantin V. I. Between the State and the Nation: Dilemmas of Identity Politics in the post-Soviet Societies // Polis. Political Studies [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2017. No. 5. P. 54–78. (In Russ.) EDN: ZGSQIV. DOI: 10.17976/jpps/2017.05.05
12. Solovieva E. E., Popova S. I. Specific Features of Forming Civil Identity in Personal Development of School Students // St. Tikhon's University Review. Pedagogy. Psychology [Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta. Seriya 4: Pedagogika. Psikhologiya]. 2020. No. 58. P. 20–34. (In Russ.) EDN: WUEHWD. DOI: 10.15382/sturIV202058.20-34
13. Tishkov V. A. Complicating Diversity: How to Understand and Organize It // Cultural Complexity of Modern Nations / ed. by V. A. Tishkov, E. I. Filippova. Moscow : Political Encyclopedia, 2016. P. 7–18. (In Russ.)
14. Fedorenko K. A. State Youth Policy for the Formation of Citizenship of Russian Schoolchildren : monograph. Krasnodar : Education Prospects, 2023. 199 p. ISBN: 9785937493040. (In Russ.)
15. Shestopal E. B. Political Socialization and Resocialization in Modern Russia // Politeia. 2005. No. 4. P. 48–69. (In Russ.) EDN: MLINDR
16. Bellamy R. Citizenship: A Very Short Introduction. Oxford, UK : Oxford University Press. 2008. DOI: 10.1093/actrade/9780192802538.001.0001
17. Duffy A. L., Nesdale D. Peer Groups, Social Identity, and Children's Bullying Behavior // Social Development. No. 18. 2009. P. 121–139. DOI: 10.1111/j.1467-9507.2008.00484.x
18. Hart D., Gullan R. The Sources of Adolescent Activism: Historical and Contemporary Findings. In L. Sherrod, J. Torney-Purta, C. Flanagan (eds.), Handbook of Research on Civic Engagement in Youth. 2010. (P. 67–90). John Wiley & Sons, Inc. DOI: 10.1002/9780470767603.ch3
19. Hart D., Richardson C., Wilkenfeld B. Civic Identity. In: Schwartz S., Luyckx K., Vignoles V. (eds) Handbook of Identity Theory and Research (P. 771–787). Springer, New York, NY, 2011. DOI: 10.1007/978-1-4419-7988-9_32
20. Kahne J. E., Sporte S. E. Developing Citizens: The Impact of Civic Learning Opportunities on Students' Commitment to Civic Participation // American Educational Research Journal. Vol. 45. 2008. P. 738–766. DOI: 10.3102/0002831208316951
21. Rubin B. C. "There's still not justice": Youth Civic Identity Development amid Distinct School and Community Contexts // Teachers College Record. 2007. V. 109. P. 449–481. DOI: 10.1177/016146810710900202
22. Tewolde A. I. Asserting an Eritrean Identity in the Face of Imposed Racialisation: National Identity Claims of Some Eritrean Refugees in South Africa // Identities. 2023. V. 30. No. 1. P. 38–55. DOI: 10.1080/1070289X.2021.2005918

About the authors:

Irina V. Samarkina, Associate Professor, Head of the Department of Political Science and Political Management of Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation), Doctor of Political Sciences, Associate Professor;
e-mail: smrkn@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0205-8543

Igor S. Bashmakov, Associate Professor of the Department of Political Science and Political Management of Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation), PhD in Political Sciences;
e-mail: igorbash87@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5906-803X

Nelly P. Kuzmenko, Research Engineer of Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation);
e-mail: nelly20_20@mail.ru; ORCID: 0009-0003-7286-1598

Взаимоотношения государства и бизнеса в условиях «государства развития»

Кугай А. И.*, Пахомова М. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

*e-mail: kugay3@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Цель. Выявить действующий в «государствах развития» Восточной и Юго-Восточной Азии механизм государственного регулирования частнопредпринимательской инициативы, обеспечивающий стабильно высокие темпы экономического роста и подъем общественного благосостояния.

Задачи. На основе сравнительного анализа определить характерные особенности модели взаимоотношений между государством и бизнесом в «государствах развития», раскрыть ее сильные и слабые стороны, роль правящей элиты в ее функционировании.

Методология. Центральным выступает концепт «государства развития», элементы которого раскрываются Зия Онишем, понятия: «планово-рациональное государство» (Ч. Джонсон), «встроенная автономия» (П. Эванс), «неопатримониальное государство», «сплоченное капиталистическое государство» и «фрагментированное многоклассовое государство» (А. Коли). Модель взаимоотношения между государством и бизнесом опирается на работы, связанные с Индонезией, Малайзией и Таиландом.

Результаты. Установлено, что в «государствах развития» отношения государства и бизнеса встроены в политическую структуру общества, в которой централизованное управление позволяет государствам обеспечивать политическую стабильность, снижать транзакционные издержки для частных субъектов, мотивировать предпринимательство и создавать дополнительные возможности для развития экономики и, как следствие, повышения благосостояния общества.

Выводы. Пример стран Восточной и Юго-Восточной Азии свидетельствует о том, что успех «государства развития» возможен только тогда, когда политическое урегулирование дает возможность правящим элитам обладать правоприменительными возможностями проведения эффективной, национально-ориентированной промышленной политики, необходимой для дальнейшего совершенствования технологических возможностей страны. Быстрое экономическое развитие «государств развития», заставившее говорить о «чуде», ставит вопрос о возможности использования этого опыта в других регионах мира, включая страны ЕАЭС.

Ключевые слова: государство развития, экономический рост, бизнес, государственная политика, Восточная Азия

Для цитирования: Кугай А. И., Пахомова М. А. Взаимоотношения государства и бизнеса в условиях «государства развития» // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 3. С. 144–153.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-03-144-153>. EDN: XFZDXG

Relations between the State and Business in the Conditions of the “Developmental State”

Alexander I. Kugai*, Maria A. Pakhomova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management), Saint Petersburg, Russian Federation

*e-mail: kugay3@yandex.ru

ABSTRACT

Aim. To identify the mechanism of state regulation of private enterprise initiative operating in the “developmental states” of East and Southeast Asia, which ensures consistently high rates of economic growth and an increase in public welfare.

Tasks. Based on a comparative analysis, to determine the characteristic features of the model of relations between the state and business in the “developmental states”, to reveal its strengths and weaknesses, the role of the ruling elite in its functioning.

Methods. The central concept is the “developmental state”, the elements of which are revealed by Zia Onish, the concepts of “planned-rational state” (C. Johnson), “built-in autonomy” (P. Evans), “neopatrimonial state”, “cohesive capitalist state” and “fragmented multi-class state” (A. Koli). The model of the relationship between the state and business is based on works related to Indonesia, Malaysia and Thailand.

Results. It has been established that in “developmental states” the relations between the state and business are built into the political structure of society, in which centralized governance allows states to ensure political stability, reduce transaction costs for private entities, motivate entrepreneurship and create additional opportunities for economic development, and as a result - increasing the welfare of society.

Conclusions. The example of the countries of East and Southeast Asia shows that the success of a “developmental state” is possible only when the political settlement enables the ruling elites to have the law enforcement capabilities to conduct an effective, nationally-oriented industrial policy necessary for the further improvement of the country’s technological capabilities. The rapid economic development of “developmental states”, which has led to talk of a “miracle”, raises the question of the possibility of using this experience in other regions of the world, including the EAEU countries.

Keywords: developmental state, economic growth, business, public policy, East Asia

For citation: Kugai A. I., Pakhomova M. A. Relations between the State and Business in the Conditions of the “Developmental State” // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 3. P. 144–153. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-03-144-153>. EDN: XFZDXG

Введение

В настоящее время политиками, учеными, промышленниками и предпринимателями ведутся острые дискуссии по вопросам мирового экономического развития. Вне зависимости от конкретно обсуждаемого вопроса они в той или иной степени затрагивают проблему взаимоотношений современного государства и бизнеса, что является одним из важнейших показателей политико-экономической ситуации в стране. Именно этот аспект, как правило, рассматривается особо тщательно при оценке степени эффективности модели современной экономики, в частности, попытке понять «восточноазиатское экономическое чудо» в контексте так называемого «государства развития», ставшего основой кардинальной трансформации данного региона: стремительных экономических преобразований Японии, а затем Южной Кореи, Тайваня, Гонконга, Сингапура и других новых индустриализирующихся стран региона второго эшелона начиная с 1970-х гг. Многие характеристики «государства развития» присущи и таким экономическим гигантам, как Китай и Индия.

Первоначально восточноазиатские «государства развития» обладали одной объединяющей экономической характеристикой: в них наблюдался почти непрерывный быстрый экономический рост на протяжении более четырех десятилетий. Это сильно отличается от того, что можно было наблюдать в других развивающихся странах, где экономика характеризовалась то бурным ростом, то спадом, замедлением, которое носило достаточно продолжительный характер. Одним из факторов, позволяющих «государству развития» обеспечивать стабильный экономический рост, на наш взгляд, как раз и является существующая там специфическая модель взаимоотношений между государством и бизнесом. Соответственно, выявление его особенностей на основе сравнительного анализа и является целью нашего исследования.

Основные характеристики «государства развития»

Прежде всего представляется необходимым остановиться более подробно на том, какими характеристиками, по мнению специалистов, должна обладать политико-экономическая система страны, чтобы ее можно было отнести к «государству развития».

Американский политолог Ч. Джонсон [13; 14], представляя новаторское исследование Японии, определил государство развития как такое, в котором приоритет отдается экономическому росту, производительности и технологической конкурентоспособности. Им руководит небольшая элитная бюрократия, набранная из лучших управленческих талантов, которая обеспечивает лидерство посредством разработки промышленной политики. Кроме того, в рамках бюрократии существует специально созданное учреждение для координации разработки и реализации политики. Такая промышленная политика не вытесняет рынок, а способствует его рациональности в долгосрочной перспективе. Наконец, свой вклад в экономическое развитие вносит и политическая система, которая предоставляет бюрократии достаточно возможностей для проявления инициативы.

В своей обзорной статье в 1991 г. Зия Ониш четко обрисовал следующие ключевые, на его взгляд, элементы государства развития [17, с. 110]. Основными из них являются:

- ✓ особое внимание к росту производительности и модернизации промышленности;
- ✓ активным (и даже потенциально авторитарным) вмешательством государственного аппарата в экономику;
- ✓ трансформирующие рынок интервенции для защиты стратегических отраслей;
- ✓ рост, ориентированный на экспорт;
- ✓ самостоятельно действующая бюрократия, ориентированная на развитие.

Этот последний момент, особенно, важен: как отмечал З. Ониш, прихоти политиков обязательно должны умиряться высококвалифицированными технократами: «политики “царствуют”, в то время как бюрократы “правят”, [и] цель политической элиты состоит в том, чтобы узаконить действия элитных бюрократических ведомств» [17, с. 115]. Следовательно, для «государства развития» недостаточно простого сочетания высоких уровней экономического роста и государственного вмешательства: ему присуща и специфическая модель взаимоотношений политической власти, государственной бюрократии и бизнес элиты.

Сама идея «государства развития» бросает вызов устоявшимся представлениям о либеральной политической экономии, в которой главная функция государства ограничивается обеспечением закона и порядка, оставляя свободный рынок для максимизации экономической эффективности и роста. Опыт Восточной Азии свидетельствует об обратном: «планово-рациональное государство», пользуясь термином, предложенным Ч. Джонсоном [13, с. 12], может стимулировать экономический рост.

На протяжении многих лет идея государства развития разрабатывалась, переосмысливалась и, что неудивительно, подвергалась критике. Несмотря на то, что азиатские финансовые кризисы 1997–1998 гг. нанесли серьезный удар по этому подходу, он возродился после краткого перерыва и продолжил проливать свет на опыт все большего числа стран как в развивающемся мире, так и за его пределами.

В центре дискуссий о сущности основных характеристик и потенциала государства развития находятся такие вопросы, как специфика проводимой политики, актуальность идеологической основы, институты рациональной бюрократии и специальных агентств развития, а также внутренний и международный социально-политический контекст. С этим связаны дебаты и о том, совместимо ли государство развития с демократией, его сохраняющейся актуальности по мере взросления национальной экономики или даже наступления всеобъемлющей глобализации.

Политика государства и бизнес

Проводимая государством политика, нацеленная на развитие, характеризуется стратегическим использованием налоговых стимулов и торговой политики для содействия созданию современных отраслей промышленности и модернизации промышленного комплекса, манипулированием системой цен

для повышения конкурентоспособности, ограничением активности работников и структур гражданского общества, обеспечением коллективного потребления в качестве способа снижения затрат на рабочую силу и повышения производительности, а также спонсорство исследований и разработок [7, с. 78–79; 22, с. 35–36]. Хотя особое внимание исследователи, как правило, уделяют контролю за инвестиционным финансированием и важности последнего в качестве рычага воздействия на развивающееся государство для достижения своих целей, большинство признает наличие различий и изменений в политических подходах, принятых разными странами в разное время в зависимости от их конкретных политико-экономических условий.

Независимо от конкретной политики и министерств, осуществляющих руководство ею, речь идет о национальных стратегиях. При этом основной акцент делается на развитии частного, а не государственного сектора. Ссылаясь на пример Японии, Ч. Джонсон [14, с. 46–48] характеризует ее как государство, которое изменяет стимулы, снижает риски, предлагает предпринимательское видение и управляет конфликтами, и все это с целью работы с дзайбацу¹ и рабочими и оказания им помощи в захвате большей доли рынка, ориентируясь на продукцию с постоянно более высокой добавленной стоимостью, а не на краткосрочную прибыльность. Более того, политика, способствующая координации между государственным и частным секторами, разрабатывается таким образом, чтобы не вытеснять рыночные силы. Другими словами, точно так же, как оказывалась поддержка стратегическим секторам с целью стимулирования их долгосрочного роста, создавалась ситуация, когда предприятия должны были жестко конкурировать, в том числе и на международной арене и подчиняться строгой рыночной дисциплине. Это дальновидное, но в конечном счете рыночно рациональное качество государственной политики разными авторами определялось как «соответствующее рынку» [15, с. 33], «лидирующее на рынке» [21, с. 37] или «неправильно определяющее цену» [3, с. 43]².

Таким образом, этот подход к развитию никогда не предполагал отказ от рынков, а скорее признавал, что, предоставленные самим себе, они могут иметь пагубные последствия, в том числе могут никогда должным образом не сформироваться. Соответственно, цель государства развития фактически направлена на создание рынков, а затем на их намеренную трансформацию для достижения конкретных целей национального развития посредством разумного использования стимулов, тарифов, субсидий и особенно контроля за финансами. Там, где либералы считают, что страны должны принимать и использовать свои «сравнительные преимущества» почти так, как если бы они были определены естественным образом и, следовательно, статичны, сторонники государства развития рассматривают сравнительные преимущества как динамичные и изменчивые, и что-то, чем можно манипулировать в рамках непрекращающегося процесса модернизации промышленности.

И. Пири [18, с. 121–123] в качестве определяющих факторов политики государства развития выделяет следующие: экономическую систему, ориентированную на производство, осторожность в отношении прямых иностранных инвестиций и государственный контроль за распределением кредитов.

Наряду с государственной политикой важным является и понимание той идеологии, которая лежит в ее основе. И здесь, на наш взгляд, стоит вспомнить определение М. Кастельса, согласно которому: «Государство развивается, когда оно устанавливает в качестве принципа своей легитимности свою способность поощрять и поддерживать развитие, понимая под развитием сочетание устойчиво высоких темпов экономического роста и структурных изменений в производственной системе, как внутри страны, так и в ее взаимосвязи с международной экономикой» [6, с. 56]. По мнению ряда восточноазиатских специалистов [25, с. 6–9; 12, с. 120–122], экономическое развитие было выбрано в качестве средства борьбы с острыми (и подлинными) угрозами, исходящими от западного империализма для национального выживания стран. Следовательно, вместо того, чтобы стремиться «к достижению потребительской полезности, частного богатства, взаимовыгодного обмена или любой другой цели, провозглашаемой экономическими детерминистами», японцы, например, «занимаются экономической деятельностью

¹ Термин, применяемый для обозначения крупнейших промышленных и финансовых объединений Японии.

² В данном случае речь идет о том, что правительства в Восточной Азии намеренно устанавливали «неправильные» цены, чтобы стимулировать инвестиции и торговлю.

главным образом для того, чтобы достичь независимости от потенциальных противников и использовать их рычаги влияния» [10, с. 61]. Конечно, социальное происхождение правящей элиты также вносит свой вклад в определение угроз национальному выживанию. Ч. Джонсон, например, называет этот приоритет «экономическим национализмом» и считает, что он возник «как реакция... на структурные противоречия общества порядков» [14, с. 105–106]. Опора на экономический национализм обеспечивает источник легитимности для этой элиты и делает излишним (по крайней мере, на время) беспокойство о том, является ли развивающееся государство демократическим или иным.

Независимо от важности идеологической основы ключевым является потенциал государства, поскольку, по мнению М. Кастельса, «фундаментальным элементом способности государств развития реализовать свой проект была их политическая способность навязывать гражданским обществам свою логику и усваивать ее» [6, с. 64]. В связи с этим встает важный вопрос о государственной бюрократии, с одной стороны, и ее связи с обществом, с другой стороны.

Интересно отметить, что среди четырех существенных черт, выделенных Ч. Джонсоном для государства развития [14, с. 314–320], две относятся к государственной бюрократии. Первая касается «существования небольшой, недорогой, но элитной государственной бюрократии, укомплектованной лучшими управленческими талантами, имеющимися в системе <...>, обязанностью которых является определение и выбор отраслей, подлежащих развитию».

Помимо государственной службы, Ч. Джонсон подчеркивает наличие экспериментальной специализированной организации, которая объединяет «по меньшей мере планирование, энергетику, внутреннее производство, международную торговлю и определенную долю финансов (в частности, предложение капитала и налоговую политику)» [15, с. 38–39]. Концентрация различных правительственных функций в одном органе усиливает координацию и дает возможность государственным субъектам эффективно разрабатывать и реализовывать планы.

Возвышение экономической бюрократии на более высокое положение и осуществление ею того, что можно было бы назвать «деспотической властью», является важнейшей предпосылкой становления государства развития. Однако ряд исследователей [23, с. 164] предполагают, что способность осуществлять деспотическую власть, важная только на ранней стадии и при предоставлении некоторой автономии экономической бюрократии, должна сочетаться с укорененностью, чтобы создать «институциональный потенциал» или способность осуществлять «инфраструктурную власть», которая представляет собой «способность государства мобилизовать элиту на сотрудничество в достижении целей развития» [23, с. 162]. Сотрудничество может быть достигнуто посредством различных связей между государством и промышленностью, таких как спонсируемые государством промышленные ассоциации, экспортные картели и органы по консультированию по вопросам политики. Однако, поскольку сотрудничество элит влечет за собой не равноправное партнерство, а доминирование или, по крайней мере, «лидерство» со стороны государства, ожидается, что эти связи между государством и промышленностью также «позволят соответствующим государственным элитам обеспечить соответствие ключевых бизнес-групп более масштабным, не подлежащим обсуждению целям государства» [23, с. 170–178]. Такой вариант отношений между государством и бизнесом называется «управляемой взаимозависимостью».

Особый интерес в этой связи представляет, на наш взгляд, идея П. Эванса о так называемой «встроенной автономии» [9, с. 693–695]. Подчеркивая стратегическую важность связей между бюрократической элитой и бизнесом, он использует данный термин для характеристики отношений между государством и обществом, которые позволяют бюрократам вмешиваться или выборочно стимулировать, дополнять и укреплять предпринимательство.

При этом ключевым с политической точки зрения остается вопрос о том, необходимо ли авторитарное правление для национального проекта и совместимо ли вмешательство в развитие с демократическим правительством.

Для некоторых авторов авторитарное происхождение развивающегося государства Северо-Восточной Азии было лишь случайным и, следовательно, представляло максимум исторический интерес. Л. Вайс и Дж. Хобсон [23, с. 127–128], например, считают, что способность осуществлять деспотиче-

скую власть важна только для обеспечения автономии экономической бюрократии. Институты, которые облегчают консультации и переговоры между государством и бизнесом, такие как бизнес-ассоциации и торговые картели, более совместимы с демократическими, чем авторитарными режимами. П. Эванс разделяет эту точку зрения и в своих более поздних исследованиях предполагает, что демократическое правительство может сделать прозрачным процесс политических консультаций и переговоров, тем самым повышая шансы на открытое, справедливое и эффективное распределение государственных ресурсов [8, с. 40–42].

Помимо исследований, в которых утверждается определенное сходство между авторитарным правлением и вмешательством в процесс развития, ряд авторов обращают внимание на угрозы фрагментации политики в условиях демократии [11; 24].

Рассматривая более широкую проблему взаимоотношений государства и рынка, А. Коли [16] выделяет три идеальных типа, а именно: «неопатримониальное государство», «сплоченное капиталистическое государство» и «фрагментированное многоклассовое государство». По его мнению, даже если так называемое «неопатримониальное государство» может маскироваться под демократию, для него характерны чиновники, более склонные использовать государственные ресурсы для обогащения себя и своих помощников, чем заниматься национальным развитием как таковым. В свою очередь, «сплоченное капиталистическое государство» сродни государству развития, которое целеустремленно фокусируется на цели промышленного развития и, учитывая его централизованный контроль над государственной властью, может работать с капиталистами, не обращая внимания на другие интересы и озабоченности. Наконец, «фрагментированное многоклассовое государство», обладая государственной властью, опирающейся на широкий классовый альянс, вынуждено проводить политику с целью заручиться поддержкой населения и, следовательно, не может сосредоточиться исключительно на экономическом развитии. Следовательно, по его мнению, действительно существует избирательное сходство между авторитаризмом и государством развития.

Отношения государства и бизнеса как ключевой фактор развития

Несмотря на явную привлекательность модели государства развития, успешная ее реализация не стала пока широко распространенной. Возникает естественный вопрос, что на практике мешает реализации этой идеи. Связано ли это с отсутствием политического и экономического пространства для национальных государств в странах с низким и средним уровнем дохода, не позволяющим наметить свой собственный независимый путь к индустриализации и структурным преобразованиям при нынешнем либеральном экономическом порядке, где силы глобализации слишком сильны, чтобы их можно было сдерживать? Или есть другие объяснения отсутствию примеров успешных государств развития, например, на Глобальном Юге?

Чтобы ответить на этот вопрос, возьмем три страны Юго-Восточной Азии — Индонезию, Малайзию и Таиланд. Все они демонстрировали выдающиеся экономические показатели в период с 1960-х по 1990-е гг. В этих странах также было широкое государственное вмешательство в экономику, контроль над частным бизнесом и господство авторитарных политических режимов в течение длительных периодов времени.

Однако после азиатского финансового кризиса 1996 г. экономический рост в этих странах резко снизился и в последующие десятилетия восстановиться до своего докризисного уровня им не удавалось. Еще в 2018 г. группа ведущих британских специалистов делала прогноз о том, что «в настоящее время эти страны переживают длительное замедление экономического роста, и представляется весьма маловероятным, что они достигнут статуса стран с высоким уровнем дохода в течение некоторого времени в будущем, что считалось само собой разумеющимся в начале 1990-х гг., до того, как разразился финансовый кризис» [4, с. 5].

Почему же на том этапе своего развития Индонезия, Малайзия и Таиланд оказались неспособными добиться экономического успеха, соразмерного с достижениями Гонконга, Южной Кореи, Сингапура

и Тайваня? Ответ на этот вопрос, на наш взгляд, лежит в сфере политики, в том, что касается баланса сил между различными группами политической элиты и видения гармоничных отношений государства и бизнеса, а также личной заинтересованности в укреплении связей с бизнес-структурами.

Прежде всего, обратимся к примеру Индонезии. Государственное вмешательство режима Сухарто в годы интенсивного экономического роста не было похоже на носившую более стратегический характер промышленную политику, проводимую в Южной Корее, Сингапуре и Тайване. Главной его целью было увеличение числа бизнес-клиентов государства. Государство было подчинено неограниченным интересам привилегированной группы олигархий, что и объясняет как природу финансового кризиса конца 1990-х гг. с его массовыми банкротствами и неплатежами по долгам среди этих олигархов, так и стагнацию экономического роста в посткризисный период [2, с. 211–215].

Однако в 1998 г. после ухода в отставку президента Сухарто был провозглашен курс на реформирование при сохранении ведущей роли государства в экономике страны. Проведенные реформы были направлены в первую очередь на улучшение инвестиционного климата, обеспечение прав собственности, активизацию деятельности в стране транснациональных корпораций и хуацяо (выходцев из Китая) [1, с. 91]. Особую роль в налаживании конструктивных отношений государства и бизнеса стала играть Торгово-промышленная палата Индонезии (Kadin), представляющая собой зонтичную организацию, охватывающую множество бизнес-ассоциаций на отраслевом уровне и защищающая интересы индонезийского частного бизнеса. Именно она сыграла важную роль в процессе выработки новой государственной экономической политики [4]. Следует отметить также высокую эффективность деятельности Индонезийской комиссии по искоренению коррупции (КПК), в результате чего в 2021 г. страна набрала 38 из 100 баллов по широко используемому индексу коррупции глобальной группы Transparency International, наравне с Бразилией и ниже, чем Индия, Вьетнам и Китай. Все это позволило Индонезии добиться нового экономического подъема и стать пятой экономикой Азии, сохранив свой потенциал государства развития [20, с. 128].

Несколько иную историю мы видим в Малайзии и Таиланде. С 1960-х по середину 1990-х гг. в обеих странах наблюдался быстрый экономический рост, по большей части при авторитарных политических системах (хотя с 1973 г. в Таиланде часто проводились многопартийные выборы, перемежавшиеся военными переворотами). Эта стратегия роста была подкреплена относительно открытой экономической средой для ориентированного на экспорт производственного сектора, где в основном доминировали транснациональные корпорации. В то же время политические элиты поддерживали тесные договорные отношения с отечественными капиталистами в других секторах экономики, таких как коммунальные услуги и финансы, и конкурирующих с импортом отраслях, таких как производство цемента [19].

Клиенталистские отношения между государством и бизнесом стали результатом политического урегулирования в обеих странах. В Малайзии это отражало потребность в политической стабильности (после разрушительных этнических беспорядков 1969 г.) и обеспечивалось путем предоставления привилегий малайским предпринимателям, ограничивая тем самым возможности бизнеса этнических китайцев. Следствием этого стала неспособность государства создать конкурентоспособный на глобальном уровне класс отечественных капиталистов, поскольку, в отличие от Южной Кореи, субсидии, предоставляемые малайским предпринимателям, не предъявляли требований к эффективности их деятельности. Для укрепления своих властных позиций начиная с 1980-х гг. правящая коалиция все чаще стала практиковать раздачу административных мест в государственном секторе политически влиятельным лицам, нередко без учета их управленческих способностей. Как следствие, компетентность и автономия технократии, которые, как мы отмечали, являются важнейшими составляющими успешного государства развития, со временем постепенно ослабели [26, с. 85–86].

В то время как другие азиатские государства могли неуклонно продвигаться вверх по технологической лестнице, поскольку их трудоемкие отрасли промышленности становились неконкурентоспособными из-за повышения заработной платы, малайскому государству в силу широкого распространения клиенталистских отношений не хватало политической решимости для принятия эффективной промышленной политики, необходимой для дальнейшего совершенствования технологического потенциала.

В Таиланде клиентализм стал господствовать в таких секторах экономики, как лесозаготовка, переработка, недвижимость, розничная торговля и фармацевтика, где у господствующих политических элит, в том числе королевской семьи (через свое инвестиционное подразделение — Королевское бюро недвижимости), в период с 1957 по 1973 гг., когда у власти находился фельдмаршал Сарит Танарат, появились свои серьезные экономические интересы. Здесь, однако, в отличие от Малайзии с 1990-х гг. начал развиваться конкурентоспособный на мировом рынке автомобильный сектор и были налажены связи между многонациональными производителями автомобилей и преимущественно китайско-тайскими поставщиками. В отличие от Малайзии, где этнополитические соображения не позволяли правящей коалиции продвигать фирмы, принадлежащие китайцам, политическое урегулирование в Таиланде позволяло — более того, даже поощряло — политиков поддерживать китайско-тайских капиталистов как в качестве средства стимулирования роста, так и в качестве источника личного обогащения. Тем не менее скрытые от общественности, но от этого не менее прочные отношения между правящей политической элитой и экономическими элитами в таких секторах, как строительство и производство цемента, становились все более основанными на политическом патронаже, не зависящем от экономической эффективности, и со временем стали наносить все больший ущерб экономическому росту [5, с. 57–59].

Заключение

Пример стран Восточной Азии свидетельствует о том, что успех государства развития возможен только тогда, когда политическое урегулирование дает возможность правящим элитам обладать правомприменительными возможностями для дисциплинирования политически связанных с ними фирм и проведения эффективной промышленной политики, необходимой для дальнейшего совершенствования технологических возможностей страны. Однако для этого у политических элит должны быть соответствующие стимулы для проведения институциональных реформ, необходимых для дальнейшего роста и структурных преобразований.

В целом для успеха государства развития необходимо создание взаимовыгодного альянса государства и бизнеса, в рамках которого государство реализует ряд стимулов и вознаграждений, чтобы убедить отечественных капиталистов осуществлять инвестиции в целевые секторы экономики. Отсюда и обоснование необходимости наличия государственной собственности, которая открывает отечественным фирмам пространство для развития, позволяющее конкурировать с транснациональными компаниями посредством государственного протекционизма. В этом случае резко снижается риск того, что иностранные фирмы могут вытеснить национальных предпринимателей из высокотехнологичных сфер экономики, поскольку нередко на начальном этапе только благодаря государственному протекционизму национальные предприятия могут сравняться с узнаваемостью бренда и технологическим совершенством иностранных фирм.

Важно отметить, что отношения государства и бизнеса встроены в политическую структуру общества, в которой централизованное управление позволяет государствам обеспечивать политическую стабильность, снижать транзакционные издержки для частных субъектов, мотивировать предпринимательство и создавать дополнительные возможности для развития экономики и, как следствие, повышения благосостояния общества.

Литература/References

1. Мельянцева В. А., Адрова И. С. Основные факторы экономического роста Индонезии — четвертой экономики Азии // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 1. С. 86–106 (Melyantsev V. A., Adrova I. S. Main Factors of Economic Growth in Indonesia — the Fourth Economy of Asia // The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences [Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk]. 2021. No. 1. P. 86–106. (In Russ.)) EDN: QMCWPF. DOI: 10.24412/2073-6487-2021-1-86-106

2. *Пахомова Л. Ф.* Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия). М. : Институт востоковедения РАН, 2007. 255 с. (Pakhomova L. F. Models of Prosperity (Singapore, Malaysia, Thailand, Indonesia). Moscow : Institute of Oriental Studies RAS, 2007. 255 p. (In Russ.)) EDN: IBDEAN
3. *Amsden A., Wan-Wen Chu.* Beyond Late Development: Taiwan's Upgrading Policies. Boston. MA : MIT Press. 2003. 223 p. ISBN-13: 978-0262011983
4. *Bishop M., Payne A.* [et al.] Revisiting the Developmental State. SPERI Paper No. 43. The University of Sheffield. 2018. 30 p.
5. *Carroll T., Jarvis D.* (eds.) Asia after the Developmental State: Disembedding Autonomy. Cambridge : Cambridge University Press. 2017. 514 p. DOI: 10.1017/9781316480502
6. *Castells M.* Four Asian Tigers with a Dragon Head: A Comparative Analysis of the State, Economy and Society en the Asian Pacific Rim / ed. by Appelbaum R., Henderson J. // States and Development in the Asian Pacific Rim. London : Sage. 1992. P. 33–70.
7. *Chu Y.-w.* (ed.) The Asian Developmental State. New York : Palgrave Macmillan, 2016. 261 p. DOI: 10.1057/9781137476128_1
8. *Evans P.* Constructing the 21st Century Developmental State / ed. by Edigheji O. Constructing a Democratic Developmental State in South Africa. Cape Town : HSRC Press. 2010. P. 37–68. DOI: 10.1515/9780796926531-005
9. *Evans P., Heller P.* Human Development, State Transformation and the Politics of the Developmental State / ed. by Leibfried S. [et al.] The Oxford Handbook of Transformations of the State. Oxford : Oxford University Press. 2015. P. 691–713. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199691586.013.37
10. *Haggard S.* Developmental States (Elements in the Politics of Development). Cambridge : Cambridge University Press. 2018. 75 p. ISBN-13: 978-1108449496
11. *Herring R.* Embedded Particularism: India's Failed Developmental State / Woo-Cumings M. The Developmental State. NY : Cornell University Press. 1999. P. 306–334. DOI: 10.7591/9781501720383-012
12. *Hyeong-ki Kwon.* Changes by Competition: The Evolution of the South Korean Developmental State. Oxford: Oxford University Press. 2021. 240 p. DOI: 10.1093/oso/9780198866060.001.0001
13. *Johnson Ch.* MITI and the Japanese Miracle. Stanford : Stanford University Press. 1982. 412 p.
14. *Johnson Ch.* Japan, Who Governs?: The Rise of the Developmental State. New York : WW Norton & Company. 1995. 384 p. ISBN: 9780393037395
15. *Johnson Ch.* The Developmental State: Odyssey of a Concept / Woo-Cumings M. The Developmental State. NY : Cornell University Press. 1999. P. 32–60. DOI: 10.7591/9781501720383-004
16. *Kohli A.* State-Directed Development. Cambridge : Cambridge University Press. 2004. 480 p. DOI: 10.1017/CBO9780511754371
17. *Öniş Z.* The Logic of the Developmental State // Comparative Politics. 1991. Vol. 24. No. 1. P. 109–126. DOI: 10.2307/422204
18. *Pirie I.* The Korean Developmental State: From Dirigisme to neo-Liberalism. London : Routledge. 2007. 236 p. ISBN: 9780415547086
19. *Sen K., Tyce M.* The Elusive Quest for High Income Status: Malaysia and Thailand in the Post-Crisis Years' // Structural Change and Economic Dynamics, 2017. No. 48 [Electronic resource] URL: https://www.researchgate.net/publication/321633857_The_Elusive_Quest_for_High_Income_Status_-_Malaysia_and_Thailand_in_the_post-crisis_years (accessed: 07.05.2024).
20. *Yusuke Takagi, Veerayooth Kanchoochat, Tetsushi Sonobe* (eds.) Developmental State Building: The Politics of Emerging Economies. Berlin : Springer. 2022. 199 p. DOI: 10.1007/978-981-13-2904-3_10
21. *Wade R.* Governing the Market: Economic Theory and the Role of Government in East Asian Industrialization. Princeton, NJ : Princeton University Press. 1990. DOI: 10.2307/j.ctv346sp7
22. *Walter A., Xiaoke Zhang.* East Asian Capitalism: Diversity, Continuity, and Change. Oxford : Oxford University Press, 2012. 331 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199643097.001.0001
23. *Weiss L., Hobson J.* States and Economic Development. Cambridge : Polity. 1995. 312 p. ISBN 13: 9780745614571

24. *Wong J.* The Adaptive Developmental State in East Asia // *Journal of East Asian Studies*. 2004. Vol. 4 (3). P. 345–362. DOI: 10.1017/S1598240800006007
25. *Woo-Cumings M* (ed.) *The Developmental State*. NY : Cornell University Press. 1999. DOI: 10.7591/9781501720383
26. *Yeung H.* State-led Development Reconsidered: The Political Economy of State Transformation in East Asia Since the 1990s // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. 2017. Vol. 10. No. 1. P. 83–98. DOI: 10.1093/cjres/rsw031

Об авторах:

Кугай Александр Иванович, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор;
e-mail: kugay3@yandex.ru

Пахомова Мария Артуровна, аспирантка кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: mariap2707@gmail.com

About the authors:

Alexander I. Kugai, Professor of the Department of State and Municipal Administration of North-West Institute of Management of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Philosophy, Professor;
e-mail: kugay3@yandex.ru

Maria A. Pakhomova, graduate student of the Department of State and Municipal Administration of North-West Institute of Management of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation);
e-mail: mariap2707@gmail.com

Роль ЕАЭС в становлении многополярного устройства в мировой политике

Торопыгин А. В.*, Ирошкина Т. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

*e-mail: toropygin-av@ranepa.ru

ORCID: 0000-0002-0678-3347

РЕФЕРАТ

Мировая политическая система находится в процессе перехода от однополярного к многополярному миру. О том, как могут появляться или формироваться новые полюса мира, идут научные дискуссии, среди которых обсуждается и вариант появления полюса путем соответствующего развития интеграционной структуры ЕАЭС. Уделяется внимание изменяющимся условиям мировой экономики и их влиянию на стратегии развития региональных интеграционных объединений. Аргументируется необходимость адаптации стратегий развития ЕАЭС к новым тенденциям, включая смену мирохозяйственного уклада и пересмотр роли участников интеграционного процесса. Показано, что ЕАЭС может сформировать полюс нового мира в случае перехода экономик стран-членов на шестой технологический уклад.

Цель. Обоснование стратегий и подходов к построению экономического полюса на базе ЕАЭС.

Задачи. Рассмотрение различных теоретических подходов к понятию многополярности, полюсов и центров силы. Исследование трактовок глобального и регионального лидерства. Анализ концепции регионального лидерства с учетом роли ЕАЭС как важного элемента новой мирополитической и глобальной экономической системы.

Методология. Сравнительный анализ векторов и стратегий развития региональных интеграционных объединений. Цивилизационный подход позволяет выявить не только ключевые экономические и политические аспекты регионального лидерства, но и культурные и цивилизационные факторы регионального объединения. Дедуктивный метод и метод синтеза позволили сформулировать новые подходы к развитию понимания экономической составляющей полюса ЕАЭС.

Результаты. Установлено, что одним из возможных и наиболее работоспособных вариантов создания экономической составляющей полюса ЕАЭС является учет формирования нового технологического уклада в стратегию развития Союза в условиях трансформации и перехода к новому мирохозяйственному укладу.

Выводы. Оформление ЕАЭС в статусе самостоятельного полюса, основанного на концепции изменения мирохозяйственных укладов, предполагает переосмысление или создание институтов на основе принципов недискриминации, взаимного уважения суверенитетов и национальных интересов, а также установление взаимовыгодных отношений с другими государствами. Такой подход к построению полюса является ключевым шагом в переходе к шестому технологическому укладу.

Ключевые слова: многополюсный мир, технологический уклад, интеграционный процесс, ЕАЭС

Для цитирования: Торопыгин А. В., Ирошкина Т. В. Роль ЕАЭС в становлении многополярного устройства в мировой политике // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 3. С. 154–164.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-03-154-164>. EDN: XGDUZW

EAEU Role in the Evolution of Multipolar Structure in World Politics

Andrey V. Toropygin*, Tatyana V. Iroshkina

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint Petersburg, Russian Federation

*e-mail: toropygin-av@ranepa.ru

ORCID: 0000-0002-0678-3347

ABSTRACT

The global political system is undergoing a transition from a unipolar to a multipolar world. Scientific discussions are underway regarding the emergence or formation of new poles in the world, including the potential development of a pole through the integration structure of the Eurasian Economic Union (EAEU). Attention is focused on the changing conditions of the global economy and their influence on the development strategies of regional integration associations. The necessity to adapt the development strategies of the EAEU to new trends, including the shift in the economic paradigm and the reassessment of the role of integration process participants, is argued.

Aim. To justify strategies and approaches to building an economic pole based on the EAEU.

Tasks. Examining various theoretical approaches to the concept of multipolarity, poles, and centers of power. Investigating interpretations of global and regional leadership. Analyzing the concept of regional leadership considering the role of the EAEU as an important element of the new world political and global economic system.

Methods. Comparative analysis of vectors and development strategies of regional integration associations. The civilizational approach illuminates not only the key economic and political aspects of regional leadership but also the cultural and civilizational factors of regional integration. The deductive method and synthesis allowed for the formulation of new approaches to understanding the economic component of the EAEU pole.

Results. It has been established that one of the possible and most effective ways to form the economic component of the EAEU pole is to consider the formation of a new technological paradigm in the Union's development strategy amidst the transformation and transition to a new economic paradigm.

Conclusions. Framing the EAEU as an independent pole, based on the concept of changing economic paradigms, implies a rethinking or establishment of institutions based on principles of non-discrimination, mutual respect for sovereignty and national interests, as well as the establishment of mutually beneficial relations with other states. Such an approach to pole-building is a key step in transitioning to the sixth technological paradigm.

Keywords: multipolar world, technological paradigm, integration process, EAEU

For citation: Toropygin A. V., Iroshkina T. V. EAEU Role in the Evolution of Multipolar Structure in World Politics // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 3. P. 154–164. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-03-154-164>. EDN: XGDUZW

Введение

Мнение о том, что Евразийский экономический союз может стать полюсом многополярного мира, высказано сравнительно давно. Дискуссия по этому поводу то затухает, то начинается с новой силой в зависимости от текущих событий в международных отношениях. О том, что такой переход возможен в принципе, неоднократно высказывался министр иностранных дел России С. В. Лавров, например, упрекая своих западных партнеров в том, что они пытаются замедлить формирование многополярности¹.

¹ Лавров рассказал о неизбежности многополярного мира [Электронный ресурс] // Лента.ру. 28.08.2022. URL: <https://lenta.ru/news/2022/08/28/lavrov/> (дата обращения: 21.03.2024).

В Концепции внешней политики Российской Федерации (от 2023 г.) говорится о «формировании справедливой и устойчивой системы международных отношений, которая должна быть многополярной»¹. Это мнение звучит все чаще, что связано, по всей видимости, с адаптацией российской экономики к санкциям Запада и ходом украинского конфликта. Дальше, в этом же году, был сделан и следующий логичный шаг — в первых выступлениях президента России в 2023 г., на момент председательства России в структурах ЕАЭС, прозвучали слова о том, что «Евразийский экономический союз обладает всеми возможностями, чтобы стать одним из мощных, самостоятельных и самодостаточных полюсов формирующегося многополярного мира»².

Сказанное почти дословно поддержал президент Белоруссии³. Политическое и экспертное сообщество тоже не осталось в стороне. По словам главы комитета по международным делам Л. Слуцкого, озвученным в выступлении на парламентских слушаниях «О приоритетах российского председательства в Евразийском экономическом союзе в 2023 году»: «Внутренняя интеграция в Евразийском экономическом союзе сделает его мощным полюсом многополярного мира»⁴.

В научно-политическом дискурсе последних лет многополярность [11] или многоцентричность [1] упоминаются достаточно часто. Но значительно упрощая вопрос, можно говорить о том, что теоретические построения восходят к проблеме понимания мироустройства, и здесь можно напомнить типологию типов международных систем М. Каплана, где три из пяти систем связаны с принципом полицентризма [15, р. 292]. Эту условно «научную» линию можно продолжить в изучении международных отношений через три главные парадигмы [14, с. 29]. Начало подобных дискуссий в России связано с именем Е. М. Примакова и носило скорее политико-публицистический характер.

На то, что современная система международных отношений ориентирована на формирование многополярного, или полицентричного, мира, указывают и теоретики исследователи, и действующие политики.

Различные теоретические подходы к понятию «многополярность»

Очевидно, многое зависит от того, что иметь в виду под полюсом многополярной системы мира. Сторонники многополярности, являющиеся, как известно, сторонниками силы, связывают многополярность с центрами силы⁵. Под таковыми в первую очередь они понимают наличие в мире нескольких глобальных держав. Очевидные экономические изменения в мире проходят не быстро, о чем свидетельствует медленное смещение мирового экономического развития в Азию и Азиатско-Тихоокеанский регион. По всей видимости, «слабеющие» США не скоро расстанутся с местом гегемона. В современной политологии такое государство называют «устойчивой» державой [10, с. 176].

Объяснить данные тенденции можно также и тем, что так называемым «протогегемоном» в наше время является только КНР. Как бы предвидя это, уже достаточно давно российский политик и ученый В. Лукин писал об этом в своей книге «Центры силы»: концепции и реальность» [8, с. 14–15]. Его точка зрения сводилась к тому, что некоторые крупные государства стали выступать на международной арене с собственной точкой зрения на происходящее в мире и даже предъявлять определенные претензии в региональном контексте. Таковыми государствами он считал Аргентину, Египет, Индонезию, Мексику. А в качестве факторов, подтверждающих «силу» этих государств, взял численность населения, территорию, ВВП, объем внешней торговли.

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.) [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел РФ. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 23.03.2024).

² Путин: ЕАЭС имеет все возможности, чтобы стать одним из мощных полюсов многополярного мира [Электронный ресурс] // ТАСС. 23.01.2023. URL: <https://tass.ru/politika/16858715> (дата обращения: 24.03.2024).

³ ЕАЭС может создать центр нового многополярного мира, заявил Лукашенко [Электронный ресурс] // РИА Новости. 25.05.2023. URL: <https://ria.ru/20230525/mnogopolynost-1874122567.html> (дата обращения: 25.03.2024).

⁴ О приоритетах российского председательства в Евразийском экономическом союзе в 2023 году. По материалам парламентских слушаний от 18 апреля 2023 года [Электронный ресурс] // Комитет Государственной Думы по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками. URL: <http://duma.gov.ru/media/files/QjplQWMLgVQc0VJBX8VvTr4MXNIeolOA.pdf> (дата обращения: 26.03.2024).

⁵ Дегтерев Д. Многополярность или «новая биполярность»? [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 16.01.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mnogopolynost-ili-novaya-bipolynost/> (дата обращения: 27.03.2024).

Как видно, с течением времени специалисты делают «ставку» на другие незападные государства. Аналогично были сделаны и предсказания по поводу международных организаций. Не ошибся Лукин и в том, что такие изменения вызовут неоднозначную, не всегда благожелательную реакцию со стороны старых традиционных центров силы [8, с. 38].

Поскольку речь о силе, то логично взглянуть на эти процессы вначале с точки зрения реализма/неореализма [11, с. 427]. В общем, позиции, отстаиваемые парадигмами, понятны; но есть и интересные нюансы. Так, французский исследователь З. Лайди, опираясь на гегемонистскую теорию, предложил возможность «перехода без гегемонии», впоследствии названную теорией гегемонистского перехода [16, р. 352]. По его мнению, многополярность разрушает многосторонность, создавая препятствия для работы международных институтов, и ведет к утверждению приоритета национальных интересов над другими. Он объясняет это следующим образом: незападные государства до поры до времени не настолько сильны, чтобы бросить вызов «гегемонам» и предложить собственный проект мироустройства. Но сама возможность новых проектов может восприниматься как угроза существующему либеральному порядку [16, р. 352–353].

Другими словами, существует вариант «мирного» перехода к многополярности путем замены либерального порядка. Много экспертов и ученых с такой точкой зрения согласны: на фоне кризиса либерализма многополярность можно воспринимать как угрозу либеральному порядку.

Тогда появляются как минимум два вопроса. Как понимать саму многополярность и ее отношения с многосторонностью. Вопрос с многосторонностью дебатировался уже достаточно долго в связи с возможной реформой ООН.

Можно ли поставить знак равенства между «многосторонностью» и «многополярностью»? Ж. Боррел считает, что «...причина кризиса многосторонности заключается в том, что либеральные ценности 1945 года подвергаются нападкам в меняющемся мире. Альтернативные нарративы бросают вызов “Западу” во всех областях — экономика, здравоохранение, история, личные свободы и права человека»¹.

О сущности многополярности, опираясь в том числе и на положения конструктивизма, рассуждает и О. А. Алексеева-Карневали. По ее мнению, «многосторонность» сегодня в международных делах призвана оптимизировать глобальное управление и отчасти стать альтернативой неработающей «многополярности». Но она сомневается в этой возможности: «нет всеми разделяемых норм, ценностей, целей и механизмов регулирования»².

Вместе с тем можно предположить, что все зависит от того, как будет вести себя непосредственно гегемон. Если он будет проводить политику прагматического вовлечения незападных держав, иными словами, двигаться в сторону формирования более справедливого мира, это одно, и совсем другое, если использовать стратегию сдерживания и конфронтации.

Поскольку свои реформы предлагали многие, попутно был достигнут консенсус о взаимосвязи многосторонности и многополярности. Другое дело, что сами эти определения, как выясняется, означают отнюдь не одинаковые вещи. Для Франции, к примеру, многополярность не существование несколько равных центров силы, но совместное противостояние глобальным проблемам при безусловном приоритете западных интересов³.

В период кризиса глобализации, когда происходит сегментация мирового пространства, региональный подход можно считать основным. Поскольку для нас интеграционная структура является заданной для исследования, отметим некоторые положения, с ним связанные.

¹ Как вернуть многосторонность в многополярный мир? [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЕС. 16.03.2021. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/как-вернуть-многосторонность-в-многополярный-мир_ru?s=103 (дата обращения: 29.03.2024).

² Алексеева-Карневали О. А. Почему мир не становится многополярный, или грамматика международной (не)любви [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 04.08.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pochemu-mir-nestanovaitsya-mnogopolynarnym-ili-grammatika-mezhdunarodnoy-ne-lyubvi/> (дата обращения: 29.03.2024).

³ Чихачев А. Спасти гегемонию: французский взгляд на меняющийся миропорядок [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 13.09.2023. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/spasti-gegemoniyu-frantsuzskiy-vzglyad-namenyayushchysya-miroporyadok/?sphrase_id=136753091 (дата обращения: 29.03.2024).

То, что именно процессы регионализации представляются в качестве основы формирования многополярного мира, признается большинством научного сообщества. В качестве примера можно привести работы А. Д. Воскресенского, в которых макрорегиональный комплекс представляет собой прообраз одного из центров формирующейся многополярной мировой системы [4, с. 42].

Процессы регионализации напрямую связаны с ростом потенциалов новых центров силы [11, с. 429]. В нашем случае в качестве новых «центров силы» можно говорить и о многоцивилизационной основе многополярности, рассматривая евразийскую (российскую) цивилизацию как полюс многополярного мироустройства в соответствии с положениями Концепции внешней политики России (2023).

Различные трактовки глобального и регионального лидерства

Выше мы уже упомянули одну из гегемонистских концепций — гегемонистский переход. В основе гегемонизма, как известно, лежит идея превосходства одних над другими. При этом альтернативные точки зрения отменяются без обсуждения. Иными словами, в системе международных отношений есть достаточно сильный субъект, чтобы утверждать правила поведения других, на них не оглядываясь. Гегемон обладает большими преимуществами в области геополитики, экономики, культуры. Противостоять ему сложно. Несмотря на то, что в настоящее время, или по крайней мере совсем недавно, существовал один гегемон в лице США, можно было упоминать и других гегемонов, во всяком случае в теории. Многие эксперты говорят и о иерархии гегемонов, например, в рамках Запада [9, с. 70].

Другим схожим понятием является понятие «лидер». Приведем это понятие в трактовке М. А. Майоровой: «Это субъект, имеющий ресурсы и желающий осуществлять деятельность, направленную на регулирование международных процессов и формирование принципов развития системы международных отношений без преимущественного использования методов давления, но не исключая их, если это требуется для сохранения мир-системы» [Там же, с. 71]. Другими словами, сила не используется в достижении лидерства. В этом смысле достаточно аргументированно звучит предложение о том, что употребление терминов «гегемония» и «лидерство» связано с «разнотечием понятий и их культурно-политическим контекстом» [12, с. 40]. Лидер обладает способностью представлять свое видение мира как универсальное таким образом, чтобы оно стало приемлемыми для последователей [2, с. 117]. А точнее, понимать и артикулировать желание многих государств. Сегодня это означает быть и представлять Мировое большинство.

На протяжении достаточно продолжительного времени лидерство определялось набором параметров, который может быть самым различным, например, определяющий стиль поведения страны на международной арене, географический охват, систему ценностей и т. д. [2, с. 117; 9, с. 71].

Наиболее общая и употребляемая на начальном этапе исследования схема опирается на работы С. Льюкса, т. е. на различные трактовки силы и ее аспекты [17, р. 11]:

- имеющаяся сила членов группы в процессе принятия решений;
- наличие силовых инструментов — влияние, убеждение, манипулирование, «жесткая» сила;
- средства, которыми государство воздействует и определяет представления и интересы других государств (своих потенциальных последователей) [2, с. 119; 18, р. 939].

Однако лидерство в регионе определяется не статусом государства, а социальной ролью ведущего, которую оно принимает на себя и которая признается другими. Эта роль основана на процессе коммуникации и возникает во время него. Лидерство — это форма сил, имманентным признаком которой является взаимность, государства-последователи играют в этом не меньшую роль, манифестацией регионального лидерства может стать создание региональной структуры [2, с. 121]. Отсюда ключевыми измерениями регионального лидерства являются: сила лидера (может отличаться в разных сферах экономики, безопасности); вес (насколько сила лидера «надежна», т. е. способна противостоять силе других акторов); устойчивость (лидер готов и в состоянии заплатить за признание своей роли другими) [3, с. 51].

Другие исследования этой темы дают возможность показать возможные субъекты, способные реализовать центры силы/полюса многополярной системы мира. Если мы имеем в виду политико-пространственный аспект, то первой такой моделью может быть цивилизация, а также государство-цивилизация.

В последнее время достаточно часто российская (евразийская) цивилизация рассматривается как полюс многополярного мира¹. Как констатируется в Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 года: «...умение обеспечивать на общей территории гармоничное сосуществование различных народов, этнических, религиозных и языковых групп определяет положение России как самобытного государства-цивилизации»².

Вторым субъектом по определению может быть национальное государство или союз нескольких государств. Например, Союзное государство России и Белоруссии.

Третьим и, на наш взгляд, наиболее продуктивным является подход на основе региона (региональной интеграции) или так называемого «глобального региона» [7, с. 137]. Как известно, российский президент связывает формирование многополярного мира как раз с развитием интеграции: «Очевидно, что у союза есть все возможности, для того чтобы стать одним из мощных, самостоятельных, самодостаточных полюсов формирующегося многополярного мира, быть центром притяжения для всех разделяющих наши ценности и стремящихся к сотрудничеству с ЕАЭС независимых государств»³. Интеграционная структура — это несколько государств, которые могут быть различными по своей экономической силе и иметь различные типы экономик.

Понятие региона имеет достаточно много разных коннотаций. Но основным можно считать вариант появления общей идентичности, проявляемой в результате последовательного развития, в том числе и на основе реализации общего экономического проекта — региональной интеграции. По очевидной важности именно этого субъекта выделим его отдельно.

Четвертое — региональная интеграция, так как за последнее время теоретическое осмысление интеграционных процессов сильно продвинулось вперед. Если в конце прошлого века мы были знакомы с классической моделью развития интеграционных процессов, представленной Европейским союзом и открытым регионализмом, в основном в форме НАФТА, то сейчас количество различных моделей существенно увеличилось.

Концептуальное осмысление регионального лидерства в условиях многополярности: кейс ЕАЭС

Ранее основным отличием интеграции от просто сотрудничества был т. н. интеграционный/синергетический эффект, но при интеграции существенно различных по своим параметрам государств определить его стало практически невозможно. Это существенно расширило понятие интеграции: она стала восприниматься и как просто механизм (прагматическое евразийство), и как мировоззренческий взгляд на мир (выделение/формирование определенной страты людей). И если раньше интеграционный процесс, как правило, рассматривали в экономической плоскости (ЕАЭС, МЕРКОСУР), то сегодня это достаточно часто политическая и военная сферы (ОДКБ, НАТО).

Возможные новые «центры силы» теперь стоит рассматривать через призму незападных государств или их интеграционных объединений. Изменение в них происходит в первую очередь в экономике. Она становится достаточно эффективной и сильной. Но современная мир-система устроена таким образом, что ее существование основывается на экономической зависимости от Запада. Незападные страны вынуждены мириться с неравноправной торговлей, они могут получить кредиты под проведение политики, которую требуют развитые страны, они же полностью контролируют глобальные политические институты

¹ Попов В. В. Роль России как Евразийской цивилизации в формировании нового миропорядка [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 04.04.2018. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rol-rossii-kak-evraziyskoy-tsivilizatsii-v-formirovani-novogo-miroporyadka/> (дата обращения: 30.03.2024); Попов В. В. Хрупкий, уязвимый и многополярный мир [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 14.02.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/khrupkiy-uyazvimyy-i-mnogopolynarnyy-mir/> (дата обращения: 30.03.2024).

² Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.) [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел РФ. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 23.03.2024).

³ Путин: ЕАЭС имеет все возможности, чтобы стать одним из мощных полюсов многополярного мира [Электронный ресурс] // ТАСС. 23.01.2023. URL: <https://tass.ru/politika/16858715> (дата обращения: 24.03.2024).

управления, мировую финансовую систему и т. д. Можно говорить о том, что развивающиеся страны постоянно платят «налог за свою бедность» развитым. И получается так, что чем успешнее страна, тем больше может стать ее зависимость.

В любом случае для развития необходимы инвестиции, даже Китаю, тем более такая зависимость существует и у других стран. При этом, очевидно, что инвестиции будут направлены в ту страну, где устойчивый политический и стабильный налоговый режим, соответствующее отношение к правам собственности и противодействию коррупции.

Те страны, о которых мы сегодня говорим как о новых «центрах силы» на мировой арене, в основном появились после Второй мировой войны (даже если и раньше, как, например, Бразилия, то послевоенное время сыграло огромную роль). Государство в момент его рождения не оставляет все происходящее до этого в прошлом, так как социальные институты, территория, люди, борющиеся политические и внешние силы — все это влияет на будущее¹. Все это на фоне эйфории победы. Результат хорошо известен — неоколониализм. Но сейчас страны и объединения подошли к моменту, когда мир может и должен измениться. Развитые страны не имеют преимущества перед незападными странами и их объединениями по некоторым определяющим параметрам развития.

Нечто подобное произошло и со странами бывшего СССР. Но, к счастью, понимание пришло намного быстрее, чем у стран, попавших в такую ситуацию раньше. Это похоже на рассмотренную идеальную модель процесса достижения лидерства, где все начинается с преодоления кризиса.

За последние несколько лет мир серьезно изменился. В марте 2022 г. замминистра иностранных дел Российской Федерации С. Рябков заявил, что «страны БРИКС, которые составляют почти половину населения мира и значительную часть мирового ВВП, будут одним из костяков нового мирового порядка»². Перезапуск глобализации может происходить на основе новой платформы стран и регионов, создания новой институциональной системы для модернизации стран мировой экономики, создания пула резервных валют из развивающихся рынков, создания альтернативного трека западному формату, создания новых региональных блоков и платформ для координации и развития³.

По сути это новая сетевая структура мировой экономики и глобального управления. ЕАЭС — важный элемент этой системы. Теоретическая основа ее формирования — трансрегионализм [6], переработанный в конкретику стратегического планирования базовых принципов, целей, основных задач и приоритетных направлений развития внутренней и внешней политики Российской Федерации.

Конечно, в интеграционной структуре ЕАЭС все страны равны между собой. Даже по сравнению с ЕврАзЭС, где было взвешенное голосование (страны наделялись разным количеством голосов), сегодня в ЕАЭС вернулись к принципу «одно государство — один голос», что подчеркивает равенство сторон. Но по естественным причинам Российская Федерация остается основным государством объединения, центром притяжения остальных.

Без формирования «центра экономической силы» реальной многополярности не получится. Экономическое развитие, особенно постоянное увеличение внутренней торговли, важный показатель успешности интеграции. И в ЕАЭС этому уделяется большое внимание, в особенности таким сферам, как энергетика, транспорт, химическая промышленность, машиностроение, информационные технологии, другими словами, инновационным областям и выпуску продукции с высокой добавленной стоимостью. Все эти направления есть в Договоре о ЕАЭС.

На наш взгляд, в сегодняшней ситуации следует более точно определить направления и критерии формирования экономической составляющей полюса ЕАЭС.

¹ *Сергеев В.* Новые центры силы на мировой арене [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 26.09.2014. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novye-tsentry-sily-na-mirovoy-arene/> (дата обращения: 02.04.2024).

² *Рябков заявил, что страны БРИКС станут основой нового миропорядка* [Электронный ресурс] // РБК. 30.03.2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/30/03/2022/6244647a9a79476ff5c08ff3> (дата обращения: 02.04.2024).

³ *Лисоволик Я.* БРИКС как основа нового миропорядка: каковы перспективы? [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 12.04.2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/briks-kak-osnova-novogo-miroporyadka-kakovy-perspektivy/> (дата обращения: 02.04.2024).

Одним из возможных и реальных вариантов формирования такого полюса является учет формирования нового технологического уклада на стратегию развития Евразийского союза в условиях трансформации мирохозяйственного уклада [5, с. 3]. Процесс смены мирохозяйственного уклада связан с изменением технологического уклада, что и происходит прямо сейчас.

Нынешняя смена, процесс, укладывающийся в деградации либерального капиталистического устройства и попытки сохранения существующей гегемонии США. По мнению академика РАН С. Глазьева, сегодня вслед за американским циклом центр экономического развития смещается в Азию, где вперед вырывается Китай и страны Юго-Восточной Азии¹. Это и сопровождается эскалацией и приводит к развитию мировой гибридной войны. Это также и новые «подходы к стратегическому планированию, функционированию государственно-частного партнерства, существенный государственный компонент в управлении банковской системой... модель, при этом ориентирована на рост социального благосостояния»².

По сути, это известные «институты», но они должны быть несколько адаптированы, например, по моделям аналогичных структур Юго-Восточной Азии, в первую очередь Китая. Но пока каких-либо планов в данном направлении у российского правительства нет. Все эти проблемы обсуждались на круглом столе РСМД на полях Евразийского конгресса в Сочи³.

Заключение

В условиях кризиса глобализации региональный подход становится ключевым, поскольку интеграционные структуры могут выступать основой для формирования многополярного мира. Развитие региональных связей, интеграционных систем и формирование региональных порядков напрямую связаны с ростом потенциалов новых центров силы.

Региональное лидерство имеет свои ключевые измерения, такие как объем, охват, вес, издержки и инструменты воздействия. В связи с этим понятие «центров силы» или «полюсов» многополярной мир-системы может быть реализовано через региональные структуры, цивилизации или государства-цивилизации, которые обладают значительным влиянием и способны противостоять силе других акторов.

Развивающиеся страны уже играют все более значимую роль в мировой экономике и политике. В том числе и Россия выступает за перезапуск глобализации на основе новой платформы, которая включает в себя страны и регионы, а также создание новых институциональных систем для модернизации мировой экономики. В этом контексте ЕАЭС играет важную роль в формировании многополярного мира как элемент трансрегиональной структуры мировой экономики и глобального управления.

В контексте многополярного мира и экономической интеграции ЕАЭС играет ключевую роль. Развитие экономических отношений в рамках ЕАЭС, а также укрепление связей с другими региональными и межрегиональными организациями, в том числе АСЕАН и китайской инициативой «Один пояс — один путь» способствуют формированию Большого евразийского партнерства, что в том числе отражает стратегическое видение России на основные принципы, цели и задачи евразийской внешней политики.

Таким образом, на сегодняшний день результаты формирования экономического полюса рассматриваются в статистических данных, в том числе и с помощью системы индикаторов интеграции. Формирование полюса с учетом концепции смены мирохозяйственных укладов предполагает реформирование или создание институтов на основе использования принципов недискриминации, взаимного уважения суверенитетов и национальных интересов, выстраивания равных и взаимовыгодных отношений с другими государствами. Построение полюса в таком случае можно считать переходом на шестой технологический уклад.

¹ «Такие события, как сейчас, происходят раз в столетие»: Сергей Глазьев о сломе эпох и смене укладов [Электронный ресурс] // Бизнес Онлайн. 27.03.2022. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/544773> (дата обращения: 05.04.2024).

² Круглый стол РСМД на полях Евразийского конгресса в Сочи [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 08.06.2023. URL: https://russiancouncil.ru/news/kruglyy-stol-rsmd-na-polyakh-evraziyskogo-kongressa-v-sochi/?sphrase_id=134272832 (дата обращения: 08.04.2024).

³ Там же.

Изложенное подчеркивает необходимость разработки новых стратегий и подходов к формированию экономического полюса в рамках ЕАЭС, адаптированного к современным вызовам и возможностям мировой экономики, что требует укрепления сотрудничества, развития инноваций и перехода к новому технологическому укладу для достижения устойчивого экономического развития Евразийского региона.

Литература

1. Базавлук С. В., Курылев К. П., Савин Л. В. Евразийство, ЕАЭС и многополярность: оценки зарубежных экспертов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 1. С. 30–42. EDN: TEDHBW. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-1-30-42
2. Бусыгина И. М., Григорьев И. С., Декальчук А. А. [и др.] Модели регионального лидерства в Евразии: к новой исследовательской повестке // Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 11. С. 114–123. EDN: HСJVV. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-11-114-123
3. Болдуин Д. А. Неолиберализм, неореализм и мировая политика // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2012. № 2. С. 33–52. EDN: PBRJJD
4. Воскресенский А. Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. 2012. № 2. С. 30–58. EDN: QCMENH
5. Глазьев С. Ю. Мирохозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии // Экономика и математические методы. 2016. Т. 52. № 2. С. 3–29. EDN: VZSVFJ
6. Кузнецов Д. А. Возможности формирования комплексного подхода к исследованиям региональной интеграции и трансрегионализма // Мировая политика. 2019. № 1. С. 1–13. EDN: SKLZDI. DOI: 10.25136/2409-8671.2019.1.28870
7. Лагутина М. Л. Мировая политическая система в контексте глобальной регионализации // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2015. № 2. С. 134–140. EDN: VBYJAJ
8. Лукин В. П. «Центры силы»: концепции и реальность. М. : Международные отношения, 1983. 256 с.
9. Майорова М. А. Дихотомия регионального и глобального лидерства в современных международных отношениях на примере России и Турции // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. № 3. С. 69–83. EDN: WKPFLU. DOI: 10.31249/kgt/2022.03.04
10. Сафранчук И. А., Жорнист В. М., Несмашный А. Д. Гегемония и мировой порядок: обзор концепции «сложной гегемонии» // Вестник международных организаций. 2021. Т. 16. № 1. С. 172–183. EDN: DOEZNA. DOI: 10.17323/1996-7845-2021-01-09
11. Солуянов В. С. Концепция многополярности: многообразие подходов и интерпретаций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 3. С. 424–445. EDN: HYQQFF. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-424-445
12. Темников Д. М. Лидерство и самоорганизация в мировой системе. М. : Аспект Пресс, 2011. 173 с. ISBN: 978-5-7567-0604-8. EDN: RAZOTT
13. Торопыгин А. В. Современные теоретические и практические подходы к многосторонности в международных отношениях: кейс ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. № 2. С. 169–180. EDN: YBRAGP. DOI: 10.22394/2073-2929-2023-02-169-180
14. Цыганков П. А. Мортон Каплан и системное исследование международной политики // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2012. № 1. С. 25–40. EDN: OXEUMV
15. Kaplan M. A. Variants on Six Models of the International System // International Politics and Foreign Policy. A Reader in Research and Theory; J. Rosenau (ed.). N.Y : The Free Press, 1969. P. 291–303.
16. Laïdi Z. Towards a Post-hegemonic World: The Multipolar Threat to the Multilateral Order // International Politics 2014. Vol. 51. No. 3. P. 350–365. DOI: 10.1057/ip.2014.13
17. Lukes S. Power: A Radical View. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2004. 192 p. ISBN: ISBN: 0333420918.
18. Nabers D. Power, Leadership, and Hegemony in International Politics: The Case of East Asia // Review of International Studies. 2010. Vol. 3. No. 4. P. 931–949. DOI: 10.1017/S0260210510001373

Об авторах:

Торопыгин Андрей Владимирович, профессор кафедры международных отношений Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук, профессор;
e-mail: toropygin-av@ranepa.ru; ORCID: 0000-0002-0678-3347

Ирошкина Татьяна Владимировна, аспирант Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: tiroshkina-21@edu.ranepa.ru

References

1. Bazavluk S. V., Kurylev K. P., Savin L. V. Eurasianism, Eurasian Economic Union and Multipolarity: Assessments of Foreign Experts // Vestnik RUDN. International Relations [Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya]. 2022. Vol. 22. No. 1. P. 30–42. (In Russ.) EDN: TEDHBW. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-30-42
2. Busygina I. M., Grigoriev I. S., Dekalchuk A. A., Kabanov Yu. A. Models of Regional Leadership in Eurasia: To the New Research Agenda // World Economy and International Relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]. 2020. No. 11. P. 114–123. (In Russ.) EDN: HCJJVV. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-11-114-123
3. Baldwin D. A. Neoliberalism, Neorealism and World Politics // Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science [Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki]. 2012. No. 2. P. 33–52. (In Russ.) EDN: PBRJJD
4. Voskresensky A. D. Concepts Regionalization, Regional Subsystems, Regional Complexes and Regional Transformations in Modern International Relations // Comparative Politics [Sravnitel'naya politika]. 2012. No. 2. P. 30–58. (In Russ.) EDN: QCMENH
5. Glaziev S. Yu. National Economy Structures in the Global Economic Development // Economic and Mathematical Methods [Ekonomika i matematicheskie metody]. 2016. Vol. 52. No. 2. P. 3–29. (In Russ.) EDN: VZSVFJ
6. Kuznetsov D. A. Potential of Forming a Complex Approach to Studying Regional Integration and Trans-regionalism // World Politics [Mirovaya politika]. 2019. No. 1. P. 1–13. (In Russ.) EDN: SKLZDI. DOI: 10.25136/2409-8671.2019.1.28870
7. Lagutina M. L. World Political System: Global Regionalization Issues // Eurasian Integration: Economic, Law, Politics [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2015. No. 2. P. 134–140. (In Russ.) EDN: VBYJAJ
8. Lukin V. P. "Centers of Power": Concepts and Reality. Moscow : International Relations, 1983, 256 p. (In Russ.)
9. Mayorova M. A. The Dichotomy of Regional and Global leadership in Modern International Relations on the Example of Russia and Turkey // Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law: Politics, Economics, Law [Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo]. 2022. No. 3. P. 69–83. (In Russ.) EDN: WKPFLU. DOI: 10.31249/kgt/2022.03.04
10. Safranchuk I. A., Zhornist V. M., Nesmashnyi A. D. Hegemony and World Order: An Overview of the Concept of "Hegemony as Complexity" // International Organisations Research Journal [Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii]. 2021. Vol. 16. No. 1. P. 172–183. (In Russ.) EDN: DOEZNA. DOI: 10.17323/1996-7845-2021-01-09
11. Soluianov V. S. The Concept of Multipolarity: Diversity of Approaches and Interpretations // RUDN Journal of Political Science [Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya]. 2021. Vol. 23. No. 3. P. 424–445. (In Russ.) EDN: HYQQFF. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-424-445
12. Temnikov D. M. Leadership and Self-organization in the World System. Moscow : Aspect Press, 2011. 173 p. ISBN: 978-5-7567-0604-8. (In Russ.) EDN: RAZOTT

13. Toropygin A. V. Modern Theoretical and Practical Approaches to Multilateralism in International Relations: The EAEU Case // Eurasian Integration: Economic, Law, Politics [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2023. No. 2. P. 169–180. (In Russ.) EDN: YBRAGP. DOI: 10.22394/2073-2929-2023-02-169-180
14. Tsygankov P. A. Morton Kaplan and Systems Analysis of International Politics // Lomonosov World Politics Journal [Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika]. 2012. No. 1. P. 25–40. (In Russ.) EDN: OXEUMV
15. Kaplan M. A. Variants on Six Models of the International System // International Politics and Foreign Policy. A Reader in Research and Theory; J. Rosenau (ed.). N. Y : The Free Press, 1969. P. 291–303.
16. Laïdi Z. Towards a Post-hegemonic World: The Multipolar Threat to the Multilateral Order // International Politics 2014. Vol. 51. No. 3. P. 350–365. DOI: 10.1057/ip.2014.13
17. Lukes S. Power: A Radical View. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2004. 192 p. ISBN: 0333420918.
18. Nabers D. Power, Leadership, and Hegemony in International Politics: The Case of East Asia // Review of International Studies. 2010. Vol. 3. No. 4. P. 931–949. DOI: 10.1017/S0260210510001373

About the authors:

Andrey V. Toropygin, Professor of the Chair of International Relations of North-West Institute of Management of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Political Sciences), Professor;
e-mail: toropygin-av@ranepa.ru; ORCID: 0000-0002-0678-3347

Tatyana V. Iroshkina, Graduate student of North-West Institute of Management of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation);
e-mail: tiroshkina-21@edu.ranepa.ru

Внешняя политика Союзного государства: латино-карибский вектор российско-белорусской интеграции

Чмырева В. А.

Институт экономики Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

e-mail: vera1305@mail.ru

РЕФЕРАТ

Исследование направлено на изучение внешней политики Союзного государства на латино-карибском направлении в новых геополитических условиях и ее роли в формирующейся архитектуре мировой экономики и геополитики. Определен механизм реализации внешней политики Союзного государства на латино-карибском направлении. Показано, что внешний контур российско-белорусской интеграции не является суммой внешних политик государств-участников, однако реализуется в рамках их договорно-правового поля: в проведении согласованной внешней политики стороны сохраняют гибкий подход и не ограничиваются рамками внешнеполитических институтов Союза. Представлены основные направления проектного сотрудничества России и Беларуси с государствами Латино-Карибского региона и определены приоритеты взаимодействия.

Цель. Определить значимость и потенциал латино-карибского направления во внешнем контуре Союзного государства в актуальных условиях экономической турбулентности и геополитической эскалации.

Задачи. Определить механизм реализации внешней политики Союзного государства на латино-карибском направлении, выявить основные направления сотрудничества, проанализировать актуальные тренды и факторы влияния, определить перспективы взаимодействия.

Методология. Автор использует сочетание общенаучных теоретических и специальных методов; особое значение имеют метод сравнительного анализа и логический метод. При работе с нормативно-законодательными источниками использованы методы анализа правовых документов (нормативный метод).

Результаты. Потенциал отношений между Союзным государством и странами Латино-Карибской Америки не реализован в полной мере, однако в настоящее время происходит форсированная диверсификация сотрудничества между странами и расширение сфер взаимодействия на основе экономической целесообразности и политической мотивированности.

Выводы. В актуальных условиях мировой политико-экономической турбулентности латино-карибское направление союзной внешней политики является важным звеном в выстраивании эффективного международного сотрудничества и освоении новых трансрегиональных логистических маршрутов.

Ключевые слова: Союзное государство, Россия, Беларусь, Латино-Карибская Америка, интеграция

Для цитирования: Чмырева В. А. Внешняя политика Союзного государства: латино-карибский вектор российско-белорусской интеграции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 3. С. 165–174.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-03-165-174>. EDN: XICQRW

Foreign Policy of the Union State: Latin-Caribbean Direction of the Russia-Belarus Integration

Vera A. Chmyreva

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

e-mail: vera1305@mail.ru

ABSTRACT

The research is aimed at studying the Union State foreign policy in the Latin-Caribbean direction in new geopolitical conditions and its role in the emerging architecture of world economy and geopolitics. The mechanism for implementing the Union State foreign policy has been determined. It is shown that the external contour of the Russia-Belarus integration is not the sum of foreign policies, but is being implemented within the framework of their legal framework: pursuing a coordinated foreign policy, the parties maintain a flexible approach and are not limited by the framework of the foreign policy institutions of the Union. The author presents basic areas of project cooperation between Russia, Belarus and the states of the Latin-Caribbean region establishing priorities of cooperation.

Aim. To appraise the significance and potential of Latin-Caribbean direction in the Union State foreign policy in the current conditions of economic turbulence and geopolitical escalation.

Tasks. To identify the main areas of cooperation, to analyze current trends and influencing factors, and to determine the prospects for interaction.

Methods. A combination of general scientific theoretical and special methods is used. The method of comparative analysis and the logical method are of prime importance. When working with regulatory and legislative sources, the normative method is used.

Results. The potential of cooperation between the Union State and the countries of Latin-Caribbean America has not been fully realized, however, an accelerated diversification of partnership between the countries is being practiced as well as an expansion of areas of interaction based on economic feasibility and political motivation.

Conclusions. Under current conditions of global political and economic turbulence, the Latin-Caribbean direction of the Union's foreign policy is an important part in building effective international cooperation and developing new trans-regional logistics routes.

Keywords: The Union State, Russia, Belarus, Latin-Caribbean America, integration

For citation: Chmyreva V. A. Foreign Policy of the Union State: Latin-Caribbean Direction of the Russia-Belarus Integration // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 3. P. 165–174. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-03-165-174>. EDN: XICQRW

Введение

В условиях мировой экономической турбулентности и геополитической эскалации, на фоне перманентно усложняющихся отношений между ключевыми субъектами международного политического процесса Союзное государство (СГ) Беларуси и России претендует на роль одного из ключевых полюсов мировой политики и ядра евразийской экономической интеграции в формирующейся международной политико-экономической архитектуре. Выделяя решение экономических и социальных задач в качестве приоритета союзной интеграции, наряду с взаимодействием в рамках «двойки», стороны выступают за углубление многостороннего партнерства и активизируют сотрудничество во внешнеполитической сфере. Латино-Карибская Америка (ЛКА) — это направление, в котором позиции России (РФ) и Беларуси (РБ) если не едины, то очень близки: в настоящее время стороны готовы к продвижению и реализации взаимовыгодных инициатив и проектов в ЛКА, и взаимодействие с государствами региона становится самоценным направлением «согласованной внешней политики»¹ Союза.

Внешняя политика Союзного государства

Внешняя политика Союзного государства реализуется на основе развитой нормативно-правовой базы и институциональной системы регулирования внешнеполитической деятельности Союза.

¹ Договор о создании Союзного государства [Электронный ресурс]. URL: <https://eaeu.economy.gov.ru/static/media/AgreementUS.3438421a.pdf> (дата обращения: 11.06.2024).

В 2024 г. исполняется 25 лет со дня подписания Договора о создании СГ (1999 г.): в этом основополагающем документе союзного строительства обозначены основные ценности интеграции, интерпретация которых составляет основу внешнеполитических ориентиров СГ. В Договоре определены ключевые акторы внешнеполитического процесса Союза: Высший Государственный Совет (ВГС), Парламент и Совет Министров СГ¹. Утверждена обновленная Программа согласованных действий в области внешней политики государств — участников Договора о создании СГ, которая была впервые принята на трехлетний период (2024–2026 гг.) с целью синхронизации с двусторонними интеграционными программами².

Основные направления интеграции отражены в положениях Договора о создании Союзного государства на 2024–2026 годы, которые призваны сблизить позиции и нормативно-правовую базу сторон с целью развития совместного экономического потенциала, создания объединенной транспортной и энергетической системы, формирования объединенных рынков нефти и нефтепродуктов, общего информационного пространства; формирования единого научно-технологического пространства и наращивания научно-технического сотрудничества³. Признавая необходимость «предметно заняться стратегическим планированием», ведется работа по подготовке Концепции безопасности СГ, в которой «будут сформулированы основные задачи взаимодействия в условиях растущей напряженности на внешних границах и развязанной против Беларуси и России санкционной и информационной войн»⁴.

Координация союзной внешнеполитической повестки осуществляется также на базе государственных министерств и ведомств. В ходе очередного совместного заседания коллегий МИД РФ и РБ 15.12.2023 стороны констатировали стратегический характер двусторонних отношений и активизацию белорусско-российского взаимодействия, в том числе в форматах других интеграционных объединений (ЕАЭС, СНГ и ОДКБ); особое внимание уделили вопросам координации сотрудничества в ЛКА и заявили о готовности к согласованию и реализации конкретных проектов в регионе⁵.

Латино-карибский вектор актуальной внешней политики СГ следует рассматривать с точки зрения конструктивного сотрудничества на основе концепции полицентризма и принципа прагматизма⁶, учитывая, что союзная политика вписана в более широкий контекст международной деятельности Евразийского экономического союза (ЕАЭС), что выводит межгосударственные отношения на новый уровень в рамках сотрудничества двух макрорегионов (ЕАЭС — ЛКА). Заметим, что с позиции

¹ Председатель ВГС, один из глав государств-участников, ведет международные переговоры и подписывает от имени СГ международные договоры, представляет СГ в отношениях с иностранными государствами и международными организациями. Парламент СГ заключает Соглашения о сотрудничестве с парламентами и парламентскими организациями государств, не входящих в СГ, и рассматривает предложения по вопросам присоединения к СГ третьих государств. Совет Министров (СМ) СГ, в состав которого входят Председатель СМ, главы правительств, министры иностранных дел, экономики и финансов государств-участников, руководители основных отраслевых и функциональных органов управления СГ, способствует проведению согласованной политики государств-участников в международных делах, в сфере обороны и безопасности; по поручению ВГС и в пределах предоставленных полномочий проводит переговоры и подписывает международные договоры от имени СГ. См.: Договор о создании Союзного государства [Электронный ресурс]. URL: <https://eaeu.economy.gov.ru/static/media/AgreementUS.3438421a.pdf> (дата обращения: 11.06.2024).

² Постановление от 29 января 2024 г. № 1 «О выполнении Программы согласованных действий в области внешней политики на 2022–2023 гг. и Программе согласованных действий в области внешней политики на 2024–2026 гг.» [Электронный ресурс]. URL: <https://soyuz.by/projects/dekrety-vysshego-gosudarstvennogo-soveta-soyuznogo-gosudarstva/postanovlenie-ot-29-yanvarya-2024-g-1-o-vypolnenii-programmy-soglasovannyh-deystviy-v-oblasti-vneshney-politiki-na-2022-2023-gg-i-programme-soglasovannyh-deystviy-v-oblasti-vneshney-politiki-na-2024-2026-gg> (дата обращения: 11.06.2024).

³ Декрет от 29 января 2024 г. № 2 «Об Основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2024–2026 годы» [Электронный ресурс]. URL: <https://soyuz.by/projects/dekrety-vysshego-gosudarstvennogo-soveta-soyuznogo-gosudarstva/dekret-ot-29-yanvarya-2024-g-2-ob-osnovnyh-napravleniyah-realizacii-polozheniy-dogovora-o-sozdanii-soyuznogo-gosudarstva-na-2024-2026-gody> (дата обращения: 11.06.2024).

⁴ Заседание Высшего государственного совета Союзного государства [Электронный ресурс]. URL: <https://president.gov.by/ru/events/zasedanie-vysshego-gosudarstvennogo-soveta-soyuznogo-gosudarstva> (дата обращения: 11.06.2024).

⁵ Стенограмма подхода к прессе по итогам совместного заседания коллегии МИД Беларуси и коллегии МИД России 15.12.2023 [Электронный ресурс]. URL: https://mfa.gov.by/press/news_mfa/f34e9d7762890101.html (дата обращения: 11.06.2024).

⁶ В соответствии с Военной доктриной СГ (действует с 2001 г., обновлена в 2021 г.), актуальный миропорядок — «полицентричная международная система отношений», при этом военно-политическая обстановка, складывающаяся вокруг Союзного государства, характеризуется «возрастанием негативных процессов в сфере глобальной и региональной безопасности, обусловленных как геополитическим соперничеством между ведущими мировыми державами, так и столкновением интересов отдельных государств (коалиций государств)». См.: Военная доктрина Союзного государства [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--c1anggbdpdxn--p1ai/docs/item/237511/> (дата обращения: 11.06.2024).

интересов латиноамериканских партнеров ЕАЭС — интеграционный проект, продвигаемый Россией, «направленный на укрепление экономического блока, который сможет выступить связующим звеном между Европейским союзом и Китаем» [5, с. 185]. Подобное видение определяет значимость СГ (и ЕАЭС) для ЛКА не только с точки зрения многосторонних политических и торгово-экономических отношений, но и в свете трансматерикового транзита и потенциала сотрудничества со странами Востока и Глобального Юга, что в конечном итоге является одним из ключевых факторов актуального взаимодействия.

Латино-карибский вектор внешней политики СГ

Латино-карибский вектор внешней политики СГ активизируется на основе накопленного потенциала в развитии национальных экономик РФ и РБ. Богатый опыт двустороннего сотрудничества с государствами ЛКА, отсутствие геополитической конкуренции и общее видение процессов общемирового развития также определяют возможности многовекторного присутствия СГ в регионе. Все это открывает «окно» новых возможностей в части научно-технологического развития государств и является важным звеном в процессе диверсификации внешних отношений и интеграции в мировые торгово-хозяйственные связи. Заметим, что из государств ЕАЭС только РФ и РБ наладили наиболее продуктивные отношения с государствами ЛКА (многие из которых приобретают статус стратегических партнерств) и «наметили совместные шаги по продвижению взаимовыгодных инициатив»¹ в регионе.

Государства — участники СГ поддерживают дипломатические отношения со всеми странами ЛКА. Ключевыми внешнеторговыми партнерами РФ и РБ являются Бразилия, Венесуэла, Мексика, Аргентина, Эквадор; высокий уровень политических отношений поддерживается с Республикой Куба, активизируется взаимодействие с Никарагуа². Стороны заявляют о стремлении наращивать отношения с приоритетными партнерами; укреплять дружбу и многоплановое сотрудничество с государствами ЛКА «с учетом степени их самостоятельности и конструктивности проводимой ими политики...»³, а также в рамках сотрудничества с региональными интеграционными объединениями — Сообществом латиноамериканских и карибских государств (СЕЛАК), Южноамериканским общим рынком (МЕРКОСУР), Боливарианским альянсом для народов Америки (АЛБА) и др.

Одновременно с активизацией многостороннего взаимодействия на полях международных организаций — ООН, «Большая двадцатка» (G20) и др. — местом для расширения сотрудничества между странами становятся форумы, которые в настоящее время реализуются в формате «РФ — ЛКА», «РБ — ЛКА» при активной роли РФ⁴. В 2023 г. была запущена международная парламентская конференция «Россия — Латинская Америка», призванная укрепить взаимодействие между законодательными органами РФ и государств ЛКА, в ходе которой стороны констатировали положительную динамику развития товарооборота между странами (около 20 млрд долл. США⁵).

В Деловом и культурном комплексе Посольства РБ в РФ состоялся Белорусско-Латиноамериканский форум, организованный Министерством иностранных дел РБ совместно с белорусскими госорганами и деловыми кругами, в котором приняли участие послы, руководители дипмиссий и дипломаты Аргентины, Боливии, Бразилии, Венесуэлы, Гватемалы, Гондураса, Доминиканы, Колумбии, Коста-Рики, Кубы, Мексики, Никарагуа, Панама, Парагвая, Уругвая, Чили, Эквадора и Эль-Сальвадора. Белорусская

¹ Беларусь и Россия наметили совместные шаги по продвижению инициатив в Латинской Америке [Электронный ресурс]. URL: <https://belta.by/politics/view/belarus-i-rossija-nametili-sovmestnye-shagi-po-prodvizheniju-initsiativ-v-latinskoj-ameriki-610308-2024/> (дата обращения: 11.06.2024).

² Несмотря на то, что политические отношения и военно-техническое сотрудничество с этими странами существенно превышают уровень торгово-экономических отношений, в настоящее время стороны активно развивают совместные проекты в области биофармацевтической промышленности, транспорта, сельского хозяйства и др.

³ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31.03.2023) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/?lang=ru> (дата обращения: 11.06.2024).

⁴ «... активно используется потенциал белорусского дипломатического представительства в г. Москве, где находятся посольства большинства стран данного региона». См.: Беларусь и страны Латинской Америки [Электронный ресурс]. URL: https://mfa.gov.by/bilateral/america/latin_america/ (дата обращения: 11.06.2024).

⁵ Парламентские связи открывают дорогу развитию взаимовыгодного экономического сотрудничества России и Латинской Америки [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru/news/57967/> (дата обращения: 11.06.2024).

сторона презентовала опыт развития электротранспорта, внедрения биотехнологий в сельском хозяйстве, продвижения услуг в области информационных технологий (цифровая медицина и образование) и проявила готовность выхода на рынки потенциальных покупателей данной продукции¹.

Ключевой экономической партнер РФ в ЛКА — Бразилия — страна, не приверженная западной геополитике и санкционным рестрикциям. По словам Посла Бразилии в РФ Родриго де Лима Баэна, санкционные ограничения Запада создали заметные сложности в части оплаты, страхования и логистики, однако сторонам удалось преодолеть эти ограничения и двусторонняя торговля «достигла рекордного уровня»². (По данным бразильской статистики, в 2022 г. российско-бразильский товарооборот составил 10,6 млрд долл.; основная статья российского экспорта — удобрения и дизельное топливо³. РФ также стала вторым по объемам поставщиком пшеницы в Бразилию (после Аргентины.) «Мы можем предоставить России много оборудования и техники, которые раньше импортировались, например, из европейских стран или из США. Мы могли бы повысить уровень сотрудничества между странами в этой области и не ограничиваться сельским хозяйством...», — заявил посол⁴.

Бразилия также является основным торговым партнером РБ: в 2021 г. объем двухсторонней торговли составил 782,9 млн долл. США (темп роста 108,9%); основные статьи белорусского экспорта — это товары нефтехимического комплекса и продукция Белорусского металлургического завода; среди ключевых товарных позиций импорта — пассажирские самолеты «Эмбраер», кофе, арахис, лекарственные средства и пр.⁵

Несмотря на то, что во внешней торговле СНГ с третьими странами по-прежнему доминируют минеральные продукты, стороны планомерно движутся к поиску синергии в развитии наукоемких отраслей экономики и активизации сотрудничества в условиях санкционных ограничений (см. табл., с. 170). При этом уровень инвестиционного сотрудничества РФ и РБ с государствами ЛКА остается низким. Даже в Бразилии доля РФ в сравнении с международными партнерами незначительна [2] и, по некоторым оценкам, «настоящие» российские ПИИ в Латино-Карибской Америке едва превышают 1% всех российских прямых капиталовложений за рубежом [3]. Присутствие на латиноамериканском рынке российских ТНК («Роснефть», «Ростех», «Лукойл», «Газпром» и др.) также выглядит достаточно скромным, как и уровень торгово-экономических отношений между странами.

Таким образом, ни СНГ, ни ЕАЭС не являются приоритетными партнерами ЛКА с точки зрения внешнеэкономических связей, и доля РФ и РБ в общем объеме внешней торговли ЛКА остается незначительной. При этом активизация российско-белорусского присутствия в регионе в настоящее время не вызывает сомнений, а реализуемые проекты заслуживают внимания с целью формирования актуального вектора роста взаимосотрудничества между странами.

Совместные проекты СНГ с государствами ЛКА

Совместные проекты реализуются по ряду направлений: инновационные сферы (биотехнологии, биофармацевтика, информационные (компьютерные) технологии и пр.), энергетика, транспорт, инфраструктура (модернизация и строительство транспортной и промышленной инфраструктуры, поставки транспортных средств и пр.), сырьевой сектор. (Сотрудничество в военно-технической области, требующее отдельного внимания и контекста исследования, остается за рамками настоящего обзора.) При этом несмотря на то, что основная статья дохода СНГ по-прежнему основана преимущественно на сырьевых секторах экономики, положительная динамика развития инновационных направлений сотрудничества не вызывает сомнений.

¹ Оватором Белорусско-Латиноамериканском форуме [Электронный ресурс]. URL: <https://russia.mfa.gov.by/ru/embassy/news/b201f20cf3eb4304.html> (дата обращения: 11.06.2024).

² Посол Бразилии — РБК: «Как вы знаете, мы не следуем санкционному режиму» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/04/12/2023/6565e5169a79470a65e6f216> (дата обращения: 11.06.2024).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Торгово-экономические отношения [Электронный ресурс]. URL: <https://brazil.mfa.gov.by/ru/exportby/tev/> (дата обращения: 11.06.2024).

В этом контексте целесообразно обратить внимание на отдельные направления сотрудничества РФ и РБ с партнерами из ЛКА, которые реализуются в настоящее время в формате двусторонних и многосторонних проектов. Примечательно, что, помимо ключевых внешнеторговых партнеров, развиваются перспективные проекты с Боливией, Перу, Кубой и др. (см. табл.).

Таблица

Обзор актуальных двусторонних и союзных проектов с государствами ЛКА
Table. Overview of relevant bilateral and allied projects with Latin-Caribbean States

ЛКА	РФ	РБ
	СГ	
Бразилия	Участие («Газпром нефть») в строительстве трансконтинентальной автомагистрали Bi-Oceanic Corridor (использование инновационного российского битума (ПБВ) на участке автомобильной трассы в Бразилии и Парагвае, 2020 г.). Сотрудничество научно-технического центра «Газпром нефти» и компании IBM Research Brazil с целью оптимизации процессов обработки и анализа геолого-геофизической информации на базе передовых технологий и искусственного интеллекта. Контракт на поставку услуг по обогащению урана; поставки изотопов для ядерной медицины; поставки промышленных изотопов — изотопы цинка, лития («Росатом», на основе сырья из РФ, 2022–2023 гг.). Локализация производства и увеличение мощностей по производству удобрений (в 2024 г. компания «ЕвроХим» ввела в эксплуатацию новое предприятие по производству фосфорных удобрений; компании также принадлежат два крупных предприятия дистрибуции). Сотрудничество в области биотехнологий и фармацевтики (поставки и локализация российских фармацевтических препаратов и технологий (инсулинов, вакцин и пр.), поставки российского медицинского оборудования). Сотрудничество в области информационной безопасности и цифровой инфраструктуры (присутствие российских компаний Kaspersky Lab, SearchInform, Softline и др. на бразильском рынке). Бразилия возобновила и нарастила закупки нефти из РФ (2023 г.)	Промышленная кооперация для совместного производства: достигнуты договоренности о строительстве заводов по сборке белорусских тракторов Минского тракторного завода (МТЗ) (2023 г.). Переговоры о возобновлении поставок белорусских калийных удобрений («Беларуськалий»). Авиакомпания «Белавиа» приобретает самолеты Embraer производства Бразилии
	Запуск программы по стимулированию академического и научно-технологического трехстороннего сотрудничества по инициативе посольства Бразилии в Москве (участие 75 научных, исследовательских и образовательных организаций). Сотрудничество осуществляется под эгидой Рамочной программы БРИКС в сфере науки, технологий и инноваций, координируемой Российским центром научной информации	
Мексика	Расширение сотрудничества в области разработки нефтяных месторождений и геологоразведочных работ; открытие трейдингового подразделения «Лукойла» (Litasco) — новый рынок для российских нефтепродуктов. Расширение экспорта российских удобрений (проект создания совместного предприятия по производству органических удобрений, средств защиты растений и микробиологических препаратов для животных). Сотрудничество в сфере ядерной энергетики (ядерные методы в медицине, экологии, информационные и квантовые технологии и пр.). Соглашение о сотрудничестве в исследовании и использовании космоса в мирных целях (ратифицировано в 2022 г.); проработка проекта соглашения о размещении российской станции автоматизированной системы предупреждения об опасных ситуациях в околоземном космическом пространстве (АСПОС ОКП). Активизация сотрудничества в области фармацевтики и биотехнологий (расфасовка российской вакцины от коронавируса «Спутник V»; регистрации и поставки российских препаратов и др.)	Проекты возобновления поставок калийных удобрений (через порты РФ)
	Меморандум между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь об углублении стратегического сотрудничества в области использования атомной энергии в мирных целях (совместные проекты в сфере ядерной медицины, цифровизации, экологии и пр.) — предпосылки совместного продвижения в ЛКА	
Венесуэла	Активизация сотрудничества на фоне подписания Договора о стратегическом партнерстве и сотрудничестве (2023 г.). Сотрудничество в области спутниковой навигации: «Роскосмос» заключил контракт с Боливарианским агентством по космической деятельности о размещении в Венесуэле наземной станции российской глобальной навигационной спутниковой системы ГЛОНАСС (2022 г.). Расширение проектов в нефтегазовой сфере («Росзарубежнефть»).	Поручение Президента РБ провести ревизию совместных проектов, обновить дорожную карту сотрудничества (2023 г.). Проекты возобновления совместных сборочных производств белорусской техники (тракторов и грузовой техники — «МАЗ-ВЕН» и «ВенеМинск Тракторес»).

Продолжение табл.

ЛКА	РФ	РБ
	СГ	
	«Росгеология» и государственная нефтегазовая компания PDVSA (Petróleos de Venezuela) подписали меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в сфере технического консультирования, профессионального обучения и проведения геолого-геофизических исследований нефтегазовых месторождений (2023 г.). Расширение сотрудничества в области поставок газотурбинных агрегатов и реконструкции объектов энергетического обеспечения месторождений и транспортировки природного газа (2023 г.). Расширение экспортной линейки фармацевтической продукции российских предприятий («Биокад», «Герофарм» и др.) и локализация российского производства за рубежом. Экспорт в страны ЛКА. Расширение работы российско-венесуэльского центра по изучению и профилактике инфекционных болезней, созданного в 2022 г. Расширение сотрудничества в области морского транспорта (проработка проекта создания совместной судоходной компании и организации регулярных морских перевозок (проект прямого транспортного коридора из портов Санкт-Петербурга и Новороссийска до порта Пуэрто-Кабельо). Расширение сотрудничества в области туризма и образования Обсуждение совместных нефтяных проектов	Проект строительства мультибрендового Центра по продаже и обслуживанию белорусской техники (2023 г.). Поставки белорусской сельскохозяйственной, автомобильной и пассажирской техники. Сотрудничество в области нефтехимии и поставок удобрений. Активизация взаимодействия в сфере авиатransпортовки грузов морским путем: проект межправительственного соглашения о воздушном сообщении (2024 г.). Укрепление сотрудничества в сферах образования, здравоохранения, науки и технологий; взаимодействие в области туризма
Аргентина	Открытие «Центра интеграции и сотрудничества России и Латинской Америки» (CICRAL, 2024 г.). Возобновление деятельности и реорганизация Совета предпринимателей Аргентина — Россия (2022 г.). Разработка совместных проектов (2023 г.): производство в Аргентине автомобилей и автобусов российской марки «КамАЗ», проекты в области минеральных удобрений, лития, санитарного контроля мясной и пищевой продукции; производство инсулина	Проекты расширения сотрудничества в части поставок белорусской сельскохозяйственной, автомобильной и пассажирской техники и создания сборочных производств белорусской техники в широком ассортименте
Эквадор	Реализация строительства гидроэнергетического комплекса (ГЭС «Тоачи Пилатон») российской компанией АО «Тяжмаш» (с 2010 г., завершение строительства первой очереди). Поставки нефтепродуктов из Эквадора: РФ возобновила закупки топлива (мазут для кораблей, 2023 г.). Проекты двустороннего взаимодействия в сфере поиска и разведки углеводородов на территории Эквадора; предложение Эквадора об альянсе «Газпрома» с национальной нефтегазовой компанией Petroamazonas (тендер на разработку месторождения природного газа в Гуаякильском заливе, 2023 г.). Экспорт бананов в РФ (более 1 млрд долл. в год)	Расширение присутствия «Белоруснефти» (дочернее предприятие АО «Сервис Ойл Эквадор Эквасервойл», с 2013 г.): оптимизация производства, развитие инфраструктуры, геологоразведка, бурение и ремонт скважин. Построена наземная инфраструктура для полного цикла добычи, подготовки и сдачи через коммерческий узел учета добытого углеводорода. Пробурено 12 скважин на месторождении (2023 г.). Разработка совместных проектов в области механизации сельского хозяйства, развития инфраструктуры, информационных технологий
Боливия	Развитие совместных проектов в сфере энергетики и углеводородов. Рамочное соглашение между «Ураниум Уан Груп» («Росатом») и боливийской госкомпанией Yacimientos de Litio Bolivianos (YLB) о строительстве промышленного комплекса по добыче и производству лития (2023 г.). Проект «Росатома» по строительству Центра ядерных исследований и технологий (ЦЯИТ) (возможности для применения атомных технологий в сфере здравоохранения и сельского хозяйства). Выпуск фармацевтических препаратов на объектах ЦЯИТ (планы экспорта в ЛКА). Разработка проектов «Газпрома» (в рамках Соглашения с боливийской государственной нефтегазовой компанией Yacimientos Petrolíferos Fiscales Bolivianos (YPFB)) в области геологоразведки, добычи газа и транспортировки углеводородов в Боливию; развитие газовой и нефтяной транспортной инфраструктуры страны; научно-техническое сотрудничество (2023 г.)	Поставки белорусской сельскохозяйственной, автомобильной и пассажирской техники. Предложение подключиться к обсуждению проекта создания сборочного производства белорусской техники (в рамках расширения аргентинского проекта; озвучено в ходе встречи Посла РБ в РФ и Посла Боливии в РФ в Москве, 2022 г.)
Перу	Экспорт российских технологий по утилизации отходов (высокотехнологичное термическое оборудование для безопасной утилизации медицинских отходов компании «Эко-Спектрум»). Поставки ПБВ «Газпром нефти» (2020 г.) Совместные космические исследования (разработка и вывод на орбиту наноспутников, в т. ч. с возможностью прогнозирования землетрясений). Проекты сотрудничества в области образования (переговоры между представителями Центра международных связей военного атташата Республики Перу в РФ и по совместительству в РБ на базе Центра международных связей (2024 г.)	Проекты поставок белорусской техники на рынок Перу (тракторы «МТЗ», комбайны «Полесье», автобусы и самосвалы «МАЗ» и др.)

ЛКА	РФ	РБ
	СГ	
Колумбия	С 2022 г. восстановление двусторонних проектов (приход к власти президента Густаво Петро). Развитие совместных образовательных проектов и научных исследований (между Всероссийской академией внешней торговли и Политехническим университетом Гранколумбьяно; российско-колумбийский проект «Коррида» по обмену технологиями и инновациями и др.). Проработка расширения исследований в нефтегазовой и угольной сферах, электроэнергетике	Проекты развития сотрудничества в сфере пищевой промышленности. Проекты продвижения белорусской техники на колумбийский рынок
Куба	Сотрудничество в области энергетики: поставки минеральных ресурсов на Кубу; внедрение методов увеличения нефтеотдачи на кубинских месторождениях с участием российских компаний (ПАО НК «Роснефть», АО «Зарубежнефть»). Реализация программ модернизации кубинского ТЭК и промышленных предприятий по производству металлургической, никелевой продукции, минеральных удобрений (модернизация металлургического завода «Антильяна де Асеро им. Хосе Марти»). Обсуждение проекта строительства энергоблоков на кубинских ТЭС. Планы создания российско-кубинского биофармацевтического кластера (Меморандум о взаимопонимании подписали Сеченовский университет и кубинский госхолдинг «БиоКубаФарма»). Расширение присутствия российских предприятий в особой зоне развития «Мариэль» (ОЗРМ)	Поставки белорусской сельскохозяйственной, автомобильной и пассажирской техники. Зарегистрирована вакцина кубинского производства «Соберана Плюс» (первая кубинская вакцина против COVID-19, зарегистрированная на европейском пространстве (2022 г.)). Проекты развития совместного фармацевтического производства и расширения научного сотрудничества. Минский автомобильный завод проявил интерес к налаживанию сотрудничества с ОЗРМ и организации производства на Кубе
	Соглашение о создании многонационального альянса для достижения суверенитета в краткосрочной перспективе в области разработки вакцин и лекарств (группа предприятий биотехнологической и фармацевтической промышленности Кубы, АО «Активный компонент» из РФ и «Белфармпром» из РБ). Проработка инициативы об открытии промышленного парка ЕАЭС в ОЗРМ	

Источник: составлено автором на основе отрывков данных

Представленный обзор наглядно демонстрирует, что многосторонние программы, реализация которых активизируется в настоящее время, являются эффективным механизмом не только углубления внутренней интеграции СГ, но и развития трансграничного сотрудничества и укрепления многосторонних экономических связей между государствами. Анализируя специфику сотрудничества РФ и РБ с государствами ЛКА, можно выделить основные направления сотрудничества: это минеральные продукты, ядерная энергетика и инновационные сферы (биотехнологии, фармацевтика и др.).

Данные направления исторически были ключевыми сферами промышленного и научно-технологического развития России и Беларуси. Объединение усилий в целях совместного участия РФ и РБ в реализации крупных транснациональных проектов, предусматривающих привлечение к указанным проектам стран ЕАЭС и ЛКА, существенно повысят конкурентный потенциал наших стран в экономике ЛКА. Однако в обозримом будущем, в условиях сохранения санкций, ограничивающих эффективность логистических процессов и создающих операционные и финансовые сложности, ожидать серьезного роста торговых потоков между странами преждевременно: впечатляющий рост торгово-экономических отношений с ключевыми партнерами стартовал с крайне низких позиций, а инвестиционное присутствие РФ и РБ в регионе остается неконкурентоспособным в сравнении с показателями международных партнеров (КНР, США, ЕС). При этом сохраняющийся нереализованный в полной мере потенциал сотрудничества СГ с ЛКА определяет хорошие перспективы для развития и роста проектного сотрудничества, в том числе инвестиционного, в части создания совместных предприятий и сборочных производств, научно-исследовательских центров и пр.

Заключение

Проектное взаимодействие в перспективе определит характер внешнеэкономической и политической практики СГ на латино-карибском направлении и будет способствовать повышению эффективности национальных экономик на основе кооперации. «Осознанию этого, как ни странно, помогли западные санкции,

которые оказывают влияние на ход всех упомянутых проектов регионализации» [1, с. 18]. Санкционная политика в отношении РФ и РБ значительно ускорила процесс сближения наших стран, придав мультипликативный эффект взаимосотрудничеству в экономической, социальной и политической сферах. Следует ожидать, что в условиях сохранения санкционного режима произойдет форсированная диверсификация сотрудничества СГ со странами ЛКА и расширение сфер взаимодействия. Яркий пример — потенциал ОЗРМ в преодолении логистических сложностей, препятствующих выстраиванию эффективного экономического сотрудничества РФ и РБ с ЛКА, и создании новых трансрегиональных маршрутов.

Для стран ЛКА появляются дополнительные экономические стимулы в результате разворота РФ и РБ к региону: Россия — это крупный рынок сбыта товаров, внушительный ресурсный потенциал углеводородов, потенциально объединенный транспортно-логистический центр Евразии, с перспективой создания широкой сети участников. «Сейчас доля стран Латинской Америки в товарообороте ЕАЭС — всего 3%, хотя потенциал сотрудничества огромный. Несмотря на географические расстояния, мы можем поставить задачу увеличения торговли»¹, — заявил министр по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии С. Глазьев. Москва демонстрирует заинтересованность в том, чтобы «экономическое сотрудничество подтягивалось до уровня политической координации и тесного, доверительного политического диалога»² и подтверждает намерения планомерным развитием конкретных проектов и инициатив.

Литература

1. *Вардомский Л. Б.* Новые тренды регионализации международных экономических отношений на евразийском пространстве // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы : сборник научных статей: в двух томах. Т. 2 / Национальная академия наук Беларуси; Институт экономики НАН Беларуси. Минск : Право и экономика, 2023. С. 17–22. EDN: VEBXBP
2. *Кузнецов А. В.* Прямые инвестиции из России в страны Латинской Америки // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 3. С. 254–269. EDN: HQTNPZ. DOI: 10.312249/ape/2022.03.11
3. Россия и Латинская Америка: взаимодействие в контексте меняющегося миропорядка : коллективная монография / под ред. А. В. Кузнецова, П. П. Яковлева. М. : ИНИОН РАН, 2022. 133 с. ISBN: 978-5-248-01054-7. EDN: HZUAYC. DOI: 10.31249/B978-5-248-0154-7.2022.00.00
4. *Хейфец В. Л.* Место Латинской Америки в многополярном мире: взгляды и подходы российских ученых // Латинская Америка. 2021. № 5. С. 50–68. EDN: GVTWAG. DOI: 10.31857/S0044748X0014504-3
5. *Чмырева В. А.* ЕАЭС — Куба: институционализация взаимодействия и потенциал современного сотрудничества // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. № 2. С. 181–190. EDN: CHCODA. DOI: 10.22394/2073-2929-2023-02-181-190

Об авторе:

Чмырева Вера Александровна, старший научный сотрудник Центра постсоветских исследований Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт экономики Российской академии наук, кандидат исторических наук (Москва, Российская Федерация);
e-mail: vera1305@mail.ru

References

1. *Vardomskiy L. B.* New Trends in the Regionalization of International Economic Relations in the Eurasian Space // Strategy for the Development of the Belarusian Economy: Challenges, Tools for Implementation

¹ ЕЭФ-2023: ЕАЭС и Латинская Америка обозначили новые приоритеты сотрудничества [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/eef-2023-eaes-i-latinskaya-amerika-oboznachili-novye-prioritety-sotrudnichestva/> (дата обращения: 11.06.2024).

² Вступительное слово министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова в ходе переговоров с министром иностранных дел Боливарианской Республики Венесуэла И. Хилем, Каракас, 18.04.2023 [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1864140/ (дата обращения: 11.06.2024).

- and Prospects : collection of scientific articles. Vol. 2 / National Academy of Sciences of Belarus; Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus. Minsk : Law and Economics, 2023. P. 17–22. (In Russ.) EDN: VEBXBP
2. Kuznetsov A. V. Russian Direct Investment in Countries of Latin America // Current Problems of Europe [Aktual'nye problemy Evropy]. 2022. No. 3. P. 254–269. (In Russ.) EDN: HQTNPZ. DOI: 10.312249/ape/2022.03.11
 3. Russia and Latin America: Interaction in the Context of a Changing World Order : the collective monograph / ed. by A. V. Kuznetsov, P. P. Yakovlev. Moscow : INION, 2022. 133 p. ISBN: 978-5-248-01054-7. (In Russ.) EDN: HZUAYC. DOI: 10.31249/B978-5-248-0154-7.2022.00.00
 4. Jeifets V. L. The Place of Latin America in a Multipolar World: Views and Approaches of Russian Researchers // Latin America [Latinskaya Amerika]. 2021. № 5. P. 50–68. (In Russ.) EDN: GVTWAG. DOI: 10.31857/S0044748X0014504-3
 5. Chmyreva V. A. EAEU — Cuba: Institutionalization of Interaction and the Potential of Modern Cooperation // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2023. No. 2. P. 181–190. (In Russ.) EDN: CHCODA. DOI: 10.22394/2073-2929-2023-02-181-190

About the author:

Vera A. Chmyreva, senior research scientist of the Center for Post-Soviet Studies, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation), PhD in History;
e-mail: vera1305@mail.ru

Этнополитические тренды партийного строительства Казахстана и Китая¹

Ван Лулу, Калашникова Н. П.*

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан

*e-mail: nerush50@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7667-0383

РЕФЕРАТ

Роль политических партий в полиэтнических государствах достаточно сложна, поскольку они должны быть ориентированы не только на политическое управление на уровне государства в целом, но и на содействие укреплению национального единства в межэтнических отношениях, формирование толерантного сотрудничества и взаимодействия между разными этническими группами.

Цель. Цель данной работы заключается в исследовании роли политических партий и изучении кейсов из практики их деятельности, направленной на поддержание национальной стабильности, содействие социальной гармонии, защиту интересов малочисленных этносов на примере функционирования и развития политических партий в таких полиэтнических государствах, как Казахстан и Китай.

Задачи. Одной из ключевых задач в исследовании является изучение стратегических установок политических партий в полиэтнических государствах. Интеграция различных социальных интересов и обеспечение того, чтобы все этнические группы имели право голоса и достаточно полно были представлены в принятии решений на национальном уровне, является важной составляющей их электоральной деятельности.

Методология. Сравнительный анализ используется для изучения моделей политического управления в разных странах или регионах, в том числе в сфере межэтнических отношений, а также для анализа роли и эффективности различных политических партий в этих моделях. Это поможет понять сильные и слабые стороны различных моделей управления и выявить лучшие практики. Также анализируются причины успехов и неудач разных стран и политических партий путем анализа их исторической практики многоэтнических обществ. Это поможет понять, как политические партии реагировали на этнические конфликты и проблемы управления на протяжении всей истории.

Результаты. В научной статье утверждается, что политика, разрабатываемая и проводимая политическими партиями в мультикультурных странах, на примере деятельности политических партий в Казахстане и Китае, в поддержку культур различных этнических групп, защищает и продвигает языки, религии, традиции и культурную самобытность разных этносов, придерживаясь стандартов и принципов ООН в данных вопросах. Однако, как показали политический и SWOT-анализы в уставных и программных документах политических партий изучаемых стран, имеются проблемы.

Выводы. Безусловно, политические партии прилагают усилия для обеспечения равных возможностей и доступа всех этнических групп к экономике, образованию, занятости, участию в принятии решений в целях содействия созданию справедливого и инклюзивного общества, обеспечивая при

¹ Статья подготовлена в рамках научного проекта грантового финансирования научных исследований на 2022–2024 гг. Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (Грант № AP14870265 «Особенности межэтнических отношений в Южном регионе Республики Казахстан за годы независимости») с участием докторанта Ван Лулу.

этом гражданские права малочисленных этносов, или, как их называют в международной правовой литературе, национальных меньшинств.

Ключевые слова: политические партии, мультиэтничность, этническая культура, этнический конфликт, разломы в политике, программные установки и ориентиры

Для цитирования: Ван Лулу, Калашникова Н. П. Этнополитические тренды партийного строительства Казахстана и Китая // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 3. С. 175–182.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-03-175-182>. EDN: XJSTVC

Ethnopolitical Trends of Party Building in Kazakhstan and China

Wang Lulu, Natalia P. Kalashnikova*

L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

*e-mail: nerush50@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7667-0383

ABSTRACT

The role of political parties in multi-ethnic states is quite complex, as they should be focused not only on political governance at the level of the state as a whole, but also on promoting national unity in inter-ethnic relations, forming tolerant cooperation and interaction between different ethnic groups.

Aim. This article aims to take the operation and development of political parties in multi-ethnic countries such as Kazakhstan and China as examples to study the role of political parties and to study cases from the practice of their activities in maintaining national stability, promoting social harmony, and protecting the interests of small ethnic groups.

Tasks. One of the tasks of political parties in multi-ethnic states is to integrate different social interests and ensure that all ethnic groups have a voice and are represented in the decision-making process at the national level.

Methods. Comparative analysis is used to compare models of multi-ethnic governance in different countries or regions, and to analyze the role and effectiveness of different political parties in these models. This will help to understand the strengths and weaknesses of different governance models and identify best practices. It also analyzes the reasons for the successes and failures of different countries and political parties by analyzing their historical practices of multi-ethnic governance. This will help to understand how political parties have responded to ethnic conflicts and governance challenges throughout history.

Results. The research paper pointed out that the policies developed and implemented by political parties in multicultural countries in support of the cultures of different ethnic groups, the protection and promotion of the languages, religions, traditions and cultural identities of different ethnic groups, comply with the UN standards and principles on these issues. However, as shown by the political and SWOT analysis of the statutory and program documents of the political parties in the countries studied, there are problems.

Conclusion. Certainly, political parties are making efforts to ensure equal opportunities and access for all ethnic groups to the economy, education, employment and so on, in order to promote the creation of a fair and inclusive society, while ensuring the civil rights of minority ethnic groups, or as it is called in international legal literature “national minorities”.

Keywords: political parties, multi-ethnicity, ethnic culture, ethnic conflict, fractures in politics, programmatic attitudes and orientations

For citation: Wang Lulu, Kalashnikova N. P. Ethnopolitical Trends of Party Building in Kazakhstan and China // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 3. P. 175–182. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-03-175-182>. EDN: XJSTVC

Введение

Политические партии играют важную роль в управлении страной, охватывая несколько аспектов.

Во-первых, политические партии, как политические представители, в своих программных документах отражают интересы избирателей и социальных групп, и их полномочия передаются им в ходе избирательного процесса. Во-вторых, через партийные программы и программные документы они предлагают конкретную политику по направлению национального развития в экономической, социальной и культурной областях.

В многоэтнических государствах политические партии могут представлять различные этнические и культурные группы и отражать плюрализм общества за счет включения в свои ряды членов из разных слоев населения. Это помогает сделать политическую систему более социальной и представительной, чтобы удовлетворить потребности и интересы различных этнических групп.

Политические партии могут поддерживать социальную сплоченность, формируя общую политическую повестку дня и ценности, способствующие общественно-политической стабильности и снижению межэтнической конфликтности. Однако для этого необходимо, чтобы политические партии были инклюзивными, представительными и беспристрастными, чтобы все этнические группы могли участвовать в политическом процессе и иметь справедливое отношение к нему. В этой связи мы можем рассмотреть две репрезентативные страны, Казахстан и Китай, которые отличаются богатым мультикультурализмом внутри страны, где различные этнические группы взаимодействуют друг с другом, создавая разнообразный этнокультурный ландшафт.

Обсуждение

Создание многонационального государства означает, что различные этнические группы оказались в рамках системы национального государства. Однако до сих пор сохраняется явная неоднородность этнических групп и четкие границы между ними, что вызывает вторичное напряжение между нацией и государством¹. Такая реальность бросает вызов многоэтнической государственной системе. Наличие таких противоречий может в любой момент оторвать этносы от государства, что напрямую скажется на функционировании многонациональной государственной системы и стабильности в обществе. В этом контексте межэтническая политическая интеграция приобретает особое значение, используя механизмы и средства для преодоления разрыва между различными этническими группами, а также между этническими группами и государством, в целях поддержания стабильности, общественного согласия и устойчивого развития страны.

В полиэтнических государствах существуют различные типы политических партий, и роль их в межэтнической политической интеграции неодинакова. Существует два основных типа роли политических партий в межэтнической политической интеграции: одна непосредственно в межэтнической политической интеграции, другая — косвенно. В основном это достигается тремя способами: во-первых, политические партии добиваются межэтнической политической интеграции через организацию и использование государственной власти; во-вторых, политические партии продвигают и защищают политику межэтнической политической интеграции через форму государственной власти; в-третьих, политические партии используют государственную власть для продвижения национального строительства [11, р. 13]. Все три средства используются политическими партиями для того, чтобы утвердить свои ценности и политику межэтнической политической интеграции, донести ее необходимость эффективной реализации до политической элиты государства, осуществляющей государственную власть.

Система управления в Китае отличается высокой степенью централизации. Государство располагает сильными органами управления и механизмами контроля во всех политических, экономических и социальных сферах [9]. Коммунистическая партия Китая (далее — КПК) и правительство играют центральную роль в управлении государством. Современный китайский подход к межэтнической политической интеграции представляет собой авторитарно-институциональную модель, которая опирается на систему

¹ Ren Qiang. The Chinese Communist Party and Interethnic Political Integration in China. Yunnan University. Dissertation. 2016.

верховенства закона для интеграции противоречий между этническими группами государства [2, р. 13]. Анализируя потребность в авторитете и институтах, предлагаются конкретные пути межэтнической политической интеграции и стабильности.

В настоящее время КПК является всеобъемлющей, последовательной, долгосрочной и прямой правящей партией в Китае [8]. Эти руководящие характеристики определили лидирующую позицию КПК в межэтнической политической интеграции и повлияли на реализацию межэтнической политики.

Сегодня все более четким становится понимание, что процессы глобализации и вытекающие из них процессы универсализации и стандартизации неизбежны для всех стран, желающих относиться к числу развитых. Однако наряду с этим есть и понимание того, что естественным следствием глобализации является кризис национальных идентичностей, который как естественную реакцию на неопределенность рождает рост национального самосознания, и, соответственно, интереса и возрождения национальной культуры [4]. Не стал исключением в этом отношении и Казахстан.

Казахстан всегда развивался по пути открытости к межкультурному диалогу. За несколько веков проживания разных этносов на казахской земле накоплен богатейший опыт социогуманитарного и межэтнического сотрудничества.

Отличие от централизованного управления в Китае, управление в Казахстане более децентрализовано и движется в сторону рыночной экономики и демократической политики. Поиск путей управления межнациональными отношениями в Казахстане начался еще в советский период. Из исследований, посвященных советскому периоду, следует, что Коммунистическая партия Советского Союза (КПСС) была ключом к межэтнической политической интеграции в Советском Союзе и центром межэтнической политической интеграции в СССР в целом и что КПСС осуществляла межэтническую политическую интеграцию тремя основными способами. Первый — это высокая концентрация власти в руках отдельных людей; второй — контроль над обществом в целом; третий — контроль над этническими территориями [3, р. 113].

Механизм насильственной интеграции отражает сильную бюрократизацию и слепое стремление советской коммунистической партии к однородности¹. Поскольку политические партии являются ядром межэтнической политической интеграции, они играют основополагающую роль. Таким образом, можно сказать, что межэтническая политическая интеграция в СССР стала возможной благодаря политическим партиям, и она же потерпела поражение благодаря политическим партиям [10].

После распада Советского Союза Казахстан, находясь в центре Евразии, был весьма показателен в плане многоэтнического управления.

В Казахстане функционируют семь крупных зарегистрированных политических партий [1], но в целом на политической сцене доминируют президент и правящая партия. Правительство делало акцент на сохранение гармоничных отношений между этническими группами и принимало меры по продвижению политики мультикультурализма и многоязычия. На политическом уровне правительство Казахстана отстаивает модель полиэтнической интеграции. На общественно-политическом уровне действует казахстанская модель общественного согласия и общенационального единства², которая подчеркивает взаимное уважение и сотрудничество между различными этническими группами.

Усилия и проблемы в построении этнических отношений в Китае и Казахстане

В Китае и Казахстане политические партии являются основными участниками политической жизни страны и оказывают далеко идущее влияние на государственную политику и политическую систему.

Коммунистическая партия Китая (КПК) занимает доминирующее положение в китайской политике и играет решающую роль в выработке и реализации политики страны. КПК является единственной правящей партией Китая и обладает верховной властью в стране с момента основания страны в 1949 г.

¹ Zhu Bibo. Research on the pattern of inter-ethnic political integration in the USSR. Yunnan University. Dissertation. 2011.

² Назарбаев Н. А. Казахстанская модель межэтнического согласия: опыт, практика, перспективы [Электронный ресурс] // Ассамблея народа Казахстана. 10-я сессия (декабрь 2003 г.). URL: <https://assembly.kz/ru/ank/sessii-assamblei-naroda-kazakhstana/10-sessiya-dekabr-2003g-kazakhstanskaya-model-mezhetnicheskogo-soglasiya-opyt-praktika-i-perspektivy/> (дата обращения: 30.08.2024).

КПК придавала большое значение вопросу этнической принадлежности в свете основных национальных условий — единой многонациональной страны. В 1957 г. Мао Цзэдун глубокомысленно заметил, что «единство народа и единство всех национальностей в стране — это основные гарантии победы дела КПК»¹. Ху Цзиньтао отмечал, что «объединение Родины — это высший интерес народа всех этнических групп, а национальное единство — важная гарантия объединения Родины»².

В Китае проживают 56 этнических групп, среди которых ханьцы являются самыми многочисленными, а остальные 55 известны как этнические меньшинства³. Основной целью установления многонациональных отношений в Китае является содействие единству, гармонии и развитию всех этнических групп, обеспечение равных прав и национальной их самобытности [7].

Казахстан является полиэтнической страной с гораздо более высоким этническим составом, чем Китай, и его основные этнические группы включают казахов, русских, узбеков, украинцев и других [6, р. 489]. Как правящая партия Казахстана, АМАНАТ стремится разрабатывать и продвигать политику, благоприятствующую национальному единству и плюралистическому сосуществованию. Эта политика направлена на содействие гармоничному сосуществованию этнических групп и защиту их прав и культурного наследия.

Подход и стратегия Казахстана к построению многоэтнических отношений отличаются от китайских (см. табл., с. 180), но они также направлены на содействие единству, гармонии и развитию различных этносов. Становление и развитие межэтнических отношений в Казахстане характеризуется тем, что Конституция Республики Казахстан дает равные права этносов в политической, экономической, социальной и культурной сферах, гарантирует всем этносам свободу вероисповедания и культурных традиций⁴.

Несмотря на многолетние усилия правящей партии по поддержанию этнического единства, в Китае все еще существуют некоторые проблемы в межэтнических отношениях.

Во-первых, экономическое неравенство — относительная экономическая отсталость некоторых регионов проживания этнических меньшинств и очевидный экономический разрыв с развитыми регионами на востоке страны могут привести к экономическому неравенству между различными этническими группами, усугубляя недовольство и конфликты между этническими группами⁵.

Во-вторых, культурная идентичность и наследование — некоторые этнические меньшинства сталкиваются с проблемами культурной идентичности и наследования, а некоторые традиционные культуры и языки находятся под угрозой утраты в результате модернизации и урбанизации, что может привести к кризису этнической идентичности. В частности, некоторые малочисленные меньшинства сталкиваются с более серьезными проблемами в этом отношении⁶.

В-третьих, конфликты на почве религии и убеждений, несмотря на то, что в Китае уважают свободу религии и убеждений, между религией, политикой и обществом все еще существует определенная напряженность, а некоторые религиозные убеждения противоречат национальной политике или социальным ценностям, что может привести к религиозным распрям между этническими группами.

Казахстан, как полиэтническая страна, придерживается основных принципов и стандартов ООН. С учетом турбулентности на мировой арене, социально-экономических проблем сталкивается с рядом вызовов в налаживании гармоничных межэтнических отношений.

Во-первых, национальная идентичность и интеграция: несмотря на то что Казахстан в своей политике утверждает приоритетным и стратегическим ресурсом укрепление общественного согласия и общенационального единства, некоторые этнические сообщества могут столкнуться с проблемами идентификации с доминирующей этнической группой, казахами, и может не быть достаточно сильного консенсуса по поводу национальной идентичности, что может привести к нестабильности в обществе [5].

¹ Mao Zedong. On the Correct Handling of Internal Conflicts among the People. 1957.

² Hu Jintao. Speech at the Fifth National Commendation Conference on National Unity and Progress of the State Council. People's Daily. 30.09.2009 (002).

³ Beijing Daily Theory Weekly. The unified multi-ethnic state is a great creation of the Chinese nation // Beijing Daily. 02.11.2009 (019).

⁴ Constitution of the Republic of Kazakhstan [28.01.1993] // Daily report. China, FBIS USR 98 048. P. 68–79.

⁵ Accelerating economic and social development of ethnic minorities and ethnic regions // People's Political Consultative Conference Newspaper. 11.03.2010 (C02).

⁶ Chao Ke, Pan Yuefei. Rescue and protect endangered ethnic language and culture // China Social Science News. 11.03.2016 (007).

Сравнительный анализ политических партий Казахстана и Китая и их роль в укреплении межэтнического согласия

Table. Comparative analysis of political parties in Kazakhstan and China and their role in strengthening interethnic harmony

Фактор сравнения	Китай	Казахстан
Форма правления	Китай — социалистическое государство с унитарной системой, правящей партией является Коммунистическая партия Китая (КПК). Государство решает проблему многонациональных отношений через систему национальных автономий	Казахстан является унитарным государством с президентской формой правления. Казахстан утверждает себя демократическим, светским, правовым и социальным государством, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы
Система политических партий	Система многопартийного сотрудничества и политических консультаций под руководством Коммунистической партии Китая	Многопартийная система
Правящая партия	Коммунистическая партия Китая	AMANAT
Другие основные политические партии	• Революционный комитет китайского Гоминьдана • Демократическая лига Китая • Китайская демократическая национальная строительная ассоциация • Китайская крестьянская и рабочая демократическая партия • Китайская партия Чжигун • Китайская ассоциация содействия демократии • Jiu San Society • Лига демократического самоуправления Тайваня	• Демократическая партия Казахстана «Ақ жол» как «конструктивная оппозиция» • Народная партия Казахстана • Народно-демократическая патриотическая партия «Ауыл» • Общенациональная социал-демократическая партия • Партия Respublica • Партия зеленых «Байтақ»

Примечание: авторский сравнительный анализ составлен по материалам открытых источников программных материалов политических партий.

Источник: Бюро Национальной статистики Республика Казахстан. Бюро Национальной статистики Китая

Во-вторых, экономическое неравенство: относительная экономическая отсталость некоторых регионов и очевидный экономический разрыв с крупными городскими районами могут привести к экономическому неравенству между этническими группами, усилению социального недовольства и напряжения¹.

В-третьих, языковая политика и сохранение культуры: несмотря на проводимую правительством политику многоязычия, коренные языки и культуры некоторых этнических регионов находятся под угрозой маргинализации.

В-четвертых, политическое представительство и распределение власти. Этнические группы с малым населением в полной мере не представлены и недостаточно участвуют в структурах политической власти, политическом и государственном управлении.

В-пятых, геополитические противоречия: Казахстан занимает важное геополитическое положение, и в некоторых областях могут существовать этно-геополитические противоречия с соседними странами, например, с Россией, Китаем, Кыргызстаном, Узбекистаном и другими государствами, что может повлиять на этнические отношения внутри страны и межстрановые проблемы.

Выводы

Роль и исторические усилия партий КПК и AMANAT, других легитимных политических партий в построении демократических межэтнических отношений неоспоримы. В Белой книге «Этническая

¹ Analytical Center HALYK FINANCE. Economic Inequality of Population in Kazakhstan [Electronic resource]. URL: https://halykfinance.kz/download/files/analytics/Halyk_Finance_-_Otchet_po_neravenstvu.pdf (дата обращения: 23.06.2024).

политика Китая и общее процветание и развитие всех этнических групп» КПК определяла теоретическое направление национального развития: «Хотя формирование и развитие этнических групп Китая происходило по-разному, общее направление — это развитие единого многонационального государства и сплотиться в единую и крепкую китайскую нацию»¹. Ускорение экономического и социального развития этнических меньшинств и этнических регионов является главной задачей этнической работы Китая на современном этапе и основным способом решения этнических проблем².

Партия AMANAT привержена делу содействия экономическому развитию, повышению уровня жизни на принципах «единство в многообразии», «мы разные, мы равные», формированию общественной институциональной основы для укрепления государственной этнополитики. В формировании уникальной модели всеказахстанского единства важнейшая роль отводится Ассамблее народа Казахстана (АНК). Главной задачей АНК является реализация государственной национальной политики. В последние годы существенно укрепилось ее взаимодействие с политическими партиями. Об этом свидетельствуют подписанные меморандумы и соглашения, обеспечивающие сотрудничество АНК с политическими партиями в укреплении общественно-политической стабильности в Республике Казахстан.

Проведенный авторами анализ, в том числе в рамках реализации грантового проекта по исследованию особенностей Южного региона Казахстана за годы Независимости (где компактно проживают пять этнических групп: казахи, курды, дунгане, уйгуры, узбеки), показал общее и особенное в национальной политике Казахстана и Китая, содержание современных вызовов развитию межэтнических отношений в полиэтнических государствах, а также роль политических партий в обеспечении стабильности и консолидации общества.

В целях более эффективного управления внутренними этническими отношениями, содействия стимулов гармоничному и упорядоченному развитию в укреплении межэтнических отношений, для снижения потенциальной этнической напряженности в обеих странах созданы специальные органы как на государственном, так и гражданском уровне по делам национальностей. В Китае Государственный народный комитет координирует в целом национальную политику, обеспечивая этническое многообразие, права и гарантии этносов в составе государства. На всех уровнях — от центрального до местного — сформировалась четко структурированная организационная система, которая играет важную роль в продвижении и координации политических прав этнических меньшинств Китая, их экономическом развитии.

В Казахстане, с учетом развития государственного и политического управления, координации институционального развития сферы межэтнических отношений (в структуре Администрации Президента РК функционирует Секретариат Ассамблеи народа Казахстана, в структуре Министерства культуры и информации РК — Комитет по развитию межэтнических отношений, Республиканское государственное учреждение «Қоғамдық келісім», Институт прикладных этнополитических исследований) большое значение отводится укреплению общественного согласия и общенационального единства, общественно-политическим структурам и институтам гражданского общества. Ключевую роль в укреплении стабильного развития Казахстана и национальной идентичности играет Ассамблея народа Казахстана (с 01.03.1995), объединившая более тысячи этнокультурных объединений, Советы матерей и аксакалов, молодежные организации, Ассоциацию кафедр АНК «Шанырақ».

Заключение

В совокупности эти меры направлены на создание инклюзивной политической среды, обеспечивающей равное участие всех этнических групп в управлении государством. Важно отметить, что при реализации этих мер могут возникать проблемы и возможности для улучшения.

¹ Sun Qingyou. State Council White Paper China's Ethnic Policy and the Common Prosperity and Development of All Ethnic Groups / ed. by Jin Xinghua, China Ethnic Yearbook. Research Office of Ethnic Theory and Policy, State Ethnic Affairs Commission. 2010. P. 68–78.

² Wang Xiaodong, Li Xiang, Wang Zhou. Sharing the Great Glory of National Rejuvenation — An Overview of General Secretary Xi Jinping's Important Discourse on National Unity and Progress // Chinese Indigenous Peoples. 2021. No. 3. P. 4–12.

Однако можно сделать общий вывод: наиважнейший инструмент «мягкой силы» (soft power) народной дипломатии как в межстрановом, так и внутривластном сотрудничестве и взаимодействии не всегда полно задействован, хотя имеет колоссальный резерв для демократического развития межэтнических отношений, формирования этноменеджмента, с непосредственной ролью и участием политических партий.

References

1. Asylov K. Political Parties of Modern Kazakhstan / ed. by Z. K. Shaukenova, A. S. Zholdybalina. Astana, 2018. 206 p. ISBN: 9786017540586 (In Russ.)
2. Chang Shihting, Han Zhengming. Party Authority and Institutional Construction: Ethnic Political Integration in Contemporary China // *Marxism and Reality*. 2011. No. 3. P. 13–18. (In Chinese) DOI: 10.15894/j.cnki.cn11-3040/a.2011.03.013
3. Chang Shihting. The Conflict between Two Governance Approaches in a Multi-ethnic Country: An Analysis of the Lessons of the Soviet Communist Party on Inter-ethnic Political Integration // *Theoretical Discussion*. 2012. No. 3. P. 113–116. (In Chinese) DOI: 10.16354/j.cnki.23-1013/d.2012.03.040
4. Ivanov V. N. Influence of Globalization to National Identity in Modern Circumstances // *Fundamental Research*. 2014. No. 8 (Part 4). P. 1003–1007. (In Russ.) EDN: SJMNST
5. Kabaziev M. Sh. Formation of the National Identity of the Republic of Kazakhstan: Peculiarities and Contradictions // *Modern Europe*. 2022. No. 7 (114). EDN: KXUBGR. DOI: 10.31857/S020170832207018X
6. Schatz E. The Politics of Multiple Identities: Lineage and Ethnicity in Kazakhstan // *Europe-Asia Studie*. 2000. No. 3 (52). P. 489–506. DOI: 10.1080/713663070
7. We Must Uphold the Equality of All Ethnic Groups // *China Ethnic News*. 16.11.2021 (001). (In Chinese) DOI: 0.28114/n.cnki.ncmzb.2021.001160
8. Zhang Huilong. Interethnic Political Integration in contemporary China // *Thought Front*. 2014. 40 (01). P. 16–22.
9. Zhang Yunyi. The Perfection and Development of Democratic Centralism by the Communist Party of China // *Academia*. 2022. No. 12. P. 5–13.
10. Zhou Ping. Ethnogenic Political Integration of the Nation-State. Central Compilation and Translation Press. 2011. 143 p
11. Zhou Ping. The Chinese Communist Party's Strategy of Ethnic Political Integration // *Theory and Reform*. 2021. No. 4. P. 1–13+154. DOI: 10.13553/j.cnki.lygg.2021.04.001 (In Chinese)

Об авторах:

Ван Лулу, докторант кафедры политологии Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан);
e-mail: 1933712797@qq.com; ORCID: 0009-0008-5023-3191

Калашникова Наталья Павловна, профессор, заведующая кафедрой Ассамблеи народа Казахстана (АНК) Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан), доктор политических наук, профессор;
e-mail: nerush50@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7667-0383

About the authors:

Wang Lulu, PhD in Political Sciences of L. N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan);
e-mail: 1933712797@qq.com; ORCID: 0009-0008-5023-3191

Natalia P. Kalashnikova, Professor, Doctor of Science (Political Sciences), Head of the Department of the Assembly of the People of Kazakhstan, L. N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan), Professor;
e-mail: nerush50@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7667-0383

Совершенствование механизмов справедливого перехода к низкоуглеродному развитию в рамках БРИКС

Серегина А. А.

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Российская Федерация

e-mail: a.seregina@dipacademy.ru

ORCID: 0000-0002-2090-4061

РЕФЕРАТ

В современном мире трансформационные изменения сопровождаются необходимостью решения глобальных проблем, в том числе экологического и климатического характера. Страны — члены БРИКС осознают необходимость справедливого энергетического перехода к низкоуглеродному развитию как в рамках объединения, так и в глобальном масштабе.

Цель. Целью исследования является выделение приоритетных направлений, на которых необходимо сосредоточиться странам — членам БРИКС для обеспечения справедливого и экономически эффективного перехода к низкоуглеродному развитию на мировом уровне.

Задачи. Для достижения цели исследования необходимо проанализировать составляющие повестки в области справедливого перехода к низкоуглеродному развитию в рамках БРИКС, а также ее применимость на глобальном уровне.

Методология. Исследование проведено с использованием метода системного анализа широкого круга академических и эмпирических источников. Автор придерживается системного научного подхода.

Результаты. Посредством анализа ключевых инициатив стран — членов БРИКС, в том числе законодательных, автор выделяет пять приоритетных направлений, на которых государствам БРИКС необходимо сосредоточиться и продолжить работу в целях обеспечения справедливого энергоперехода на международной арене: устранение дискриминационных мер в рамках многосторонней торговли, обеспечение продовольственной безопасности и экономического роста, создание условий для недискриминационного доступа к технологиям, сотрудничество в сфере экологии и климата, развитие кадрового потенциала топливно-энергетического комплекса.

Выводы. Автор в заключение отмечает, что подобная повестка устойчивого развития БРИКС способна инициировать процессы энергоперехода в глобальном масштабе.

Ключевые слова: БРИКС, низкоуглеродное развитие, устойчивое развитие, справедливый энергопереход, развивающиеся страны

Для цитирования: Серегина А. А. Совершенствование механизмов справедливого перехода к низкоуглеродному развитию в рамках БРИКС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 3. С. 183–192.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-03-183-192>. EDN: XJUCSI

Improving Mechanisms for an Equitable Transition to Low-Carbon Development within the BRICS Framework

Antonina A. Seregina

Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russian Federation

e-mail: a.seregina@dipacademy.ru

ORCID: 0000-0002-2090-4061

ABSTRACT

Nowadays transformational changes are going together with the need to address global environmental and climatic challenges. The BRICS member countries realize the need for a fair energy transition to low-carbon development both within the association and globally.

Aim. The objective of the research is to highlight the priority areas that BRICS member countries need to focus on to ensure an equitable and cost-effective transition to low-carbon development at the global level.

Tasks. In order to achieve the objective of the study, it is necessary to analyze the components of the BRICS equitable low-carbon development agenda as well as its applicability at the global level.

Methods. The research was conducted using the method of systematic analysis of a wide range of academic and empirical sources. The author adheres to a systematic scientific approach.

Results. Through the analysis of key initiatives of the BRICS member countries, including legislative ones, five priority areas on which the BRICS needs to focus on to ensure a fair energy transition at the global scale are identified: removing discriminatory measures in multilateral trade, achieving food security and economic growth, facilitating non-discriminatory access to technology, promoting environment and climate cooperation, and enhancing the human resource potential of the energy sector.

Conclusions. The author concludes by noting that such a BRICS sustainable development agenda is capable of initiating energy transition processes on a global scale.

Keywords: BRICS, low-carbon development, sustainable development, equitable energy transition, developing countries

For citing: Seregina A. A. Improving Mechanisms for an Equitable Transition to Low-carbon Development within the BRICS Framework // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 3. P. 183–192. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-03-183-192>. EDN: XJUCSI

Введение

Трансформационные процессы в современном мире сегодня сопровождаются необходимостью решения глобальных проблем, в том числе проблем, связанных с загрязнением окружающей среды и изменением климата. Растущие темпы производства и потребления в мире способствуют повышению антропогенных нагрузок на биосферу, уровень которых приближается к кризисному, а также угрожает серьезными последствиями для населения планеты¹ [1, с. 85].

Несмотря на растущую обеспокоенность глобальным изменением климата², ученые РАН неоднократно подчеркивали, что ископаемые углеводороды будут сохранять свою важность для обеспечения энергетической безопасности на фоне изменений в энергетическом секторе в период до 2035–2040 гг.³ Значение ископаемых видов топлива для укрепления энергетической безопасности и перехода к новой энергетике также признают и страны — члены БРИКС⁴. Вместе с тем среди экспертов все еще сохраняется неопределенность в оценках как степени антропогенного влияния на состояние биосферы и климата, так и темпов его изменения и последующих последствий для человечества.

Значимость «зеленых» проектов в рамках БРИКС стремительно возрастает в последние годы. В 2014 г. с целью обеспечения финансирования проектов в сфере инфраструктуры и устойчивого

¹ Изменение климата, 2021 год: Физическая научная основа [Электронный ресурс] // МГЭИК, 2021. URL: https://ecolomist.kz/izmenenie_klimata_2021/ (дата обращения: 12.07.2024).

² Summary for policymakers, in Climate Change 2022: Impacts, Adaptation and Vulnerability, Contribution of Working Group II to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change [Электронный ресурс] // IPCC. 2022. URL: <https://www.ipcc.ch/report/ar6/wg2/chapter/summary-for-policymakers/> (дата обращения: 09.07.2024).

³ См.: Прогноз развития энергетики мира и России 2024 / под ред. А. А. Макарова [и др.]. М.: ИНЭИ РАН, 2024. 208 с. ISBN: 978-5-91438-038-7; Сценарии развития мировой энергетики до 2050 года [Электронный ресурс] // РЭА Минэнерго России. 24.04.2024. URL: <https://rosenergo.gov.ru/press-center/news/stsenarii-razvitiya-mirovoy-energetiki-do-2050-goda/> (дата обращения: 10.07.2024).

⁴ Все члены ВТО должны противостоять односторонним и протекционистским мерам — заявление лидеров стран БРИКС // Финмаркет. 2018. URL: <http://www.finmarket.ru/news/4899982> (дата обращения: 10.07.2024).

развития был образован Новый банк развития¹. Новый орган активно участвует в продвижении «зеленой» политики, в том числе посредством выпуска «зеленых» бондов для финансирования проектов энергоперехода². Активная работа проводится также и корпоративным сектором стран — членов объединения³: компании развивают низкоуглеродные стратегии развития, интегрируют экологическую экспертизу в структуру управления, а также переходят на низкоэмиссионные технологии для выпуска продукции с меньшим углеродным следом. Кроме того, регулярно проходят Встречи министров окружающей среды стран объединения и заседания Рабочей группы по окружающей среде, где обсуждаются проблемные и перспективные аспекты сотрудничества в данной сфере. Например, в повестке таких собраний находятся возможности реализации Меморандума о взаимопонимании по сотрудничеству в сфере охраны окружающей среды⁴. Кроме того, проводятся встречи по обсуждению вопроса изменения климата на высоком уровне⁵. В 2023 г. была подписана Йоханнесбургская декларация, в которой страны БРИКС акцентировали значимость кооперации для выполнения целей ООН «в области устойчивого развития на период до 2030 года»⁶. Одной из значимых актуальных инициатив также стало введение в действие Платформы экологически чистых технологий. Эта платформа представляет собой универсальную площадку, на которой страны БРИКС могут развивать собственные инициативы, принимая во внимание национальную специфику в сфере экологии и экономики⁷. Таким образом, каждая страна становится не только инициатором, но и «движущей силой» по выбранному направлению. К настоящему времени на платформе представлены две инициативы: «Партнерство экологически устойчивых городов» и «Чистые реки БРИКС»⁸. Окончательный запуск платформы запланирован на 2024 г.⁹

Между тем углеродоемкость экономик стран — членов БРИКС и их более долгосрочные по сравнению с развитыми государствами планы по сокращению выбросов и приближению к углеродной нейтральности ставят страны в более уязвимое положение в соответствии со шкалами международных оценок и ESG-рейтингов. Данный факт зачастую объясняется используемыми методологиями, которые не в полной мере учитывают специфику экономического развития развивающихся стран. Возможности БРИКС по развитию экономического потенциала на фоне энергетического перехода таким образом ограничиваются, способствуя увеличению пропасти между развивающимися и развитыми государствами. В этой связи государствам БРИКС требуется разработка общих подходов к проведению климатической политики и достижению целей устойчивого развития, учитывающих специфику развивающихся экономик [7]. Члены БРИКС готовы принимать необходимые меры и в то же время способствовать реализации соответствующих международных инициатив: страны объединения обладают значительным коопера-

¹ Новый банк развития БРИКС: итоги первого года работы [Электронный ресурс] // Панорама БРИКС. Национальный комитет по исследованию БРИКС, Россия. 2016. URL: <https://nkibrics.ru/posts/show/57fb51db6272692c3d0b0000> (дата обращения: 03.07.2024); Форталезская декларация (принята по итогам шестого саммита БРИКС), г. Форталеза, Бразилия, 15.06.2014 [Электронный ресурс] // Президент России (сайт). URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d4f1dd6741763252a8.pdf> (дата обращения: 01.07.2024).

² Новый банк развития БРИКС: итоги первого года работы [Электронный ресурс] // Панорама БРИКС. Национальный комитет по исследованию БРИКС, Россия. 2016. URL: <https://nkibrics.ru/posts/show/57fb51db6272692c3d0b0000> (дата обращения: 03.07.2024).

³ Государственный доклад о состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации [Электронный ресурс] // Министерство природных ресурсов и экологии РФ. 2022. URL: https://www.mnr.gov.ru/docs/gosudarstvennyy_doklady/gosudarstvennyy_doklad_o_sostoyanii_i_ob_okhrane_okruzhayushchey_sredy_rossiyskoy_federatsii_v_2022/ (дата обращения: 11.07.2024); Изменение климата, 2021 год: Физическая научная основа [Электронный ресурс] // МГЭИК. 2021. URL: https://ecolomist.kz/izmenenie_klimata_2021/ (дата обращения: 12.07.2024).

⁴ Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в сфере охраны окружающей среды, Йоханнесбург, 26.07.2018 [Электронный ресурс] // Минприроды РФ. URL: https://www.mnr.gov.ru/press/news/rossiya_i_yuar_podpisali_mezhpravitelstvennyy_memorandum_o_sotrudnichestve_v_oblasti_vodnykh_resurso/ (дата обращения: 11.07.2024).

⁵ Summary for policymakers, in Climate Change 2022: Impacts, Adaptation and Vulnerability, Contribution of Working Group II to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change // IPCC. 2022. URL: <https://www.ipcc.ch/report/ar6/wg2/chapter/summary-for-policymakers/> (дата обращения: 11.07.2024).

⁶ Йоханнесбургская декларация-II. БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности. Сэндтон, Гаутенг, ЮАР, 23.08.2023. [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел РФ. 2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1901504/ (дата обращения: 11.07.2024).

⁷ Министры окружающей среды стран БРИКС обсудили новые проекты в сфере экологии и приняли итоговое заявление [Электронный ресурс] // Пресс-центр Министерства природных ресурсов и экологии РФ. 28.06.2024. URL: https://www.mnr.gov.ru/press/news/ministry_okruzhayushchey_sredy_stran_briks_obsudili_novye_proekty_v_sfere_ekologii_i_prinyali_itogovoye_zayavleniye (дата обращения: 11.07.2024).

⁸ Там же.

⁹ Минприроды: платформа чистых технологий стран БРИКС полноценно заработает в 2024 году [Электронный ресурс] // ТАСС. 14.09.2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18750823> (дата обращения: 01.07.2024).

тивным потенциалом для совместных действий как по обеспечению справедливого перехода к низкоуглеродной энергетике, так и к достижению глобальных целей устойчивого развития [7].

Целью исследования является выделение приоритетных направлений, на которых необходимо сосредоточиться странам — членам БРИКС для обеспечения справедливого и экономически эффективного перехода к низкоуглеродному развитию на мировом уровне. При этом, согласно гипотезе настоящей работы, повестка устойчивого развития БРИКС способна инициировать процессы справедливого энергоперехода в глобальном масштабе. При проведении исследования автор придерживается системного подхода.

Исследование проведено с использованием метода системного анализа широкого круга академических и эмпирических источников. В качестве эмпирической базы исследования выступают отчеты, прогнозы и официальные документы БРИКС, различных международных организаций, национальных ведомств и экспертных объединений, национальные и международные программные документы, статистические данные.

В ходе исследования были выявлены следующие приоритетные направления, на которых странам — членам БРИКС необходимо сосредоточиться для обеспечения справедливого перехода к низкоуглеродному развитию в глобальном масштабе: устранение дискриминационных мер в рамках многосторонней торговли, обеспечение продовольственной безопасности и экономического роста, создание условий для недискриминационного доступа к технологиям, сотрудничество в сфере экологии и климата, развитие кадрового потенциала топливно-энергетического комплекса (далее — ТЭК).

Устранение дискриминационных мер в рамках многосторонней торговли

Одним из наиболее важных препятствий для достижения установленных ООН Целей устойчивого развития¹ является существующая фрагментация многосторонней системы торговли, вызванная введением «зеленых» протекционистских мер. Подобные меры сдерживают более оперативное и экономически эффективное распространение низкоэмиссионных производств, ограничивая доступ к прогрессивным технологиям и способствуя разворачиванию «гонки субсидий».

В стратегии экономического партнерства БРИКС до 2025 г. страны объединения приняли на себя обязательство развивать многостороннюю международную систему торговли на основе принципов ВТО, а также противодействовать протекционистским односторонним мерам, которые усиливают состояние мировой экономической нестабильности². В Пекинской декларации 2022 г. они подчеркнули свое категорическое несогласие с введением «зеленых» торговых барьеров³ и выразили готовность работать вместе над решением этих вопросов⁴. Таким образом, действия в области предотвращения дальнейших климатических трансформаций и падение биологического разнообразия не могут быть несовместимыми с принципами ВТО и представлять собой необоснованные и произвольные дискриминационные механизмы или же замаскированные барьеры для торговли на мировом уровне⁵. Также недопустимо введение чрезмерных барьеров для многостороннего товарообращения⁶. Наконец, в Йоханнесбургской декларации подчеркивается недопустимость дискриминационных мер, идущих вразрез с идеями ВТО, которые могут стать причиной мировых торговых диспропорций, способствовать появлению новых торговых ограничений и преград, а также переносить ответственность за глобальные климатические проблемы и необходимость их разрешения исключительно на развивающиеся страны и государства БРИКС⁷.

¹ Sustainable Development Goals [Электронный ресурс] // UNDP. URL: <https://www.undp.org/sustainable-development-goals> (дата обращения: 11.07.2024).

² Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 г. [Электронный ресурс] // BRICS Russia 2020. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/636aa3edbc0dcc2356ebb6f8d594ccb0/1148133.pdf> (дата обращения: 11.07.2024).

³ Пекинская декларация XIV саммита БРИКС, 23.06.2022 [Электронный ресурс] // Президент России. 2023. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5819> (дата обращения: 03.07.2024).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Йоханнесбургская декларация-II. БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности. Сэндтон, Гаутенг, ЮАР, 23.08.2023 [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел РФ. 2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1901504/ (дата обращения: 11.07.2024).

Лидерам государств — членов БРИКС необходимо и дальше продолжать выступать против односторонних протекционистских мер, препятствующих свободной многосторонней торговле, а также против выделения субсидий, сдерживающих развитие рынка под видом проведения экологической и климатической политики и нарушающих свободную конкуренцию и доступ к международным рынкам. Политика по снижению климатических изменений должна проводиться в соответствии с гарантиями и нормами ВТО, а не превращаться в дискриминационные меры скрытого ограничения многосторонней торговли. Государствам — членам БРИКС следует способствовать укреплению стабильных (и ответственных) цепочек поставок¹. Упрощение процедур торговли [4] экологическими товарами и услугами представляется необходимым для развития низкоэмиссионных технологий и достижения целей устойчивого развития в области климата. Целесообразной инициативой государств — членов БРИКС в этой связи выглядит возобновление переговоров в рамках ВТО по соответствующему соглашению.

Наконец, странам объединения стоит продолжать содействовать аспектам цифровизации как средству для максимально быстрого и оптимизированного с учетом климатических особенностей упрощения торговых операций² и прохождения таможенного оформления, поскольку, помимо снижения издержек, цифровизация по большому счету также способствует снижению углеродных выбросов и сохранению лесных площадей.

Обеспечение экономического роста и продовольственной безопасности

Одна треть производства мировой продовольственной продукции приходится на страны БРИКС³, активно содействующие усилению сельскохозяйственного сотрудничества и устойчивости развития данной сферы, а также повышению уровня продовольственной безопасности как государств — членов объединения, так и международного сообщества в целом⁴. В соответствии со Стратегией БРИКС по сотрудничеству в области производственной безопасности модели сотрудничества стран объединения должны включать, помимо прочего, содействие обмену знаниями, опытом, информацией и персоналом в сфере проведения сельскохозяйственной политики, а также должному обучению кадров и развитию потенциала всей отрасли [1].

Справедливый энергопереход не может угрожать продовольственной безопасности стран-членов, а также их устойчивому экономическому развитию. Одним из важнейших приоритетов должно выступать повышение уровня качества пищи и расширение доступа к ней всех групп населения стран объединения, в особенности жителей сельских районов и наиболее уязвимых слоев, а также обеспечение безопасности продовольствия в целом⁵. При осуществлении энергоперехода необходимо принимать во внимание технологические возможности и социально-экономические потребности государств, в особенности наименее развитых и развивающихся. Страны объединения, к примеру, подчеркивают важность специального механизма по защите развивающихся государств в этой области⁶.

БРИКС способствует устойчивому росту мирового экономического сектора за счет освоения инновационных и экологически чистых технологий и препятствует внедрению ограничительных механизмов, выступающих в качестве преграды для развития таких технологий [6, с. 64]. Страны объединения настаивают на важности движения к прогрессивной и справедливой торговой системе в сфере сельского хозяйства,

¹ Министры торговли и экономики стран БРИКС намерены укреплять многостороннюю торговую систему [Электронный ресурс] // Национальный Комитет по исследованию БРИКС, Россия. 08.08.2023. URL: <https://nkibrics.ru/posts/show/64d486f262726903e8400000> (дата обращения: 09.07.2024).

² Координация и цифровизация как средство ускоренного и климатически оптимизированного упрощения процедур торговли [Электронный ресурс] // Конференция ООН по торговле и развитию. 08.05.2023. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/cimem7d29_ru.pdf (дата обращения: 08.07.2024).

³ Йоханнесбургская декларация-II. БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности. Сэндтон, Гаутенг, ЮАР, 23.08.2023 [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел РФ. 2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1901504/ (дата обращения: 11.07.2024).

⁴ Там же.

⁵ Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 г. [Электронный ресурс] // BRICS Russia 2020. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/636aa3edbc0dcc2356ebb6f8d594ccb0/1148133.pdf> (дата обращения: 11.07.2024).

⁶ Йоханнесбургская декларация-II. БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности. Сэндтон, Гаутенг, ЮАР, 23.08.2023 [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел РФ. 2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1901504/ (дата обращения: 11.07.2024).

которая должна опираться на рыночные механизмы. Устранение голода, повышение качества питания, стимулирование устойчивости методов, используемых в сельскохозяйственной сфере, а также обеспечение безопасности продовольственной системы являются приоритетными направлениями в развитии политики объединения¹. Также стратегически важно обеспечение устойчивости доступа к средствам производства в сфере сельского хозяйства².

Между тем недопустимо введение скрытых торговых ограничений под предлогом охраны окружающей среды, последствий изменений климата. В соответствии с Планом действий по сельскохозяйственному сотрудничеству стран БРИКС на 2021–2024 гг. обеспечение адаптации к климатическим трансформациям должно происходить за счет обеспечения устойчивости систем сельского хозяйства и продовольствия посредством устойчивого освоения природных ресурсов³.

Создание условий для недискриминационного доступа к технологиям

Ключевое значение для реализации поставленных экологических и климатических показателей имеет недискриминационный доступ к существующим технологиям, в настоящий момент характеризующийся значительным разрывом между развитыми и развивающимися государствами. Так, к примеру, в Йоханнесбургской декларации страны БРИКС призывают развитые страны обеспечить необходимый технологический доступ и возможности передачи технологий⁴.

Одним из ключевых механизмов справедливого энергоперехода также является принцип «технологической нейтральности»⁵. Так, исключение преград на пути передачи технологий, мягкий переход от ископаемых видов топлива и уделение должного внимания рискам, присущим данному процессу⁶, должны быть приняты во внимание всеми государствами. Государства — члены БРИКС, в свою очередь, осознают обязательства по обеспечению экологической безопасности и эффективности применения ископаемого топлива⁷. Так, для достижения климатических целей должны применяться все доступные технологии, следует избегать односторонних ограничений, а также неоправданных и произвольных дискриминационных мер в сфере использования топливно-энергетических ресурсов.

Необходимо углубление кооперации в создании инновационных и высокотехнологичных механизмов защиты экологической сферы и сдерживания климатических трансформаций. Это возможно, к примеру, посредством применения Платформы энергетических исследований БРИКС, направленной на развитие сотрудничества, многостороннего диалога, укрепление энергобезопасности и повышение значимости БРИКС в мировой энергоповестке⁸.

Кроме того, важно способствовать развитию добровольного технологического обмена в условиях благоприятной деловой среды. Так, успешным направлением в этой области может стать работа над созданием общей технологической платформы объединения.

¹ Йоханнесбургская декларация-II. БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности. Сэндтон, Гаутенг, ЮАР, 23.08.2023 [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел РФ. 2023. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/1901504/ (дата обращения: 11.07.2024).

² Там же.

³ Action Plan 2021-2024 for Agricultural Cooperation of BRICS Countries [Электронный ресурс] // BRICS India. 2021. URL: <https://brics2021.gov.in/brics/public/uploads/docpdf/getdocu-34.pdf> (дата обращения: 08.07.2024).

⁴ Йоханнесбургская декларация-II. БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности. Сэндтон, Гаутенг, ЮАР, 23.08.2023 [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел РФ. 2023. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/1901504/ (дата обращения: 11.07.2024).

⁵ Там же.

⁶ Алексей Кулапин: анализ путей справедливого энергоперехода в рамках Энергоплатформы БРИКС планируется провести в 2024 году [Электронный ресурс] // Минэнерго РФ. 2023. URL: <https://rosenergo.gov.ru/press-center/news/aleksey-kulapin-analiz-putey-spravedlivogo-energoperekhoda-v-ramkakh-energoplatformy-briks-planiruet/> (дата обращения: 08.07.2024).

⁷ Все члены ВТО должны противостоять односторонним и протекционистским мерам — заявление лидеров стран БРИКС [Электронный ресурс] // Финмаркет. 2018. URL: <http://www.finmarket.ru/news/4899982> (дата обращения: 11.07.2024).

⁸ Платформа энергетических исследований БРИКС [Электронный ресурс] // Министерство энергетики РФ. URL: <https://minenergo.gov.ru/activity/international-cooperation/cooperation/cooperation-within-the-framework-of-brics/brics-energy-research-platform> (дата обращения: 05.07.2024); Страны БРИКС планируют создать общую платформу для климатических исследований [Электронный ресурс] // Экология производства. 2024. URL: <https://news.ecoindustry.ru/2024/07/strany-briks-planiruyut-sozdat-obshchuyu-platformu-dlya-klimaticheskikh-issledovaniy/> (дата обращения: 09.07.2024).

Сотрудничество в сфере экологии и климата

Проведение эффективной климатической политики и расширение сотрудничества и обмена опытом в данной области должны значительно способствовать экономической конкурентоспособности и технологической модернизации стран БРИКС: стремление к «развитию более чистых, доступных и устойчивых энергосистем», содействие обеспечению доступа к энергетическим источникам, повышению энергоэффективности применяемых технологий и их имплементации во все экономические сферы¹ подчеркивалось еще на саммите БРИКС в 2010 г. Такие цели отражались в повестке объединения и в ходе дальнейших собраний [8, с. 108]. Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 г. также содержит вышеупомянутые обязательства в области энергосбережения и энергоэффективности².

Государства БРИКС подчеркивают важность эффективного освоения всех энергетических источников, в том числе традиционных, при этом особо выделяя водород, применение которого играет решающую роль в процессе трансформации энергетических систем³.

Экологическая кооперация, разработка справедливых, ясных, эффективных и транспарентных правил и стандартов в области расчета и оценки объема выбросов⁴ выходят на первый план в деятельности объединения. Важное значение имеют проекты на Платформе сотрудничества в области энергетических исследований БРИКС⁵, призванные стимулировать устойчивое развитие энергетики путем усиления кооперации стран-членов, развития инновационных технологий и расширения мирового охвата устойчивых и доступных энергоносителей, отвечающих потребностям времени [8, с. 109].

В приоритетные кооперационные направления в области климатической и экологической политики входит установление правовых рамок и механизмов государственного регулирования, призванных уменьшить соответствующее негативное антропогенное влияние. К примеру, в 2018 г. в БРИКС был принят Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в сфере охраны окружающей среды⁶. Странам объединения целесообразно продолжать обмен опытом в разработке соответствующего регулирования, в том числе в сфере «зеленых» стандартов. При этом подобные меры должны иметь научное подкрепление и обоснование и не создавать произвольных препятствий для осуществления свободной многосторонней торговли на международной арене. Государствам БРИКС также стоит поощрять и расширять сотрудничество между национальными органами стандартизации и аккредитации⁷ в сфере подготовки, принятия и имплементации «зеленых» стандартов. Уполномоченным государственным органам стран БРИКС также целесообразно взаимодействовать в сфере «технического регулирования, стандартизации, метрологии, оценки соответствия и аккредитации»⁸ в рамках работы международных организаций.

Между тем государства — члены БРИКС солидарны в том, что противодействие изменению климата на глобальном уровне и устойчивое решение вызовов экологической сферы возможны только в рамках универсального мирового режима. Повышенное внимание государства уделяют соответствию

¹ Совместное заявление глав государств и правительств стран — участниц Второго саммита БРИК, 15.04.2010 [Электронный ресурс] // Президентская библиотека. URL: <https://www.prlib.ru/item/1510233> (дата обращения: 06.07.2024).

² Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 г. [Электронный ресурс] // BRICS Russia 2020. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/636aa3edbc0dccc2356ebb6f8d594ccb0/1148133.pdf> (дата обращения: 11.07.2024).

³ Йоханнесбургская декларация-II. БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности. Сэндтон, Гаутенг, ЮАР, 23.08.2023 [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел РФ. 2023. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/1901504/ (дата обращения: 11.07.2024).

⁴ Йоханнесбургская декларация-II. БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности. Сэндтон, Гаутенг, ЮАР, 23.08.2023 [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел РФ. 2023. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/1901504/ (дата обращения: 11.07.2024).

⁵ Там же.

⁶ Страны БРИКС подписали Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в сфере охраны окружающей среды [Электронный ресурс] // Пресс-центр Министерства природных ресурсов и экологии РФ. 27.07.2018. URL: https://www.mnr.gov.ru/press/news/strany_briks_podpisali_memorandum_o_vzaimoponimanii_po_sotrudnichestvu_v_sfere_okhrany_okruzhayushch/ (дата обращения: 10.07.2024).

⁷ Национальные органы по стандартизации стран БРИКС расширяют сотрудничество [Электронный ресурс] // Росстандарт. 29.11.2023. URL: https://www.rst.gov.ru/portal/gost/home/presscenter/news?portal:isSecure=true&navigationalstate=JBPNR_r00ABXczAAZy3Rpb24AAAAABAA52aW5nbGV0ZDZVmlldwACaWQAAAAABAAQ5MjEyAAAdX0VPRl9f&portal:componentId=88beae40-0e16-414c-b176-d0ab5de82e16 (дата обращения: 02.07.2024).

⁸ Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 г. [Электронный ресурс] // BRICS Russia 2020. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/636aa3edbc0dccc2356ebb6f8d594ccb0/1148133.pdf> (дата обращения: 11.07.2024).

принципам Рамочной конвенции ООН об изменении климата. Максимально возможное сотрудничество всех государств в должном и наиболее эффективном глобальном реагировании на проблемы изменения климата должно происходить в соответствии с принципом «общей, но дифференцированной ответственности»¹, а также принимая во внимание социально-экономическое положение государств и их практические возможности². Так, страны БРИКС учитывают обязательства и приоритетные направления на национальном уровне³, климатическую, природную и социально-экономическую специфику развития государств для наиболее эффективного и справедливого перехода к низкоуглеродному развитию в глобальном масштабе.

Развитие кадрового потенциала ТЭК

Развитие кадровой политики в ТЭК является важной составляющей для эффективной адаптации к вызовам перехода к низкоуглеродному производству [2; 3]. Эксперты подчеркивают тесную связь фундаментальной трансформации системы труда и перехода к инновационному технологическому укладу [9]. Наблюдаются такие тренды, как, к примеру, изменения в структуре труда и нехватка квалифицированных кадров для новых энергетических отраслей и направлений ТЭК [3].

Среди основных рекомендаций по развитию кадровой политики, также применимых в ТЭК стран БРИКС, можно выделить необходимость совместного проведения мониторинга и прогнозирования трудового рынка, разработки и обновления профессиональной системы стандартов и квалификаций⁴; актуализации образовательных программ среднего профессионального, высшего и дополнительного профессионального образования, корпоративного обучения⁵ [5], а также активизации участия работодателей в разработке и реализации таких программ⁶ [2]; усовершенствование механизмов независимого оценивания квалификаций и профессиональной и общественной аккредитации программ обучения⁷; проведение профессиональной ориентации⁸; участие советов по профессиональным квалификациям в разработке и практической имплементации отраслевых документов по развитию кадрового потенциала⁹, а также формирование специальных рабочих групп с целью разработки подобных документов в ТЭК.

Заключение

Страны — члены БРИКС обладают значительным кооперационным потенциалом для обеспечения справедливого перехода к низкоуглеродному развитию. Основными приоритетными аспектами, на которых государствам объединения необходимо сосредоточиться в ходе совершенствования механизмов справедливого перехода, являются: устранение дискриминационных мер в рамках многосторонней торговли, обеспечение продовольственной безопасности и экономического роста, создание условий для

¹ Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата. 09.05.1992 [Электронный ресурс] // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml (дата обращения: 07.07.2024).

² Там же.

³ Йоханнесбургская декларация-II. БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности. Сэндтон, Гаутенг, ЮАР, 23.08.2023 [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел РФ. 2023. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/1901504/ (дата обращения: 11.07.2024).

⁴ Методические рекомендации по разработке отраслевых рамок квалификаций, пакетной разработке профессиональных стандартов, квалификаций и спецификаций оценочных средств [Электронный ресурс] // ПМК. URL: <https://rk-nark.ru/docs/?section=16293> (дата обращения: 10.07.2024).

⁵ Методические рекомендации по применению сетевых форм реализации образовательных программ [Электронный ресурс] // АНО. URL: <https://uovp.ru/data/documents/Metodicheskie-rekomendacii-po-primeneniyu-setevykh-form-realizacii-obrazovatelnykh-programm.pdf> (дата обращения: 12.07.2024).

⁶ База данных лучших практик [Электронный ресурс] // НАРК. URL: <https://bc-nark.ru/best/contest/> (дата обращения: 10.07.2024).

⁷ Методические рекомендации по реализации независимой оценки квалификации в системе высшего образования [Электронный ресурс] // Гарант.ру URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407030298/> (дата обращения: 08.07.2024).

⁸ Региональные практики [Электронный ресурс] // Национальное агентство развития квалификаций. URL: https://nark.ru/regional_practices (дата обращения: 07.07.2024).

⁹ Советы по профессиональным квалификациям [Электронный ресурс] // Реестр НОК. URL: <https://nok-nark.ru/spk/list/> (дата обращения: 08.07.2024).

недискриминационного доступа к технологиям, сотрудничество в сфере экологии и климата, развитие кадрового потенциала ТЭК. В ходе исследования было обнаружено, что повестка устойчивого развития БРИКС способна инициировать процессы энергоперехода в глобальном масштабе, содействуя выполнению целей устойчивого развития ООН, что подтверждает рабочую гипотезу настоящего исследования.

Литература

1. Бондаренко Л. В., Маслова О. В., Белкина А. В., Сухарева К. В. Глобальное изменение климата и его последствия // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. 2018. № 2 (98). С. 84–93. EDN: YWMJMQ
2. Жданеев О. В., Серегина А. А. Векторы технологической кооперации БРИКС в топливно-энергетическом комплексе (Часть 1) // Международный технико-экономический журнал. 2021. № 1. С. 7–17. EDN: IPJJJM. DOI: 10.34286/1995-4646-2021-76-1-7-17
3. Жданеев О. В., Серегина А. А. Кадровое обеспечение топливно-энергетического комплекса Российской Федерации в условиях энергоперехода : монография. М. : Инфра-М, 2022. 269 с. ISBN: 978-5-16-017657-4. EDN: UNKXGA. DOI: 10.12737/1865411
4. Игнатов А., Ларионова М., Попова И. [и др.] Глава 22. Россия в «Группе двадцати» и БРИКС // Экономическая политика России. Турбулентное десятилетие 2008–2018 : монография. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. 760 с. ISBN: 978-5-85006-204-0. EDN: FPRUHO
5. Казакова И. С., Миньяр-Белоручева Е. Ю., Емельяненко М. С., Герасименко С. В. Методические рекомендации по организации проектного обучения в образовательных организациях среднего профессионального образования. М. : Институт развития профессионального образования, 2022. 90 с. ISBN: 978-5-6048311-1-3
6. Ковалев Ю. Ю., Поршнева О. С. Страны БРИКС в международной климатической политике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 64–78. EDN: YUJIDQ. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-64-78
7. Макаров И. БРИКС и формирование новой климатической повестки [Электронный ресурс] // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 22.04.2020. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/briks-i-formirovanie-novoy-klimaticheskoy-povestki/> (дата обращения: 09.07.2024).
8. Сахаров А. Г. Прогресс стран БРИКС в достижении климатических и экологических целей Повестки 2030 // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2024. Т. 19. № 1. С. 106–128. EDN: ZQBRHB. DOI: 10.17323/1996-7845-2024-01-05
9. Щедровицкий П. Г. Вызовы III промышленной революции инженерному вузу : лекция в РГУ нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина. 25.05.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://gubkin.ru/general/structure/cic/orp/Shablon/Shchedrovitsky%20P.%20G.%20Lecture%2030.05.2016.pdf> (дата обращения: 07.07.2024).

Об авторе:

Серегина Антонина Александровна, доцент кафедры Мировой экономики Дипломатической академии МИД России (Москва, Российская Федерация), кандидат политических наук, доцент;
e-mail: a.seregina@dipacademy.ru; ORCID: 0000-0002-2090-4061

References

1. Bondarenko L. V., Maslova O. V., Belkina A. V., Sukhareva K. V. Global Climate Changing and its After-effects // Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics [Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova]. 2018. No. 2 (98). P. 84–93. (In Russ.) EDN: YWMJMQ
2. Zhdaneev O. V., Seregina A. A. Vectors of BRICS Technological Cooperation in the Fuel and Energy Complex (Part 1) // The International Technical-Economic Journal [Mezhdunarodnyi tekhniko-ekonomicheskii zhurnal]. 2021. No. 1. P. 7–17. (In Russ.) EDN: IPJJJM. DOI: 10.34286/1995-4646-2021-76-1-7-17

3. *Zhdaneev O. V., Seregina A. A.* Personnel Support of the Fuel and Energy Complex of the Russian Federation in the Conditions of the Energy Transition. Moscow : Infra-M, 2022. 269 p. ISBN: 978-5-16-017657-4. (In Russ.) EDN: UNKXGA. DOI: 10.12737/1865411
4. *Ignatov A., Larionova M., Popova I.* [et al.] Chapter 22. Russia in the G20 and BRICS // Economic Policy of Russia. Turbulent decade 2008–2018 : monograph. Moscow : Publishing house “Delo” RANEPa, 2020. 760 p. ISBN: 978-5-85006-204-0. (In Russ.) EDN: FPRUHO
5. *Kazakova I., Minyar-Beloruicheva E., Emelianenko M., Gerasimenko S.* Methodological Recommendations for the Organization of Project Training in Educational Institutions of Secondary Vocational Education. Moscow : Institute for the Development of Vocational Education, 2022. 90 p. ISBN: 978-5-6048311-1-3 (In Russ.)
6. *Kovalev Yu. Yu., Porshneva O. S.* BRICS Countries in International Climate Policy // Vestnik RUDN. International Relations [Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya]. 2021. Vol. 21. No. 1. P. 64–78. (In Russ.) EDN: YUJIDQ. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-64-78
7. *Makarov I.* BRICS and the Formation of a New Climate Agenda [Electronic resource] // Valdai International Discussion Club. 22.04.2020. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/briks-i-formirovanie-novoy-klimaticheskoy-povestki/> (accessed: 09.07.2024). (In Russ.)
8. *Sakharov A. G.* BRICS Countries’ Progress in Achieving the Climate and Environmental Goals of Agenda 2030 // International Organisations Research Journal [Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika]. 2024. Vol. 19. No. 1. P. 106-128. (In Russ.) EDN: ZQBRHB. DOI: 10.17323/1996-7845-2024-01-05
9. *Shchedrovitsky P. G.* Challenges of the III Industrial Revolution to an Engineering University // Lecture at Gubkin University 25.05.2016 [Electronic Resource]. URL: <https://gubkin.ru/general/structure/cic/orp/Shablon/Shchedrovitsky%20P.%20G.%20Lecture%2030.05.2016.pdf> (accessed: 07.07.2024).

About the author:

Antonina A. Seregina, Associate Professor, World Economy Department, Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs (Moscow, Russian Federation), PhD in Political Sciences;
e-mail: a.seregina@dipacademy.ru; ORCID: 0000-0002-2090-4061

Основные этапы деятельности Ассоциации «Аналитика» и Евразийского информационно-аналитического консорциума (2014–2024)

Непременным условием совершенствования государственного управления становится обращение к методикам экспертно-аналитической деятельности, направленной на решение комплексных задач стратегического уровня. Соответственно, повысились требования к профессиональному уровню аналитиков, к их подготовленности в сжатые сроки обеспечивать управленцев надежными выводами, своевременными плодотворными предложениями практического характера. Социализация аналитической деятельности нашла свое выражение в первую очередь в проведении научно-практических конференций, нацеленных преимущественно на решение аналитических задач. Первая из них, «Аналитика развития и безопасности страны: реалии и перспективы», состоялась в декабре 2013 г.¹, одним из итогов работы которой стало образование Ассоциации «Аналитика», получившей государственную регистрацию 7 октября 2014 г.

В преддверии состоявшейся в ноябре 2017 г. IV конференции «Аналитика развития, безопасности и сотрудничества: Большая Евразия-2030» был подготовлен научный доклад «Большая Евразия-2030: аналитика развития, безопасности и сотрудничества», в котором выносились на обсуждение сценарии будущего Евразии, проблемы цифровой экономики как платформы интеграции, а также гуманитарные и идеологические основы укрепления ЕАЭС, интеграционный рынок капитала, аналитика безопасности, участие молодежи в евразийской интеграции и др.² Важным решением IV Международной научно-практической конференции аналитиков явилось решение о создании международной площадки аналитического сотрудничества — «Евразийского информационно-аналитического консорциума» (ЕИАК), организаторами которого выступили Ассоциация «Аналитика», Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации и Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук. На состоявшемся 17 апреля 2018 г. Учредительном собрании участников ЕИАК был принят Меморандум о сотрудничестве, который подписали представители 56 ведущих научных организаций, учебных заведений, государственных и негосударственных аналитических центров, в т. ч. 21 организация из стран ближнего зарубежья.

А до этого времени состоялась традиционная V Всероссийская научно-практическая конференция аналитиков (14–15 ноября 2018 г.) с международным участием по теме, ядро которой представляло интерес для всех участников Консорциума: «Аналитика безопасности и развития России: культура, инфраструктура и интеллектуальные технологии государственного управления»³.

В направленном в адрес руководства аппарата Совета Безопасности Российской Федерации отчете о работе конференции особо было указано на низкую эффективность применяемых отечественных аналитических технологий, направленных на осуществление задач комплексного стратегического анализа, и на отсутствие соответствующих институциональных традиций и практик как среди государственных заказчиков, так и в негосударственном секторе аналитического сообщества. Вместе с тем было рекомендовано формировать комплексный межведомственный и междисциплинарный подход к совершенствованию государственного управления в части разработки и принятия важнейших социально-эконо-

¹ Материалы Первой Всероссийской конференции «Аналитика развития и безопасности страны: реалии и перспективы» / под ред. О. И. Бочкарева. Общественная палата Российской Федерации. М. : Агентство печати «Столица», 2014. 591 с.

² Большая Евразия — 2030: аналитика развития, безопасности и сотрудничества. М. : Ассоциация «Аналитика», ИНЭС, 2017. 94 с.

³ Материалы Первой Всероссийской конференции «Аналитика развития и безопасности страны: реалии и перспективы» / Общественная палата Российской Федерации. М. : Агентство печати «Столица», 2014.

мических решений на основе повышения статуса экспертно-аналитической деятельности, а также разработки профессионального стандарта и федерального государственного образовательного стандарта «Специалист-аналитик»¹. Необходимость принятия решительных действий по повышению статуса отечественных аналитических служб подтверждается данными опубликованного Атласа российских «фабрик мысли». В нем был представлен перечень 153 (по версии авторов Атласа) российских аналитических центров, выполняющих функции «фабрик мысли» (для сравнения: США — 1872 центра, Китай — 512, Великобритания — 444, Индия — 293)².

В ходе пленарного заседания НПКА-2022 сотрудниками одного из его организаторов (ИДИ ФНИСЦ) был проведен опрос экспертов, принявших в нем участие. По данным опроса, основной корпус участников (31,5%) был представлен экономистами. Наиболее многочисленными группами были группы ученых из исследовательских институтов и вузов. Но также были представлены сотрудники органов исполнительной власти, федеральных и местных законодательных органов, общественных объединений, экспертных и коммерческих организаций. Наиболее изучаемыми по тематике конференции стали проблемы стратегического планирования (40,8%), различных аспектов евразийской интеграции и культурно-цивилизационного измерения (39,5%), пространственного развития (36,8%), разработки российской модели мироустройства (32,9%). Главными препятствиями, с которыми сталкиваются эксперты, участники опроса назвали: отсутствие единого координационного центра (46,1%), недостаток финансирования исследований (38%), невостребованность результатов исследований органами власти и ЕЭК (35,5%), разрозненность связей между аналитиками разных стран ЕАЭС, ОДКБ, ШОС (35,5%).

Главными мерами, которые могут способствовать повышению качества аналитики, по мнению экспертов, являются: обеспечение доступа к актуальным и достоверным материалам (56,6%); проведение межстрановых сравнительных исследований на основе единого инструментария (42,1%); приближение исследовательской проблематики к потребностям реальной практики (39,5%); проведение междисциплинарных комплексных исследований (36,8%); организационная поддержка исследований правительствами стран — членов ЕАЭС, ОДКБ, ШОС (30,3%); финансовое стимулирование исследований (30,3%). По итогам обсуждения выступлений на аналитической сессии «Аналитика внутреннего потенциала России для целей развития и безопасности» НПКА-2022 была опубликована коллективная монография³.

Рекомендации МИД России от 30.01.2023 были положены в основу подготовки и проведения комплекса мероприятий III Евразийского аналитического форума (ЕАФ-2023). Форум открылся расширенным заседанием Научно-технического совета при Председателе Коллегии ЕЭК по теме: «Евразийская интеграция в турбулентном мире. Сценарии развития и безопасности» (19.10.2023), в центре которого было обсуждение научного доклада Научного совета РАН по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, модернизации, конкурентоспособности и устойчивому развитию «О возможностях экономического развития ЕАЭС в долгосрочной перспективе»⁴. На итоговом заседании была принята резолюция, в которой намечено проведение ряда аналитических саммитов с широким международным участием («ЕАЭС — 10 лет: взгляд в будущее 2033», «Россия — Монголия», «Россия — Иран — Индия»), а также сформирован новый состав Координационного совета ЕИАК и утверждены в структуре ЕИАК

¹ Общероссийская еженедельная газета «Военно-политический курьер». № 45 (758), 20–26 ноября 2018 г. Здесь и далее — см. архивные материалы переписки Ассоциации «Аналитика» с органами исполнительной власти; Аналитика устойчивого развития и безопасности Большой Евразии. Образ будущего: угрозы, вызовы и риски: II Евразийский аналитический форум : сборник докладов пленарного заседания и аналитической сессии «Информационно-аналитическое обеспечение социально-экономического развития стран Евразийского экономического союза на современном этапе», Минск, 11 ноября 2021 г. Минск : Международный университет «МИТСО», 2022. 388 с. ISBN: 978-985-497-389-0; Кузнецов М. Н. Обзор значимых инструктивно-методологических публикаций по прикладной аналитике: бизнес-аналитика, разведывательная аналитика, военная аналитика, правовая аналитика // Право и государство: теория и практика. 2023. № 4 (220). С. 176–180. DOI: 10.47643/1815-1337_2023_4_176

² Атлас российских «фабрик мысли». М. : Центр изучения кризисного общества, 2018. 48 с.; см. также: Понкин И. В. Понятие «аналитика» // International Journal of Open Information Technologies. 2019. Т. 7. № 10. С. 80–90; Global Go to Think Tank Index Reports [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gotothinktank.com/global-goto-think-tank-index> (дата обращения: 27.08.2024).

³ Стратегическое планирование и национальная безопасность: Теория, методология, практика / под общ. ред. В. В. Иванова, Д. А. Афиногенова. М. : КРАСАНД, 2024. 208 с.

⁴ Глазьев С. Ю., Мутяев Д. А., Такачук С. П. Научный доклад НС РАН по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, модернизации, конкурентоспособности и устойчивому развитию «О возможностях экономического развития ЕАЭС в долгосрочной перспективе». М., 2023. 108 с.

новые тематические направления: «Стратегический анализ международной безопасности на евразийском пространстве» и «Методологическое обеспечение информационно-аналитической деятельности». Принято решение о проведении IV Евразийского аналитического форума в 2025 г. в Бишкеке. В этой связи с решением следует, очевидно, рассматривать и поддержанные форумом задачи по проработке следующих вопросов:

- формирование международной системы распределенных ситуационных центров для информационно-аналитической поддержки принятия управленческих решений;
- разработка модели междисциплинарной и межотраслевой цифровой платформы с применением искусственного интеллекта;
- обоснование предложений по созданию единой многонациональной системы подготовки кадров в области аналитики, экспертизы, управления проектами, единой системы учета квалификаций и компетенций, целевой международной программы подготовки руководящих и управленческих кадров, главных аналитиков для повышения качества управления в наиболее значимых секторах ЕАЭС, включая экспертно-аналитическую деятельность, опираясь на ранее изданные работы¹.

Такой образовательный комплекс, по оценкам организаторов молодежной конференции, дает слушателям перспективное видение этапов процесса наращивания профессионализма в профильной деятельности, знакомит их с базовыми справочниками по общей и прикладной аналитике, позволяет получить представление об алгоритме решения практических задач как на прикладном, так и на фундаментальном, стратегически значимом уровне².

В результате регулярного проведения аналитических форумов и конференций, инициированных Ассоциацией «Аналитика» и ЕИАК, сложился устойчивый круг заинтересованных в них организаций, выступающих в роли организаторов их проведения или партнеров.

В целом с интересом идут на взаимодействие и кооперацию с Оргкомитетом аналитических форумов представители аналитических организаций при главах государств и правительств дружественных стран — членов ЕАЭС, СНГ, в отличие от научно-практических конференций аналитиков России, когда по их результатам Оргкомитеты направляют заинтересованным государственным органам не только отчетные, но и тематические аналитические записки. Организаторам форумов, проводимых странами — членами ЕАЭС, целесообразно занимать в вопросах реализации результатов их проведения более активную позицию.

Принципиальное значение с точки зрения обеспечения роли и места аналитики в управленческой кооперации и формирования в государствах — членах ЕАЭС управленческой культуры, опирающейся на преимущества, которые дает профессиональная аналитика, имеет презентация и продвижение в ходе подготовки и проведения аналитических форумов и конференций словарно-справочной продукции, выпускаемой Ассоциацией «Аналитика» и участниками Евразийского информационно-аналитического консорциума. Это важно, в частности, поскольку, с одной стороны, продвигает аналитическое сообщество по пути использования единого понятийного аппарата, внедрения общих стандартов информационно-аналитической деятельности, согласования критериев оценки качества аналитической продукции; а с другой — мобилизует экспертно-аналитическое сообщество на участие в критическом осмыслении и совершенствовании используемых ныне понятий, в разработке профессиональных и образовательных стандартов, требований к оценке зрелости организации деятельности аналитических центров, к профессиональной подготовке аналитиков и к качеству получаемых в результате аналитической деятельности выводов, прогнозов и предложений³.

¹ Аналитика развития, безопасности и сотрудничества: Большая Евразия — 2030. Сборник материалов IV Международной конференции. 29 ноября 2017 г. М. : Когито-Центр, 2017. 253 с.; Каталог объектов аналитики: формирование профессионального мировоззрения аналитика / под общ. ред. О. С. Анисимова. М. : Угреша Т, 2022. 394 с.

² Осадчая Г. И., Волкова О. А., Максимова С. Г. О сетевом взаимодействии научных и образовательных центров (по материалам Международной научной конференции «Евразийская интеграция в новых условиях: особенности и перспективы») // Society and Security Insights. 2023. Т. 6. № 2. С. 223–231. DOI: 10.14258/SSI(2023)2-15

³ Осадчая Г. И., Вартанова М. Л., Волкова О. А., Юдина Т. Н. О III Евразийском аналитическом форуме «Этнокультурные факторы евразийской интеграции (ЕАФ-2023)» // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4. № 1. С. 163–180. DOI: 10.19181/demis.2024.4.1.11

Важным прологом к намеченному на 2025 г. форуму будет VIII Всероссийская научно-практическая конференция — Форум аналитиков России (ФАР-2024), которая состоится 28–29 ноября с. г. и будет посвящена рассмотрению темы «Проблемы современного мироустройства и меры по созданию новой системы безопасности Большой Евразии»¹.

В рамках ФАР-2024 предусмотрены презентации Московского международного клуба, как международной площадки аналитического рассмотрения фундаментальных исследований глобальных процессов; представление второго выпуска сборника «Лучшие аналитики России — наши современники», монографии «Стратегическое планирование и национальная безопасность. Теория, методология, практика», а также проекта «Профессиональный стандарт “Руководитель аналитического подразделения — главный аналитик”».

В целом есть все основания, чтобы констатировать: накопленный Исполкомом Ассоциации «Аналитика» и Координационным советом ЕИАК опыт подготовки и проведения статусных аналитических мероприятий; формирование корпуса образовательных, академических и общественных организаций и поддержка со стороны государственных органов стран ЕАЭС и профильных международных организаций позволяют из года в год последовательно и неуклонно наращивать общие усилия заинтересованных сторон по содействию развитию аналитического потенциала России и других евразийских государств, консолидации их аналитических сообществ, повышению профессионального уровня специалистов разных сфер деятельности, разработке теории общей и отраслевой аналитики.

Волчков В. Ю.,

к.и.н, старший научный сотрудник,

Трегубова Д. Д.,

к.и.н, старший научный сотрудник

Центр междисциплинарных исследований ИНИОН РАН

¹ Всероссийский молодежный аналитический форум [Электронный ресурс]. URL: <https://foranros.ru/> (дата обращения: 27.08.2024).

Конкурс «Молодой аналитик Евразии» объединяет новое поколение исследователей

Научную кооперацию в рамках международного конкурса «Молодой аналитик Евразии» молодых исследователей стран — членов Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС) следует рассматривать как одно из важных и перспективных направлений деятельности Евразийского информационно-аналитического консорциума и научно-аналитического сообщества ЕАЭС в целом¹. Данную инициативу следует рассматривать как конкретную реализацию Федерального закона от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», в котором прямо указывается на необходимость «содействия международному и межрегиональному сотрудничеству в сфере молодежной политики» (ст. 6, п. 10) и на участие молодежи в «проведении научно-аналитических исследований по вопросам молодежной политики» (ст. 7, п. 3)². С какими же проблемами сегодня сталкивается молодежь в области трансграничного и регионального научного сотрудничества? Перечислим некоторые из них:

- недостаток доступных знаний по вопросам трансграничного и регионального научного сотрудничества для молодежи;
- проблемы, связанные с отсутствием информации и возможностей участия молодежи в разработке политики трансграничного и регионального научного сотрудничества;
- недостаточная активность и мотивация молодежи к участию в трансграничном и региональном научном сотрудничестве;
- проблемы, связанные со старением научных кадров.

Для решения данных проблем, на наш взгляд, необходимо разработать комплекс мер, позиции которого смогут точно покрывать ограничения трансграничного взаимодействия молодых людей в сфере науки. К отдельным элементам, формирующим общий спектр инструментов решения проблем, могут относиться следующие действия и мероприятия:

- поощрение сетевого взаимодействия молодежи с целью регионального и трансграничного научного сотрудничества;
- поддержка ориентированных на молодежь региональных и трансграничных идей и мероприятий, инициирование создания платформы для обмена идеями и открытие диалога между молодежью и экспертами, а также расширение прав и возможностей молодежи для инициирования и осуществления трансграничного, регионального и транснационального научного сотрудничества;
- формирование новых способов распространения информации о совместных региональных и трансграничных научных идеях и проектах;
- повышение осведомленности о том, как отношение и поведение молодежи может приводить к улучшениям по обе стороны двусторонних проектов;
- поощрение открытого регионального и трансграничного мышления и продвижения трансграничных научных ценностей среди молодежи путем использования социальных сетей в качестве эффективного инструмента коммуникации;

¹ Грузина Ю. М. Развитие человеческого капитала в сфере науки и образования как направление реализации государственной политики в области обеспечения безопасности // Современный миропорядок и его влияние на национальную безопасность Российской Федерации. Сборник материалов круглого стола. Москва, 2020. С. 149–159; Грузина Ю. М., Харчилава Х. П. Развитие человеческого капитала в высокотехнологичных и наукоемких отраслях экономики // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. Т. 11. № 6. С. 62–66.

² Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 04.01.2021. № 1 (ч. I), ст. 28.

- продвижение активной гражданской позиции молодежи в приграничных регионах и поощрение молодых людей к активизации и принятию мер для решения региональных и трансграничных проблем;
- содействие участию молодежи в процессе разработки региональной и трансграничной политики стратегического планирования, а также просвещение общества в отношении того, как работать вместе с молодыми людьми в приграничных районах.

В настоящее время многие вузы России обращаются к исторически оправданной практике ликвидации границ для обмена знаниями, учеными и научными данными с вузами стран ЕАЭС. Безусловно, современная практика предполагает разнообразие научно-исследовательской кооперации молодых ученых из России и стран ЕАЭС. В основном взаимодействие на базе образовательных организаций высшего образования осуществляется через академическую мобильность, участие в реализации совместных научно-исследовательских работ, выступления на международных конференциях, международных конкурсах, совместные публикации. При этом основными целями реализации таких направлений деятельности для вузов становятся:

- увеличение исследовательского потенциала университета;
- повышение научной эффективности исследователей;
- привлечение ученых с большим научным потенциалом, имеющих признанные достижения;
- повышение уровня проводимых исследований;
- повышение конкурентоспособности университета как места работы;
- повышение международного статуса вуза и проводимых научных исследований;
- мотивация исследователей к публикациям в престижных отечественных и международных журналах и издательствах, увеличение цитируемости и импакт-фактора публикаций ученых;
- гарантирование повышения доли лучше опубликованных и чаще цитируемых научных работ;
- поиск внешних грантов;
- стимулирование обмена исследователями;
- интенсификация международного сотрудничества и поддержка формирования международных исследовательских коллективов, увеличивающих научный индивидуальный, коллективный и системный потенциал;
- включение молодых ученых университета в международную систему научной коммуникации.

Остановимся более подробно на практике научно-исследовательской кооперации молодых ученых из России и стран ЕАЭС в рамках взаимодействия в международном конкурсе «Молодой аналитик Евразии» (далее — конкурс). Конкурс был учрежден Евразийским информационно-аналитическим консорциумом. Целью конкурса является содействие развитию аналитического потенциала и консолидации сообщества экспертов-аналитиков ЕАЭС путем вовлечения студентов бакалавриата и магистратуры, аспирантов, выпускников высших учебных заведений, молодых преподавателей, научных работников, а также профессиональных аналитиков, экспертов и специалистов аналитических центров в аналитическую деятельность и содействие их дальнейшей самореализации¹.

Основными направлениями конкурса являются:

- Евразийский экономический союз в глобальном мире: политика и дипломатия (дипломатия, политология, журналистика, международное право);
- Перспективы евразийской интеграции в финансово-правовой и социально-экономической сфере (экономика, финансы, хозяйственное право, социология, регионоведение);
- Социогуманитарные аспекты евразийской интеграции (философия, культурология, история, социология, демография, журналистика).

Конкурс проводится с 2020 г. и набрал широкую географию своих участников: Россия, Беларусь, Кыргызстан, Армения, Азербайджан, Казахстан, Китай, Монголия и др.

¹ Положение о международном конкурсе «Молодой аналитик Евразии» [Электронный ресурс]. URL: <https://mk-mae.com>; <https://rudn.ru>; <https://krsu.edu.kg> (дата обращения: 03.09.2024).

На протяжении пяти лет конкурс показал активную роль в мобилизации студентов и молодых ученых на участие в научной и развитии аналитической деятельности в странах ЕАЭС. Ежегодно число участников, направивших свои работы на конкурс, растет (с 221 участника в 2020 г. до 453 — в 2023 г.), появляются новые интересные авторы, исследования и взгляды участников на перспективы евразийской интеграции, увеличивается и география российских вузов-участников, преобразовывается и сам конкурс — с 2022 г. проводится национальный конкурс «Молодой аналитик Кыргызстана». Ежегодно в торжественной обстановке проходит церемония торжественного объявления победителей и призеров конкурса в рамках Аналитического форума с международным участием.

Опыт организации и проведения конкурса позволил выявить основные механизмы взаимодействия участников конкурса:

- сотрудничество двух и более молодых исследователей, работающих в подразделении единой или близкой предметной направленности одной и той же или разных организаций. Степень вовлеченности участников сотрудничества определяется на основе уровня образования, академических достижений, индивидуальных способностей, исследовательского опыта. Данный вид взаимодействия характеризуется наименьшей степенью риска возникновения сложностей, препятствующих эффективной кооперации;
- сотрудничество молодого исследователя и его руководителя;
- междисциплинарное и трансдисциплинарное сотрудничество организуется между исследователями из разных предметных областей знаний, которые совместно работают над созданием новых концептуальных, теоретических и методологических инноваций, выходящих за рамки дисциплинарных подходов для решения общей проблемы.

Таким образом, на наш взгляд, реализация конкурса позволила сформировать наиболее приемлемый вид участия с учетом международной и региональной составляющей — «сотрудничество между исследователями», которое предполагает взаимодействие между исследователями из разных организаций, инициированное самими исследователями. Отличительные особенности данного вида участия:

- отсутствие влияния со стороны организаций, в которых работают исследователи;
- характерно для исследований, требующих сбора и анализа большого объема данных различной направленности;
- четкое распределением задач, прав и ответственности в рамках совместной работы.

Подводя итоги, необходимо отметить, что международное сотрудничество всегда было необходимой компонентой развития вузовской науки, однако только сравнительно недавно стало важной частью миссии, обязательной частью стратегии развития образовательных организаций. Научная деятельность в редких случаях может развиваться в сугубо закрытых системах, исследования и инновации становятся интеграционными, открытыми. Особенно важным в этой связи становится формирование эффективной системы поддержки исследовательской кооперации молодежи с зарубежными вузами и исследователями стран ЕАЭС на институциональном уровне¹:

- мотивация к научным знаниям молодого поколения, не имеющего возможности проходить обучение в вузах, позволит выявить талантливую молодежь и снизить социальную напряженность, повысить занятость на отдельных территориях;
- поощрение культуры наставничества и благотворительности;
- обеспечение открытости и доступности информации о проводимых мероприятиях путем создания единого информационного пространства стран ЕАЭС, обобщающего данные о мероприятиях молодежной политики, в том числе в научной сфере.

Грузина Ю. М.,
к.экон.н., доцент

¹ Gruzina Y. M., Ponomareva M. A., Prihodko L. V., Kharchilava K. P. Creation of Effective Cooperation between Russia Youth and Foreign Higher Institutions in Research and Development Sphere // *European Journal of Contemporary Education*. 2021. Vol. 10. No. 4. P. 924–942. DOI: 10.13187/ejced.2021.4.924; Gruzina Y. M., Kharchilava K. P., Prihodko L. V., Sereda A. V. Cross-Border Youth Interaction: Importance and Experience of the EU // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. Vol. 11. No. 2. P. 373–387. DOI 10.13187/ejced.2022.2.373

2024. Том 18, № 3

**ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА**

Международный научно-аналитический журнал

Выходит 4 раза в год

Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Выпускающий редактор
Е. А. ЛЫСУНЕЦ
lysunets-ea@ranepa.ru

Верстка
А. Л. СЕРГЕЕНОК

Сдано в набор 15.10.2024.

Подписано к печати 31.10.2024.

Формат 84×108 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 12,5. Тираж 100 экз.

Заказ № 3/2024.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-72803 от 25 мая 2018 г.

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-72

«ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА» – профессиональный журнал государственных и политических деятелей, сотрудников научных и образовательных учреждений, аналитиков и экспертов. Публикуются статьи, посвященные состоянию и перспективам развития ЕАЭС и стран Большого Евразийского пространства. Партнером журнала является Евразийская экономическая комиссия.

"EURASIAN INTEGRATION: ECONOMICS, LAW, POLITICS" is a professional journal of state and political figures, employees of scientific and educational institutions, analysts and experts. Articles on the state and prospects for the development of the EAEU and the countries of the Greater Eurasian space are published. The journal's partner is the Eurasian Economic Commission.

《欧亚一体化：经济、法律、政治》是國家和政治人物、科學和教育機構員工、分析師和專家的專業期刊。發表有關歐亞經濟聯盟和大歐亞空間國家的狀況和發展前景的文章。該雜誌的合作夥伴是歐亞經濟委員會。